

МИХАИЛ КИН
ПОЛНОЧЬ

ЦХН

ЦХН
& СИТ
БИБЛИОТ
У ЦЕНТРА
Д. ГОРЬКО
УЛИЦА
100000

Наш с вами современник, вчерашний студент медик в результате несчастного случая попадает в другой мир.

Стартовые возможности — оставляют желать лучшего.

Он всего лишь чернь в мире Костеродных господ, почти нижняя ступенька в пищевой цепочке. И чтобы выжить, ему придется постараться.

Мрачно, жестко и с кровью? Но ведь это средневековье.

Сюжет будет идти не спешно. Уделяется много внимания окружению, акцентам и отношению с второстепенными персонажами. ГГ не нагибатор, и не обладает супер-силой с кучей "роялей" в кустах, и не будет побеждать ленивым движением левой пятки армии врагов.

Глава 1

“Ну давайте, это будет отличное приключение”, тогда я даже не мог представить себе, насколько это были сакральные слова. Слова, заставившие меня испытать все чувства, которые может испытывать человек; и любовь и ненависть, и дружбу и предательство. Слова, заставившие меня пройти тысячи миль, по суше и по морю, неоднократно сражаться за свою жизнь и жизни тех, кто был мне дорог. Голодать и пировать. Избивать, и быть неоднократно избитым до хруста костей. Именно эти казалось, простые слова, положили начало самой крепкой дружбе, заставив меня испытать именно то самое чувство. Чувство, когда находишь родственную душу, душу одну на двоих, которую разделило мирами... И я хочу поделиться с вами своей историей.

Ничего не предвещало неприятностей, мы сидели в офисе тур компании, предвкушая все радости от предстоящего активного отпуска в хорошей компании. Наконец договорившись обо всем, и заплатив за предстоящий отдых, мы с Ренатой в обнимку вышли на улицу.

— Мне кажется, нужно было брать сплав по реке дополнительно, этого нам явно будет мало, не успеем даже насладиться, нахмутив брови и смешно сморщив нос она перебирала бумаги с расписанием и ценами на обговоренные услуги она в сотый раз.

Рената, моя девушка, без башенная и ударенная на всю голову адреналиновая наркоманка. Жить не может без приключений на ее стройный зад. Умеющая просто фантастически водить мотоциклы, и обожающая любой экстрим. Стремящаяся попробовать все на свете. Она меня и подбила на эти полубезумные экскурсии к черту на кулички, сплаваясь с рюкзаком, и риском для жизни, по реке в компании таких же отмороженных любителей экстрима.

Но начну я пожалуй, наше с вами знакомство с самого начала. Родился я в семье потомственных военных. В нашей семье служили все. Главным идеологом, и продолжателем семейной традиции был дед, прослуживший всю жизнь, и ушедший на пенсию только в при развале союза. Моя мама получила от деда его характер, железную дисциплину, и просто непробиваемую упертость. Отслужив несколько лет в армии, она решила пойти по своим путем, не связанным со службой, а пойти учиться на медика. Из-за чего периодически вспыхивали скандалы, заканчивающиеся тем, что они могли не разговаривать месяцами. В конце концов в очередной раз поругавшись, она плюнула и уехала учиться на медика на зло деду. Во время учебы встретила отца, так и появился я. Мой отец был инженером, человеком очень далеким от военного дела. Как и подавляющее большинство, при развале союза, он остался без работы и от безделья начал пить. Мама сначала пыталась его образумить и сохранить то, что было, но в итоге ей это надоело и закончив мед, она уехала с ребенком в столицу, в надежде на лучшую жизнь. Дед, каким бы он не был закостенелым служакой, до сих пор не простив маму за ее выбор, пересилив себя, все-таки подергал за ниточки, устроив ее на хорошую работу хирургом, что для того времени было почти нереально устроиться студенту. Мама, с ее намертво вбитой железной дисциплиной училась хорошо, знала много, и соответственно быстро пошла по карьерной лестнице вверх, при молчаливой протекции деда в высших кругах. Уж не знаю кем он служил, сколько не пытался у него узнать. Все разговоры всегда заканчивались одинаково, он отвечал, что меня это не касается, а потом не разговаривал со мной. Только холодные колючие глаза, да иногда приезжавшие к нему на

дачу люди со звездами на погонах, давали знать, что он был очень непростым человеком. Но в тот момент мне было на это все равно, дед и дед. Которому можно пожаловаться на соседа, что постоянно меня задирали, и рассказать об Ирке в красной кофте, которая живет через два двора, мы часто с ним ходили на рыбалку и охоту. Мама пропадала постоянно на работе, и я переехал жить к нему в деревню. Там и учился в районной школе. Живя с дедом, у которого служба была в крови, невозможно было не перенять его пристрастий. Он постоянно меня учил драться на кулаках, борьбе, и ножевому бою, лаконично сказав: “пусть лучше будет и не пригодиться, чем тебе понадобится, а его нет”.

Мне, мелкому пацану, мама которого постоянно на работе, все очень нравилось, и было очень интересно. С ножом вообще он был неразлучен, и владел им мастерски, чему и в меру учил меня. Так и повелось, что я после учебы или занимался на секциях по боксу и борьбе, или тренировался с дедом. В итоге, получив кандидата в мастера спорта в пятнадцать лет, я поехал на юниорский районный чемпионат, благополучно его выиграв. Деда мной очень гордился. По сути он и заменил мне отца, а я ему сына, которого у него никогда не было. Это я потом только понял. Мама же, с головой уйдя в работу, открыла свою клинику и зарабатывала просто неприличные деньги, и свободного времени у нее почти не было. Нет, она не была плохой матерью, она заботилась обо мне, у меня было все, что я захочу. Этим она пыталась компенсировать ее отсутствие в моей жизни. Но я не был разбалованным ребенком, я был более привыкшим к деревенской жизни, и полувоенной аскетичности деда, да и мне не нужно было много. Так и подошел призывной возраст. Дед в ультимативной форме сказал, чтобы я шел в армию. Да по большому счету мне тогда и делать было нечего. И вот, я поехал на два года отдавать долги родине. Деда и тут “поспособствовал”, я оказался в части у его знакомого полковника, который пригласив меня в кабинет, заявил, мол раз я родственник, должен соответствовать и от меня много ждут. В итоге, гоняли меня в два раза больше остальных. Но справедливости ради, и подготовка у меня была гораздо лучше, спасибо деду.

Уже почти при дембеле, я узнал, что дед получил инсульт, он был парализован. Меня отпустили чуть пораньше, попрощаться по знакомству, но доехать до него я так и не успел, о чем очень сильно жалею. После армии, я какое-то время жил у него на даче. Но потом понял, что мне срочно нужно занять себя, все равно чем. Поговорив с мамой, решил, что пойду по ее стопам, и пошел на учиться в мед на хирурга. С головой уйдя в учебу, я не заметил, как пролетели шесть лет и осталась только ординатура, мама была очень горда мной. Прочила мне большое будущее в хирургии, так как я был амбидекстром и владел обеими руками одинаково. Но в один прекрасный момент, у меня в мозгу стрельнуло, хочу мотоцикл! На что мне было сказано, иди, что хочешь покупай. Выбрав себе первого поддержанного двухколесного друга, я начал с упоением возиться с ним. Мама неоднократно спрашивала, зачем мне этот металлолом, мол иди купи себе новый. Мне же нравилось просто ковыряться с ним, хотя это и доставляло массу проблем. Однажды, человек который продавал мне запчасти, позвал меня на сборище таких же любителей мототехники. Так я и встретил Ренату, совершенно отвязную девушку, которая умела разобрать и собрать мотоцикл, могла виртуозно материться, любила носить обтягивающие джинсы с ее модельной фигурой, в общем была местной звездой, и все парни всегда крутились вокруг нее, я не стал исключением. Это был как вечно беспокойный ураган, как торнадо, ее бешенная энергетика затягивала, даже если ты просто рядом. Стоит ли говорить, что молодому парню, который всю жизнь или тренировался или учился, напрочь снесло

крышу этим ураганом. К тому же, оказалось, что она тоже учиться в меде вместе со мной. Я был настойчив, и спустя время добился от нее внимания. Хотя если честно, далось это мне нелегко. Меня пытались “проучить”, несколько парней из ее бесчисленных воздыхателей. Накачавшись для собственной уверенности алкоголем, и собрав группу поддержки, крутые парни на мотоциклах поехали поучать наглого выскочку. Ну да, человека который всю жизнь тренировался рукопашному бою, пытаются научить несколько человек, ничего не смыслящие в бою. В итоге, крепко их поколотив, я спокойно купил газировки и поехал на учебу. Скорее всего именно это и стало причиной ее интереса.

Вместе мы начали посещать все возможные сходки, группы, и прочие сборища любителей активного отдыха и экстрима. И вот, в один из роковых дней, мы и купили эту злополучную тур путевку. Собрав все вещи, погрузили их в машину, мы отправились на запланированное место встречи.

Ехать нам нужно было долго, часов семь, поэтому и выехали мы ночью. Чтобы быть на месте к рассвету. Уже было раннее утро, коралловая полоса рассвета поджигала горизонт, небо стремительно светлело, и над бескрайними лесами просыпалось утро. Извилистая лесная дорога петляла насколько хватает глаз, спускаясь с серпантина. И мы были одни на дороге, превосходно. Рената, стянув мою куртку, сопит рядом, видя уже третий сон. Вечно бы так ехал! Но у вечности, как оказалось имелись свои планы на этот счет. Спускаясь со склона я чувствую, тормоза отказали! Что делать, скорость набрали приличную. Свернуть некуда, слева обрыв, справа, подножия горы. Остается только вперед, пытаюсь маневрировать. Я растолкал Ренату, которая спросонья сначала не поняла, что случилось, а потом решила, что я над ней пошутить вздумал. Потом до нее дошло, что все серьезно и никаким розыгрышем и близко не пахнет. Началась паника, блин, лучше б спала дальше! Пытаясь хоть как то снизить скорость, я постоянно дергал ручник, на подъезде к повороту, машина тяжелая, плюс скорость набрали приличную, на мои тщетные попытки снизить скорость с помощью ручника, никак не реагирует.

И тут я вижу, впереди нас здоровенный камень, размером с нашу машину, и искривленная сосна, упрямо растущая прямо из под него. Я даже подумал, что у меня начались галлюцинации от стресса. Сквозь камень и дерево, как будто пузырь надувается, сминая, и искривляя вокруг себя пространство, сквозь него видно поляну, где сидит какой-то мелкий пацан. Я начинаю вдавливать сигнал до упора, а он сидит на земле не двигаясь, смотря на нас с круглыми глазами. Рената еще орет под ухо: — тормози тормози, да если бы я мог! В итоге она дергает руль вниз со своей стороны, в надежде вырулить, казалось бы вроде, умеет человек водить. И опасностей не боится, а тут как подменили. Закономерный итог, машина на скорости, с резким поворотом заваливается, и мы продолжаем двигаться в прежнем направлении, только уже кувырком. От удара о землю крышу с моей стороны смяло под углом, сильно приложив меня в плечо и по голове, и я поплыл. Так мы и влетели в этот пузырь, как раз с моей стороны. Как оказалось...камень с деревом никуда не делся...

Сознание возвращалось медленно, как патока по весне, густая, тягучая и липкая. Неспешно втекая в меня. Первым вернулось обоняние, пахло мускусом и миндалем и... кровью и трупами! Никогда не перепутаю этот запах. Запах, который мне казалось навсегда въелся в меня, когда нас молодых студентов отправляли в морг на практику, отвратительно сладковатый. Рената! Блин, до чего же голова болит то...

Вторым вернулся слух... Рядом было двое, обсуждали завершение затянувшейся летней компании, и на что потратят во возвращении в Райлегг. Нет, похоже их трое, и еще кто-то

недалеко натужно кряхтит, волоча по земле что-то тяжелое. Какой еще Райлегг, какая еще летняя компания. Жалко, сестра будет плакать... Блин, вот меня приложило то, какая еще сестра. Надо попытаться встать. Как я оказался на земле не помню, видно от удара выкинуло из машины. Похоже я руку поломал, не чувствую ее совсем.

Тут меня схватили за руку, и бесцеремонно потащили, вот же спасатели хреновы! А если у меня позвоночник перебит. На все это безобразие мне хватило сил только еле слышно застонать.

— О, слышь Анкиль, а мелкий то еще жив. Какой я тебе мелкий, метр восемьдесят пять роста и почти восемьдесят килограмм, здоровый жлоб.

— Да? Нукась покажи... глаза я пока еще открыть не могу, но чувствую, что тот кто меня тащил, поднимает меня перед собой, и держит на вытянутой руке как кутенка, силен! Я, пытаюсь, выдавить пару слов из себя, чтобы узнать, что с Ренатой? В итоге получаются невнятные стоны.

— Да, тыж погляди, жив еще. Я то думал к остальным его. Что ж делать то теперь? В кучу или к лекарю его?

— Да ты чего, какую кучу, малой ж совсем, давай его к лекарю тащи, да не по земле ты его волоки дубина, я пойду десятнику скажу, еще один выживший есть, может что расскажет. Да и из местных он вроде. Слышь пацан, ты понимаешь, что говорят?

На что мне осталось только снова промычать. Голова раскалывалась просто невероятно, онемевшая рука болела. И я чувствую, сознание снова уплывает. Следующее пробуждение было в обратной последовательности, сначала я открыл глаза, потом вернулся слух, и потом только запахи, очень хотелось пить. Лежал я на земле, на подстилке возле какой-то телеги. Голова продолжала нещадно болеть, но вроде с рукой все в порядке. Судя по всему уже вечерело, небо затягивало сумерками. Я застонал пошевелившись, тут же надо мной появилось расплывчатое пятно чьего то лица.

— Дарий ты как?

— Пиииить... — просипел я.

— Да, сейчас принесу, потерпи немного, и лекаря позову заодно.

И я на краю сознания слышу удаляющиеся шлепки бегущих босых ног. Какой еще Дарий? Что с Ренатой, где мы в конце концов. Спустя минут пять вернулся мужик в сапожищах с железными накладками, грязной накидке всей забрызганной кровью и печатью вселенской усталости на небритом лице, с ним босая девушка в ошейнике с грязными сальными волосами и разбитой губой, одетая в мешковину вместо одежды и с черпаком воды.

— Вот возьми попить, протянула воду она. Придерживая голову меня напоили, никогда такой вкусной воды не пил! Или я опять похоже в бреду.

— Очнулся как я погляжу, говорить можешь? Спросил мужик, и я понимаю, что говорит то он не на нашем, а на какой-то странной версии латинского, с примесями немецкого, французского с английским, но что было самое странное, я его отлично понимал. Мне и осталось только кивнуть.

— Хорошо, пойдешь со мной. Начальство сказала тебя доставить как очнешься. Ноги вроде целы у тебя, так что пошли. Я перевел взгляд на девушку, отчаянно не понимая, что вообще происходит, она взяв черпак двумя руками, потупившись, смотрела на меня с тревогой.

Но делать нечего, раз хотят меня видеть, отлично. Заодно узнаю, что происходит, где

мы и что с Ренатой. Протянув мне руку он поднял меня как пушинку, и я понимаю, я ему ростом до груди макушкой достаю и рука у меня детская. Или меня хорошенько контузило и я в бреду, или что-то тут совершенно не то. Мужик ничего больше не говоря направился в лагерь, Мне ничего не оставалось, кроме как стараясь не отставать, посеменить за ним. И тут меня опять малость накрыло, почти сотня каких-то людей в доспехах с мечами и копьями, копошатся разбивая лагерь. Мы прошли древние развалины замка, обвалившиеся стены опирались на проломленную башню издали больше похожую на сгнивший зуб. Сзади виднелась одна стена, чудом устоявшая столько времени, похоже это все что осталось от донжона. Обогнув их по дуге, мы подошли к очередной группе, отличающейся более вычурными доспехами и лучшим вооружением. Мне же оставалось только последовать дальше, глаза по сторонам выпучив глаза. Остановившись у двух охранников, один из которых лениво окинул нас взглядом, и молча махнул головой, приглашая пройти дальше к костру. у которого судя по всему и сидело выше названное начальство. У костра сидели четверо мужчин, один спиной к нам, с накинутой шкурой на плечах и трое лицом, двое причем больше напоминали больше монахов чем солдат, темные, почти черные рясы с капюшонами, подпоясанные кожаными ремнями, с холодными равнодушными глазами, такими глазами смотрит мясник раскладывая мясо после разделки туши. И мужчина уже в возрасте, с неопрятной, спутанной бородой, бывшей когда-то черной, одетый в длинную такую же неопрятную, уже порядком поношенную кожаную куртку, он безразлично смотрел в огонь, на пришедших гостей совершенно не обращая внимания, его больше занимала кружка, исходившая паром, которую он держал двумя руками.

— Очнулся, пробасил тот кто, сидел спиной к нам, — Подойди парень не бойся.

Меня сзади толкнули вперед к костру. Говоривший, вблизи казался самым здоровым человеком, которого я когда-либо видел. С накинутой на плечи черной шкурой, он больше напоминал медведя чем человека, подстриженная черная борода обрамляла волчьи черты лица, на фоне чисто выбритой лысой головы, в его взгляде мелькала звериная хитрость.

— Как тебя зовут парень?

— Дарий, совершенно неожиданно для себя соврал я.

— Дарий значит, расскажи-ка нам Дарий, что тут происходило до того, как мы пришли, что тут делал отступник? При этих словах “монахи”, аж подобралась, как кошка перед прыжком. Вот вляпался! И что мне им сказать; что я ехал с девушкой на отдых, тормоза в машине отказали, а тут этот пузырь из камня вылез?! Я завис, судорожно размышляя что мне делать. Мое молчание поняли не правильно, и в разговор вступил четвертый сидевший у костра.

— Да что ты хочешь услышать, от перепуганного малолетнего деревенского парня, которого схватили для ритуала Джонатан? Точные планы отступника, вектор отклонения у каркаса заклинания, или конечное место ритуала вызова? Да он слов то таких не знает, хвала Всевидящему ритуал дал сбой и не прошел. Иначе мы бы с тобой тут не говорили. Парню повезло, что его оставили напоследок. А то лежал бы сейчас, вон в общей куче, выпотрошенный. Дело сделано, отступник отправился в бездну — где ему и самое место. Так что давайте заканчивать этот балаган да возвращаться, у меня мурашки по коже от этих руин по соседству, а я много всяких заброшенных мест посетил, чего только не повидал. Да и старый я уже, все кости болят от этих постоянных скачек по лесам и болотам. А ты Дарий, радуйся, далеко не всем так везет.

Да уж...сомнительное везение, дедуля, да и слова то я такие знаю. Что бы там этот

отступник не пытался сделать, получилось у него явно не то что нужно было. В итоге я непонятно где, и совершенно непонятно, что теперь делать. Озвучивать это я не стал, оставаясь стоять молча и глаза на них.

Лысый медведь, кутаясь в шкуру поплотнее, проворчал: — Устал я наверно, и голова уже не соображает. Иди умойся, а то больше похож на детеныша гурра, да иди к кашеварам пусть накормят. Скажи — я передал, свободен.

Я было хотел открыть рот, чтобы спросить, кто такой гурр? Но меня сзади схватил за шиворот мужик с кем я пришел, и потащил меня как на ледакол на буксире. Мне же лишь оставалось запинаясь, перебирать ногами, стараясь не упасть.

— Нечего уши развешивать, мал еще слушать, что старшие говорят. Иди давай, делай что тебе велели или голодным останешься.

— Эй Арно! Покорми потом парня, сейчас подойдет к тебе, де Готье велел. Гаркнул он мужику склонившемуся над котлом, проходя мимо костра.

Подойдя к палатке недалеко от развалин, он пихнул меня к бочке с водой.

— Значит так, сейчас моешься и идешь к Арно, это тот, что возле котла. Скажешь, что тебя покормить велели. Потом идешь воон туда, он махнул рукой в сторону сбившихся в кучку выживших людей, — И сидишь там, пока не прикажут, понял? Произнес он, выпятив нижнюю челюсть, почесывая заросший подбородок, и задумчиво посматривая на развалины.

Я же его уже не слушал, уставившись в отражение в воде. В отражение, с которого на меня в ответ смотрел чумазый до ужаса, чернявый пацан, тот самый пацан, которого я видел сквозь этот пузырь, пока летел на него, пытаюсь остановить машину. И хоть мой рациональный разум не хотел этого принимать, сердцем я понимал, что я уже не в своем мире.

Сняв рубашку, я по пояс окунулся в воду, в надежде прогнать наваждение — не помогло. Смыв грязь, и натянув рубашку на мокрое худое тело, я поплелся в сторону кашевара Арно и его котла. Подойдя, я хотел окликнуть его, но вдохнув аромат настоявшейся каши, мой живот на забытом диалекте достаточно громко сам дал о себе знать. Обернувшись, он усмехнулся в усы и молча всучил мне в руки деревянную тарелку с положенной порцией и кусок хлеба.

То ли тут столовые приборы у каждого свои, то ли именно мне просто не положено. Но ложку я так и не дождался, постояв немного и не решившись больше спрашивать, уселся прям где стоял, скрестив ноги и обжигая пальцы ел руками. Поев, и сожалением посмотрев на пустую чашку, поблагодарил кашевара Арно и его вкусную кашу. Или парень имел просто бездонный желудок, или скорее всего, он просто давно не ел, но довольно приличную порцию каши с горкой, я проглотил не заметив. Хлеб же, засунув в карман я решил оставить на потом. Двинулся, облизывая пальцы в сторону своих братьев, по удаче или несчастью, тут уже как посмотреть. Подойдя к сбившимся в кучу, жавшимся к другу другу как пингвины уцелевшим людям, поймал на себе голодные взгляды. Похоже их то кормить и не думал никто. Сев рядом с девушкой в мешковине, которая мне воды приносила, пытался собрать мысли в кучу и решить, что делать дальше. Она сидела опустив голову, смотрела перед собой шмыгая носом, и по моему, она меня даже не заметила. Немного подумав, я вложил ей в руку кусок хлеба. Она, нащупав его, уставилась на меня круглыми глазами, как будто первый раз увидела. Воровато оглянувшись, засунула его под свою мешковину. Уууу, тут похоже все еще хуже, чем могло казаться, если по сути еще ребенок, воровато прячет корку хлеба.

Но у меня не было ни времени, ни желания, удивляться странной реакции девушки на кусок хлеба! Я сам, за последние пару часов столько странного увидел, сколько не видел за

всю жизнь. Поэтому, молча отвернувшись, свернулся калачиком, пытаюсь сообразить, что происходит и как мне дальше с этим жить. Мысли и воспоминания были хаотичны, мое сознание и память перемешалась с памятью парня, в теле которого я очнулся, я подробно помнил всю свою жизнь. Воспоминания же парня, были обрывочны и беспорядочны. Как будто кусками нарезали ленту фильма, и скинули ее в кучу. И ты пытаешься восстановить хронологию, чтобы понять, где начало, а где конец. Паренька, как вы наверное уже поняли, звали Дарий, двенадцати зим отроду, причем выглядел он лет на десять, он явно не доедал, но был крепким и жилистым как гвоздь, из-за тяжелой работы с раннего детства. Родился и рос он в селе северный Бамут, выбирался из него всего два раза: первый раз еще маленьким, когда с отцом поехал в город неподалеку, да вот сейчас, когда он пошел подмастерьем и бегал полгода хвостиком за членовредителем, которого почему-то называют лекарем, ему просто нужен был слуга, который таскал бы его барахло, да приносил выпивку. Его вместе с селянами и этим лекарем захватил отступник. Отец у него умер три года назад, при налете бандитов. Был старший брат, который пропал без вести через год после смерти отца, пытаюсь заработать для семьи, он уехал на заработки и не вернулся. Была маленькая сестренка, которую он очень любил и мама. Мама, через год зачем-то начала жить с Ливио, которого они с сестренкой не любили. Вот в принципе и все, довольно короткая оказалась лента жизни у бедного Дария. Где бы он сейчас не был, надеюсь с ним все в порядке, и он попал в мое тело. Представляю выражение Ренаты, когда она увидит, если я после аварии сяду на землю и буду всхлипывать, вытирая слезы кулаками, прося отвезти меня домой. С улыбкой представляя подобную картину, я сам не заметил, как уснул.

Проснулся я от того, что лагерь поднимали по тревоге. Спросонья все начали бегать, совершенно не понимая, что происходит и где враг. Причем солдаты наоборот отходили от руин, а не старались в них укрепиться. Нас подняли пинками, и ничего не говоря отогнали к лесу. Наконец отойдя от руин ярдов на пятьсот, встали. Джонатан де Готье, — этот медведь в теле человека, одетый в черный матовый доспех, со здоровенным мечом и в окружении охраны в редких восходящих лучах утреннего солнца, выглядел очень брутально. Он смотрел, как в руины пошла группа во главе со странным стариком у костра, который шел опираясь на длинный посох, в компании двух монахов, их сопровождали два десятка солдат. Последние явно нервничали, постоянно озираясь, стискивая древки алебард и арбалеты. Солдаты похоже, явно не желали составлять им компанию, исследовать эти древние на вид развалины. Их не было около часа, я уже успел заскучать, и думал прилечь поспать снова, когда они вышли. Вышло их только семеро, вместо двадцати трех. Причем они явно торопились, не хватало одного монаха, дедка тащили волоком, сам он явно идти не мог. И пять, насмерть перепуганных служак с перекошенными рожами. Уж не знаю, кого они там встретили. Все вроде бы было тихо. Их откровенное бегство, и паника высеченная на лицах, передались остальным. Как несколько капель молока, захватывают стакан воды, клубясь и извиваясь, их панический страх передался и нам. Мы начали спешно собираться и уходить подальше. Вещи сваливались в кучу, не разбирая что где и чье, просто покидали в телегу и не запрягая утаскивали их. Де Готье видно больше не желал тут находиться ни минуты. Наше бегство продолжалось почти весь день, и на стоянку мы встали только когда солнце начало клониться к закату. Никто ничего не рассказывал. Нам, тех кого спасли, тем более. Так что выставив охранение и встав лагерем возле небольшого ручья на опушке леса, начали готовиться к ночевке. Де Готье решил больше не мелочиться, и как можно скорее вернуться город. Так что гонял всех кого видел, нас, в том числе. Раздавая оплеухи, и рыча низким басом на людей, которые по его мнению недостаточно шевелились. Зато нас всех вечером покормили. Арно всем наложил своего варева, чему были несказанно рады селяне, я в том числе. Уже стоя в очереди за едой, я услышал из разговоров.

Оказывается Люк, это тот мужик, который таскал меня к начальству, ночью сговорившись с десятком дружков, пошли в эти руины, в надежде найти на продажу что-нибудь старинное и желательно ценное. В итоге они залезли куда-то поглубже, и кого-то там они нашли и разбудили. Уж не знаю, кого они там разбудили. Но этот кто-то, недолго думая, слопал всех искателей приключений, их крики слышали в лагере. И пошли проверять, кто это такой там проснулся. Во главе с этим старичком с нечесаной бородой, который оказался довольно опытным магом. И братьями с ордена Искупления, это похоже те самые монахи с ледяными глазами. Как итог, нашего заклинателя выпили, понятия не имею, что это может означать, а затем недолго думая закусил остальных. Де Готье узнав это, перепугался до усрачки, и мы все дружно побежали куда подальше, от этой разозленной, тем что разбудили и похоже весьма голодной после долгого сна хреновины. Когда встали лагерем, и выяснили подробности произошедшего. Де Готье очень долго и громко на кого-то орал. Потом один из его свиты, который вечно ходил как петух раздувшись, освещал нам лагерь здоровенным бланшем на все лицо. Как только не убил, там такая лапища, с мою голову размером кулак.

Как оказалось, этот Люк был единственным лекарем, другого не было. И все бы ничего, но у нас было почти три десятка раненых. Старик вроде умел, но он лежал без сознания. Джонатан де Готье злой как черт, рвал и метал, круша все, что подворачивалось под руку, от него все разбежались едва завидев. Получалось, он чуть не похерил довольно простую и несложную задачу. Потерял одного высокопоставленного монаха, чуть не потерял одаренного, тот неизвестно когда придет в себя. И двадцать пять человек в придачу, просто так по тупости. Причем среди потерь, оказался сын какого-то там барона. Которому стало скучно, и он решил поучаствовать в приключении, пошел изучать ночью заброшенные руины. Я не считаю раненых, там тоже все неоднозначно. Три десятка раненых, в основном с колото-резанными ранами. Антисанитария полная, без каких-либо лекарств и чистых бинтов, в лесу, в двух неделях езды на телеге, которую вручную толкают по бездорожью до места где им смогут помочь. Сомнительные перспективы. В итоге, в его в отряде в строю оказалось меньше человек чем больных, плюс обозники, плюс довесок в два десятка мирных, то есть нас. Уверен, по его по лысине за результат не поглядят, кто бы там не был начальством.

Тут конечно же не обошлось без “доброй” души, которая вспомнила обо мне. Один выживший мужик с нашей деревни решил поумничать, и проявил инициативу.

— Так ж эта, Дарий же наш, эта ж, на лекаря учился, доаа! Он ж все знает, вы его спросите, он ж че, не поможет шолж. Твою мать мужик...кто тебя за язык вообще тянул.

Недолго думая меня опять схватили за шкуру, и снова потащили под светлые очи начальства. Притащив в палатку Де Готье, в которой кроме него сидели еще пятеро; уже знакомый монах, морщась, баюкал руку, да у него плечевой сустав выскочил со смещением! И он так ехал похоже весь день. Возле него суетились на полусогнутых ногах и боясь его до дрожи в коленках, не зная с какой стороны к нему подойти, два мужика с обоза. Их суета и невнятное бормотание дико раздражала его, и он на них орал, из-за чего они еще больше нервничали и еще больше суетились. Хмурый мужик из окружения де Готье, с шикарными черными усами и густыми бровями, сложив руки на груди смотрел на бедных обозников поджав губы, из-за чего его шикарные усы встали торчком. И развалившись на стуле, закинув ногу на ногу, одетый в шелковую рубашку, потягивал вино какой-то молодой хлыщ с длинными светлыми волосами, которые были затянуты в мужской хвост на затылке, и мерзкой ухмылкой превосходства. Сам де Готье сидел за столом, явно пребывая не в духе, облокотившись одним локтем на стол, он посмотрел на меня уже по-новому, изучая.

— Мне сказали, что ты был подмастерьем лекаря, это так? Сразу в лоб спросил он.

Я снова окинув взглядом всю компанию, подумав пару секунд ответил.

— Не совсем так.

— Поясни!

— Я действительно был в подмастерьях у дона Матэо из Глироса. Но, честно говоря, он придурак, и лекарь он был дерьмовый, практически все его уроки были как напиток в трактире бесплатно. Кое-что он конечно показывал, но боюсь моих знаний будет недостаточно.

Я отчаянно не хотел в это ввязываться, тут не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что если что-то пойдет не так, а оно наверняка пойдет, виноватым останусь я, так как не досмотрел. И отвечать мне придется по полной, скидку на то, что я малец, и учился у пьяницы и живодера, методы лечения которого — это помочиться смотря на восток на уголь, а потом растереть углем перелом ноги, и сидеть под луной, мол лунный свет

помогает. И на все воля всевидящего. Надо ли говорить, что погибали от его лечения чаще чем без него. И за это еще должны платить немаленькие деньги. Неудивительно, что большинство лекарей многие считали шарлатанами.

— У тебя слишком длинный язык! Неблагодарное отродье, тебя похоже совсем родители не воспитывали. Тебя брали в подмастерье не для того, чтобы ты поливал грязью ученого человека, который спасает людей. Рыкнул усатый. Когда тебя спрашивает костеродный господин, ты должен отвечать на вопрос поклонившись; — Да господин, я был подмастерьем. Твое мнение о навыках и пристрастиях дона Матэо из Глироса, никто не спрашивал!

— Да плетей ему всыпать, чернь только так понимает. Хлыщ перестал ухмыляться.

Монаху было не до нас, он орал благим матом на бледных как полотно мужиков. Которые все же решились вправлять ему плечо, но совершенно не правильно!

Иногда, поймать удачу — это значит оказаться в нужном месте в нужный момент и сделать по наитию именно то, что нужно, и именно так, как нужно. Но для этого необходимо забыть свои амбиции, помыслы и планы и целиком отдаться судьбоносному моменту. Так что тяжело вздохнув, я глянул на вывернутый сустав монаха, и на бледных мужиков с обоза, которые сейчас сделают еще хуже, внутренне собираясь, я все же решился.

— Стойте, вы так сломаете ему руку! Надо сдвинуть ему кость предплечья прежде чем вправлять сустав.

Все в шатре уставились на меня. Де Готье молча махнул в сторону монаха головой, мол, иди делай. Подойдя к нему, я взял аккуратно за предплечье, и кивнул бедным мужикам: — Держите его. Он на меня таким взглядом посмотрел, если не вправлю, он меня и этих двух бедных обозников прям тут и прибьет.

— Готовы? Спросил я у него. Он прожигая меня взглядом слегка кивнул.

Отвел его предплечье в сторону с противным звуком. Монах зашипел сквозь зубы от боли. Обозники скривив лица, вообще отвернулись, помощники твою мать. Хлыщ корчил гримасы, сжимая и разжимая руку.

— Это самое худшее, дальше будет проще, монах опять слегка кивнул. Согнув ему руку в локте, одной рукой взяв его за большой палец, другой поддавливая в локоть стал поворачивать к туловищу. Сустав с чавкающим звуком встал на место. Он, удивленно на него уставившись, сказал.

— Больше не болит!

— Еще заболит, пообещал я ему. Еще несколько дней будет уязвимо. Нужно перевязать плечо, кивнул ближайшему обознику, — Мне нужен ремень или длинная тряпка.

Тот радуясь, что все обошлось, а главное, что его избавили от ответственности, убежал за искомым. Когда принесли тряпку, я перетянул ему руку к туловищу, сделав косынку, сказав, чтобы он старался не шевелить рукой первое время. Он снова кивнул, взяв вино осушил его залпом, и громко стукнул кубком по столу. Я же молча повернулся к де Готье. Он нахмурил брови молчал секунд десять.

— Пока не вернемся, будешь работать врачомателем. Если там справишься так же как тут, то получишь оклад этого мудака Люка. Мое слово! Усатый и хлыщ нахмурились.

— Зачем ему платить, он должен быть нам благодарен за то, что жив остался, и так бы работал! А если нет, всыпать ему плетей, и как милый будет бегать. Хлыщ не унимался.

— Не нам, а мне, а тебя Моретти вообще не спрашивали, поморщился де Готье, — когда бездна развернется и небеса упадут, тогда тебе доверят отряд, вот там и запори всех кого

захочешь. Тебе даже родной отец не доверил управлять людьми. И вообще, хватит лакать мое вино! Иди займись делом, вместо того, чтобы стулья мне ломать.

Хлыщ дернулся как от удара, его лицо перекошило. Он вскочил, тиская витую рукоять своего меча, и прожигал взглядом де Готье. У него похоже это большая тема. Хочет всем показать какой он лихой вояка, да кто только такому психованному людей доверит. Видно у его отца есть мозги, раз не дал ему отряд. Он шибанул рукой по кубку с вином, тот полетел расплескивая рубиновые капли в угол. И вышел, с яростью смотря на меня, я то ему что сделал? Вообще первый раз его вижу.

— Психованный больной ублюдок! Констатировал усатый, нахмурившись еще больше. Придавил бы! Как ты его вообще умудрился взять с собой, Джон? Знал же, что будут проблемы.

— Да попросили, выплюнул он слово, которое было камнем, брошенным в неведомого просителя. Не мог я отказать! Хоть и пытался... Де Готье сморщился, как будто съел лимон. Я бы сам его давно зарубил, просто сам же знаешь, кто его отец. Он хоть четвертый сын, и больной ублюдок. Но он Моретти, а значит за него будут мстить, из принципа. Иначе его отца никто не поймет. Куда смотрел дон Дайон когда он рос, ума не приложу.

— В счетную книгу он смотрел, да на задницу любовницы. Вот куда он смотрел.

— Ладно, не стоит обсуждать куда смотрел Дайон Моретти, может плохо кончиться. Ты Дарий слышал, что тебе сказали? Если будешь делать все, как сейчас сделал, то получишь полноценный оклад за лекаря. Мне лишь осталось промолчать, все равно уже за меня все решили.

— Родриг! Гаркнул он в сторону выхода так, что у меня ухо заложило. Придерживая штормку рукой, зашел один из стражников. — Отведи мальчика в лазарет, отдайте ему вещи этого мудака Люка. Он будет у нас лекарем, пока не доберемся до Райлегга.

Родриг перевел взгляд на меня, продолжая стоять в проходе держа рукой откинутую штормку, молча приглашая идти за ним. Тяжело вздохнув, пошел за этим Родригом. Все равно отказать не получится, в конечном итоге, мне скорее всего просто действительно всыпят плетей. Подойдя к этому жалкому подобию походного госпиталя, он указал мне на сундук стоящий в телеге. Вот, это вещи врачевателя Люка. Там ты найдешь инструменты, лекарственные травы, тряпки для перевязки, и чем там вы еще пользуетесь.

Откинув, слишком тяжелую для меня крышку сундука, уставился на свалку барахла! Его вонючий, окровавленный халат. Какие-то тряпки с засохшей кровью и гноем. Несколько луковиц, одна из них причем была откушена, бутылка с забродившим вином, перепутанный моток ниток. Несколько глиняных склянок, на дне которых засохшие травы. Свежая, недавно выдранная с корнями, и засохшей на них землей крапива. Взяв в одну руку откушенную луковицу, в другую грязные окровавленные тряпки, когда-то бывшие бинтами. Повернулся, уставившись с немым вопросом на этого Родрига.

Что-то он наверное прочитал у меня на лице. Отведя взгляд ответил: — Это все его вещи. Других вещей у врачевателя Люка не было. Вон люди которым требуется помощь, иди приступай к своим обязанностям. И топя по грязи железными сапогами удалился. Замечательно! И как мать вашу я должен лечить людей?! Перспектива получить плетей, но не заниматься всем этим, казалась все заманчивее и заманчивее. Опомившись, окликнул уходящего рыцаря.

— Родриг. Он повернулся, нахмурившись и взявшись за рукоять меча.

А, дерьмо...

— Господин Родриг, я слегка поклонился. Мне необходим помощник! Он нахмурился еще больше.

— Мне ничего насчет этого не говорили.

Я указал ему на себя, проведя рукой с головы до ног: — Мне двенадцать зим. Там почти три десятка раненых, взрослых и тяжелых мужчин, некоторые даже встать не могут. Мне их необходимо переворачивать для лечения! Он постоял, посверлив меня взглядом несколько секунд, размышляя.

— Хорошо, ты получишь помощника. И развернувшись удалился.

И вот, я, дипломированный хирург! Мать которого всю жизнь работала в медицине. Кипячу еле отстиранные и отмытые от крови и гноя бинты в котле с чесноком и лециной! Вместо антибиотиков у меня; толченый корень алого каруса, (понятия не имею что это такое, у нас его не было, а Дарий не знал) экстракт окопника, засохшие ромашки и кориандр. Вместо обезболивающего пол бутылки кислого вина. Пара тупых ножей, которыми мясо то нельзя разрезать, не говоря про уже людей. И рыбья кость вместо иглы. И целая куча, стонущих, пердящих, умоляющих, и жутко воняющих на все лады “пациентов”. У половины была горячка, раны воспалились. У некоторых были жуткие раны, как будто кислотой под давлением облили, и эта кислота прожгла дырку в них. Их порой так резко выгибало, как будто их током ударило. Как потом узнал, это отступник постарался, отбиваясь. Я был в жутком настроении, костерил на чем свет стоит доброго “соседушку” который вспомнил обо мне, дона Джонатана де Готье, и конечно мудака Люка, который сдох в тех руинах. Когда Родриг гремя доспехом, приволок ту босую девушку в мешковине, крепко держа перепуганного подростка за плечо.

— Вот, ты просил помощника, она будет тебе помогать! Грубо толкнув ее к костру, возле которого я сидел готовя варево из трав, чтобы обрабатывать раны. Она запнулась чуть не упав, съёжилась, держась за пострадавшее плечо, и мелко дрожала, затравленно на меня смотря.

Я шмыгнув, и вытерев нос тыльной стороной ладони, окинул взглядом моего “ассистента” еще раз. С макушки до босых ног, и обратно. Тощая, сбитые в кровь ноги все в старых, пожелтевших синяках, обгрызенные ногти на руках, разбитая губа. Кожаный ошейник, и мешок на голое тело с прорезями для рук и головы. Она еще больше съёжилась под моим взглядом.

— Как тебя зовут?

— Берта...

— Скажи Берта, у тебя есть другая одежда... одежда, просто которой больше?

— Нет, рабам не положено...

Я махнул рукой в сторону отстиранного с помощью песка и проклятий халата Люка: — Надень его, подшей, если великоват. Будешь помогать мне тут лечебнице.

— Но я не умею...

— Умею я, твоя же задача, внимательно слушать и делать то что я тебе говорю. Первое, иди хорошо помойся и одень тот халат. Потом садись у костра и поешь, смотреть не могу на то как ты трясешься.

Берта оказалась на год старше Дария, потомственная рабыня, неграмотная, но смышленная девушка, ей очень нравилось учиться. Поначалу боялась меня, потом оттаяв, тараторила без умолку. Постоянно обо всем расспрашивая. Схватывала все на лету, впитывая все как губка. Помогала в меру своих невеликих сил, стирала бинты, носила воду, кормила и

ухаживала за людьми. Я старался ей рассказывать все, справедливо полагая, что эти невеликие знания в будущем ей сильно облегчат ее участь. Рабыня-врачеватель, все-таки гораздо лучше живет, чем рабыня-шлюха. Я поговорил с кашеваром Арно, чтобы раненым готовили отдельно. Он, спросив предварительно у Родрига, который оказался что-то вроде зам-кома. Стал выделять нам продукты, чтобы мы готовили для себя сами. Короче спихнул на меня часть своих обязанностей, буркнув: “Раз не нравится моя стряпня, сам для них готовь” Я честно, хотел в него запустить его же котлом с кашей. Потом плюнув, стал готовить раненым сам, жидкие бульоны. Кашу многие просто есть не могли. В процессе готовки, к костру постоянно начали стягиваться люди. Всем понравилась моя стряпня. Сначала приходили просто раненые, посидеть у костра, потом уставшие солдаты после смены. Даже усатый с монахом приходили, которые оказались; барон Бруно фон Крунн, друг и ближайший соратник графа Джонатана де Готье, и всегда мрачный брат Нестор, экзекутор из ордена Искупления. Его боялись все, даже де Готье. Всех забавлял, странный и непонятный малолетний деревенский паренек. Который их не боялся, и как оказалось, был куда лучший врачеватель чем Люк, прослуживший с ними пять лет. Так прошло уже девять дней, идти нам еще столько же. И вот в один из вечеров, сидя у костра усатый разомлев от тепла и вина вспомнил.

— Ну вот видишь, ты хорошо врачуешь. А говорил, дон Матэо из Глироса плохой учитель.

Эх дядя, знал бы ты где я на самом деле учился...

— Каюсь виноват, беру свои слова обратно. Теперь, почетное звание пьяницы и живодера, заслуженно перешло к Люку. Просто тогда, мне не с кем было сравнивать. Взрыв смеха расцвел над поляной на которой мы остановились. Они хохотали надо мной, схватившись за животы. Я тогда готовил ужин для раненых, не особо глядя по сторонам. А надо было бы. Я бы точно заметил хлыща, который исподлобья смотрел на нас, планомерно накачиваясь вином.

Закончив с готовкой, и собрав вещи, я пошел в палатку, которую нам выделили для хранения вещей, и где мы ночевали. Нужно было перевязать и накормить людей. Зайдя, уставился в изумлении на этого мудака, который спустив штаны и скинув все наши невеликие запасы трав и тряпок в грязь, насильновал бедную Берту. Она лежа на столе тихо поскуливала разбитыми губами, не имея возможности сопротивляться. Он повернул голову, посмотрев на меня сказал, оттопырив губу.

— Вина мне бегом принес шваль, и жди у входа пока не позову. Смачно плюнув мне на ноги.

Пьяный урод! Драться с ним? Так он меня просто зарубит, и скажет я на него напал.

Вы не подумайте, я не струсил. Я бы мог на него кинуться, но думаю, он именно этого и хотел. Я бы конечно мог это все проглотить и промолчать, в конце концов Берту насильновали не раз, да и оскорбления от пьяного утырка особо ничего не значат. Да наверное так было бы и правильно, с учетом реалий местной специфики. Постоять промолчав, пока костеродный издевается над рабом. Но у каждого человека есть такая черная мусть на душе, если в тебя плюют, она всплывает затмевая сознание. Да и я не местный, и до этого никому не позволял вытирать о себя ноги никогда! И недолго думая я пошел к начальству, раз поставили меня врачевать, будьте добры, дайте мне условия, пусть они там сами разбираются. Еще на подходе к шатру де Готье услышал, как он крушил утварь, изрыгая проклятья на голову Алберто Моретти. Того самого хлыща, который насильновал бедную Берту у меня в палатке,

раскидав наши вещи, это я похоже удачно зашел. Он был в ярости, матерился, метая все что попадется под руку. Охрана втянув голову в плечи изображала статуи, и даже не подумала меня остановить. В шатре была знакомая троица, сам де Готье, его усатый друг, и брат экзекутор.

— Сэр Джонатан...Вжууух. Рядом пролетел кувшин с вином. Метко кстати кидает. Точно в голову попал бы, если бы я не уклонился.

— ЧТО?!

— Сэр Джонатан, пожалуйста, воздействуйте на Моретти, не возможно так работать. У меня куча раненых, и нет больше никаких лекарств. Он раскидал все последнее, залил все вином. И насилует эту рабыню на бинтах с лекарствами, которыми она должна их перевязывать сейчас. Если ему так хочется, пусть идет сует свой член куда угодно, в дерево или в своего коня. Лишь бы его не видеть. Я его не боюсь, и если он опять ко мне полезет, я его сам убью.

Несколько секунд повисли в звенящей тишине...все уставились на меня. Даже охрана, по-моему, только заметила, что я прошел.

— Где этот сучий выродок сейчас?! В лазарете?! Прошипел он, оскалившись в ничего хорошего не предвещающей гримасе. Проходя, откинул тяжеленный дубовый стол, как будто муху смахнул. И пошел сжав кулаки к лазарету.

— Джон стой! Не убивай его, нельзя этого делать! А твою мать... да стой же ты. Усатый пытался быть голосом разума. Я было хотел пойти за ними, как сзади услышал смех брата Нестора. Это был булькающий смех человека с нездоровыми бронхами. Это был смех, который выискивал все смешное и убивал его на месте.

— Ты правда это сказал?! Он закатив голову расхохотался. Я стоял непонимающе глядя на него.

— Ты правда сказал, чтобы виконт Силистийский, один из Моретти, пошел и трахнул свою лошадь? Ты вообще знаешь, кто он такой и кто его семья? Он крайне злопамятный и мстительный сукин сын. Он тебе за это отомстит, помани мое слово. Его семья очень богата и влиятельна, это вторичная ветвь королевской династии Оскинского королевства. Поверь, он не раз убивал за гораздо меньшее, куда более влиятельных людей.

Вот дерьмо...похоже до меня начала доходить вся глубина того компоста, в который я вляпался благодаря своему несомненно длинному языку. Мне же осталось лишь надеется, что де Готье его прибьет в порыве ярости. Не прибил... Но сломал ему руку, и хорошо помял. За это он прилюдно обматерил де Готье, и видно решив, что дальше искушать судьбу уже опасно, хлыщ сел на лошадь и покинул отряд вместе с десятком солдат. По сути... дезертировав, если судить по местным законам "О чести и благородстве". Тощей книженции, содержащей уставы поведения костеродных, больше напоминающие рекомендации чем законы. Оставшееся время в пути прошло тихо. Я старался не вылезать из лазарета, занимаясь своим делом. Так мы и добрались до деревни "Северный Балун", поселка в три десятка дворов, да двух трактиров, где и жил Дарий до того момента, когда отступник решил, что парню пора немного попутешествовать. Джонатан де Готье подумав, решил, что раненые, кто не умер в дороге, уже и так доживут до ближайшего города, что в нескольких днях пути отсюда, а значит в моих услугах больше не нуждается. Но видно любопытство взяло верх, и они с братом экзекутором решили посетить дом Дария, и познакомиться с его родителями. Я их отлично понимал, я сам ехал первый раз, в памяти парня конечно все было. Но вживую в первый раз, поэтому немного волновался.

Когда мы прибыли к деревне. Люди попрятались, осторожно выглядывая и справедливо

опасаясь непонятных вооруженных людей. Когда подъехали к дому где и родился Дарий, я услышал разговоры, похоже отчим с мамой опять ругаются, он за что-то опять распекал маму. Его оборвали грузные шаги. Дверь распахнулась, и маленькая комната наполнилась людьми в доспехах. Следом за ними вошел вечно хмурый отец экзекутор, в накинута на голову капюшоне, я не знаю через что пришлось пройти человеку, чтобы у него всегда было такое выражение, как будто он смотрит на казнь самого ненавистного для себя человека, такая ярость и мрачная решимость была высечена на застывшей гротескной маске, в которую превратилось его осунувшееся лицо, потом с его габаритами еле втиснулся в дверь де Готье, в своем черном, матовом доспехе, и наконец втолкали меня. Мама испуганно охнув, взяла в охапку сестру, которая прижимала маленького брата и отошла за отчима. Который опешил, явно не ожидая увидеть костеродного с охраной у себя дома.

Картина маслом.

В маленькой комнатухе стоит куча народу, с одной стороны испуганный отчим, который к его чести был без оружия, но инстинктивно пытался закрыть собой маму с детьми. С другой стороны куча закованных в сталь и вооруженных людей, и я посередине. Я прям видел, как у мамы задрожала от страха челюсть. Еще чуть-чуть и начнется паника.

Вытолкав меня вперед де Готье спросил.

— Это ваш?

— Сына! Воскликнула мама, ринувшись ко мне, опомнившись, поставила сестру на пол.

— Наш, отозвался отчим все еще не понимая, что происходит. Потом видно очнувшись, и вспомнив как себя надо вести поклонился, — Да господин, это наш сын.

— Свободны, бросил через плечо де Готье своим низким густым голосом.

Когда солдаты вышли, шумно выдохнув он снял шлем, проведя рукой по лицу будто снимая усталость, поставил его на стол чуть не развалив его.

— Хозяйка попить дай, пробасил он.

Мама все еще опасаясь, набрала воды и протянула ему кружку смущенно отводя глаза: — вот вода, извините больше ничего нет.

Затем предложила воду экзекутору, с явной опаской глядя на темноту капюшона. Де Готье пил не спеша, внимательно осматривая нехитрый быт и самих хозяев. Наконец выпив все, он вытер тыльной стороной рукой усы, потом вложив в руку ошалевшего отчима пузатый кошель, и подтолкнув меня пробасил густым голосом.

— Забирайте. И вышел не дожидаясь ответа, чуть не снеся косяк вместе со стеной, едва задев его плечом.

Только они вышли, мама, причитая, обняла меня, засыпая вопросами. Отчим все еще не веря в случившееся, подошел к двери и осторожно выглянул, переводя ошалевший взгляд с кошелька на костеродного, проводил солдат взглядом. Для них костеродные, а тем более брат экзекутор из ордена Искупления это головная боль. Люди которым только кланяются, а тут вернули сына, да еще и заплатили за это. Естественно, что они в ступоре, обычно всегда наоборот. Сестра устав стоять, подошла и крепко обняла своими маленькими ручонками, потом уселась на кровать рядом с маленьким братом. Я не знал, что мне делать, я просто боялся смотреть в глаза женщине, что являлась матерью Дария, все-таки мама есть мама, материнское сердце может мгновенно почувствовать неладное. И боясь, что меня сразу раскроют, пытался потянуть время, отводил глаза и отбивался отговорками шаркая ножкой.

Наконец устав придумывать что-то, я решил прибегнуть к универсальному методу, всегда работающему во всех мирах

— Мам я очень устал и хочу кушать. Решил, что утро вечера мудренее, за ночь что-нибудь придумаю. Я решил, что не буду пока отсвечивать, и буду вести себя так, как вел до этого Дарий, быть ниже травы и тише воды. Он боялся любой ответственности, и избегал ее как только мог, так что пока немного не подрасту, мой удел и образ жизни, был образ тихого и послушного деревенского пацаненка. А то слишком кардинальные перемены получались, могли возникнуть вопросы.

Придумывать ничего не пришлось. Привезли не меня одного, и "Благодарные соседи" уже всем рассказали. За ночь вся история обросла просто невероятной кучей "подробных и правдивых" историй, о которых ни я ни участники всех событий не знали. Я сразу стал местной знаменитостью. Конечно, меня потом насильно усадили и расспросили подробно, что на самом деле произошло. Мне лишь оставалось рассказать, что помнил, ссылаясь на травму и потерю сознания, мол потом очнулся уже после ритуала, ну а дальше вам соседи рассказали. В общем все обошлось, никто не понял, что в теле сына уже другой. Заплатил мне де Готье кстати, двадцать монет серебром. Столько врачеватель получал за свою работу за поход. К слову, мой отчим Ливио, получал эти же деньги за год работы. Чему была несказанно рада вся семья.

Жили мы на осколках некогда великой империи Аа-ша-ках. Именуемой паучьей империей, у них был изображен черный ядовитый паук в центре герба. Они отождествляли себя с мастерами плетения чар, плетя их с тем же мастерством, как паук тклет свою паутину. Но завоевав все земли и покорив всех врагов, они не смогли справиться с врагами внутренними. Пять великих домов Аа-ша-ках начали выяснять между собой, кто из них самый главный. Великим магам прошлого оказалось скучно просто жить, они начали плести сложные интриги против друг друга, но как и всегда, что-то пошло не так. Они наплели такого, что сами не смогли разобраться, где начало и где конец. Запутавшись окончательно, они передрались между собой, чуть не похоронив в пламени пожара весь мир, все то, что веками строили и создавали.

После кровопролитной войны начался великий упадок. Разрушенные и обезлюдившие города и континенты. Большинство знаний оказалось закрыто, все книги и манускрипты осели в родах и клановых сокровищницах, молодые поколения обучались только тому, что было у них в родовых библиотеках. Магия постепенно вырождалась, маги мельчали с каждым поколением, перестали рождаться чародеи способные двигать горы и высушивать моря. Стали рождаться узконаправленные маги, инвалиды — так их называли остальные. Им гораздо легче давалась одна сторона искусства, и в разы больше сил они тратили на противоположную.

Некогда единая великая империя развалилась, и теперь карта стала напоминать "одеяло дружбы", которое сметал на коленке из разноцветных лоскутов какой-нибудь подвыпивший подмастерье портного. Многие захотели отколоться и жить своим умом. Пустых престолов оказалось много, а претендентов на них — еще больше. И у каждого из претендентов, даже самого убогого, нашлись последователи, которые всячески пытались посадить своего протеже на трон. Плюс под шумок особо лихие авантюристы, не мудрствуя лукаво, начали перекраивать давно размежеванные границы.

Но урокам истории никто не внял. Начался темный Век Смуты.

В результате мир захлестнула новая война. Все опять начали резать всех, в ход шли любые методы и средства, люди просто озверели от насилия и крови. Рушились города, и сжигалось наследие некогда великой и казалось бы нерушимой империи. Естественно, что

сталь перестала быть единственным способом упрочить свои позиции, к ней на помощь снова пришла магия. Преимущественно конечно же темная, потому что светлое чародейство было создано не для войны.

И вновь зашевелилась земля на кладбищах, и вновь полезли мертвые, чтобы терзать живых. На старых капищах вновь установили деревянных идолов, их рты были густо измазаны свежей кровью. В глухих болотах за клубился желтый туман, вдохнув который, человек забывал все, что знал. На дверях деревенских домов, как в старые времена, появились венки из трав и соль на порогах, которые, по поверьям, отводит злой взгляд и не пускает черные души в дом.

Черные маги, некроманты, колдуны и ведьмы — все те, о которых люди давно забыли, оказывается, вовсе никуда не сгнули. Они просто где-то отсиживались все это время и ждали своего часа. И дождались.

И очень быстро те, кто дал им свободу и призвал на помощь, пожалели об этом. Ученики темных путей знания не собирались никому отвоевывать престолы за жалкие золотые крохи, их интересовала только собственная судьба и вся та власть над людьми, до которой они могли дотянуться. Нет, они могли посадить на трон удобного для них человека, но при условии, что он будет играть по их правилам и им на пользу. Но свои личные интересы новоявленный правитель должен был держать при себе, являясь, по сути, не более чем марионеткой в чужих руках.

Но последователи темных путей допустили ошибку, которая стоила многим из них жизни. Просто они никогда не умели объединяться, в отличие от своих коллег, практикующих магию света и жизни. Отдельно стоит заметить, что маги разных конфессий и школ никогда друг с другом без нужды не воевали. Они превосходно уживались, ведь делить им было нечего, да и методы и цели у них разные. Правда, если дело доходило до личных интересов, вроде власти или денег, могло произойти все что угодно. Впрочем, подобным грешат все — и маги и обычные люди. И еще большой вопрос, кто больше.

Но светлые маги тоже хороши. Они привыкли что к ним относятся с почитанием и раболепием. Их снобизм был у них в крови, и он никуда не делся, сыграл с ними такую же злую шутку. Они тогда прекрасно осознавали, куда все клонит, но бездействовали, терпеливо ожидая, когда люди не одаренные явятся к ним с поклоном и просьбой о помощи.

Но вот только эти самые люди сами решили свои вопросы и проблемы. Впервые в истории, они сами смогли справиться с проблемой без магов. Это был самый первый и самый тревожный звонок. А такие вести чрезвычайно быстро разлетаются, люди, уставшие от страха веками их терзавшего, легко усваивают то, что им выгодно.

Люди собирались в толпы и разносили по кирпичику башни магов вместе с их обитателями. Причем не спрашивали виноват или нет. И запылали костры на площадях больших городов и в маленьких селениях, горных поселках и лесных хуторах. Оказывается маги дошли так же, как обычные люди, с воплями сгорая на шестах в пламени. Так что люди не особо разбирались, черные они или светлые? Чародей? Пройдемте на костер! И естественно сжигали все книги и фолианты, свитки и манускрипты. Уничтожая великое прошлое некогда могущественной империи.

Так и образовались границы всех ныне существующих стран. Наше было королевство Сезия, самое большое, самое слабое и бедное, из триумvirата Сезия — Аакария и Оскинское королевство. Также именуемые как центральные королевства. По сути мы являлись перевалочным и продовольственным придатком, служа буфером между обжитыми землями

и дикими, глухими и опасными территориями, за которыми находился большой и вечно беспокойный сосед — Атрийская империя наследница Аа-ша-ках, вернее то немногое, что от нее уцелело. На северо-западе были свободные герцогства, вечно грызущиеся между собой, и полупустые территории. За Аакарией, отделенные от герцогов отрогами Сагитовых гор, растянулся восточный край, бескрайние леса вольных баронов. Которые не признавали никого над собой, и дрались с любым, кто посягал на их свободу и пасеки. Ведя разгульный, пропитанный пивом и медовухой образ жизни. Южнее Сезии, отделенный от нас теплым морем, был большой полуостров. Золотая марка. Родина высоких и смуглых южан, ароматного кофе, больших и шумных базаров, и огромных плантаций с табаком. Живущая за счет честной торговли с кем угодно днем, и контрабанды им же, всего чего угодно ночью. Ведя бесконечную войну с пиратами, которые кишели в бесчисленных островах вдоль полуострова. Ей управлял совет кланов, входящих в марку. На севере были ледяные острова, суровых и вечно жадных до чужого добра и рабов Нордлигов. Которые умудрялись грабить всех на своих крутобоких суденышках где угодно. От имперцев до золотой марки, даже в центр забирались к Оскинскому королевству, спускаясь по рекам.

Мы жили недалеко от побережья, и прогретое от теплых южных течений море, влияло на климат, холодов тут никогда не было, погода была теплая, зимой снега не было, лишь дожди, грязь и слякоть. Находясь южнее основных трактов, наши земли считались плодородными и относительно безопасными. Собирали тут по три урожая за год. Впереди была осень, работы в деревне было валом, шел поздний урожай. Мать работала в поле, собирала урожай вместе с остальными. Отчим работал в охране, в купеческой гильдии, частенько подолгу отсутствуя. Мне же досталась вся работа по дому, так-как сестра совсем маленькая. В ее обязанности входило накормить домашнюю живность, которую она как любой маленький ребенок добросовестно забывала, или игнорировала, играя с такими же соседскими соплюшками. Так что мне приходилось постоянно ей напоминать, или в большинстве случаев просто делать все самому. А после, идти помогать маме в полях. Первое время было очень тяжело, но меня никто не спрашивал. Просто поставили перед фактом, иди делай то, то и это. К вечеру моя спина просто отваливалась. По сути, работа была или в поле, или дровосеком, или охранять тех, кто работал в поле, или тех, кто был в лесу. Все, больше выбора не было от слова совсем. Меня, мелкого шкета, естественно никто и никогда не взял бы в охрану. У Дария были друзья, такие же соседские дети. И поначалу я пытался соответствовать, играя с ними, но это мне довольно быстро надоело. Одно дело любить детей, гладить их по голове наслаждаясь их счастливым смехом. Совершенно другое — жить среди них и слушать весь этот слюнявый бред, кто кого там толкнул и кто у кого что отнял, выслушивая небылицы и сказки, потом пересказывая их друг другу. Так что довольно быстро мне это надоело, и я сосредоточился на работе по дому и помощи своей новой семье, отбиваясь отговорками и прикрываясь родителями.

Повезло еще, что парень в чье тело я попал, был двужильный, он похож с малолетнего возраста работал, и все было привычно. Все соседи теперь знали, что я врачеватель, и приходили по мелочам, но это были копейки. Нам нужно было сдавать налоги, хоть из кожи вылезти, если не хочешь попасть в рабство за долги. А еще себе оставить, чтобы с голоду ноги не протянуть зимой. Тут особо не спрашивали, успел не успел, выросло не выросло, твои проблемы, будь добр сдай положенное, а положено немало. А если нечего сдавать, в счет уплаты наденут ошейник раба, и снова пойдешь работать под плетью туда же, бесплатно, за паршивую еду. И Выбраться оттуда практически нереально, конечно, твой господин может

освободить тебя, по доброте душевной, если все звезды сойдутся, а у него будет хорошее настроение. Но ни один из благородных хозяев не будет освобождать свой “инструмент”, чтобы потом ему же и платить за то, что он может делать бесплатно. Конечно, были те кто бежал, а после жил разбоем, или пытался уехать подальше, чтобы найти лучшую долю. Но жили мы на побережье, и места были обжитые, так что, как правило, таких все равно находили, и участь их незавидна. Повезет если убьют быстро. А скорее всего отправишься на каторгу в рудники, если ты мужчина, или в портовые бордели обслуживать в день по тридцать человек, провонявших тухлой рыбой моряков, если ты женщина, а скорее всего, тебя отправят на бойню на арене, все для развлечений костеродных. В всех случаях, гибель тебе обеспечена, вопрос лишь в том, сколько ты протянешь и как именно умрешь. В общем, чудовище живет, и сердце этого чудовища это рабство, кровь еще пища. В счастливый и полный радости мир меня угораздило попасть.

Огромной удачей было то, что парень был грамотный! Языков и диалектов была масса, но основных было всего два. Отец обучил и читать и писать, на общем и Атрийском, его с братом и маму, уж не знаю, где он сам выучился. Хотя она скептически относилась к грамоте, мол зачем мне это, вон дети пусть учат, им жить еще, а за меня ты будешь читать. Как оказалось, понадобилось, и сильно. Когда погиб отец, работавший десятником во время налета разбойников, было очень тяжело. К маме потом периодически приходили селяне, с просьбами помочь написать письмо, или прочесть. Какая никакая копейка за услуги была, но чаще всего продуктами. Сестра в силу возраста естественно не умела, она нормально ходить то начала недавно. Вообще, с грамотой тут проблемы сильные, тут то костеродные не все читать и писать умели. Про обычных людей и говорить не стоит, повезет если один из ста умеет читать, считать умели почти все, но в основном по пальцам, и максимум это до двадцати.

Были конечно родственники у отца, они когда узнали про нашу беду, помогали немного, но им самим жилось так же как и нам. Так что вскоре мама осталась одна с тремя детьми. Сестра, Дарий и старший брат. Все дети были маленькие, только брату было почти пятнадцать. Он недолго думая, пошел возницей в караваны курсирующие в Райлеге, самый крупный портовый город и главный центр торговли королевства недалеко от нас. Это был единственный способ более менее прилично заработать. Когда без вести полностью пропал караван, нашли только несколько пустых телег, да разбросанные товары, маму сильно подкосило. Мама была еще молодой, красивой, и статной женщиной, которая искренне любила своих детей. Ее фигуру несколько не испортили несколько родов. Хорошо подумав и видно решив, что одна не справляется, она решила разделить судьбу и ответственность за будущее ее детей с тем, кто этого захочет. Тут и подвернулся Ливио, который в последствии и стал нам отчимом. Человек он был неплохой, но абсолютно не умеющий ладить с детьми. Да и двум маленьким детям, которые боготворили своего отца, сложно было принять совершенно чужого человека. Мама конечно пыталась содействовать этому. Но в результате, это было постольку-поскольку. Да и положив руку на сердце, он не сильно то и пытался. Конечно были попытки подружиться, но после нескольких неудачных попыток, он сдался, решив, что проще Дария с сестрой не замечать. На что они ему отвечали полной взаимностью. Потом мама забеременела еще раз и всем стало совсем не до их проблем и желаний. Сестра была еще маленькая, и постоянно была дома, а парень в теле которого я очнулся, оказался предоставлен сам себе.

По уши увязнув в сельских заботах, я не заметил, как пролетели полгода, наступала весна. Начались посевные работы, и свободного времени не стало совсем. Вечером, я буквально падал уже без сил, проваливаясь в сон. До нас начали доходить тревожные вести, пиратские набеги участились. Они хватали всех в рабство, увозя в “Висельные сады” на продажу. Народ роптал, многие снимались с насиженных мест и уходили или на север, ближе к столице, или к Райлегу в поисках защиты. В отдаленных деревнях стало попросту опасно жить. Король у нас был никакой. Его заплывший жиром мозг, утонул в разврате и лени. Он весело проводил свое время, смотря кровавые бои на арене и на шикарных маскарадах, после устраивая пьяные оргии с сотнями шлюх. Его совершенно не интересовали дела королевства, хоть все сгори, я буду гулять. Союзникам тем более не было

дел до нас. Были конечно местные владельцы, костеродные, земли которых разорялись. Но у них было слишком мало сил, чтобы противостоять постоянным набегам работорговцев, которые слетались как мухи на гнилое мясо, почувствовав слабость. Потихоньку пошли караваны с беженцами, очень удручающие зрелище. Мы и сами то были далеко не богатыми, частенько питаюсь один раз в день, но по сравнению с ними, мы были зажиточные крестьяне. Их было поначалу немного, потом они начали идти мимо каждую неделю по каравану, и одиночными группами почти каждый день. Так с нарастающим волнением, постоянно слушая безрадостные новости, прошло еще полгода. Мы собрали последний урожай, облегченно выдохнув, голодать зимой точно не будем. Урожай купил целиком наш местный владелец, у которого мы и арендовали землю, не забыв высчитать положенный налог.

И вот, в один из пасмурных осенних дней, затянутый тяжелыми свинцовыми тучами, к нам в деревню приехал с подмастерьем известный врач из коллегии, принесся плохие новости. Соседняя с нами деревня, в неделю пути была разграблена и сожжена. Кого не убили, забрали работорговцы, получалось, что мы были следующие. Он было надувшись от собственной важности, предложил услуги врачевателя, может кто у вас хворает. Его обломали, сказав, что у нас есть свой гораздо дешевле. Он сразу сдулся, очень расстроившись. И попросил позвать коллегу. Он очень удивился, когда увидел меня, подумал, что его разыгрывают. Эти умники мне еще ничего не сказали, мол иди, там с тобой уважаемый человек поговорить хочет. Я весь грязный и взъерошенный, с сеном в волосах, после домашней работы приперся в трактир, и уставился на хорошо одетого тщедушного дедулю, с надменным, чистеньким молодым парнишкой, на пару лет старше меня.

— Это шутка?! Ты же совсем пацан, ты что ли тот врачеватель о котором говорят?! Я тебя не знаю, и не слышал ни разу. У кого ты обучался? Нахмурившись спросил он, он явно был расстроен, видно рассчитывал не платить за постой и ужин.

— У донна Матэо.

— Я знал Матэо, этот отупевший бурдюк с вином мог научить только одному, как пить!

— Ну, был конечно за ним такой грешок. И основная масса уроков была, как напиться в долг. Спросите вон Андрэа, это хозяин этого трактира, он ему до сих пор должен по моему остался. Но тем не менее, это действительно так, дон Матео из Глироса мой наставник. Про вас он тоже кстати рассказывал, правда в основном всякую похабщину и гадости. Вы же мастер Хоннекер, да? Дедок кивнул. — Про вас, и про донну Виолетту Розетти, правда в ее адрес звучали в основном пьяные мечты, чтобы он с ней сделал в постели. Я взял воспоминания Дария, когда этот Матэо упившись в очередной раз, рассказывал, какие у него коллеги неблагодарные сволочи, совершенно не ценят его талант великого врача.

— И что, ты лечил только тут? Спросил он прищурившись. Хитрый дед.

— Нет, был врачевателем в отряде у донна Джонатана де Готье. И он остался доволен мной, заплатил хорошие деньги. Это может подтвердить брат Нестор, экзекутор ордена Искупления. Дедок вылутился на меня, услышав последнее имя.

— Ты лечил этого психованного? И он подпустил к себе недоучку?! Он терпеть врачей не может! Собственноручно спалил пять человек на костре. Тот же Матэо от него бегал как от огня. И не зря, если бы экзекутор его бы поймал, точно бы сжег.

— Странно, я почесал макушку и вытащив соломинку выкинул ее на пол. Он не показался мне психованным. Опасным и расчетливым да, но не психованным. И когда я перевязывал ему повязку и менял компресс, он ничего не говорил мне.

— Кому расскажу не поверят! Пойдешь ко мне в подмастерье?

— Мейстер Хоннекер! Это был крик души, возмущенного и обиженного парня рядом с ним. Он с такой обидой глянул на своего наставника. Именно так смотрит муж, придя после свадьбы домой, застав в постели своей горячо любимой жены любовника.

— Спасибо за предложение, но точно не пойду. Не думаю, что буду этим заниматься всю жизнь. Помочь соседям, да, могу, но зарабатывать этим, нет спасибо, не хочу. Я смотрел на этого шуплого и хитрого деда. На вид вроде нормальный, с чемоданом инструментов и подмастерьем, одетые прилично, не как пьяница Матэо. Того сразу видно было, что он никакой не лекарь. Просто Дарий не разбирался. И пошел к нему по сути слугой, просто таскать вещи, и ничего не узнав за полгода о том, как лечить людей. Я бедной Берте за две недели впихнул все, что мог, начиная о том, как обрабатывать раны, и заканчивая сложными переломами и способами их лечения. Все по верхам конечно, но все же она теперь знала с какой стороны подступится. Под конец она сама все делала, и раны чистила и перевязку. А тут ничего за полгода, только шевелись бестолочь, где мое пиво.

— Мейстер Хоннекер. Приятно было познакомиться! Я встал слегка поклонившись как младший старшему, лишним не будет и я не переломлюсь. Мне нужно идти, рассказать семье ваши нерадостные новости.

— Да да, конечно иди. Но если передумаешь, приезжай к нам в коллегию, все-таки ты теперь один из нас, хоть и недоучка. Он похоже решил оставить за собой последнее слово, и заодно меня уколоть. Я ему улыбнулся, не став спорить, поблагодарил за возможность и клятвенно пообещав, что как только так сразу. Но мы оба поняли, что этого не будет.

Я побежал искать своих. Ждать больше не стоит, надо что-то делать. Вся деревня уже знала новости, и была как растревоженный улей. Староста собирал собрание у трактира, решали, как дальше быть. Найдя Ливио дома, рассказал ему новости, сказав, чтобы он шел на собрание, побегом искать в поля маму. Она с другими соседками как раз уже возвращались, уставшие после работы.

По итогам собрания было решено, тоже спешно сниматься и уходить на север, за столицу. Иначе, слишком велик был риск оказаться всей деревней в рабских ошейниках. Отправив посыльного к управителю, начали паковать вещи. Суэта стояла как при пожаре! Все куда-то зачем-то бежали, потом обратно с корзиной, выбросив корзину старались запихнуть не влезающие вещи в телегу, постоянно на друг друга крича. Взъерошенные куры возмущенно кудахча разбегались от бегающей за ними с плетеной клеткой и матами соседки. Мы тоже собирали вещи, у меня вещей было мало, сложив свой нехитрый скарб в вещмешок, я пошел помогать сестренке. Пока собирались, мама с отчимом успели поругаться. Слушая очередную перепалку, я стал собирать ее вещи в стопку, пока девочка сидела на кровати рядом с маленьким братом. К ее груди прижималась черная кошка и тихо мурчала. Вдруг, она вся подобралась и зашипела, увидев глубокую тень под лавкой напротив. В руку сестры впились когти, и она отбросила кота под ноги приближающейся матери, которая с громким вскриком отшатнулась, чуть не упав. Рассвирепевший отчим, держа корзину повернулся к девочке.

— Убери это грязное животное, чтобы оно не мешалось под ногами. Иначе оставим ее тут.

— Лужица совсем негрязная, — пробормотала она себе под нос.

Кошку, как вы наверняка догадались, прозвали так за ее любовь справлять нужду в неположенных местах: имя, которое едва стерпела мать и которое было встречено бурным

восторгом со стороны ее любимого скончавшегося отца. Я взял шипящую кошку, погладил и положил на кровать, она была сама не своя. Рычала и шипела на пустую лавку напротив, совершенно не желая успокаиваться. Нам было просто некогда удивляться ее поведению. Покидав свои вещи в телегу, запряженную быком на котором мы и пахали землю, стал перетаскивать все корзины и тюки с вещами. Телега у нас была одна на две семьи, так что взять много мы не могли, только самое необходимое. Ливио там еще поднял крик, потеряв свой любимый кинжал. Мама, расвирепев, вытолкала его на улицу, продолжив собирать вещи одна. Он, потоптавшись на крыльце, спросил у меня, не видел ли я его кинжала. Получив отказ, пошел бухтя под нос проверять к своему другу и коллеге. Собрались мы сравнительно быстро, за день вся деревня сидела на тюках. Переночевав, решили с раннего утра выехать. За ужином, собрав семейный совет, мы все обговорили, куда едем, и в случае чего, если отстанем, куда добираться самостоятельно. Контрольной точкой был назначен сам Глиросс, там, возле столицы, у Ливио жила дальняя родня, в случае чего они помогут.

Выехал наш караван с утра, этот лекарь, мейстер Хоннекер справедливо рассудив, поехал с нами, вместе было гораздо безопаснее на дорогах. Естественно просто ехать ему было скучно, и он решил развеять свое любопытство, бесцеремонно влез к нам в телегу вместе со своим надутым, и отчаянно не желающим даже смотреть в мою сторону подмастерьем. Он с хозяйским видом вытащив чьи то пожитки, и бережно положил на их место свой чемодан, накрыв тряпками и положив сверху вытащенные вещи, улыбнулся пожав плечами, посмотрев на меня. И начал доставать меня вопросами. Места в телеге и так было мало. Мама с сестрой и маленьким братом были в середине каравана. Ливио был в охране. Меня как уже большого, посадили в хвосте чтобы помогал в случае чего ремонтировать поломки. Остальные жались сначала как могли, потом решив, что и пешком нормально пойдут, покинули докучливого дедка. Оставили меня на растерзание сволочи! В итоге в телеге остались сидеть на куче вещей я с лекарем и его подмастерье. Он засыпал меня вопросами; а что, а как, а как это сделать лучше. Я старался отвечать размазано, сидел уже закипая, когда услышал нарастающие крики с головы каравана. Дедок решил посмотреть, что там произошло, высунулся наружу. И тут же поймал арбалетный болт! Который вошел ему прямо в шею, он подавившись, и кашлянув кровью, завалился на землю вперед лицом, как и стоял.

— Мейстер! Его подмастерье вскочил с круглыми глазами, протягивая руки к своему наставнику, который несомненно уже был мертв.

Лучше бы сидел идиот. Потому что высунувшись и заорав, он привлек к себе внимание. Я как будто провалился в кисель, все замедлилось в разы и я прям как замедленной съёмке смотрел, как в него сбоку с глухим чавкающим стуком, вошло еще два болта. Его поломанной куклой отбросило к краю дороги. Потом, как будто меня прорвало, время вернуло свое привычное течение и лавина звуков навалилась со всех сторон. Крики с головы колонны нарастают, там явно шел бой. Услышав сзади возню я обернулся, там возница заваливался на лавке, удивленно уставившись на две стрелы, которые торчали из его груди. Вот дерьмо. Я один в хвосте колонны, из оружия у меня только нож, который я сжимал до боли, думая, что мне делать. Вылезти сейчас из телеги, означало умереть. Сбоку раздавались команды, кто-то распределял какие телеги грабить. Моя была первая на очереди...

Раздался топот, ко мне тяжело дыша бежали двое. У первого, заросшего нечёсаной бородой по глаза, и начинающейся сединой на висках, были руки были размером с мою талию, а ладони — с тарелку. У второго, совсем еще молодого парня с пушком вместо

щетины — красивые голубые глаза и улыбка человека, который душил щенков на досуге.

— Да будь я проклят! — выругался первый. — Совсем пацан еще, ему лет двенадцать.

— Значит до пятнадцати не доживет, — пожал плечами второй. — Не дергайся мышка, кошка сделает все быстро, и скоро все закончится.

Тут ты дорогой дружок, сильно заблуждаешься, я сейчас хоть и выгляжу как мелкий недокормленный шкет, но уж точно не являюсь мышкой, я скорее крыса. А у крыс как известно свои понятия об играх с кошками.

В этом мире, как и в любом другом, живут два типа людей: те, кто бежит, и те, кто борется. Существует много определений для описания свойств людей второго сорта. Боец. Берсеркер. Или инстинкт убийцы. Выбирать что именно нравится вам. Я же свой выбор сделал давно, спасибо дед, где бы ты не был.

Душителю щенков подошел, продолжая улыбаться, протянул руку...и отшатнулся, согнувшись с диким воплем держась за кинжал торчащий из глаза. А что ты думал, подонок, убивая детей все будет так просто. Ничего подобного! Заросший громила явно не ожидал такой прыти от мелкого пацана, вылупился на меня зависнув на секунду. Этой секунды мне хватило, чтобы вцепиться ему со всех своих невеликих сил по яйцам. От души так сказать. Он охнул, аж подпрыгнув, согнулся, держась за пострадавшее хозяйство, рядом с воющим на высокой ноте напарником.

— А ну стой паршивец, да я тебя...уууух! Серьезно? После того, что я сделал, он думает, что я вдруг стану послушным мальчуганом, и буду молча ждать своей участи пока он отойдет?

Схватив свой рюкзак, я побежал со всех ног в лес, с противоположной стороны, откуда навалились разбойники. Сейчас тут мне делать нечего, я мало чем смогу помочь обороняющимся, буду только отвлекать. Словно услышав мои мысли, и увидев, как я бегу в лес Ливио крикнул: — давай Дарий, беги! Рядом прожужжала рассерженной пчелой стрела, оглянувшись, я увидел, душителю щенков отошел от шока и вытащив кинжал из глазницы, явно пылал праведным гневом и жаждой возмездия, накладывая на тетиву новую стрелу. Что, сложно целиться не тем глазом да урод? Я на бегу начал хаотично вилять из стороны в сторону, сбивая ему прицел. Он выстрелил еще пару раз с тем же успехом, и бросив лук ринулся за мной с целью поквитаться. Сзади схватка разгоралась, наши, отойдя первого шока внезапной атаки бандитов, боролись за свои жизни с нарастающей яростью. Очень велика вероятность что они отобьются, нас было больше, и свое преимущество внезапности они уже растратили, уж очень топорно сработали нападавшие. Главное, теперь мне дожить до этого момента.

Пробегая мимо дерева, в которое воткнулась последняя стрела, я выхватил ее из ствола на бегу, и еще больше припустил в лес. Какое никакое, а оружие. Слыша, как сзади громко матерясь просто отборными ругательствами, ломиться сквозь кустарник мой преследователь, давай ругайся еще, сбивай дыхание. Ох, и сильно я его похоже разозлил. Я пролетел нагромождения камней с росшими на них молодыми елями, нырнул в бурелом, и побежал изменив направление, в надежде скинуть его со следа. Но он словно охотничий пес, упорно пер точно за мной. Мы долго так уже бежали, звуков схватки давно не слышно. Чаща была все гуще, и бежать становилось все сложнее. Ну что же, раз вопрос встречи решен. Нужно выбрать место этой самой встречи на моих условиях. Заметив очередной холм с камнями, я свернул к нему, выбрав место между здоровенным гранитным булыжником наполовину покрытым мхом, и упавшим сухостоем. Скинув рюкзак и стараясь выровнять

дыхание, сломал стрелу на две части, по одной в каждую руку. Осталось лишь дожидаться душителя щенков.

Он не заставил себя долго ждать, выбежав на поляну перед камнями согнулся, оперевшись рукой о дерево и со свистом втягивал воздух, его заметно пошатывало. Перекошенная рожа вся в крови, красавец. И судя по всему он решил отдышаться. Нее приятель, это ты зря! Нельзя давать ему перевести дух.

— Эй капитан одноглазка, ты как там? Я слышал, в портовых борделях Райлегга в моде одноглазые мальчики, уверен ты будешь пользоваться бешеной популярностью!

— Убью тварь! — прохрипел он.

Мне пришлось держать позицию ближе к камню, для маневра, боясь зацепиться за бурелом. Запрыгнув на камни, он сразу ринулся на меня, пытаюсь, достать размашистым ударом, поднырнув по руку с ножом и уйдя вправо, я всадил ему в бок обломок стрелы с оперением. Он вскрикнул изогнувшись, и улетел в бурелом с треском ломая ветки.

— Не дергайся кошка, все будет быстро. Вернул я ему его подначку.

Он больше не улыбался, зыряка на меня единственным глазом, начиная осознавать всю глубину темных вод в которые заплыл. И несомненно жалея, что ввязался во все это. Ну же, поманил я его оставшимся обломком стрелы. Он все-таки нашел в себе силы встать, снова упав на колено, едва удержавшись рукой за дерево. И прыгнул на меня, подмяв своей тушей под собой и... умерев от обломка стрелы с наконечником в подбородок. Как я и говорил, у крыс свои представления об играх с кошками. Еле спихнув его с себя, сел облокотившись о камень. Я только сейчас понял, как же я устал, адреналин отпускал. Сильно потряхивало, ноги оказались ватными и напрочь отказывались слушаться, руки не поднимались совсем. Я сам не понял, как уснул.

Проснулся я от того, что жутко замерз, камень подо мной вытягивал все тепло. Уже стемнело, и я почти наощупь в тусклом свете луны нашарил свой рюкзак. По-хорошему стоило бы было забрать у этого урода куртку, но прикоснуться к нему если честно было противно. Так что стуча зубами, нашел огниво в рюкзаке и наломав с бурелома веток развел костер, чтобы согреться. И сидя там лесу у костра, я почувствовал, что тут есть кто-то еще, кроме меня и трупа, что лежит недалеко.

Что-то последовало за мной с того места. Места проведения ритуала в руинах, места, где умер тот отступник-заклинатель. Нечто голодное. Слепое, истощенное сознание, мечтающее о плечах на которые можно опереться, плечах увенчанных полупрозрачными крыльями. И о том, кто их подарит. Я не сразу это понял, замечал на краю сознания, но понял только потом. Да и нашему человеку сложно заметить тень под лавкой, которая чуть гуще чем должна была бы быть. Ни при свете одинокой замасленной свечи. На нее просто не обращаешь внимания, пока не увидишь, что она перетекает в соседний угол. По мне пробежал озноб. Озноб был физическим ощущением, вытекающим из темноты и сворачивающимся вокруг моих ног; холодным, как ледяная вода. Я точно почувствовал чье-то присутствие — или, скорее, отсутствие. Похожее на чувство опустошения после длительных объятий с близким человеком. И тогда я понял, твердо и уверенно, что в там углу под камнем вместе с мной кто-то есть.

Ждет и наблюдает.

— Кто здесь? — прошептал я.

Рябь в черноте. Бесшумное чернильное землетрясение. И там, где секунду назад ничего не было, что-то блеснуло в свете маленького костра, и пробивающейся сквозь верхушки деревьев серебряном свете диска восходящей луны. Что-то длинное и острое, какой может быть только кинжал с деревянной рукояткой в форме медвежьей головы. Последний раз я видел его у Ливио, после того, как мы в спешке собирали вещи, тогда он сильно возмутился его пропажей. Кинжал отчима. Я потянулся взять его и ощутил прикосновения, легкие как дым. Почувствовав, как нечто выползло вместе с мной, свернулось в моей тени, тянуло за ноги. Опустив взгляд, я увидел, как моя тень зашевелилась. Она извивалась и царапалась, словно живая амеба, и протягивала свои голодные ручищи. Вроде бы пора испугаться, но страха не было совсем. Был интерес и спокойная уверенность, именно так себя чувствует человек, сидящий у себя дома, с кружкой чая за просмотром интересного фильма. Я понятия не имел, что это и чего хочет, — знал лишь то, что оно для меня не опасно, если бы этот сгусток теней хотел, уже давно бы мне навредил. Протянул к существу руку, желая его погладить, но та прошла сквозь него, как через струйку дыма. Вглядываясь в его черноту, уловил уже знакомое ощущение — страх вытекал из тела, как яд из раны. Оставляя лишь холодный рассудок. И тогда я понял: хоть и сейчас со мной нет никого, я все равно не одинок. Наломав еще дров для костра, я устроился поудобнее, расстелил свое одеялко на еловые лапы, чтобы не мерзнуть на камне, улегся калачиком у огня, жуя сухарь. Надо еще поспать, а утром идти назад, меня наверное ищут.

Естественно я проспал! Проснулся когда солнце стояло уже в зените, огонь давно уже погас, какие-то птицы переругивались у меня над головой. Сев и смахнув тыльной стороной ладони еловые иголки с щеки, пытался сообразить, что же сначала делать. Мысли как стайка цыплят, разбегались в разные стороны. Похлопал по щекам, и сделав несколько махов руками разгоняя кровь и собирая мысли в кучу. Надо поесть, да все-таки осмотреть труп, что всю ночь лежал в паре метров от меня, и двигать назад. Иначе я рискую остаться один в лесу, они вполне могут посчитать, что я погиб, а скорее всего не станут слушать моих родных, которые будут меня искать и двинут дальше. Конечное место встречи мне было известно, но не хотелось бы остаться в незнакомом лесу одному с кинжалом, моя тень тут же

пошла рябью: — да, прости, не одному, но сути это не меняет. Засунув в рот сухарь, принялся обшаривать карманы моего преследователя. Нашел еще один сапожный нож, серебряную цепочку явно с кого-то снятую, и в подкладке нащупал кошель, распоров присвистнул. Семнадцать монет серебром, и здоровенный, весь в засохшей крови, золотой перстень с камнем и выбитым гербом. Неплохо разбойники живут. Немного подумав, стянул с него широкий кожаный ремень, он мне конечно великоват, но вещь добротная и хорошая, найду куда пристроить.

Отчиму вон отдам в конце концов, ему в самый раз будет. Остальное все было мне велико, или паршивое или в крови. Собрав нехитрые пожитки, двинулся в обратную дорогу. Заблудился раз пять... даже возвращаться пришлось один раз к месту ночевки, так-как бежал я как заяц, петляя и меняя направления, пытался скинуть с хвоста этого упорного придурка, который все-таки догнал свою судьбу. Да и бежали мы как оказалось, гораздо дольше, чем мне тогда показалось. Как результат, к месту где мы попали в засаду я вышел уже сумерках, выходило больше суток времени прошло. И конечно же, меня никто не ждал... Встретили меня лишь трупы в тишине, да воронье, которое уже начало свою трапезу. Они даже погибших не стали видно обирать, все бросили как есть, даже пара телег с мертвыми лошадьми стояли на дороге. Просто перекинули скарб в освободившиеся, и уехали в спешке. Я скинул свой мешок с плеча на дорогу и стоял размышляя. Замечательно, и что мне теперь делать?!

Первым делом, я пошел осматривать покойников, надеюсь с моими все хорошо. Ливио вроде умелый воин, но случиться может всякое. Покойников оказалось почти пять десятков, вместе с нашими. Слава богам, моих среди них не было, из знакомых только кузнец лежал утыканный болтами как еж, в куче из трупов нападавших, так и не выпустив свой двуручный молот. Да этот приезжий “Лекарь” получивший болт в самом начале. Почесав макушку, стал собирать в кучку все более менее легкое, и самое ценное, что было на этой братской могиле. Спустя полтора часа стал счастливым обладателем двух золотых, и еще пять десятков серебра с учетом уже бывших у меня. Пара колец и цепочек, и с виду дорого ножа в серебряной оправе. Но самое главное, тут остался чемодан с инструментами и расходниками этого лекаря. Так же, нашел себе еще пару метательных ножей, удобно сидящих в руке, и маленький арбалет. Неожиданно до меня дошла мысль, пойду-ка я склон посмотрю, с которого на нас напали, вдруг там стоянка этих ребят есть. Подумав оставил арбалет в кучке трофеев, но взял свой мешок и чемодан лекаря. Пошарил по склонам, лагерь то я нашел, но там кроме двух раздетых трупов, да мусора, ничего не было, либо я не нашел, либо уже забрали. Уже когда возвращался назад, я услышал глухой стук. Присев на склоне за кустами, аккуратно в том месте откуда в нас и стреляли. Вижу, два десятка человек выстроившись в цепочку, молча, общаясь знаками осматривают место нападения на караван. В кольчугах, в рогатых шлемах и волчьими шкурами на плечах. Нордлиги пожаловали. Вовремя я ушел... Тут один из этих бородачей с топором и разукрашенным кровью лицом, заметил мою аккуратную кучку трофеев, и начал осматривать склон, на котором я собственно и сидел. Я прям кожей почувствовал его взгляд. Тень пошла рябью и слегка потянула за ноги. Да, все правильно, надо валить отсюда. Этих ребят спрятанным ножиком да парой ругательств не возьмешь. Вещи жалко, хорошо хоть деньги да кольца додумался в котомку убрать.

Пригибаясь, и по возможности стараясь не шуметь побежал. Обогнув склон, я дунул со всех ног, стараясь сохранить дыхание, не время больше скрывать. Они уже скорее всего нашли мои следы, и мне нужно как можно больше разорвать дистанцию. Нырнув в овраг к

ручью, побежал по склону путая следы. Я старался все же держаться параллельно дороге, местность то незнакомая. Поднявшись с оврага оглянулся, там в начале спуска, совершенно не скрываясь стояли трое, глядя на меня. Там был и тот самый с топором и измазанной кровью лицом. Похоже все-таки выследили, не помогли мои ухищрения ни сколько. Только, похоже эти ребята за мной бежали, чтобы посмотреть, кто это тут такой шустрый бегал. Сомневаюсь, что им прям сильно нужен было мой скарб или я сам, им нужно было знать, кто был на склоне, они узнали. Увидев, по сути малолетнего мародера, похоже потеряли интерес к моей скромной персоне. Постояв пару секунд его друзья ушли назад, он двумя пальцами показав себе на глаза, потом перевел их на меня, мол я тебя вижу. Развернувшись, он ушел к своим и скрылся за кустами. Я прям выдохнул с чувством, вот пронесло то! Но, на всякий случай побежал дальше, петляя, мало ли что удумали.

Как оказалось, удумывать они ничего и не собирались, на мое счастье, я им правда оказался не интересен. Толи решили, что оно не стоит того, чтобы гоняться за одиноким пацаном по лесам. Они сюда явно не собирать мелочь пришли. Вообще странно, в памяти Дария, да и по рассказам, Нордлиги никогда особо вглубь не заходили. Пограбят поселения и города на побережье, да отплывают к себе довольные, а тут прям целенаправленно лезут все глубже и глубже. Я двигался вдоль дороги, стараясь держаться подальше, но чтобы не терять ее из виду, вдруг увижу еще один караван беженцев. Но в то же время, боясь наткнуться на разбойников или костеродных господ.

Особенно из обедневших семей, а таких было подавляющее большинство. Последние были еще хуже разбойников, от тех то хоть знаешь, что ожидать. Да отпор можешь дать в случае чего. Тут же, это те же разбойники только с грамотой на право грабежа, наткнуться на тебя одного в лесу или поле. Он просто заявляет, что ты его сбежавший раб и все, привет рабский ошейник и клеймо беглого раба на щеке. И ничего никому ты не докажешь, его слово против твоего весит гораздо больше, он же из знатного рода и по определению честь не позволяет ему врать и так далее в том же духе.

А отпор ты дать не можешь, потому что поднял руку на “знатного человека из древнего рода”, и все, значит ты разбойник, а не мирный селянин, и тебя надо или повесить или в рабство. И только так. Почти любой суд, где есть канцелярия управителя будет на их стороне, если они конечно уже совсем не наглеют и есть масса свидетелей. Да и разговаривают они с простыми людьми только снисходительно, как с детьми, либо повелительно, либо если первые два не помогли, лошадами давят. Особенно, если они на своей земле. Так что, ты скотина, и место твое в хлеву. А они люди, и все остальные рабы и рождены им прислуживать. И никого не волнует, что этот “господин” пятый сын замшелого барона, получившего земельный надел у черта на куличках, в ходе бесчисленных войн, и бывшего до этого или наемником или бандитом, такой же нищий, а зачастую еще хуже, чем ты. У них там конечно своя внутренняя и довольно сложная ранговая система, определяющая кто с кем и как будет разговаривать, зависящая от силы рода, его известности, владений, близости ко двору, и очереди на наследство, но почти всегда классовые предпочтения сильнее, свои поддерживают своих, а потом уж разбираться кто виноват, дело десятое.

Да и если и дойдет до выяснений, право силы никуда не делось, в подавляющем большинстве случаев они начинают обучаться шпаге раньше чем читать и писать, а селянин рождён или с топором дровосека, или с тямкой. И даже если захочет, ничего не сможет сделать. Да и саму шпагу, имеют право носить только костеродные, остальные что угодно

кроме шпаги. Одно хорошо, все эти господа друг друга режут еще с большим упоением, если выпадает случай.

Мне же, ничего не оставалось, как продолжать следовать дальше, держа дорогу в пределах видимости. Незаметно подкрался вечер, и в лесу начало очень быстро темнеть. За весь день по дороге я не увидел ни одной живой души. Никто не решался путешествовать в смутные времена. Караванов не было видно, наш похоже был единственный, и он быстро удалялся от меня. Даже звери разбежались похоже. Живот начал утробно урчать, за весь день у меня не было и крошки во рту, мне было некогда. Я пытался пройти как можно больше. Найдя в темноте укромное место, я сделал привал, наломав сухих веток и разведя костер в лощине чтобы его не было видно издалека. Запивая сухари водой из фляги, принялся ковыряться в сумке погибшего лекаря.

Я радовался как маленький ребенок новой игрушке, рассматривая всевозможные баночки с травами и мазями. Но главное, у него были отличные инструменты! Качественный и сразу видно сделанный на заказ набор разномастных ножей, даже маленькая ручная пила была. В маленькой коробочке, я так же нашел три изогнутых иглы, и заботливо свернутые моточки тонких шелковых ниток. Перчатки из тонкой черной кожи, и резную фляжку с алкоголем. Местный бурбон, который тут называется Золотое вино, пойло для богатых. Также несколько личных писем на желтой бумаге. И пузатый кошель с золотом и серебром, последнее я даже считать пока не стал, деньги у меня были. Не было куда их тратить. Я еще удивлялся, что это он со своим чемоданом чуть ли не в обнимку сидел. Да будь у меня такое сокровище раньше, я бы тоже его обнимал. Моя прелесть!

Существенный, и единственный минус был в том, что этот чемодан был большой и очень выделялся, сделанный из черной, приятной на ощупь кожи. У деревенского парня такого точно не могло быть. Загушив костер, и собрав вещи, я присмотрел недалеко раскидистое дерево. Сделав крюк, чтобы запутать следы на всякий случай, залез на дерево на ночь, с него открывался вид и на дорогу и на мою стоянку, а меня за ветвями не было видно. Примотав себя к ветке, я крепко уснул.

Проснулся от того что меня слегка дернули за ногу. Встрепенувшись спросонья, я сначала не понял и начал озираться, соображая, что случилось, но никого не было, я был один. Тут снова легкое касание. Как будто легкий поцелуй ветра. И тут я увидел, на дороге проезжает большой отряд конных солдат с вышитыми гербами на сюрко, все вооруженные, Костеродный со свитой. Человек двести приблизительно, едут в сторону с которой я и пришел. Я опустил взгляд на свою тень, которая клубилась подо мной в кроне дерева.

— Спасибо!

Она пошла мелкой рябью в ответ. Вот так дела, кем бы оно не было, оно похоже разумно и прекрасно понимает, что я говорю. Оглянулся проверить, что в стороне где я разводил костер. Но там все было тихо, похоже никто не нашел за ночь мою стоянку. Во всяком случае с дерева не было видно ничего. Подождав пока хвост колонны скроется из виду, начал спускаться со своего насеста. Было раннее утро, и еле пробивающиеся сквозь кроны деревьев лучи утреннего солнца, были похожи на большие полотна полупрозрачного шелка, на которых ведут свой бесконечный танец пылинки. Недалеко стучал по дереву дятел, пытаюсь достать свою извивающуюся в попытках спастись еду. Просто пасторальная картинка, если бы не недавняя резня и творящееся вокруг безумие. Свернув свои вещи, я перекусил сухарями и напился в ближайшем ручье. Пополнив флягу водой, и немного

подумав я измазал глиной чемодан лекаря, чтобы он не сильно выделялся. В итоге вместо дорогого чемодана, у меня оказался дорогой, но просто грязный чемодан... А, чтоб тебя. Обвернул его тонким одеялом и привязав сверху свой вещь мешок, еще более менее. Но если придерутся, то точно его заметят. Сложно не заметить короб с мою спину размером. Ладно, пока пойдет и так, сейчас проблема это еда. Сухарей осталось мало, лес скоро кончится и пойдет степь. Если я правильно помню наставления отчима, по этой дороге мне нужно было больше недели идти пешком до ближайшего поселения, который был форт Фаслас, небольшой, но укрепленный населённый пункт на развилке дорог. В нем был расквартирован гарнизонный отряд солдат, которые по идее должны следить за дорогами. Там были нормальная еда, кровать, и самое главное, оттуда отправлялись караваны в Глирос и Райлегг. Туда стекались все беженцы, которые переправлялись в более спокойные районы. Именно через него и поехал наш караван.

— Ну что, пора в путь, ты готова? Спросил я у своей тени. Та в ответ пошла рябью, подтверждая мои мысли насчет нее. Как доберусь и выпадет свободная минута, надо будет попытаться поговорить с ней.

Лес кончился через два дня, я питался на подножном корму, ягодами и орехами, что находил по пути, людей ни разу больше не видел. Только волки выли в последний день, жалуясь округе на голод. Я их отлично понимал, хоть сам им подвывай. У меня осталось пять сухарей на пять дней. С учетом того, что я до этого нормально ел три дня назад. Я опасался дороги в степи, стараясь идти только ночью, а днем заваливался спать, перед сном от безделья пытаюсь говорить со своей тенью, она то ли не хотела толи не могла со мной разговаривать, особо больше я ее не видел, тень как тень только чуть темнее. Так и прошел путь, и вот к утру на пятые сутки, слушая серенады своего желудка, который уже прилип к позвоночнику, я увидел вдалеке уродливую серую башню гарнизона, окруженную стенами.

Фаслас представлял собой укрепленный форт, удачно расположившийся на холме. С него было удобно перебрасывать подкрепления в требуемые районы. Именно с него и отправляли солдат в районы, где орудовали работорговцы и шайки бандитов. Это был по сути большой гарнизон, возле которого и вырос городок его обслуживающий. Старая кладка камней серела на утреннем солнце. За стеной высилась серая громада непосредственно самой гарнизонной башни. Смотровые башни торчали редкими пиками между барбаканом. Со стороны с которой я пришел, было мало домов, лишь редкие постройки за крепостной стеной сиротливо жалась к друг другу. Похоже это старый форт, во всяком случае именно такое ощущение складывается у путника первый раз его увидевшего. Сунув два серебряных пятака за щеку, я пошел к закрытым воротам, возле которых отчаянно зевая стояло несколько охранников. Я уже было придумал целую речь, кто я, откуда и зачем пришел. Но им было на меня плевать, они лишь окинули взглядом грязного, и пыльного мальчика с пожитками, мало ли сейчас ходит беженцев. Они дальше продолжали зевать, опираясь на копыя. Городок только просыпался, народу было мало на улицах, случайно найдя таверну со странным названием “Сметанный кот” решил, что это знак свыше, и все остальное подождет. В зале сидело всего пара посетителей, и сонная растрепанная девица со следами от своей руки на лице, на которой она похоже спала за стойкой. Заказал двойную порцию тушеной капусты с сосисками и морсом в комнату, и мыльню туда же, заплатив ей серебряный. Это все стоило дешевле, но мне было плевать, я очень хотел есть и весь чесался от грязи и пыли. Сказал, чтобы она себе забрала сдачу, она аж взвизгнула сразу проснувшись, побежала разогреть еду и будить мужиков. Да и честно, я пока мало осознавал, что

сколько стоит. Я жил в деревне, и был еще пацаном. У нас там некуда было тратить, только в трактире, а там кроме спиртного и еды ничего не было. К тому же, я старался соответствовать поведению Дария. А ему не выделяли денег, если что надо, он обычно просил у мамы с отчимом, а они уже покупали в городе, когда туда попадали.

Причесанная и умытая девица, весело мне подмигивая, притащила целую гору капусты с вкуснейшими сосисками. Я, честно говоря, когда блюдо увидел, думал, что я переоценил свои возможности, но нет, все съел! Провалилось как в бочку, куда только влезло, я вроде маленький и худенький. Не успел я съесть свой завтрак, как два мужика пыхтя притащили мне Тазик с водой, местная мыльня. И соорудив строгую физиономию, велели чтобы не расплескивал воду. Я было только раздевшись залез в тазик, как в комнату покачивая телесами вошла дородная дама, которая оказалась женой хозяина. Я то хоть и выгляжу теперь мальцом, внутри то ощущаю себя взрослым мужиком. И хоть убей, не привык когда ты моешься, а к тебе вваливается посторонняя женщина. Я больше на привычке закрылся руками.

— Пфф, ой да сиди ты уже спокойно, чего я там не видела. У меня вон две дочери, здоровые кобылы. Живя возле гарнизона чего только по молодости не насмотрелась.

— Эм, простите донна... я замялся не зная, как к ней обращаться.

— Ой донна, меня помню донной по молодости называл только Винсент, молодой солдатик. Который скотина, затащил в постель потом сбежал, так и не заплатив. Она уперла кулак бок и погрозила неведомому Винсенту. — Все зовут тетушка Луа, и ты зови так же. Так вот, эти вещи говоришь постирать надо? Где ж ты так изгваздался, аккуратнее надо быть с вещами, чай дорогие нынче. Она схватив мои вещи рассматривала их.

— Налет был на наш караван, я от разбойников убегал. Потом семь дней почти, спал на земле в лесу, вот и получилось, что грязные. Скажите тетушка Луа, случайно не знаете, а караван в Глиросс когда будет?

Она поохала приложив пухлую руку к щеке.

— Так почитай дня как четыре только ушли. К ним еще прибились деревенские, и они вместе пошли. Так стало быть это твои что ли? Теперь нескоро, пока туда доберутся, пока там наберут назад, пока сюда доедут. Уж как раз зима пройдет. Она взяв мои вещи ушла, оставив меня наедине со своими мыслями.

Я приуныл, получалось, что своих я очень нескоро догоню. Одиному малолетнему пацану путешествие в почти тысячу миль подобно смерти. Дорога в несколько месяцев, по совершенно незнакомой местности, в считай военное время. И ждать несколько месяцев тут, тоже так себе вариант. Но что-то делать все равно надо было. И я решил, что начну с того, что сначала отмоюсь и отосплюсь. Все равно уже день или два не имеют значения. Одев чистую одежду из мешка, и дождавшись когда заберут тазик, я улегся наконец то на нормальную кровать. Не на дерево, или устраиваясь под кустом. Провалился в сон без сновидений, проспал сутки, проснувшись только на следующее утро. Когда тетушка Луа пришла проверять, в порядке ли я, почему так долго не выхожу. Заверив что я в порядке, просто отсыпаюсь, приведя себя в порядок, я спустился в общий зал. Нужно позавтракать, да сходить найти лавку старьевщика. Мне необходим плащ, котелок, веревка, и еще по мелочи. Мало ли опять придется в поле ночевать. Пока завтракал тетушка Луа навалив мне горку пирожков, посоветовала ехать сначала в Райлегг. Оттуда гораздо проще найти тех, кто направляется в столицу, как раз караван в Райлегг стоит тут в городке. Подумав, решил, что действительно так проще. Все-таки самый крупный город королевства. Заплатил ей за еду, и

подарил ей одну трофейную серебряную цепочку. Она аж покраснелась улыбаясь: — Ух ты мой родненький, прижала к своей необъятной груди в которой я чуть не утонул, чмокнула в макушку. Все-таки по моему, весь женский пол во всех мирах одинаковый. Пара комплиментов, искренняя улыбка, небольшой подарок, и ты найдешь с человеком общий язык сразу. Спросив совета и решив, что пирожки доем по дороге, пошел в указанном направлении. В первую очередь меня интересовал караван. Вещи можно взять и на обратном пути.

Глава 6

Когда я пришел в форт Фаслас, то оказалось, что я пришел со стороны диких земель, и тут стоит сам гарнизон, а все жилые дома и торговые лавки были с другой стороны. Я растерялся, когда вышел с полупустой улицы на скопление людей в палаточном лагере. Столь разительным был контраст. Конечно, почти все эти люди беженцы, почти все побережье опустело, люди бежали с плодородных земель, спасаясь в городах, и я был один из них.

Караванщиком оказался Энзо, наглый и хамоватый атриец уже в годах. Судя по всему, он задрал цену за проезд в несколько раз, желая заработать на беспокойных временах. Он ругался с очередными желающими уехать в город, никак не желая снижать цену за проезд. Я остановился чуть в стороне, жуя пирожок и слушая его перепалку с истеричной бабой, судя по виду, она была из крестьян, но ведущей себя так, как будто она из костеродных. Муж крестьянки молчал, нахмурившись, держа в одной руке узелок с пожитками, а другой держал за руку девочку лет восьми. Которая поедала голодными глазами мои пирожки.

— Это ни в какие ворота не лезет, полгода назад проезд стоил серебряный, сейчас пять серебряных с человека, вы что, костеродных возите?! Откуда у нас такие деньги.

— Это не мои проблемы дамочка, я вас не заставляю. Идите пешком, желающих уехать под защитой достаточно.

— Да эти желающие такие же нищие как остальные, мы даже урожай не собрали, откуда у нас такие деньги. Скиньте цену!

— Я это слышу каждый день. Я охраны больше нанимаю, им нужно платить больше за риск. Я что, должен из своего кармана все это делать?

Энзо заметив меня и явно желая перевести тему спросил: — Тебе чего парень?

Подойдя к ним, я всунул последние два пирожка девочке, и отряхнув руки от крошек ответил.

— Да в принципе того же что и всем остальным, мне нужно уехать в Райлегг.

— Пять серебряных и считай ты уже там.

Женщина всплеснула руками: — да имейте совесть наконец!

Караванщик нахмурился сплюнув.

— Хорошо, десять со всех вас вместе взятых и не монетой меньше, не нравится, идите пешком, там бесплатно.

И развернувшись ушел, не дожидаясь ответа. Женщина порывалась еще что-то сказать вдогонку, но ее одернул муж. Мне было все равно, у меня были деньги, и мне нужно было уехать. Сказал им что я заплачу половину, если они хотят ехать, если же нет, я и так заплачу свои пять серебряных, только уже за себя одного. Караван отправлялся как только заполниться, мы были уже почти последними. И выезд назначили на завтрашнее утро. Заплатив за себя, я пошел искать лавку старьевщика. У него выменял себе хороший, добротный, правда немного великоватый мне плащ на подкладке с капюшоном, и небольшой котелок, на ремень, который я снял с душителя щенков, и еще одну трофейную серебряную цепочку. У тетушки Луа попросил, чтобы она собрала мне еды с собой в дорогу. Пошел в свою комнату спать, пока есть такая возможность, чувствую, нормально выспаться в дороге не получится. Разбудили меня еще затемно, даже еды уже разогрели. Поев на дорогу и заплатив за все, поблагодарил добрую женщину. И пошел в палаточный лагерь к каравану.

Тут похоже даже не ложились спать, гомон стоял ужасный, люди еще прибыли и осаждали караванщиков, в надежде влезть уже на головы, лишь бы уехать. Мне указали на заполненный фургон, где увидел уже знакомое семейство, они похоже тут и ночевали, сидя на лавках. Вздыхнув, сунул им по еще горячему пирожку.

Ждали мы недолго, и наконец возница обернулся, посмотрел на нас угрожающим взглядом, сплюнул чуть разжав губы через давно выбитый зуб, и объявил, что мы немедленно отправляемся. Лошади громко фыркнули, и потянули повозки сквозь толпу крестьян и беженцев, которые шарахались с руганью грозя кулаками и посылая все возможные кары, едва успевая в последний миг выпрыгнуть из-под колес телеги. Причем возница размахивая хлыстом поливал их в ответ отборной бранью.

Ехали мы почти восемь дней, останавливаясь только на ночевки. Охрану действительно наняли, и они свой хлеб отрабатывали, отогнав один раз шайку таких же головорезов, что напали на наш караван. В остальное время все было спокойно, единственное, кормежка была паршивая, жидкая каша на воде. Так что я был очень рад, что взял себе нормальную еду. Отдав ее женщине с условием, что готовит только на нас четверых, у них самих почти ничего не было. Подъезжая к Райлеггу мы проезжали поля, очень похожие на те, где жили мы.

Убаюканный этим сходством, я был ошеломлен, когда дорога внезапно вильнув из-за холма вышла к городу — можно было подумать, что этот контраст задуман специально для того, чтобы поразить того, кто приезжал первый раз. Поля закончились, деревья исчезли, и вместо них по обеим сторонам дороги появились трущобы, при виде которых у меня кошки заскребли на сердце.

Общее впечатление давило на чувства, заставляя сжимать кулаки из-за несправедливости. Жалкие лачуги были сооружены из деревянных шестов и обрезков досок и старого тряпья. Они прижимались вплотную к друг другу; кое-где между ними извивались узкие проходы. Это был лагерь, в котором нашли временное пристанище уцелевшие и бегущие от набегов люди. В какой-то степени этих жителей и вправду можно считать уцелевшими — их согнали сюда из деревень нищета, голод, постоянные набеги и массовые убийства. Каждую неделю сюда прибывали сотни беженцев в надежде на лучшую долю, и так неделю за неделей, вот и мы приехали...

Мать честная! Смотри! Справа от нас разгорался пожар, перепрыгивая с одной хижины на другую с той же легкостью как прыгают дети во время игры в камешки, когда играют во дворе. Языки пламени выбивались из под навешенной вместо крыши тряпки, облизывая их, как будто потягиваясь и просыпаясь. Люди, крича, бежали на помощь, нещадно ломая чье-то временное жильё ставшее постоянным. Из одной из горящих хижин выбежал мужчина объятый пламенем, он упал и начал кататься по земле пытаясь сбить пламя, к нему подбежала женщина, начав, бить его тряпкой в надежде помочь, парень точно не жилец. После таких ожогов не выбирают, не в палаточном лагере в средневековье, без средств существования. Наш возница тоже остановился поглазеть на пожар постояв несколько минут, и щёлкнув поводьями поехал дальше.

Мы все с телеги с интересом наблюдали за окружающими нас, живущими в этих бесчисленных развалюхах людьми, в глубине души точно осознавая, что наша участь абсолютно такая же, и мы тоже будем в конце концов жить так же. Вот женщина наклонилась, чтобы зачесать вперед черную атласную прядь волос. Еще одна купала детей в бочке с водой. Мужчина вел трех коз с кусочками повязанными на ошейники тряпки, которая когда-то была красной. Другой брился на ощупь здоровенным тесаком и слушая

соседа. Повсюду бегали дети... Люди тащили ведра с водой, ремонтировали одну из лачуг. Было видно, что они пытаются хоть как то вести свой нехитрый быт.

— Какой ужас! Соседка рядом со мной обнимала перепуганную девчушку, она была явно в шоке от увиденного, — Куда смотрит король и наместник, давно пора уже навести порядок и разогнать этих ужасных работорговцев, тогда такого ужаса не будет. Мы же не будем тут жить да Гаспар? Гаспар это был ее муж, плотно сбитый мужик, с густыми курчавыми черными волосами, и сросшимися бровями, из-за чего вид у него был постоянно задумчиво суровый. Его широкое квадратное лицо украшал вздёрнутый нос, и маленькие губы.

— Посмотрим, надо найти остальных. Там уже решим, что делать.

— Я совершенно не желаю находиться в этих развалюхах! Мы честные свободные люди, пусть наместник выделяет жилье, иначе зачем мы платим налоги! Она была похожа в своей реальности, и совершенно не хотела возвращаться в нашу общую, какой бы она не была.

— Помолчи женщина! У меня уже от тебя голова болит. Нужны мы наместнику, вон посмотри вокруг, это такие же честные и свободные люди, как и мы, и всем на них плевать.

Остальные молчали, подавленные разворачивающимся зрелищем, да и я, в том числе. Мы проехали трущобы, начались редкие постройки, вокруг которых облепив их со всех сторон как пчелы сладкий мед, были натканы развалюхи из которых и состоят трущобы. Похоже отсюда они и начали застраиваться. Домов стало больше, пошли придорожные трактиры, начались мелкие магазинчики. Которые, устраивали предприимчивые люди прямо там и проживая. Дорога стала гораздо лучше, начали попадаться двух и трехэтажные дома, вскоре мы ехали уже по мощенной крупными камнями полноценной мостовой. Мы проехали переулок, пробираясь по узкой улице между трехэтажными домами. Взад-вперед сновали жители, пешие с ручной кладью, конные, кто-то тянул телегу впрягшись в нее как буйвол. Сквозь открытые окна доносились запахи выпечки, благовоний и смешиваясь с ароматом улицы. Крики продавцов и зазывал сливались в сплошной гул. С балкона третьего этажа лилась мелодия, чуть кривоватая. Кто-то учился играть. Его сосед из окна напротив, посылая проклятия, просил заткнуться уже наконец. Наконец выехав на небольшую площадь, где и собирались похоже подобные караваны, мы остановились.

— Приехали! Наш славный Райлеэгт ждет вас, добро пожаловать в город мечты! Заржал наш возница, смачно сплюнул потянувшись. Шутник хренов!

Взвалив на плечо сумку мастера Хоннекера я спрыгнул на мостовую решая, куда мне идти, заодно потирая рукой многострадальный зад, несколько дней езды на древней колымаге без рессор, по грунтовым дорогам с кучей кочек, сидя на жесткой деревянной лавке, задница просто отказывалась признавать, что она жива.

Решил, что не помешает немного размять ноги, и заодно посмотреть город будет не лишним. Попрощавшись с семьей, с которой ехал вместе, я пошел в сторону городских ворот, изнывая от любопытства. Стены, нависая серой громадой возвышались на добрых пять этажей, сложенные из довольно крупных и плотно подогнанных к друг другу блоков, были на вид очень прочными. Массивные городские ворота с опускной решеткой, охранял десяток стражи с каждой стороны. Уплатив медяк пошлины, я пошел искать себе ночлег. Нужно было скинуть вещи и перекусить.

Портовый город Райлеэгт, был очень старый город. Он был построен на склоне, и его районы так и назывались, отображая их суть. Самый большой из них — нижний город, занимал добрую половину, где и был живой рынок рабов, и жила основная масса работяг или

тех, у кого мало денег, средний, где располагались все возможные рынки, храмы, арена, ремесленные лавки, магазинчики, дома купцов, и всех тех, кто мог себе позволить жизнь вдали от неблагополучного портового района, и верхний, где жили костеродные и богатые торговцы. Про огромные трущобы составлявшие половину от территории города, и которых как бы не существовало я промолчу. Райлефт был самым крупным городом нашего королевства, его численность вместе с трущобами наверно перевалила за миллион. С нашими мегаполисами конечно не сравнить, но все равно было впечатляюще. После дыры в которой жил Дарий, особенно.

Именно сюда, прибывала львиная доля товаров привозимых морем. И торговля тут не затихала никогда, город никогда не спал. Тут можно было встретить кого угодно, от загорелых до шоколадного цвета жителей южного архипелага, до нордлигов с ледяных островов. Райлефт был самым ближайшим, и удобным портом для торговцев, везущих свои товары на любой вкус, из Атрийской империи в центральные королевства и наоборот. Не зря наместник Райлефта был вторым лицом в стране.

Хоть и деньги у меня были, нужно было быть экономным. Я пошел искать себе ночлег в нижнем городе. Спускаясь все ниже наблюдал как на волнах лазурного моря качаются сотни мачт кораблей стоящих на якоре. Городская толчея не утихала, все куда-то бежали, ехали верхом и шли по своим неотложным делам. Приходилось пробиваться по краю улицы в поисках подходящего постоянного двора. По мере продвижения вниз, улица становилась все хуже, она была захлавлена до предела. Из верхних окон домов то и дело без предупреждения выбрасывали всякую дрянь, на мостовой громоздились кучи отбросов, в которых пировали жирные бесстрашные крысы. Я уже хотел повернуть назад, когда заметил нужное мне трехэтажное заведение, с довольно странным названием “Сухопутная Селедка”. Уступив дорогу выходящим и довольно пьяным морякам, подошел к побитой жизнью высокой стойке. Хозяином заведения оказался Ремай, лысеющий и ушедший на покой морской волк, с заметным брюшком. Комната тут стоила пять медяков сутки, я заплатил на неделю вперед. Заказав себе ужин, я пошел скинуть вещи в комнату.

Это была маленькая комната два на два с табуреткой заляпанной жиром, сундуком и кроватью, накрытой старым покрывалом, одним окном с видом на шумную улицу. При взгляде на крашеные дощатые стены, каждая из которых резала глаз своим оттенком зеленого, начинала болеть голова. По углам краска отстала от стен и осыпалась. Потолок был весь в паутине. Скрипящий деревянный пол, с уклоном в сторону окна, был неровным и волнистым. Мои предшественники оставили на память о себе оплывшую свечу в грязном подсвечнике. Но крепкая дубовая дверь с массивным засовом, внушала уверенность, что ее не вышибут с первого удара. По сравнению с почти домашним уютом тетушки Луа, это было конечно не сравнить...

Несколько часов спустя, наевшись, я лежал в уютно обволакивавшей меня темноте, слушая как бьет ключом жизнь в таверне на первом этаже, пробиваясь сквозь перекрытия. Мне надо было решить, что делать дальше. Ехать искать свою семью или пытаться жить самому, в обоих случаях были свои минусы. Самостоятельная жизнь открывала свободу выбора, и предлагала массу возможностей, но была опасна и трудна. Все-таки, по местным меркам я был безродный пацан, и со мной многие просто не считались. Но я был в относительной безопасности в городе, и мог найти тут работу. С другой стороны, дорога через пол страны охваченной беспорядками, грабежами работорговцев и беспределом костеродных, была еще опаснее, и потом пришлось бы опять притворяться, что мне за

прошедший год изрядно надоело, изображать недалекого, послушного мальчугана, работая до седьмого пота в поле. Без обозримых перспектив. Долго размышляя обо всем, я все же решил действовать своим умом, подчиняясь инстинкту, искушая судьбу.

Утром я перебрал все свои вещи, подведя итог. Получалось очень даже не плохо, вместе с деньгами которые были в сумке погибшего лекаря, выходило десять золотых чистыми. И почти сотня монет серебром. На эти деньги мне спокойно можно прожить года два, снимая комнату и не отказывая себе в еде. По меркам деревни в которой жил, я был очень богат. За это время я спокойно найду себе работу, а дальше будет видно. Позавтракав, засунув несколько монет за щеку и находясь в приподнятом настроении, я отправился смотреть город. Я помнил в каком направлении были городские ворота и как оттуда дойти до постоянного двора где остановился, и подумав решил, что пойду в средний город, заодно надо присмотреть лавки и мастерские, может что и себе найду. Но обходить по дуге несколько районов не хотелось, поэтому недолго думая, я пошел напрямик чтобы срезать, заодно глаза по сторонам.

В этом районе был слышен обычный уличный шум — детский голоса, расппевающие куплеты детской считалочки, скрежет камней, которыми женщины перетирали муку для хлеба на пороге хижин, многообещающие выкрики точильщиков ножей, булочников и прочих ремесленников и торговцев. Стены зданий были в трещинах и пятнах; тесные проходы между ними были запружены народом вперемешку с козами, собаками и курами; осунувшиеся лица прохожих сновали взад-вперед. Многие переносили вещи в тюках на голове, чтобы разойтись. Хотя высота зданий не превышала трех-четырёх этажей, они почти смыкались над головой, оставляя лишь узкую полоску неба, словно прорисованную голубой краской на фоне серых старых зданий. Проходя мимо и заглянув внутрь дома, можно было увидеть некрашеные стены и провисающие лестницы. Многие окна на первых этажах были открыты и служили своего рода магазинчиками, продававшими сладости, сигарилы, бакалею, овощи и хозяйственные товары. По пути мне попало несколько уличных колодцев, куда сходились за водой женщины с деревянными ведрами и глиняными кувшинами. Я свернул в следующие переулки в надежде найти выход, улочки, сужались с каждым поворотом. Где двоим трудно было разойтись. Чтобы уступить дорогу встречным, приходилось пятиться, вжимаясь в дверные проемы. Проходы были закрыты навесами и стояла такая темнота, что дальше нескольких метров уже ничего не было видно. Сосредоточившись на преодолении этих препятствий, я окончательно потерял ориентировку где я нахожусь. Так, похоже я заблудился... Справа от меня темнел проход, и похоже мне надо по этому проходу. В середине была очень, очень большая грязь и по нему похоже надо ходить по краю. Оперившись в стены ногами, я пополз как краб на мелководье, широко расставив ноги, спустя несколько шагов моя нога соскользнула с края и тут же увязла в какой-то вязкой гадости. В нос мне тут же ударила отвратительная вонь. А, твою мать... только этого не хватало! Словно этого было мало, что-то довольно увесистое проскользнуло по земле, коснувшись моей ноги. Секунду спустя еще одно существо, а затем и третье пробежали мимо, перекатываясь своими грузными телами по моим ногам. Я зажимая одной рукой нос и от брезгливости высоко поднимая колени, поскакал на одних носочках, словно волшебный зверь, стараясь поскорее пройти этот злополучный переулок.

Поплутав почти два часа, по этому лабиринту из домов лавок и отхожих мест, я наконец вышел на небольшую площадь. Она больше напоминала стихийный рынок, всюду стояли торговцы за импровизированными лотками. Стоял несусветный крик и гам. Можно сказать я

и вышел на нее больше по слуху. В основном тут торговали продуктами и различной утварью для дома, мне это было не интересно и я собирался идти дальше, как передо мной начал разгораться скандал. Женщина с небольшой корзинкой возмущалась на пьяного мужика, который толкнув ее рассыпал все продукты. Он хотел ее оттолкнуть, чтобы пройти дальше, но не получилось. Разошедшееся крестьянка требовала, чтобы он оплатил испорченные продукты. Не знаю, что было в мозгу у мужика и как можно так напиться. Он неожиданно схватил какую-то палку, служившую опорой к ближайшему лотку, и несколько раз просто у всех на глазах ударил бедную женщину. Все произошло настолько быстро и неожиданно что все застыли в шоке от происходящего. Тут же поднялся крик, мужик хотел было улизнуть, но его скрутили несколько человек и как только пострадавшую увезли на импровизированной каталке, ближайший мужчина ринулся пьянице. Толпа действовала как один слаженный организм. Они в один миг выволокли его. Он поднял было руки, прося пощады, но сразу десять, двадцать, сорок человек принялись избивать его. Удары посыпались на его лицо, грудь, живот, пах. Ногти рвали и царапали, искромсав его одежду в клочки и разодрав ему рот с одной стороны чуть ли не до уха. На это ушли считанные секунды. Расправа была быстрой и жестокой. Из многочисленных ран на лице и на теле струилась кровь. Перекрывая вой толпы, прозвучала чья-то команда, и человека подняли на плечи и поволокли прочь. Ноги его были вытянуты, руки разведены под прямым углом к туловищу; в таком положении его удерживали десятки рук. Голова несчастного откинулась назад, с нее от нижней челюсти до уха свисал выдранный кровоточащий лоскут теплой влажной кожи. В открытых глазах, видевших мир вверх ногами, стоял страх, смешанный с безумной надеждой. Обозленные творящимся вокруг них безумием, заставившим их сменить привычный образ жизни и бежать в поисках защиты и справедливости, и не найдя их, люди вымещали свою накопившуюся злобу на всем, что подвернется под руку.

Для меня же этот внезапный и жестокий взрыв всеобщего негодования, эта ошеломляющая сцена, вид растерзанного человека, уплывающего по морю человеческих голов, явились поворотным пунктом. Я вдруг словно прозрел. Я понял, что если хочу остаться в Райлегге, в городе, который меня занесла жизнь, то я сам должен измениться, я должен подстроиться под него, участвовать в его жизни. Город не позволит мне быть посторонним наблюдателем. Если я собираюсь жить здесь, то должен быть готов к тому, что он втянет меня в водоворот своей жизни. Я понял, что рано или поздно мне придется сойти с безопасной дорожки и смешаться с бурлящей толпой, занять свое место в строю.

Находясь все еще под впечатлением от произошедшего и мыслей, к которым оно привело, я не заметил, как вышел к площади возле городских ворот. Как и везде тут так же жизнь била ключом. Живая река из людей идущих по своим делам, втекала и вытекала из ворот. Проехала карета в сопровождении двух десятков конных, которые особо не церемонясь разгоняли народ ударами хлыстов. Одиночные конные и сотни людей идущих пешком. Непрерывные крики мальчишек, стаями дежуривших у ворот рекламировали что угодно, от трактиров до лавок торговцев и услуг местных гидов, которые обещали помочь найти за небольшое вознаграждение всем желающим самые лучшие цены в городе. Купив свежий хрустящий крендель и жуя возле дороги, я раздумывал что мне лучше делать, пойти дальше гулять или пойти назад в комнату.

Прямо напротив меня, в нескольких метрах, парнишка моего возраста, бегал за прохожими, предлагая услуги гида и обещая им найти лучшие цены в городе. Мысль созрела мгновенно, странно что я сразу не додумался. Он как раз разочарованно развернулся от семейной пары прошедшей мимо и напрочь его игнорировавшей. Окликнув, я подозвал его, чтобы не стоять на дороге в толчее.

— Привет! Ты же гидом работаешь?

— Привет. Да...а что? Он нахмурился, переводя взгляд с меня на крендель и обратно.

— А сколько ты берешь? Хочу тебя нанять.

Он стоял явно сомневаясь, я по внешнему виду никак не тянул на его клиента. Скорее на конкурента, или на того, кто может проблем подкинуть. Видно за последнего он меня и принял.

— Я не работаю с гильдейскими. Я просто зарабатываю, помогая приезжим. Воровать не буду.

Я улыбнулся протянув ему половину кренделя.

— Ты не понял, я сам приезжий. Вчера только приехал, и мне нужно тут устроиться. Хочу, чтобы ты показал мне город.

Он улыбнулся мне в ответ, просто широчайшей улыбкой, сверкнув зубами, взяв половину кренделя. Что на фоне курносого носа с веснушками смотрелось очень забавно. Я смотрел на этого простодушного худощавого паренька с взъерошенными русыми волосами, одетого в простую крестьянскую хлопчатую одежду и стоптанные калиги.

— Так сколько ты берешь в день?

Он, прищурившись, взглянул на меня, надув щеки, что выражало, как я думаю, хитроумие, которое никак не вязалось с его простодушной широкой улыбкой.

— Я беру пять медяков в день.

Он взглянул на меня с затаенной надеждой, жуя свою половину свежей хрустящей сдобы. Было понятно, что цена завышена, и если бы я поторговался, мог бы неплохо снизить ее. Но мне импонировала его прямота и уверенность с которой он держался, а также его нежелание воровать особенно. Так что недолго думая, я протянул ему руку.

— Договорились, я Дарий.

— Николас, но все зовут Ник. Просияв еще больше ответил он. — Ты из беженцев?

— Да из них. Вот решил попытать удачи в городе. А ты?

— Да и я тоже, только мы давно уже сюда приехали. Уже шесть зим я тут живу. А ты

где ночуешь?

— Я комнату снял в постоялом дворе. Первое время там поживу, там дальше видно будет, а ты где живешь.

— А я в трущобах живу. Улыбнулся он. — Ну что Дарий, куда пойдём, что хочешь узнать?

— Да все хочу. Улыбнулся я, — Ты рассказывай, что знаешь и считаешь важным, а если мне будет непонятно, я спрошу. Но сначала пошли наверное в мастерские, мне нужен кузнец кое-что присмотреть.

Я решил заказать пока были деньги пару зажимов, пинцет и захват. У мастера Хоннекера не было такого ничего похожего в его чемодане, а я руками не привык работать с ранами. Мало ли, лишним точно не будет. Да прикупить немного трав не мешало бы. Озвучив необходимые мне места, мы двинулись попутно разговаривая. Ник оказался неграмотным уличным ребенком, но на удивление много знающим, он знал почти все мастерские и постоянные дворы в округе. Все рынки и храмы, интересные места, много рассказывал про сам город и чем он живет. Сам он был сиротой, его отец погиб, когда он был маленький, а мама приехав в город заболела, и спустя пару месяцев умерла. Так он и прижился в трущобах, вместе с общиной очередных беженцев, которые там и осели. Он отвел меня в ремесленный квартал, где мы прошли с десятков кузнецов. Мне нужна была специфичная работа. И за нее многие просто не брались, а если брались, ценник был просто конский. Выковать нож размером со свинорез, пожалуйста, каждый мог. А за мелкую и почти ювелирную работу не брались. С трудом, но мы нашли однорукого дедка с протезом из крюка на обрубке руки, который согласился сделать работу, я долго ему объяснял, что именно мне нужно и как нужно сделать. Он чесал своим крюком макушку, хмурился, сдвигая седые брови, и недовольно топорщил опалённую бороду пока не понял, что именно я хочу от него. Срок он выдвинул в две недели, сказав, что он такого не делал ни разу. Заплатив ему задаток в золотой и сказав, чтобы лучше не торопился, а сделал хорошо, мы пошли к травнице.

Ближайшей травницей оказалась старая Велия. Ведьма, как мне сообщил шепотом Ник.

Старая Велия жила на границе нижнего и среднего города, после кожевенных мастерских, прямо возле стены разделявшей средний и нижний город. У нее были самые выгодные цены, хоть ее многие и сторонились. Проходя мимо дубилен, стараясь дышать ртом, и морщась от вони, Ник привел меня к хижине старой травницы. Сам бы я в жизни не нашел ее по этим бесконечным, и абсолютно одинаковым переулкам. Мы пришли к двухэтажному дому с покосившейся оградой, даже сквозь вонь дубилен пробивался запах гнили, грибов, аромат свежих цветов. Сухих трав и кислот. Скошенной травы и ржавчины. Остановились мы у закрытой двери и когда ее распахнув зашли, запах нахлынул на нас волной сбивающей буквально с ног.

Внутри было темно, искусственно темно, из-за плотно зашторенных окон. Освещение было очень грамотно подобранно. Горело два масляных светильника, один на входе, другой в дальнем углу. Когда человек заходил, он оказывался на пятачке света, а в глаза ему бил, слепив с дальнего угла, второй светильник. В то же время, почти все пространство внутри было в полумраке. И пока твои глаза привыкнут к темноте, это давало время хозяйке решить, что делать с пришедшими. И видимо, ее не удовлетворили пришедшие посетители. Потому что, пока я моргал, привыкая к полумраку, из угла раздался сухой скрипящий голос.

— Пошли прочь пока целы, оборванцы. Это не то место, где стоит воровать.

Николаса как ветром сдуло, я только и услышал, как дверь хлопнула.

— А ты что, оглох?

— Нет, я прекрасно все слышу. И я не оборванец. Я пришел не затем, чтобы воровать, мне нужны несколько мазей и кое-какие травы. И да, деньги у меня есть. Справа заметил шевеление в темноте, возле стеллажа с какими-то склянками.

— А ты наглец. Травница вышла наконец из полумрака.

Старая Велия оказалась вблизи не самого приятного вида. Высокая, выше среднего роста, худая и сгорбленная видно от тяжелой работы, с впалой грудной клеткой и длинными сухими руками. Старый шрам через все лицо, проходил через глаз. Из-за чего, один глаз был прищурен и заметно косил, а второй наоборот выпучен, и все это венчал большой горбатый нос. И толстая седая коса повязанная платком. Внешность мягко сказать была отталкивающей, что вкупе со сварливым от старости, и сложной жизни характером, делали ее не самым приятным человеком. Не удивительно, что ее все считают ведьмой.

— И что же ты хочешь “купить”?

— Мне нужна мазь от ожогов, так же набор трав приготовления мази для заживления ран. Я проигнорировал издевку.

— Деньги покажи. Она проскрипела, пожевав губами и рассматривая меня. Взяв монеты, она добавила. — Стой тут и ничего не трогай.

Мне же осталось ждать разглядывая убранство. Комната больше напоминала склад в лаборатории. Центральным элементом помещения был длинный стеллаж из железного дерева. На рабочем месте были разложены чернильницы и пергамент. Полки вдоль стен наполнились десятками разных баночек с множеством веществ. На стеллаже выстроились различные флаконы, трубки, пипетки и воронки. В колбах и чашах, расставленных по всему залу, происходили какие-то реакции, издающие диссонирующую мелодию кипения и шипения. В углу комнаты стояли небольшой столик на котором лежала стопка старых книг и початая бутылка вина, рядом живописный резной стул с высокой спинкой. Среди разнообразных приборов затесался стеклянный террариум, устланный соломой. Внутри ползали шесть крыс — упитанных, черных и гладких. На стойке возле двери, где я и стоял, лежала массивная толстая книга с потемневшей от времени коже, “Алхимические истины” гласили полустертые буквы на Атрийском. Конечно же, я не удержался что бы не открыть ее.

Она вынесла мне два маленьких мешочка и глиняную баночку.

— Вот, что ты просил. Увидев, что я листаю книгу, разозлилась. — Я же тебе сказала, чтобы ничего не трогал!

Я бережно закрыл эту книгу. С сожалением вздохнув, проведя по ней рукой.

— Простите, я не удержался, очень интересная книга.

— Ты умеешь читать. Она не спрашивала, а утверждала. — Кто твой наставник?

— Мой наставник погиб год назад. Но, он был никчемный пьяница. Меня учил отец, до того как умер.

— И с кем же ты приехал?

— Простите, но я вам не скажу, я вас совсем не знаю, а доверяю вам еще меньше. Теперь наступила моя очередь хмуриться. Хитрая старая карга.

— Первые разумные слова, которые я от тебя услышала. Вот твои покупки. Если еще что понадобится, приходи.

Поблагодарив ее, я взял свой мешочек, увидел, что на выходе табличка висит на двери,

что ей нужны помощники. Она явно увидела, что я прочитал ее объявление, но промолчала. Будем иметь в виду, очень уж интересная бабуля. Ник переминался с ноги на ногу возле дома ожидая. Завалил меня вопросами, очень удивился, когда узнал, что я подмастерье лекаря. Лекари тут в Райлегге были нарасхват. Даже целитель была, лечила магией. Но она жила в верхнем городе и служила самому наместнику. И попасть к ней простому человеку было нереально никак. Мне было очень интересно, что за целитель, что она может, да и вообще маги, а так же все, что связано с ними связано. Но Николас толком не ничего знал, лишь общие слухи да небылицы. А расспросить больше было некого. Отнеся вещи в комнату, мы пошли просто гулять, он рассказывал все что знал, а я слушал, да глазел по сторонам, запоминая.

Так прошли несколько недель, мы посетили все возможные рынки, мастерские, облазили портовую зону. Сходили поглазеть на храмы, красивые палаццо возле верхнего города, в сам верхний город таких оборванцев как мы не пускали. Райлегг был действительно красивым городом. С мягким климатом, тут было всегда тепло, летом даже душно. В Нижнем городе, и портовых районах, преобладали открытые постройки, с прямой крышей, на которой размещали веранды, маленькие сады и просто жилье. Плана застройки, как такового в принципе не существовало, и дома лепили как попало, и кто во что горазд, сверху были почти всегда перекинуты масса мелких мостиков, а зачастую просто досок, с дома на дом. Создавая по верхам настоящую улицу. Иногда, можно было пройти пол района, даже не спустившись на землю. Этим всем богатством, пользовались всевозможные преступники, убегая от стражи, если она заходила в нижний город, начиная облаву. Вообще, стража очень бдительно относилась именно к бродяжничеству. И ночевать, просто на улице, было небезопасно. В остальном же, закрывая глаза на мелкие преступления. Если уж совсем не наглели. Если же бесчисленные банды наглели, и устраивали очередной передел территорий, тогда не жалели никого, убивали прям на месте, всех кто попадался. Город был переполнен, и к людским жизням относились хуже, чем к вещам.

Вот, в один из дней, я попросил Ника сводить меня на живой рынок. Мне было любопытно, и хотелось посмотреть самому. Живой рынок Райлегга был большой. Самый большой в центральных королевствах, и соответственно во всех землях к западу до ледяного моря.

Сюда свозили рабов на продажу многие; Нордлиги после своих набегов, южные пираты, и главное, дельцы с Висельных садов из Атрийской империи. Столицы рабства. Тысячи обреченных. На любой вкус и цвет, для любого случая. Мужчины, женщины, дети, взрослые и молодые, обученные и нет. Крестьяне, шлюхи, солдаты, слуги и рабочие, и конечно гладиаторы, как выражались торговцы, мясо для арены. Любимом развлечении костеродных. Мы купив пирожков, и жуя по дороге пошли глазеть. Людей было не просто много, очень много. На помостах, в загонах, по отдельности, в клетках и просто связанные между собой. И вокруг них, ходили разглядывая, щупая и тыкая пальцем, столько же народу. Упитанные, холеные и безжалостные, с ледяными глазами и омертвевшими сердцами. Потолкавшись, мы подошли к очередному помосту на котором сидели дети. Дети были маленькие, худые и беззащитные. Некоторые из них, сидели, переплетя друг друга руками, другие обнимали своего товарища, словно защищая его. Все они не спускали глаз с откормленных и разодетых мужчин и женщин, следя за выражением на их лицах и за каждым красноречивым жестом их рук унизанных золотыми перстнями. Черные детские глаза мерцали, как вода на дне глубокого колодца.

Пройдя вперед и оглядываясь под впечатлением от увиденного, я наткнулся на молодого мужчину прикованного за ногу цепью к столбу. Если бы глазами можно было бы убивать...

Лицо его выражало страдание, стоическое страдание, и привычный подавленный гнев свободного человека, вынужденного заниматься рабским, тупым механическим трудом за дерьмовую еду. Николас проследовал мимо него даже не заметив. Когда я приблизился к рабу, он поднял голову, и наши глаза встретились. Вся сила его искрящегося и сверкавшего яростным светом гнева, была в этот момент направлена против меня. Меня как будто огрели по голове поленом. И вдруг мне стало стыдно глядя на них, этих рабов закованных в цепи, повязанных за шею веревками, которые совсем недавно были наши соседями или друзьями, но беспощадная реальность внесла свои планы. Я стыдился своего здоровья, денег в карманах. Я стыдился того, что просто ради собственного развлечения, пришел посмотреть на их страдание и унижение. Если вы в принципе способны чувствовать такие вещи, то первое неожиданное столкновение с людьми, отверженными миром, будет для вас мучительным обвинением. Тлеющее внутри меня чувство стыда и вины все больше разгоралось, заставляя сжимать кулаки из-за этой несправедливости. Почему так легко черствеет человеческое сердце? Я видел конечно бедную БERTУ, но тогда я был слишком шокирован и занят собой, чтобы все это осознать. Я окликнул Ника, решив, что с меня хватит.

— Ник, Ник, Николас. Пошли отсюда.

— Но мы же только пришли, самое интересное там впереди.

— Если хочешь иди сам, я возвращаюсь.

— Что-то случилось?

— Да, я не могу на все это смотреть.

Он меня не понимал. Для него, все это все было обыденным, так же как ходить по рынку, выбирая себе продукты. А я не понимал его, и весь остальной сходящий с ума мир. И я не мог объяснить ему, в чем именно было дело. Но видно почувствовав, Николас не стал настаивать и спрашивать в чем дело, а просто пошел со мной назад, по пути все так же беззаботно рассказывая обо всем подряд, за что я ему был очень благодарен. Мы бесцельно пошатались по городу, и я пошел в комнату, решив лечь спать пораньше.

Проснулся я среди ночи, от легких подергиваний. Я уже и забыл об этом существе, поселившемся у меня в тени. Оно никак себя не проявляло, уже сколько времени, считай с того момента в лесу, когда предупредило об отряде костеродного. Сон слетел тут же, дверь была закрыта на засов, все было тихо. Никто ко мне не пытался попасть в комнату, я был один, но просто так меня бы не будили. Легкое подергивание повторилось. Я спал с открытым окном, взяв кинжал, я осторожно подошел к окну и выглянул. До рассвета было еще несколько часов, и было еще темно, собачья вахта, город еще сладко спал, ну та часть, что ложилась спать. Людей на улице не было. Чуть правее, через несколько домов по нашему ряду, было такое же трехэтажное здание с торговой лавкой на первом этаже, и она горела, начинался пожар.

Пожары в Райлегге были страшная вещь. Плотная застройка домов, большинство которых было из дерева, которые чуть что вспыхивали как спички. Пожарных как таковых не было в принципе, и тушили пожары всем миром. Соседи, жильцы, и просто равнодушные люди, кто оказался рядом, таскали ведра с водой и песком. Но если огонь успевал разгореться сильный, и перекидывался с дома на дом, уже ничего нельзя было сделать. Только быстро ломать другие дома на пути следования пожара в надежде его остановить. Но быстро сломать трехэтажный деревянный дом было трудно. Выгорали целые районы, если не успевали вовремя потушить.

Я на всякий случай, начал спешно складывать вещи. Мой чемодан лекаря был готов и закрыт, осталось лишь в вещмешок запихнуть одежду. Сложив вещи и накинув плащ, я начал тарбанить по дверям, крича о пожаре и спускаясь вниз будя всех. Люди осторожно открывали, хмурые с оружием. Но когда слышали причину, почему их разбудили, тоже быстро просыпались и бежали вниз. Мои крики разбудили Ремая, хозяина постоянного двора, он выбежал на улицу посмотрев, и быстро забежал назад, выхватив из подсобки небольшой колокол, начал лупить в него на улице, как будто тот украл у него денег и нелестно отзывался о его родителях. Тревожная тишина раннего утра прорезывалась криками просыпающихся людей. С другого конца улицы и напротив с домов тоже выбегали люди, спеша на помощь. Огонь уже пожирал второй этаж и начинал третий. Я стоял на улице, зачарованно глядя на огонь и поднимавшиеся по спирали искры в ночном небе. Тем временем отдельные языки пламени слились в сплошную сверкающую и ревущую стену. Эта красно-желто-оранжевая стена, подгоняемая ветерком с моря, перепрыгнула на соседний дом продвигалась все дальше в нашу сторону, поглощая и пожирая, все до чего эта пылающая стена могла дотянуться. Она приближалась к нам со скоростью пешехода, испепеляя все на своем пути.

В нескольких ярдах от нас, к небу взметнулось пышное облако оранжевого пламени. Первый дом полыхал полностью, сгорая в жадном пламени, буквально за несколько минут, с момента как я увидел огонь из окна. Из соседних домов выбегали люди, вынося детей и стариков, а так же свое имущество — одежду, кухонную утварь, мебель, деревянные ящики и плетеные коробки со скинутым в спешке нехитрым скарбом. В воздухе стоял острый, раздражающий запах горячей древесины, одежды, волос и мяса. Спустя какое-то время, я услышал сквозь рев огня человеческие крики, внезапно какой-то ослепительный огненный шар вылетел из первого загоревшегося дома. Огненный шар истошно вопил. Это была объятая пламенем хозяйка лавки. Она налетела на пробегающих с пустыми ведрами для воды людей, упав на землю замолотила руками в попытках сбить пламя. Я скинув свой плащ побежал ей на помощь. Меня тут же обдало жаром, мои волосы, брови и ресницы сразу обгорели, с трудом поборов побуждение отскочить в сторону, я пытался потушить пламя на бедной женщине. Но она упав на спину, продолжала истошно кричать и молотить ногами. Тут же подоспевшие вылили на нее ведро воды, заодно обдав меня. Женщина была еще в сознании, но в голове у меня набатом стучала мысль “Ей конец”.

Сзади раздалась команды, наш владелец трактира как капитан корабля направлял своих людей, разделив их на три части. Одна пыталась помешать распространению огня, вторая носила воду, третья сносила соседний с нами дом, он был самый маленький, и его было

легче всего разрушить. Все это происходило под крики хватающегося за голову хозяина. Я попал во вторую команду, таская ведра с водой, из колодца через два переулка. Притащив очередное ведро с водой увидел, как первый дом видно прогорев, обрушился вперед. Прямо на бегущих возле него людей, завалив их пылающими досками. Люди вокруг кинулись помогать, оттаскивая горящие обломки крюками, и орудуя одной рукой, в попытке сбить пламя мокрыми тряпками, задыхаясь в дыму, и закрывая лицо от огня другой. Конечно, мы не могли рассчитывать на то, что потушим пожар своими мокрыми тряпками, да несколькими ведрами воды. Нашей задачей было задержать его наступление, пока другие команды разрушают ближайшие дома. Это была сложная, но необходимая работа. Люди приносили в жертву собственное жилище, ради спасения всего города. Чтобы выиграть время. Ветер снова переменялся, и мы с удвоенной энергией бросились в бой, воодушевленные этим, он дул в сторону залива, прямо от нас. С той стороны уже разрушили несколько домов на пути огня и оттаскивали обломки, чтобы после пожара из них же построить снова.

Когда все было кончено, в последний раз прошлись по всему окружающему пепелищу, проверяя, не осталось ли там раненых и погибших. Затем, все собрались вместе возле нашего постоянного двора ставшего что-то вроде штаба для борьбы с огнем, чтобы выслушать горькое сообщение о результатах бедствия. Сгорело тринадцать домов, еще десять уцелели, но получили сильные повреждения, их необходимо было восстанавливать, из их числа был и наш постоянный двор. Погибли пятнадцать человек, шестеро стариков и двое детей. Более сотни получили ожоги и травмы, зачастую серьезные. Оказалось, очередная шайка бандитов, решила получить выкуп с хозяйки лавки. Получив отказ, банда решила проучить и напугать, немного подпалив ее лавку. В итоге перестаравшись, они сожгли половину улицы. Идиоты. Прибывшие на место стражники, конечно пообещали найти и наказать. Но люди им не верили, и решили сами наказать. Скинувшись, жители заказали их головы у серых, местных наемных убийц. Эти ребята не ленивая стража, точно найдут.

— Удачно получилось, можно сказать отделались малой кровью. Прошлый пожар в несколько раз больше причинил бедствий. Ремай стоял весь в саже, недалеко, рассуждая в слух, он был явно рад, что его детище не сгорело, хоть и вся правая сторона здания была вся обуглена, и требовала ремонта.

Я стоял вместе со всеми выслушивая печальные новости, как толпе послышался какой-то шум, группа людей протискивается к центру. Женщина, рыдая, несла на руках своего ребенка, которого вытащили из-под дымящихся обломков. Лицо ее не пострадало, но правая сторона была сильно обожжена, особенно рука и нога, кожа на них почернела и растрескалась. Девочка, захлебываясь, кричала от боли и ужаса. Женщина умоляла позвать врача, ей поддакивали почти все, соглашаясь, решили скинуться на оплату пострадавшим.

— Не надо никого звать. Я растолкав людей вышел вперед, вытирая грязное лицо еще более грязным рукавом. — Я врач, несите ее во внутрь, и положите на стол, у меня есть все необходимые лекарства и бинты. Толпа расступилась, пропуская несчастную мать, несущую пострадавшего ребенка. Я пошел за ней следом, принеся из комнаты свой чемодан, и раскрыв его на соседнем столе, я обмазал обожженные участки ребенка толстым слоем мази. Она оказала действие немедленно, девочка перестала кричать и лишь плакала, свернувшись на руках у рыдающей матери.

— Парень врач...врачеватель... — послышалось вокруг.

— Зовите остальных кому нужна помощь. У меня не так много лекарств, но чем могу,

помогу всем.

Так я трудился до обеда, мне помогали разносчицы, выполняя роль медсестер. Наиболее распространенными травмами были ожоги, порезы, и глубокие раны. Тут были молодые и старые люди, мужчины и женщины. Их лица были покрыты ссадинами и синяками, у многих распухли. Почерневшие и обожжённые руки кровоточили и были в волдырях. Некоторые подвязали их. Мой первый рабочий день начался. Люди приходили ко мне один за другим, сообщали свои имена, дарили улыбки, кто-то хмурился, явно боясь доверять свое здоровье мальцу, а я принимал всех, одного за другим, стараясь по мере сил помочь. Я сам не заметил, как рядом со мной вдруг появилась чашка чая. Ее принесла жена Ремая. Начиная с ночи, у меня во рту не было ни глотка воды, ни крошки, я только сейчас понял, как я хочу пить. Пока не увидел, мелькавшую в дверях веснушчатую моську Ника. Он пришел проведать, почему я не пришел на очередную прогулку. Пучил глаза на пожарище. Объявив перерыв, я пошел на улицу, попутно обжигаясь, прихлебывал горячий чай. Выйдя на солнце жмурясь и протирая воспаленные глаза. Проморгавшись, я обнаружил возле постоянного двора еще человек тридцать, если не больше, и еще столько же сидело в зале. Люди стояли, и сидели друг за другом на корточках, образуя очередь, хвост которой тянулся по улице.

— Тут мне работы еще на пару дней, если не больше. Я сам не заметил, как озвучил это.

— Что прости?

— Ничего, просто устал. Ты что-то хотел? У нас тут просто чп.

— Что у вас произошло?

— Поджог, какие-то идиоты решили запугать лавочницу, а вместо этого сожгли ее заживо и вместе с ней еще пол улицы. Прости Ник, пока прогулок не будет несколько дней. Мне нужно помочь людям с травмами. И кстати, раз ты уж пришел. Присмотри, пожалуйста, хороший и недорогой постоянный двор. Мне нужно куда-то переехать, “Селедка” сильно пострадала, и может рухнуть в любой момент, жить тут опасно.

Уже ночью, закончив со всем пострадавшими, сидя на крыльце рядом с унылым Ремаем, который курил свою резную трубку из кости драка. Отдыхая от тяжёлого во всех смыслах дня, и ужиная, смотря на восходящую луну, я почувствовал, что окружающий мир обволакивает меня как бы принимая в свои объятия, так же мягко и так же непреодолимо, как прибывающий прилив затопляет камень на берегу. Его беды и несчастья становятся моими бедами. Его радость и любовь становятся моим счастьем. Доев свой безумно вкусный ужин, и хлопнув его по плечу, я собирался пойти спать.

— Не грусти Ремай, ты хороший человек. Все у тебя в конце концов будет хорошо. Отремонтируешь ты свою рыбину.

Он хмыкнул в усы: — Дожился, Я прослужил капитаном столько лет, столько раз был на волосок на гибели, и наконец выйдя на покой, меня успокаивает пацан, который мне во внуки годиться.

— Все бывает в первый раз Ремай, все бывает в первый раз.

Придя в комнату, я рухнул без сил на кровать, прямо так, в обуви и одежде. Весь в копоти и грязи, за весь день мне некогда было даже умыться. А сейчас, просто уже не осталось сил, я провалился в сон без сновидений.

Проснувшись, первым делом попросил, чтобы мне согрели воды помыться. Лицо было грязное, волосы торчали в разные стороны и пахли гарью. Одежда, больше всего было похоже, как будто я там валялся в пепелище. Однозначно нужно покупать новую. Помывшись и позавтракав, я предупредил Ремая, что буду съезжать. Хотел ему заплатить за

постояй, но он напрочь отказался принимать оплату. Пришлось, смеясь и шутливо ругаясь, впихивать ему монеты, вы когда-нибудь видели, как ребенок борется с взрослым пузатым дядькой за деньги, причем не забирая, а наоборот пихая их друг другу.

Попрощавшись с ним и улыбаясь жизни, я пошел искать Ника.

Я чувствовал, как колесо судьбы совершило свой очередной оборот, из бесчисленных вращений. Задавив тех, кто оказался недостаточно расторопным, или везучим, чтобы вовремя отойти и не быть раздавленным. Горюя об ушедших, и радуясь тому, что оказался в числе везунчиков. Жизнь продолжалась, городской магистрат прислал рабочих. И теперь они копошась как муравьи, растаскивали обугленные кучи мусора, бывшие всего недавно чьим то жилищем, освобождали пространство, чтобы на их месте возвести новые дома. Чтобы начать все сначала.

Николас, как обычно, был на своем месте, на площади возле ворот. Я заметил, он вообще не особо любил в свободное время куда-то ходить. Или был у себя в трущобах, или пытался заработать, помогая людям найти выгодные цены. Как-то я спросил у него, почему он не гуляет сам, он просто и лаконично ответил, что уже нагулялся. Купив нам по уже полюбившемуся хрустящему кренделю, окликнул моего единственного знакомого, ставшего другом в этом огромном городе, уже ставшего мне домом. Ник увидев меня, расплылся в своей необъятной улыбке, от уха до уха. Поблагодарив меня, взял сдобу и с аппетитом поедая спросил.

— Ну что, все в порядке?

— Да, все хорошо. Ты нашел куда мне можно заселиться? Я тряхнул плечом, поправляя сумки со своими вещами.

— Да, хорошая таверна как ты просил. Стоит так же как в “селедке”, но она очень хорошая, вот увидишь. И недалеко от среднего города.

Таверна “Теплый очаг”, куда меня привел Ник, действительно была недалеко от среднего города. Находившаяся в небольшом тихом закутке, возле внутренней стены, отделявший средний город от остального мира. Сам район был куда чище и респектабельней, чем тот где располагалась “Селедка” Ремая. Тут не было никаких куч мусора посреди улицы, толп народу идущих в порт и назад и вездесущих нищих. Все-таки, тут уже жил средний класс и ремесленники. Неподалеку находились казармы стражи, они давали уверенность, что хотя бы тут никто не будет поджигать лавки, требуя мзду за спокойствие, ну кроме самой стражи конечно. Самое здание таверны, было так же трехэтажное, но ухоженное и чистое, даже белые занавески висели на окнах. На пороге “Очага” стояла чуть полноватая женщина, в сером шерстяном платье, надев на него передник и подвязанным платком на голову, на вид ей перевалило за пятьдесят. Женщина увидев нас вышла в зал, захлопнув дверь за собой. Она сверлила взглядом Николаса. Он едва доходил ей до плеча и смотрел на нее, как прихвостень на своего жоака. Она воздела руки кверху, затем уронила их, хлопнув себя по ляжкам и уперев кулаки в бока.

— Ну надо же, явился, и как у тебя смелости только хватило, да еще дружка с собой привел.

— Здравствуйте тетушка Марта. Улыбка Ника стала еще шире, но он, съевшись, отступил на один шаг назад.

— Я вам постояльца привел. На всякий случай уточнил он, продолжая улыбаться.

— Ты мне уже привел “постояльцев”. Нищие ублюдки сбежали не заплатив. Она окинула меня взглядом, и увиденная картина явно ее не впечатлила. С большим чемоданом,

я был одет в старую одежду ещё взятую с дома, в которой ночевал в лесу, по дороге в Фаслас. Она была хоть и чистая, но изношена и вся истертая. Второй комплект, пострадал при пожаре, и был негоден, а другого у меня не было.

— Если мне понравится комната готов заплатить за месяц вперед.

— А деньги у тебя есть? За месяц он готов заплатить.

— Есть.

— Мой друг врачеватель и после пожара лечил людей весь день, их было так много, что я даже посчитать не смог, вот сколько их было. Николас был неграмотен, и ничего не смыслил в медицине, но говорил с такой гордостью, как будто он сам лечил людей.

— А почему одет так? Она провела рукой, подразумевая, что я одет как нищий.

— Я снимал комнату в другом постоялом дворе. Я помогал тушить пожар, и вся одежда испортилась, другой нет, а купить новую я еще не успел. Так что, пустите на постой?

— Восемь медяков в день, в стоимость включен завтрак. Плати вперед, или проваливайте. И прикупи себе одежды, нечего тут ходить как голодранец.

Я улыбнулся ей, заплатив чуть больше оговоренной суммы, она вернула мне сдачу и, бросив грозный взгляд на моего друга, ушла в кухню. Стоявший у дверей Ник отшатнулся от неё, съезжившись и одновременно счастливо улыбаясь. Пока заказывал завтрак на нас Ником, мне вручили ключ от комнаты. Комната была ухоженная и чистая, даже стол и шкаф были, постельное белье на кровати. После почти что проходного двора в селедке у Ремая, это был домашний уют. Сразу было видно, что тетушка Марта любила то, чем занимается. И относилась к этому со всей душой. На завтрак нам принесли большие, и очень вкусные рисовые лепешки, которые намазывали маслом и топленым молоком, заворачивая их в трубочки. Наевшись, и довольные жизнью, мы пошли искать подходящую лавку старьёвщика. В среднем городе была масса лавок с одеждой, в одной из которых я и присмотрел себе два комплекта, один повседневный, и еще подумав, купил комплект одежды поприличней на выход. Уже выйдя из лавки вспомнил, что я потратил почти все свои запасы трав и мазей, и мне срочно нужно их пополнить. Мы пошли в ближайшую лавку травницы, назад вышел спустя десять секунд. Цены тут, по-моему, только для костеродных. Придётся опять идти к старой Велии.

Подойдя, к затерянной среди лабиринта домов, и воняющих на все лады дубилен, жилищу старой травницы, и через раз вдыхая ртом глотки воздуха, уже на пороге двери, я столкнулся с выходящей из лавки девушкой. Она была выше меня на пол головы, светлые русые волосы до плеч обрамляли аккуратное лицо в виде сердечка. Одета в широкую, висящую на ней мешком темно серую куртку, и такие же широкие штаны, на ее ногах были мягкие сапоги из волчьей шкуры. Но самое большое впечатление производили глаза, они были большие и красивые, осененные густыми черными бровями и широко расставленные, что говорило о недюжинности натуры. Цвет их, изменчиво-серый, поражал бесчисленным множеством оттенков, как переливчатый шелк в лучах солнца. Они были то серыми — темными или светлыми, — то серовато-зелеными, то принимали лазурную окраску моря. Эти изменчивые глаза, казалось, скрывали её душу, словно непрестанно менявшиеся маски, и лишь в редкие мгновения она как бы проглядывала из них, точно рвалась наружу, навстречу какому-то заманчивому приключению. Эти глаза могли быть мрачными, как хмурое свинцовое небо, могли метать искры, отливая стальным блеском обнаженного меча, могли становиться холодными, как полярные просторы, или теплыми и нежными. И в них мог вспыхивать любовный огонь, обжигающий и властный, именно такой огонь притягивает

и покоряет мужчин, заставляя их сдаваться под напором, радостно и самозабвенно.

Я зачарованный этими огромными глазами, не видя больше ничего вокруг, не сбавляя шаг, прямо рядом с ней, впечатался в столб на котором крепилось крыльцо. Мысленно проклиная себя за неуклюжесть, я взялся одной рукой за так не вовремя сдвинувшийся столб, другой потирал ушибленный нос. Она покосилась на меня с ироничной полуулыбкой, подняв бровь, явно не ожидала от меня такого экспромта.

— Ты в порядке? — спросила она чуть нахмурившись, но сквозь сжатые губы пробивалась улыбка.

— Да, прости, это наверное из-за вчерашнего. Усталость сказывается.

— А что вчера было? Она пыталась безуспешно заглушить улыбку.

— Пожар, очень устал. Но еще я слышал, что говорят хочешь впечатлить девушку, насмеши ее. Вот решил попробовать, аж сам не ожидал.

— А, ну да. Пожар дело такое. Хохотнула она мелодичным мягким голосом, и пружинистой походкой, не оборачиваясь ушла, с высоко поднятой головой, совершенно не обращая внимание на окружающую вонь, тогда как мы с Ником, всячески морщились, зажимая носы, по дороге сюда.

— Ты чего, спросил Ник. — Это из-за Мари что ли?

— Нет. В смысле я действительно устал, соврал я. — А что, ты с ней знаком?

— Немного. Мари многие знают.

— Ясно, ты со мной или тут подождешь?

— Не, я лучше тут подожду тебя. Он помялся в нерешительности.

Зайдя в лавку травницы, стоя у входной двери, на пяточке света, пока глаза привыкали к полумраку, а нос к разнообразию едких запахов. Ждал, пока она меня заметит, и подойдет. Но она была занята, и не видела меня, ворчала себе под нос, посылая проклятия неизвестному и возмущаясь в слух, собирая и складывая склянки с лекарствами в сумку. Так, она похоже еще и лекарем подрабатывает. Я то уже могу отличить, лекарский чемодан, и лекарства на основе трав. Очень интересно. Я потоптался еще с минуту на месте. Потом не выдержав, поднял кулак и два раза в него кашлянул, привлекая ее внимание. Она резко дернулась, обернувшись, схватила кинжал со стола. Да что тут все такие нервные. Оглядела лавку, увидев, что я один и стою далеко не замышляя ничего, немного успокоилась.

— Здравствуйте, помните меня? Я покупал у вас лекарства недавно. Они закончились, и мне нужно еще.

— Закрыто! Резко бросила она, но подумав секунду, чуть мягче добавила. — Завтра приходи, некогда мне сейчас. Идти надо.

Завтра так завтра, мне в принципе не срочно. Заверив, что завтра непременно к ней приду, я вышел на улицу к ожидавшему меня Нику. Никаких дел у нас не было и мы пошли по домам, Ник к себе в трущобы, я в свою комнату. Уже вечером, лежа на кровати, прокручивая в голове прошедший день, я никак не мог выбросить из головы эту девушку — Мари. Так меня поразили ее глаза. Мне сильно хотелось ее увидеть. Когда я смотрел как она уходила, мне чудилось, что эта девушка совсем не ступает по земле, такой она показалась невесомой. Ее осанка, и высоко поднятая голова, и то как она себя держала. Я был очарован, и твердо решил добиться от Николаса подробностей о ней.

С утра позавтракав, и надев новую одежду, я пошел к старой травнице. Дойдя до ее магазинчика, в глубине вонючего лабиринта ремесленного квартала, и толкнув дверь, оказался в уже знакомом пяточке света, окруженный сонмом всевозможных ароматов и едких запахов.

— А, это опять ты. Старая Велия опять похоже была не в духе, интересно у нее вообще бывает хорошее настроение.

— Здравствуйте. Я стоял привыкая к темноте. — Да, вы же вчера сказали что вам некогда, и чтобы я приходил завтра. Мне нужны кое-какие лекарства, они закончились.

— Ты что, ел их что ли?

— Нет, был пожар. Я лечил людей, и все потратил.

— Да, я слышала про пожар, но ты разве лекарь? Велия явно была удивлена, она вышла ко мне из полумрака, чтобы лучше видеть лицо, не вру ли я ей.

— Без лицензии. И формально я подмастерье.

— Формально. Она пожевала губами повторяя слово, ишь ты. — А насчет лицензии, она яйца тухлого не стоит. В этом городе ее ни у кого нет, а то, что эти надутые индюки называют лицензией лекаря, это просто мзда в канцелярию магистрата, за возможность работать.

Очень интересно, получается, чтобы иметь возможность легально работать в городе лекарем нужно просто дать взятку? Впрочем, ничего нового и удивительного. Видно во всех мирах принцип работы практически один. Я назвал ей требующиеся мне травы и лекарства, заказав две банки мази от ожогов, пусть будет. Она ушла в подсобку за товаром, оставив меня возле прилавка, велев чтобы ничего не трогал, уточнив, что ничего, это значит вообще ничего. Разумеется, рядом на прилавке лежал раскрытый фолиант уже виденных мною ранее “Алхимических истин”, из которого она выписывала что-то на маленькие листочки. Ну, она сказала ничего не трогать, я же послушный мальчуган, а вот про не смотреть в книгу, речи не было. Я специально сцепил руки за спиной, чтобы невольно не нарушить ее наказ, и вытягивал выгибая шею, пытаюсь прочесть что там написано.

Велия выйдя из подсобки увидела, что я склонился над книгой, разозлилась еще больше.

— Я же тебе только что сказала, чтобы ничего не трогал! Ты глухой или тупой?

— Я ничего не трогал, она уже была открыта.

— Самый умный? Она бухнула на прилавок мои покупки.

— Нет, просто любознательный.

— Ну так иди в городскую библиотеку любознательный!

Я завис, осмысливая только что сказанное травницей. Городская библиотека, ну конечно! Не расцепляя рук за спиной, я перекатился с пяток на носочки и обратно.

— Простите, пожалуйста, я не хотел вас обидеть. А можно поподробнее про городскую библиотеку?

Велия прищурилась глядя на меня, словно проверяя, не издеваюсь ли я над ней.

— Что непонятного, если тебе так нейдет, иди туда и читай сколько влезет.

Решив, что подробностей я от нее не дождусь, а лучше все узнаю у Николаса, где находится библиотека, и схожу сам посмотрю, я расплатился за покупки с ворчливой травницей. Я уже собрался уходить как она меня окликнула.

— Погоди, тебя как зовут?

— Дарий.

— Дарий, ты можешь мне помочь? Мне нужно доставить товар покупателям, просто я уже старая, бегать по городу. Ты вроде смысленый, легко справишься, нужно просто доставить небольшие посылки нужным людям, я напишу адреса как найти. Я заплачу тебе за это.

Я постоял секунду размышляя, в принципе почему бы и нет. Буду на хорошем счету у травницы, она человек полезный, хоть и ворчливая, но мало ли, как жизнь сложится.

— Да, конечно. Давайте я вам помогу. Вы же не против, если я у вас тогда свои покупки оставлю, пока бегаю по адресам?

Оставив свои мешочки и баночки у нее на прилавке, я взял старую, выдавшую лучшие времена сумку, с несколькими глиняными баночками и завязанными мешочками. Получив инструкции, кому именно и что нужно доставить, я пошел на свою первую работу.

Первым адресом был некий Орсо. Владелец мясной лавки, находящийся в портовой зоне, возле залива мясников. Он был ближе остальных двух адресов, именно с него я решил начать. Когда мы с Ником гуляли по городу, мы заходили несколько раз в портовую зону. Так что, куда именно мне нужно я знал, а там найду, Велия сказала, что Орсо знают почти все возле залива. Если что спрошу.

Выйдя к каналу реки, которую в народе называют речка вонючка, из-за того, что в городе все сливают свои отходы в нее, и поэтому стоит просто ужасная вонь. Вытекающие в залив, воды канала выходили за границы и затапливали нижние этажи зданий. От влаги дома из красного глиняного кирпича ржавели до темно-коричневого цвета. К смраду воды примешивались ароматы пряных булочек, специй, гвоздичного дыма и конечно всевозможной рыбы, жареной, вареной, тушеной, но в большинстве своем сырой, а иногда уже и подванивающей.

Стоило мне нырнуть в поток людей, как я тут же попал в водоворот толчков и ударов. Такой натиск мог бы неподготовленных напугать, но мне нравилось, для меня это была ностальгия по шумным мегаполисам родного мира. Меня толкали на протяжении всего пути, пока я шел по улице, которая перетекала в широкую площадь, обрамленную рядами лотков и лавок. Поднявшись по стопке пустых ящиков, я понял, что оказался на рынке. Воздух гудел от звуков кутерьмы и говора сотен людей, сверху за происходящим сердито наблюдало жгучее летнее солнце, нагоняя на город духоту, а ветер разносил самый необыкновенный запах. Я бы не решился бы описать его как зловоние — скорее вонь, приукрашенная несравненным парфюмом. Портовая зона находилась на юго-западе Райлегга, у залива Мясников, и была окружена скотобойнями и канализационными стоками. Смрад залива можно было сравнить с запахом, исходящим от вспоротого живота, покрытого лошадиным дерьмом и палеными человеческими волосами, который уже три дня гнил под солнцем. Тем не менее это зловоние маскировалось запахом самого рынка. Теплым запахом свежее испеченного хлеба, и сладких хрустящих булочек. Свежими фруктами, и запахом ароматного кофе. Жареным мясом и рыбой, тушеными овощами и терпким благоуханием садов на крышах. У меня сразу потекли слюнки, смешанные с желчью: часть меня хотела съесть все, что попадалось на глаза, а другая часть задалась закономерным вопросом, сможет ли она вообще когда-нибудь снова есть.

Спросив у первого попавшегося торговца, как мне найти мясника Орсо. Мне указали по направлению в ближайший переулок. Лавка мясника была серая и неброская. На открытом

прилавке, возле кусков вырезки, скучал приземистый громила в грязном переднике, изображая из себя продавца. Вокруг кипела жизнь, люди спорили и торговались за все подряд. А возле его лотка, не было ни одного человека, он скучающе присутствовал, ковыряясь ножом в прилавке. Складывалось впечатление, что он больше похож на вышибалу, чем на торговца. Заметив меня, он выпрямился нахмурившись, опустив руки под прилавок, но нож не убрал.

— Тебе чего?

— Мне нужен Орсо, я по поручению травницы Велии, принес ему посылку. Это вы?

— Стой здесь, буркнул он и скрылся в лавке. Выйдя через несколько секунд, он махнул рукой внутрь. — Заходи.

Зайдя в лавку, я увидел склад мяса. В основном разделанные свиные туши. Но была и вырезка неопределенного происхождения. Чуть дальше, в дверях ведущих в подсобное помещение, стоял еще один “продавец”, такой же здоровый, как и первый, с кривой рожей и сломанным носом. Единственно отличие, у него на поясе висел здоровенный тесак, больше смахивающий на мачете.

Меня провели в подсобное помещение, тускло освещаемое при помощи мутного от грязи, похоже немытого несколько десятилетий окна, центральным предметом этого помещения была висевшая на крюке выпотрошенная свиная туша, на полу под ней натекла целая лужа крови. Сваленные потроха, лежали окровавленной кучей рядом в деревянном корыте. В помещении было трое, жилистый и крепкий, но уже седой мужик в окровавленном фартуке смотрел на меня из-под кустистых бровей, точа длинный нож. И видно, еще два его помощника, на вид такие же вылитые головорезы. В дверях отрезая выход, застыл “продавец” с тесаком на поясе, который меня сюда проводил. И еще один, получается был у прилавка снаружи. Итого пятеро, страх неволью клубясь появился в желудке, существо в моей тени набухло, накинувшись на него, пожирая.

Седой мужик стоя возле свиной туши спросил.

— Ты кто? Я тебя раньше не видел.

— Я от травницы Велии, принес посылку, что вы заказывали. Вы же Орсо?

Он кивнул подтверждая, я взял сумку, и хотел было достать оттуда банку и мешочек, что ему принес. Как правый помощник шагнул ко мне, ложа руку на сумку, крепко ее схватив.

— Он проверит, пояснил его действия Орсо, продолжая точить нож.

Громила открыл сумку посмотрев, что там именно то, о чем шла речь, молча кивнул мяснику Орсо, и вернул мне сумку. Я достал глиняную баночку и завязанный мешочек, положив их на пространство на столе, меньше всего заляпанное кровью. Добавил, что мне было велено передать на словах.

— Велия просила передать на словах. Это то, что вы заказывали, а насчет вашей просьбы она не знает. Как только ей привезут, она даст вам знать.

Мясник снова кивнул, и молча повернулся к туше, начав ее разделывать. Показывая, что разговор окончен.

Выйдя из мясной лавки, и все еще не веря, что обошлось, я пошел по следующим адресам в нижнем городе. Вторым получателем был Васко, владелец таверны “Бездонная бочка”, а третьим адресатом, куда я собственно и тащил основную часть запечатанных баночек, был лупанарий “Распутная баронесса” — публичный дом напротив таверны. А что, удобно и практично, для всех заинтересованных сторон. Поплутав по шумным городским улицам, наслаждаясь солнечным теплым днем. Я подошел к нужной мне таверне, возле

которой высились горой два здоровых охранника. Вблизи привратники выглядели еще более пугающе. Они стояли под навесом у входа в таверну, и смотрели на снующий мимо них народ, не слишком приветливо. Мужик слева был почти квадратным, одинаковым в ширину и высоту, а его напарник выглядел так, словно вчера на ужин слопал собственных родителей. Да уж, забавное местечко нижний город, после мясной лавки и этих двух колоритных персонажей, я уже честно боюсь себе представить, что меня ожидает в публичном доме напротив.

Квадратный увидев, что я иду в таверну поднял руку, показав ладонь.

— Ты куда парень?

Мимо нас в таверну, прошли пятеро пьяных вусмерть гуляк, привратники расступились, совершенно не обращая внимания на людей, которые к слову несли выданный уличный указатель и немного встревоженную овцу. Я проводил ошалевшим взглядом, прошедшую мимо веселую группу, заглядывая внутрь таверны, и перевел взгляд на невозмутимого квадратного привратника. Ему похоже было все равно, видно тут частенько такие ходят.

— Мне нужен Васко, я курьер, принес ему доставку от травницы Велии.

— Тебе на третий этаж, последняя дверь по коридору. Он отошел освобождая дорогу.

Поднявшись по лестнице, находившейся в конце битком набитого посетителями зала, и пройдя посты охраны на каждом этаже, я прошел по длинному коридору к двум охранникам возле двери. Тут повторился ритуал вопрос-ответ. И они постучали в дверь позади. Через секунду та распахнулась, и я оказалась лицом к лицу с высоким южанином с татуировкой каторжника на лице, его мощная грудь была обтянута дорогим парчовым жилетом с золотыми пуговицами.

Окинув меня мрачным взглядом, южанин спросил у стражей кто я, получив ответ бросил через плечо:

— Тут курьер доставку принес.

Зайдя внутрь, я попал в шикарное помещение, отделанное красным бархатом и позолотой. Больше напоминающее будуар смешанный с кабинетом. У стены справа, стояли еще четверо. Хоть все они были одеты как костеродные хлыщи, лица то не изменишь, и при каждом имелся целый арсенал оружия. На стенах висели живописные картины. У правой стены, занимая большую часть комнаты, стояла большая кровать, на которой безмятежно спала красивая обнаженная девушка, ее похоже совершенно не смущало бравое воинство напротив. Центральную же часть комнаты, занимал большой резной стол из красного дерева, за которым сидел мужик в черном, наспех застегнутом колете, с моноклем на глазу.

— Мы ждали доставку ночью. Но раз пришел сейчас, так даже лучше, давай сюда.

Я не понимая, что за доставку я там принес, осторожно выложил положенные мешочки и баночки перед ним на стол.

Он сорвал крышку с первой глиняной баночки, заглянув внутрь.

— Это. Что. За. Гребаная. ХРЕНЬ?! Вскричал он, привстав со стула, потрясывая баночкой с лекарством, у меня перед лицом. “Костеродные” перестали подпирать стену, схватившись за оружие.

— Противозачаточное.

— Противо...зачаточное? Его лицо вытянулось, монокль выпал из глаза, повиснув на цепочке.

— Ну да. Травница Велия велела доставить лекарства и травы, которые вы заказывали. Вот я и принес вам доставку.

Васко скрипнул зубами так, что, по-моему, это услышали на первом этаже, через гомон стоящий в зале, полным пьяного народу. Его лицо налилось красным. Он с размаху кинул баночку с лекарством в стену рядом с южанином.

— Дебилы! Вы кого мне привели?! Это не тот курьер. Вы что, не могли сами получить гребаные лекарства для шлюх?!

— Ты, пошел на хрен! Или я тебя зарублю сейчас. Он кинул в меня моей сумкой с оставшимися лекарствами.

Я поспешил выполнить его искреннее напутствие, спускаясь по лестнице и слушая как он орет через закрытую дверь кабинета. Уже выйдя на улицу и подойдя к привратнику возле борделя, обернулся на таверну. Васко все разорялся на своих подчиненных. Даже отсюда было слышно. Напротив моих ожиданий, в борделе все прошло быстро и спокойно, я просто передал посылку и молча вышел. Я шел назад и обдумывал, какие все-таки интересные клиенты у травницы. Придя к ней я отчитался что все выполнено и все адресаты получили свои посылки, она заплатила мне несколько медяков, это была стандартная цена за работу. Хотя мне было гораздо важнее ее расположение. Она также завтра попросила прийти и сделать доставку. Мне было все равно, так даже лучше, это была моя временная подработка, и я согласился. Забрав свои лекарства, я направился на поиски Николаса, я проходил больше полудня с поручениями, уже вечерело, и естественно, он уже ушел к себе в трущобы. Делать мне было особо нечего, а самому искать библиотеку сегодня уже поздно, так что я пошел к себе в комнату. Заказав мыльню на вечер, и поужинав, я лег спать в обнимку с нетерпеньем, слово городская библиотека не давало мне покоя. Мне были позарез необходимы знания об окружающем мире, и я надеялся их там получить.

Меня разбудил стук посреди ночи.

— Проснись Дарий, ты слышишь. Нам нужна твоя помощь, ну же парень, вставай уже. Нехороший человек стучал в дверь и будил меня голосом тетушки Марты. Встав, я откинул засов закрывавший дверь в мою комнату.

— Что-то случилось тетушка Марта? Я щурясь одним глазом, закрывался рукой от масляного фонаря, который она держала перед собой.

— Да, этот оболтус Николас говорил, что ты врачеватель, — сказала она, — это действительно так?

— Да, это так. Но вы не ответили на вопрос, что случилось? Я отчаянно хотел спать, и совсем не понимал, что ей от меня нужно.

— У одного парня травма, Дарий. Нам нужен лекарь прямо сейчас.

— Еще даже не рассвело, — простонал я. — Я спал всего два часа. Скажите ему, чтобы он пришел утром, когда я высплюсь и буду нормальным человеком.

— Нам нужно это прямо сейчас. Повторила она. — Иначе он до утра не доживет. Он и так мне весь пол своей кровью залил. Теперь моя таверна похожа на бойню.

Марта держала фонарь у моего лица. Слегка оттолкнув её в сторону, я увидел, что в дверях стоят еще двое, держа между собой висящего человека, который похоже уже стоять не мог заливая все своей кровью.

— Прости за беспокойство, Дарий, — проговорила хозяйка. — Это Рин, он такой глупый парень. Теперь мне просить прощения за беспокойство. Но, он сын моей подруги, она не переживет, если с ним что-нибудь случится. А лекарь в среднем городе не примет его сейчас, да денег у них нет, чтобы оплатить его услуги. Мы с тобой обязательно рассчитаемся.

— Ну и рана! — Глубокий кривой порез начинался у лопатки и заканчивался почти на поясице, тянувшись через всю спину. Большой кусок кожи свисал с одной стороны наподобие лацкана от куртки, открывая вид на ребра. — Ее надо зашивать.

— Я все оплачу, проямлил парень.

Тетушка Марта залепила ему оплеуху.

— Заткнись, болван! Оплатит он.

— Перестаньте колотить его. Это не поможет. Как это произошло?

— В драке. Он подрался с уличными бандитами. Эти бандиты, они дерутся саблями и ножами, а он кулаками, и вот результат.

— Это они начали! — вяло оправдывался Рин. — Они дразнили и издевались над нами, что мы должны были молчать? — Мы говорили им, чтобы они прекратили это. Но они не слушали. Только поэтому мы с ними и подрались.

Марта подняла снова ладонь, призывая его к молчанию, и хотела заодно двинуть ему еще раз, но, видя, что я нахмурился, сдержала себя.

— Ты думаешь, что это позволяет тебе драться с портовыми бандами, болван? Ты даже драться не умеешь, разве не знаешь, что такое портовый район, зачем ты туда вообще пошел. Твоя мама будет очень рада если тебя искромсают на мелкие кусочки и скинут в море на корм дракам, да? Она будет просто счастлива! А теперь, Дарий должен зашивать твою спину. Позорник, вот ты кто!

— Ну ладно, — сдался я. — Зашью я его рану. Но это будет больно, у меня нет ничего, чтобы снять боль. Предупредил я её.

— Больно! — повторила Марта радостно. — Больно — это не проблема, Дарий. Это очень хорошо, что ему будет больно. Надо, чтобы стало больно.

Парень слабо затрепыхался при этих словах, он явно боялся боли, и похоже еще больше боялся тетушку Марту. Но второе похоже перевешивало первое.

— Подождите, тетушка. Рана слишком большая и грязная.

— Но у тебя же есть иглки и нитки в твоём медицинском ящике, Дарий. Она нахмурилась, явно думая, что я пытаюсь отказаться.

— Да, все есть. Но рану нужно сначала обработать и помыть. Чтобы не было нагноения и лихорадки. Посадите его на табурет, пусть облокотиться на стол. Тетушка Марта, принесите ему горячий и сладкий чай. Так же мне нужна горячая вода и еще один светильник.

Она ушла за требуемым, а мужики кто держал парня, выдвинув стол, усадили его на табуретку. Рина между тем пробрала дрожь, когда он глянул на то, как я раскладываю инструменты больше похожие на пыточные из своего чемодана, он представил себе, как игла впивается в его плоть, его лицо исказилось и губы издали беззвучный стон. Я наскоро вымыл лицо смахивая остатки сна. Когда принесли воду в чайнике, я налил немного на тарелку, а в кастрюлю бросил на всякий случай две иглы, чтобы стерилизовать их. Промыв рану теплой мыльной водой и протерев ее золотым вином вместо антисептика, я высушил ее с помощью чистой тряпки. Затем я как мог, туго перебинтовал ему туловище и оставил повязку на десять минут, надеясь, что края немного сойдутся и зашивать будет легче. Я выпил чая, пока рана сохла и приступил к работе. Вот и пригодились те инструменты, что я доказал приехав в город. Инструменты конечно были далеки от идеала, но основную функцию выполняли. Первое время было неудобно, игла выскальзывала, и первые несколько стежков получились у меня довольно неаккуратными. Рин морщился, охал, ахал и подвывал, сцепив

зубы шипел, еле слышно ругаясь. После пятого или шестого стежка я приноровился, и работа пошла более споро, хотя ему от этого легче не стало. Марта стояла в проходе двери и безуспешно пыталась отогнать любопытных постояльцев и работников. Я работал захватом и пинцетом привыкая к ним. Человеческая кожа более упруга и прочна, чем кажется. Сшивать ее нетрудно, она не рвется, когда протягиваешь нить. Закончив, я намазал ему края раны мазью, купленной у старой травницы буквально сегодня и перебинтовал. Велел его хорошо накормить, так-как он потерял много крови и уложить спать. Он пытался мне всунуть какие-то монеты, но я отправил его к Марте, с ней пусть решает вопрос.

Ложиться спать уже не было никакого смысла, мы провозились почти всю ночь. И когда закончили убираться у меня в комнате, небо на востоке уже начинало светлеть. С тетушкой Мартой мы договорились, что за услуги лекаря, я поживу в таверне бартером десять дней с полным питанием. Довольно неплохо зарабатывают тут лекари. Если смогу заплатить мзду у магистрат за лицензию, как сказала Велия, думаю, голодать я точно не буду.

Плотно позавтракав, я пошел к центральным городским воротам, мне нужен Николас. Я много ожидал от городской библиотеки, и мне надо было знать где она. Город просыпался потягиваясь, выползали сонные торговцы расставляя свой товар на прилавках. Люди спешили на работу. Найдя Ника на его месте, я договорился с ним чтобы он сегодня пошел со мной. Я обещал Велии сделать еще одну доставку, а потом пойти искать библиотеку.

Пройдя по вонючему лабиринту из кожаных мастерских и дубилен, мы пришли к лавке старой травницы. Старая Велия уже ждала меня, сумка была приготовлена и лежала на прилавке. Сама старая травница выглядела неважно, синюшные мешки под глазами и усталый вид давали понять, что похоже не я один не спал всю ночь, она тяжело опиралась на трость помогая себе при ходьбе.

На этот раз у меня было два адреса, первая доставка была начальнику порта. А второй адрес, был трактир “Лагуна” в нижнем городе. Заверив травницу что все выполним в лучшем виде, мы пошли разносить посылки. Решив, что сначала нам лучше в порт, а потом зайдем в трактир, так было удобнее и ближе. Николас узнав адреса усмехнулся, глядя на меня со своей широкой улыбкой, пояснив.

— В Лагуне часто Мари бывает.

Мне тут же перед глазами всплыл образ той девушки с необъятными серыми глазами. Надеюсь я сегодня ее там встречу.

Портовая зона и набережная были довольно людными и грязными районами. Потолкавшись в людской массе мы подошли к зданию где располагался первый адрес доставки. Начальник порта Райлегга была одна из самых завидных должностей во всем городе. Открывая для предприимчивых людей массу возможностей. Ее ввели давно, городской магистрат по указке еще прадеда нынешнего Наместника, но прибыль, получаемая за счет контроля над тем, что приходит и уходит из Райлегга по морю, не ускользнула от внимания воротил ночной гильдии, — воров, вымогателей и головорезов, которые составляют организованную преступность, растянувшей свои жадные щупальца по всем землям, начиная от империи заканчивая вольными баронствами. Слишком велик был куш, чтобы его упускать.

Если очередной начальник порта был слишком туп или жаден. А зачастую эти два качества шли рука об руку, чтобы не понимать всю важность того, чтобы спокойно работать надо делиться, его убивали. Но костеродным было сложно объяснить, что интересы черни, которая составляет основную массу народу, с которой им приходится иметь дело на данной работе, тоже следует учитывать.

И пошли убийства, которые начали следовать одно за другим. У магистрата на том этапе уже начались проблемы с поиском кого-то достаточно тупого, кто бы согласился на эту работу. И начальники порта исчезали быстрее, чем успевали появляться желающие на эту должность, некоторые везунчики так и вовсе не доезжали в первый рабочий день. И

тогда дед нынешнего Наместника, предложил бандитам компромисс, они сами назначают на должность своих людей — и следят за порядком, отчисляя определённый процент в казну города. Это была гениальная идея от которой он выиграл втрое, первое; — он избавился от головной боли, получая положенную сумму в казну и ничего для этого не делая. Второе, он получил благосклонность всех местных торговцев, просто желавших, чтобы их поставки приходили вовремя, и третье и главное, он получил лояльность ночной гильдии, которая мигом навела порядок в вечно проблемном порту, одно дело когда грабишь ты — совсем другое, когда грабят тебя. После недолгого обсуждения вопроса, начальник порта был выбран, убийства прекратились, и все были довольны.

Начальника порта не было на месте, он ходил где-то по территории. И мы с Ником стояли возле двери начальника, ожидая его. Я с жадностью глазел на элегантные обводы качающейся на волнах залива каравеллы под флагом Атрии. Возле них копошились рабочие разгружая ящики с товаром, под крики стоящей четверки мужчин откровенно бандитской наружности.

— Атрийцы. Пробормотал Николас.

Будто услышав его слова — хотя этого никак не могло быть, — Атрийцы вдруг обернулись и пристально уставились на нас с мрачным видом. Один из стоявшей четверки наклонился к самому низкорослому и проговорил что-то, показав на нас с Ником. Ник продолжая счастливо улыбаться говорил уголком рта, как раб под взглядом стражника. Это выглядело довольно забавно. Если вообще можно счесть забавной ситуацию, когда два молодых пацана обсуждают наркоторговцев в средневековье.

— Опасные люди, — пробормотал Николас, глядя все с той же глупой улыбкой на них. — Атрийцы. Тот, что поменьше, торговал дурманом и чернилами на черном рынке.

— Чернилами?

— Да, чернила кракенов, они вводят их своим жертвам чтобы те не трепыхались когда они их поедают. Если их примет человек становится радостным, и ему ничего не хочется делать. Раньше он был очень большой шишкой, заправлял всей торговлей, что шла из империи. Но что-то они с гильдейскими не поделили. Я слышал тогда была большая резня, убили немало его людей. Сейчас он занимается контрабандой атрийского шелка и зарабатывает почти так же, но зуб на тех, кто выпер его из дела, все же имеет.

Похоже даже тут есть эта гадость, и если свинья захочет она везде грязь найдет.

Я покосился на Ника стоящего рядом.

— А ты то откуда все это знаешь?

Он лишь беззаботно пожал плечами.

— Я умею слушать. Да и тогда об этом много кто говорил.

Тут к зданию возле которого мы стояли из-за угла вынырнула толпа, вокруг хмурого в потертом изношенном колете, вилось человек десять. И все дружно, каждый свое ему рассказывал или просил. Видно это был сам начальник порта. Он на подходе к нам уже не выдержал, и прикрикнул на всю галдящую на разные лады братию, чтобы от него отстали. Увидев нас с Ником возле своей двери спросил с раздражением.

— Вам чего?

Я похлопал по сумке в которой лежали баночки с лекарствами.

— Я от травницы Велии принес доставку, что вы заказывали.

— А, понял, это вам надо дальше. Он махнул рукой в сторону порта. — Найдете “Песнь Сирены” капитана Кварка. Это его лекарства, он просто попросил меня чтобы я сделал

заказ.

Ну дальше так дальше, мы с Ником пошли искать судно которое нам указали. Мы шли вдоль причала, любуясь на пришвартованные корабли. Мы проходили мимо большого корабля с резными волками возле бушприта. Когда с него с него сходили по скрипящему настилу два здоровенных светлородых уроженца Аакарии.

— Обалдеть! Ник аж вскрикнул подпрыгнув. — Это же Альфоно и Бальдо!

— Кто?

— Ты чего? Это же Волки Тансата! Знаменитые колесницы.

— Я мало знаком с гладиаторами Ник.

— Как можно не их знать. Они приехали на Игры в Райлегге. Они всех там победят! Он повернулся идя задом, продолжая любоваться на своих кумиров: — скажи еще что ничего не знаешь про игры которые скоро начнутся.

— Я правда ничего не знаю Ник.

Он забежал вперед меня и взял за плечи, заглянул в глаза, ища там подсказку, вру я или нет. Но я правда ничего не знал про Игры. Знал лишь что есть арена, и там выступают гладиаторы. А что и когда, понятия не имел. Не найдя никаких намеков лжи в моих глазах Ник пояснил.

— Игры начнутся через десять дней, на праздник урожая. В Райлегге они проходят раз в пять лет. У нас одна из лучших арен. Ее строили еще маги павшей империи. Лучше только в Фоиридже, столице Оскинского королевства. И в Атрийской империи конечно, но там ммм. Он закатил глаза. Вот бы там побывать на играх, это моя мечта. На ближайшие Игры я обязательно пойду, я три месяца копил, чтобы купить билет. Пойдем вместе? Уверю тебя, это лучшее что можно увидеть на этом свете.

— Если ты так говоришь, то давай сходим, почему бы и нет. Я обошел прыгнувшего на месте от радости Ника, двигаясь дальше. Надо найти этого капитана Кварка. А на Игры действительно можно сходить.

Пройдя еще с десяток кораблей качающихся на волнах вдоль причала, мы нашли нужное нам судно. Возле судна, поглядывая на то как матросы закатывали бочки по настилу на корабль, закинув ногу на один из причальных столбов, и оперившись в нее локтем, раскуривал трубку бородатый мужчина в старом кожаном дублете поверх когда-то белой рубашки, с пожеванной треуголкой. В целом, его вид бы очень неухоженным, единственным, что было в идеальном состоянии, выбиваясь из образа только что проснувшегося после недельной пьянки в свинарнике, это было его оружие. Подтвердив, что он именно капитан Кварк, я отдал положенные ему лекарства, и мы с Ником пошли искать “Лагуну”.

Мы купили за медяк у уличного торговца две жареные рыбки, нанизанные на веточки, и с большим аппетитом их поедали, пробиваясь через толпу. К слову рыба тут была очень вкусная. Вообще вся кухня в Райлегге была как по мне немного острой, и основу блюд в большинстве своем, составляло все то, что ранее плавало, ползало, и обитало в море. Морепродукты стоили буквально копейки. У рыбаков можно было купить корзину сырой, только что выловленной рыбы за медяк. А вот мясо стоило в разы дороже, в основном оно составляло меню зажиточных торговцев и костеродных. Мы же плебеи, питались рыбой, овощами и кашами.

Пробираясь в лабиринте из торговых лотков, вечно пьяных моряков, портовых рабочих, и гостей города за которыми стаями следовали уличные воришки с попрошайками. Мы пробивались в нижний город. Уже на выходе из портовой зоны я услышал, как сквозь гомон

толпы пронзительный крик прорезал воздух. Толпа слева шарахнулась, отпрянув в сторону от пьяного матроса с оружием, открывая вид на парня чуть старше меня на пару лет, который закрывал собой Мари, их прижали в тупике двое, достав ножи. Судя по виду они явно перепили, достав оружие орали на парня чтобы он не мешал им развлекаться. Парень молчал, достав нож и выставив свободную руку перед собой, защищая девушку. Мари тоже достала свой ножик, спрятавшись за его спину. Ее расширившиеся глаза мерцали в свете солнца серыми алмазами.

Не так я себе представлял нашу новую с ней встречу.

Ник тоже увидел это все, его раздирало любопытство и страх. Ему явно было интересно и в то же время он пытался спрятаться за спину ближайшего зеваки, выглядывая из-за него. Я всучил ему сумку, сказав, чтобы в оба глаза следил за ней, я вытащил свой нож, взяв его обратным хватом, и пошел сквозь толпу параллельно третьему нападавшему, от которого шарахнулись люди.

Он был слева от меня, я был от него закрыт праздными зеваками, которые столпились посмотреть на бесплатное зрелище. И судя по хвату оружия он был правой, так что даже если бы он меня и увидел, ему пришлось бы повернуться и изменить стойку. Притормозив на секунду чтобы он шагнул вперед, оказавшись чуть впереди меня, я прыгнул к нему пнув его левой ногой сзади в правое колено когда он шагнул перенес вес на правую ногу. Он вскрикнул заваливаясь на колени, как раз на уровне моих плеч и я с разворота шибанул его рукояткой ножа, чуть пониже уха в основание челюсти, отправив перепившего моряка спать.

На вскрик оглянулся один из двух оставшихся дружков. Второй же, оскалившись тыкал в воздух ножом, делая ложные выпады в сторону парня, даже не замечая новое действующее лицо и изменившийся расклад. Я прыгнул к левому любителю острых ощущений, который увлеченно махал ножом пытаясь запугать парня. Его напарник окликнул протягивая руку к другу, и отшатнулся выронив нож, парень вступил в бой уличив момент, и хорошо чиркнул ножом по руке нападавшего. Оставшийся начал оглядываться, сначала на друга и потом повернул голову, как раз когда я подбежал к нему. Схватив его за выступающую руку и используя инерцию движения, я крутанулся вокруг своей оси заламывая ему руку, перехватив дурня поперек туловища я пнул его по ноге выбивая упор из-под ног и с силой бросил его на землю. Он крутанувшись в воздухе хорошо приложился затылком и спиной о мостовую. Нож выпал и жалобно звякнув откатился. Я прижал разошедшегося к полу, вывернув его руку за спину, и одновременно затянул ворот его рубашки на шее, затрудняя дыхание и встав так, чтобы он оказался между мной и оставшимся нападавшим. Глянул на парня который закончил разбираться со своим. Вся решимость, владевшая разгоряченными алкоголем моряками, сразу утихла, и они пассивно подчинились, обмякнув и выронив оружие. Протрезвевшие моряки, кряхтя встали и пошатываясь подняли до сих пор валявшегося без сознания товарища, подхватили его под руки и повели по улице, затерявшись в толпе.

Все разом возбужденно заговорили. Я с тревогой посмотрел на Мари. Глаза ее расширились, на губах играла удивленная улыбка, но происшествие явно не выбило ее из колеи. Успокоившись на ее счет, я направился к парню который ее защищал. Это был смуглый парень уроженец золотой марки, чуть выше меня, поджарый, атлетического сложения. Густые черные волосы гораздо длиннее чем у большинства его сверстников, были собраны в пучок на затылке. На нем были белая хлопковая рубашка под кожаной безрукавкой и свободные хлопковые брюки темного цвета, на ногах мягкие кожаные

полусапоги.

— Я твой должник, еще чуть-чуть и мне пришлось бы туго — сказал он подходя, улыбаясь искренней благодарностью и протягивая руку. — Я Калеб.

— Без проблем, я Дарий. — улыбнулся я ему в ответ. — Эти ребята были пьяны или потеряли рассудок.

— В каком бы они ни были состоянии, я твой должник, — упрямо повторил он.

Толпа начала расходиться поняв, что продолжения представление не предвидеться, тут к нам подошла Мари тряхнув волосами. А сзади меня встал Николас, держа сумку двумя руками перед собой и робко улыбаясь.

— Привет, Калеб, Мари. Кивнул он им.

— Привет, а ты стало быть Дарий. Мари ответила за двоих. Она хохотнула прикрывшись ладошкой, явно вспомнила мой недавний конфуз.

— Вы знакомы? Калеб вздернул бровь.

— Ну, Дарий недавно пытался поцеловать столб, когда я ходила за лекарствами для Аннет. Ответила она с насмешливой улыбкой, от которой на ее щеках образовались ямочки.

— Что я могу сказать? Когда девушка права, возразить нечего. Мне же лишь осталось улыбнуться и развести руками.

— Как бы там не было, с меня должок. Сказал Калеб. — Тут недалеко есть трактир, мы там часто собираемся, Лагуна называется, приходи как будет время.

— Мы как раз туда и идем. Улыбнулся я ему. — Старая Велия попросила помочь ей, отнести лекарства.

— Ты работаешь на ведьму? Калеб был удивлен.

Ник молчал, красноречиво посмотрев на меня “я же говорил, что она ведьма” так и читалось в его взгляде.

— Не работаю, она просто попросила помочь, когда я покупал лекарства. Видно заболела, она же пожилой человек. А мне несложно.

— Ну, это твое дело, но все говорят, что она ведьма. Раз нам по пути, я просто обязан угостить тебя. Калеб и Мари призывающе махнули нам рукой, и мы вчетвером затерявшись в толпе, пошли в Лагуну.

“Лагуна” оказалась трехэтажным строением расположившись на стыке нижнего города и портовой зоны. На одной из широких улиц ведущих из залива в центр города. На первом этаже выкрашенном в бежевый цвет в зале имелось штук пятнадцать круглых деревянных столиков, зал был почти полный. Было много посетителей, причем несмотря на неблагополучный район и близость к порту, гости на вид были хорошо одеты и вели себя нормально. Миловались парочки, и сидели семейные. Не то что я увидел недавно в “Бездонной бочке”, полной пьяной вусмерть матросни с краденным дорожным указателем и овцой под мышкой. У правой стены была лестница ведущая на второй этаж, возле нее на возвышении за широкой стойкой из красного дерева восседал управляющий, наблюдавший, подобно капитану на корабельном мостике, за тем, что происходит на его палубе. За его спиной был узкий коридор, из которого то и дело вырывались клубы пара вместе с вечно взмысленными подавальщицами. Калеб сказал нам чтобы мы садились за столик к Мари, и нырнул в служебное помещение ничего не сказав управляющему, тот похоже не был против. Мари же подседа за угловой столик к молодой парочке которая там сидела. Пока я сдавал положенную посылку управляющему.

Мы присоединились к сидящей парочке познакомившись. Парня звали Маркос, он был смуглый, с непослушными черными кудрями, которые он постоянно поправлял пятерней. Он был среднего роста, выше меня на голову, красив и подтянут, с красивым открытым лицом, выразительными глазами цвета кофе с молоком, прямым носом, на фоне улыбающегося рта с ямочками на щеках и аккуратного подбородка, просто гроза девичьих сердец. Стройную милovidную девушку с голубыми глазами и рассыпанными по плечам белыми кудрями звали Аннет, она была проституткой и работала на Маркоса.

Мы с Ником поздоровались с Аннет, но мои мысли были заняты Мари и южанином. Он сидел рядом с Мари, прямо напротив меня, положив руку на спинку ее стула и наклонившись к ней, так что их головы почти соприкасались, когда они тихо о чем то говорили. Красивые парни пробуждают в других очень нехорошее чувство — нечто большее, чем просто неприязнь, больше похоже на зависть с примесью ненависти, щедро замешанное на ревности. Это чувство ничем не оправдано, но возникает всегда, прячась в тени, когда они находятся рядом с теми кто тебе нравится. А когда вот так, с девушкой которая тебе нравится, сидят по-хозяйски облокотив руку, оно само выползает шипя и извиваясь, затмевая разум. Я смотрел на него, и со дна души у меня поднималась вся эта муть. Ровные белые зубы, его гладкое смуглое лицо и густые кудрявые черные волосы, восстановили меня против него гораздо быстрее, чем какие-либо неприятные поступки и или плохие черты его характера. Я был готов его прибить, хотя первый раз увидел.

Тут подошли Калев с долговязым и худым мужчиной с прищуренными бегающими глазами, он представился как Лукас. Они заказали выпивку, и подавальщица притащила несколько кружек пива и ароматный кофе для девушек. Когда Маркос отвлекся от Мари посмотрев на меня.

— Наша Мари рассказала, что ты смелый человек, и помог ей, прими мою благодарность. Он чуть растягивал гласные по южной манере, склонив голову в благодарности и прижав руку в груди.

Сказать, что я был растерян, значит ничего не сказать. Совсем немного что может с таким же успехом поставить тебя в абсолютно дурацкое положение, как внезапная непритворная похвала со стороны человека, против которого ты изначально настроился заранее, имея из оснований только то, что он был симпатичнее тебя.

— Аэмм, да ничего, мне было несложно помочь. Я сильно смутился и чтобы это не заметили, спрятал взгляд в кружке с пивом.

— А что случилось, Аннет переводила взор с Мари на меня.

— Да ничего серьезного, пустяки. Парни просто перебрали немного. Я посмотрел на сидящих напротив девушек. У Мари был прямой и уверенный взгляд, за которым читался не дюжий ум, в то время как огромные голубые опалы Аннет, и это при ее выборе профессии, не выражали ничего, кроме глупой наивности.

Лукас отпил полкружки, удовлетворенно вздохнул всей грудью и прикончив остальное, вставил свои пять копеек смотря в окно на проходящих мимо людей.

— Случилось моя дорогая Аннет то, что наша красавица Мари обладает просто несравненным талантом находить неприятности на свой стройный зад.

— О-о-о, — пропела Мари закатив свои глаза и умудрившись сделать три звука из

одного. — Скажи Лукас, я сегодня еще не посылала тебя на хер?

— Нет, дорогая моя! — ничуть не смутился он. — Но я прощаю тебе эту небольшую забывчивость.

— Я не твоя дорогая, холодно сказала она показав ему костяшки. (Неприличный знак, местный аналог нашего среднего пальца, напоминает “козу” рокеров, только мизинец и указательный максимально разведены в стороны)

— Ты бы видел Маркос, как он их положил быстро, причем без увечий, раз и двое лежат. Я немного в этом разбираюсь и знаю, сколько смелости и мастерства для этого требуется и как важно уметь инстинктивно рассчитать все движения. Парень просто прирожденный боец. Скажи Дарий, где ты учился? Калев перевел разговор в другое русло.

— Меня дед учил, до того как умер. Рассказал я им частичную правду, умолчав главное.

— А чем еще ты занимаешься, кроме того, что помогаешь старой Велии разносить лекарства? Мари крутила свою чашку кофе пальцем за ручку вокруг своей оси.

— Ну вообще я лечу людей, планирую это во всяком случае, когда получу лицензию в магистрате. А так особо ничем, несколько недель как я приехал в город, и мы с Ником просто гуляем, он показывает мне все интересные места. Я толкнул локтем в бок молчавшего как рыба Николаса, что на него было совершенно не похоже.

— Ты лекарь? Она подняла свою точеную бровь.

— Немного, я показал ей небольшую щелочку между большим и указательным пальцами.

— Выделяешься, констатировала она факт.

— Немного, я снова показал ей щелочку выдав лучшую улыбку, что была у меня в арсенале.

Тут к нам подошли двое мужчин, один что-то начал на ухо шептать Лукасу, другой позвал Маркоса. Он встал из-за стола и подал знак Аннет, и она выпив оставшийся кофе одним глотком, поднялась вслед за ним, взяв со стола сигарилу.

— Мне надо работать, — объявила Аннет, обворожительно улыбаясь. — Завтра увидимся Мари, всем пока. Она помахала нам с Ником ладошкой и вышла.

Лукас выслушав мужчину, хлопнул Калеба по спине и кивнув Мари тоже поднялся.

— Прости Дарий нам пора. Приходи как будет время, мы тут часто вечером сидим. Калев извиняясь улыбнулся.

— Ничего, нам тоже пора. Как-нибудь загляну к вам еще. Мы попрощались со всеми, и пошли искать библиотеку.

Подходя к среднему городу мы остановились у лотка со сдобой, купив себе по пирожку. Я хотел узнать у Ника о Мари и ее компании.

— Ник расскажи мне о них, ты явно знаком с ними.

— Что ты хочешь узнать?

— Расскажи о Мари, на какие средства она живет? Я спрашиваю не из праздного любопытства; я уже говорил, меня интересует, как людям удастся устроиться здесь — беженцам, я имею в виду.

Я слышал, что она неплохой взломщик, и проворачивает делишки вместе с Лукасом.

— С Лукасом? — Я был порядком удивлен. — Мне показалось, что они ненавидят друг друга, — ну, не то что ненавидят по-настоящему, а просто терпеть друг друга не могут.

— Ну тем не менее это так, между ними все время происходят стычки, они постоянно собачатся как кошка с собакой по любому поводу, но на самом деле они работают вместе.

— А Маркос? — спросил я, стараясь, чтобы это прозвучало бесстрастно. Высокий южанин был очень красив и самоуверен, мне казалось, что он довольно близок с Мари, и я откровенно завидовал ему. — Что ты можешь рассказать о нем?

— Он содержит несколько девочек. Решает вопросы и находит им клиентов, забирая половину заработка. Что-то вроде того, я точно не знаю, слышал краем уха, но особо не интересовался. Ник ел с аппетитом чавкая пирожками, продолжал отвечать на мои вопросы. Прикончив свою порцию, он вытер рот тыльной стороной ладони и задумчиво на меня посмотрев, он сказал.

— Послушай Дарий, не нужны они тебе. Все кто связывается с гильдейскими, заканчивают плохо. Или в канаве, или в черном замке. Я знаю про что говорю, у нас много парней из трущоб ушли работать на гильдию, никто не вернулся. Рано или поздно, итог будет один.

Я кивнул ему, показывая, что услышал. Его предупреждение звучало у меня в ушах, как крики чаек над косяками рыбы в заливе.

Городская библиотека находилась в огромном трехэтажном палаццо академии Райлегга. Его не заметить было сложно. Он был самым огромным и заметным зданием центральной площади среднего города. Его белые стены и отделанные резными арками окна, мерцали на бликах солнечного света. Слепя своей красотой и монументальностью.

Николас помялся потоптавшись на месте.

— Прости Дарий, но дальше я с тобой не пойду. Я все равно читать не умею, и делать в библиотеке мне нечего. А вот нарваться на неприятности точно получится. Это академия для костеродных господ, и встречаться с ними лучше не стоит, ничего хорошего из этого не будет.

Я поблагодарил друга за помощь и пообещал, что завтра мы обязательно встретимся. Сам же пошел в сторону центрального входа. Уточнив у привратников на входе, где именно библиотека, я чуть не столкнулся в дверях с кучкой молодых костеродных, которые высоко задрав голову шли с надменным видом. Я был чист и хорошо одет, но они одарили меня таким взором, будто я был кучкой навоза, хотя с их точки зрения я ей и являлся. Пройдя вестибюль по стеночке, обходя молодых костеродных, которые ходили все кучками словно соревнуясь между собой дорогими шелками пошитыми по последней моде, и кичась целыми состояниями надетыми в виде украшений, одаривая друг друга высокопарными уничижительными словами и издательскими замечаниями. Больше похоже на какую-то богато украшенную змеиную яму. Я нырнул в спасительные огромные резные створки библиотеки. У входа стоял пустой стол и никого вокруг, только огромные длинные стеллажи полные разных книг и фолиантов, ячейки со свитками, и запах. Запах старых пыльных книг. Я закрыл глаза и вдохнул полной грудью этот пьянящий запах. Открыв глаза, я увидел недалеко от меня чуть приоткрытую дверь с табличкой “Смотритель библиотеки, Мастер Руфус”.

Подойдя, я слегка постучал по двери, но никто не откликнулся, открыв дверь я зашел в кабинет. За широким деревянным столом в центре, почти скрытый качающейся стопкой пергаментов, с пером между жирными пальцами, сидел сам смотритель библиотеки, он что-то писал, старательно выводя гусиным пером завитушки каллиграфии. Я оглянулся вокруг, нормальный кабинет рабочего человека. Бардак в кабинете смотрителя был полный. Свитки лежали везде — на всех свободных поверхностях, книги, какие-то старинные карты с рунными кругами. Сам он был так увлечен записями в толстой прошитой тетради, что даже

не заметил моего появления.

— Господин смотритель... — я прошел вперед, аккуратно перешагивая разбросанные фолианты на полу, и постучал костяшками пальцев о край столешницы его стола. — Мастер!

Пахло старыми книгами, было много пыли, я невольно чихнул вдохнув ее. И он наконец-то обратил на меня внимание недовольно подняв взгляд.

— Тебя стучать не учили?

— Прошу прощения, но я стучал дважды. Вы не слышите.

— Чего? Говори громче, что ты там мямлишь.

Я кашлянул в кулак и набрав воздуха уже громче ему сказал.

— Я говорю, что я дважды стучал, но вы не слышите.

— Не ори, я не глухой. Проворчал этот старый хрыч. — Чего тебе надо, не видишь я занят?

— Мне надо посещать библиотеку.

— Серебряный в день и она в твоём распоряжении. Книги беречь, и не портить. Если испортишь, оплатишь в тройном размере. Закрываемся как прозвучит седьмой удар колокола.

Я оплатил положенную сумму, и он выдал мне взамен резной деревянный кругляш, который вешается на шею, дающий право доступа в библиотеку, и отпустил в свободное плавание, махнув рукой чтобы я не мешал ему работать, велел что когда буду уходить, чтобы сдал ему кругляш.

И я утонул. Утонул, нырнув с разбега, уйдя с головой в море книг и фолиантов, написанных от руки и порой настолько старых и рассыпающихся, что их брать в руки было страшно. Чего только я тут не нашел, учебники по рунологии, пособия для создания ритуальных кругов, трактаты по ведению магических поединков, энциклопедии по алхимии и артефакторики, я так же нашел уже виденный мною у травницы фолиант “Алхимических истин” только он был весь истрепан и держался на честном слове. Были также и старые книги по истории нынешних королевств, больше похожие на тщательно отредактированные притчи. Своды законов и правил королевств и Атрийской империи. У меня натурально разбегались глаза, и я не знал за что братья в первую очередь.

Это был мой личный рай.

Я нашел укромный уголок освещаемый масляным фонарем, за лабиринтом из стеллажей и стоек, и обложился книгами забыв обо всем на свете, с упоением их читая, когда у меня над ухом кашлянул смотритель.

— Я дважды стучал, а ты не слышишь. Съехидничал старый хрыч.

— Простите, пожалуйста, это все так здорово и интересно, что я совершенно обо всем забыл. Я искренне улыбнулся ему.

— Да уж вижу, что ты обо всем позабыл. Проворчал он, — Так-так, что тут у нас. Артефакторика, алхимия, ритуальные круги, сборник законов королевств и правила ведения магических поединков идиота де Санто. Ты же не одаренный, и половина для тебя абсолютно бесполезна, зачем тебе все это?

— Просто очень интересно, я очень любознательный. Мне кажется тут мой личный рай.

— Личный рай закрывается. Давай убирай книги на полки где взял, и иди домой. Он повернулся и фонарь надо мной внезапно потух.

Я слегка вздрогнул не ожидав, посмотрел на потухший фонарь и на сгорбленную спину смотрителя. Очень интересно. Оказывается, уже был одиннадцатый удар колокола, и

библиотека давно закрылась, я совершенно не заметил, как пролетел день и было уже темно, мне надо идти в свою комнату.

Райлеги были сильно переполнены, и в целях борьбы с возросшей преступностью, наместник издал закон запрещающий спать на улице, и стража ревностно следила за соблюдением этого закона. Только ревность сильно различалась в зависимости района. Если тебя поймут ночью в верхнем городе, это приравнивалось к преступлению и отвечал ты соответственно. В среднем все было попроще, и шансы быть избитым за нарушение, но избежать ареста были довольно высоки. В Нижний же, в некоторые дальние районы нижнего города, стража уже не заходила десятилетия, ограничиваясь разгоном бездомных и бродяг вдоль внутреннего кольца стен и центральных и важных районов, относясь к этой обязанности трезво, как к ловле проституток на улице Тысячи Шлюх. В остальных же районах включая трущобы, царили первобытные законы, прав был тот кто сильнее и рассчитывать приходилось только на себя и своего соседа.

Костеродные и равняющиеся на них зажиточные горожане тоже любили покой, поэтому по ночам в верхнем и среднем городе на улицах было тихо. И как только темнело, стража вводила в среднем городе своего рода комендантский час, проводя облавы. Группы стражников высыпали в город прочесывая пустынные улицы, высматривая преступников всех мастей, попрошаек, подозрительных прохожих, бездомных и безработных беженцев. Стража как только темнело, по указке магистрата заставляли хозяев всех трактиров, магазинчиков и лавок, закрывать свои заведения и разгоняли даже лоточников, торговавших на улице, не говоря уже о нищих, бродягах и проститутках, которые не успели попрятаться по своим углам. Витрины магазинов загорались ставнями. И воцарялись тишина и пустота, какие трудно было представить себе в дневном шуме и гаме. В отличие от нижнего города, который оживал ночью. Средний город засыпал, становясь бесшумным, прекрасным и пугающим. Только редкие кареты костеродных, да железные сапоги стражи нарушали ночной покой.

Стража если встречала семьи, особенно с маленькими детьми и стариков, больных и покалеченных просто прогоняли в нижний, скидывая головную боль на своих коллег, но не арестовывали. С бродячими артистами, разного рода музыкантами, акробатами, фокусниками, и актерами — обходились довольно грубо и особо не церемонились просто избивая их. Если человек мог доказать, что он где-то работает, или хотя бы сообщить адрес своего работодателя, его просто отпускали за воротами в нижний город. При этом людям прилично одетым и способным заплатить стражникам мзду, было нечего бояться.

Бездомных в Райлеге было много, считай каждый второй, и почти все они жили, ели и спали на улице. Буквально в каждом переулке нижнего города ты мог натолкнуться на спящих людей, укрывшихся от ночной прохлады и сырости старыми тряпками и тонкими одеялами. Одинокие бродяги, семьи и целые группы беженцев, искавшие в городе спасения от засухи, голода или разоряющих набегов работорговцев, ночевали, сбившись в кучи на каменных мостовых.

Получалось что в группе риска оказывались прежде всего одинокие молодые люди — бездомные, безработные, необразованные и бедные. Каждую ночь по всему городу арестовывали множество парней, которые не могли откупиться или убедить стражу. Иногда их задерживали из-за того, что они просто подходили по описанию разыскиваемых бандитов, иногда у них обнаруживали краденые вещи. Некоторые были хорошо известны страже, и их прихватывали вместе с другими просто так, на всякий случай. Но многим не

везло просто потому, что они были плохо одеты, и не умели постоять за себя. Каждый стражник носил с собой грубую веревку, которой привязывали арестованных друг к другу. Эта тонкая бечевка служила надежным заменителем кандалов, так как полуголодные и запуганные люди были по большей части слишком слабы и морально сломлены, чтобы отважиться на побег, или сопротивляться закованным в кольчугу и хорошо вооруженным и организованным стражникам. Они молчали и робко повиновались надеясь, что все обойдется. Когда набиралась вереница из десяти-пятнадцати человек, их отводили под надзором шестерых патрульных в казематы гарнизона, где запирали в переполненных камерах. Вереницы связанных цепочкой людей, уныло бредущие после полуночи по пустым улицам, были похожи на траурные процессии, для многих из этих людей, это и были траурные процессии, они шли умирать. Потому что, попасть в облаву означало провести несколько недель или месяцев в одной из переполненных до отказа тюрем. Где, чтобы выжить надо было ожесточенно драться, изо дня в день, с собратьями по несчастью. За еду, за одежду, да просто за чистое место на каменном полу, где есть возможность прилечь поспать. Многие были на это были не способны, и погибали в каменных утробах.

И идя домой уже глубоким вечером, я наткнулся на один из таких патрулей. Я был хорошо и чисто одет. Я не был бездомным, был образован и с честными глазами врал, что я подмастерье лекаря, а иду я по поручению, просто задержался в библиотеке городской академии у мастера Руфуса. И у меня были с собой несколько монет. Так что я не попадал по всем пунктам на связанных бедолаг которых они отводили в тюрьму. Отдав доблестной страже серебряную монету, и получив взамен подзатыльник с напутствием чтобы больше не попадался, я избежал участи быть брошенным в тюрьму за бродяжничество. Придя в свою комнату, я заказал мыльню, двойную порцию на ужин и попросил, чтобы меня разбудили с утра. С раннего утра плотно позавтракав, я снова побежал в библиотеку просидев до седьмого колокола. И на следующий день все повторилось, потом еще и еще. Я потерял счет дням проводя в библиотеке все свое свободное время. Пока в один из дней ко мне вечером не пришел Ник. Он меня потерял, я не появлялся нигде и оказалось прошло уже десять дней, как мы с ним договаривались пойти на Игры на арене, которые начинались завтра. Мы с ним договорились что он зайдет ко мне с утра и мы пойдем вместе.

Погода благоволила, стоял теплый солнечный день. Мы с Ником затерялись в толпе, широкой рекой текущей в сторону древнего гигантского сооружения арены. Которая высилась на холме над городом. Возбуждение в ожидании предстоящего зрелища так и витало в воздухе. Все в городе улыбались и были рады, счастливчики одев свои лучшие одежды спешили, сливаясь в один радостно гомонящий поток. Мы купили в лавке на подходе к арене по вкусной ароматной булке и пошли в сторону подъёма.

Одна из трех широченных лестниц ведущих к арене поражала своей монументальностью. Она казалась, была вылита единым сооружением. Во всяком случае я не увидел ни единого шва в камне. По бокам лестницы стояли большие статуи, в два с половиной человеческих роста, в которых запечатлены победители игр прошлого. Они были выполнены просто поразительно, складывалось впечатление, что они вот прямо сейчас, перед твоими глазами оживут. Тут были и мужчины и женщины. С разнообразным вооружением. Пройдя лестницу любуясь превосходной работой неизвестного мастера далекого прошлого, мы нырнули в испещрённую фресками арку былых эпических сражений. По широкому коридору ведущему на трибуны из которого вели по три небольших отборка с каждой стороны, мы попали на трибуны с северо-западной стороны. Наши места согласно биркам выданным вместо билетов, были чуть выше середины, считай на углу. Не самые удобные места с точки обозрения. Но это было лучшее что мы смогли достать. Немного слепило солнце, но все было видно достаточно хорошо. Но самое главное, это был стоящий вокруг и пробирающий до костей неистовый рокот.

Толпа рокотала как гром.

Ее безумный рев, единовременно исходящий из тысяч алчущих крови глоток, вибрировал в камне вокруг, отбивался от стен заставляя осыпаться их мелкой крошкой. С деревянных балок на потолке сыпалась пыль; ритмичный бой барабанов и топот тысяч ног в такт им, под гул аплодисментов и оглушительные раскаты, выражающие восхищение — все это вызывало дрожь по телу, и мурашки по спине, которые начинали бегать и врезаться в друг друга под напором эмоций кипящих вокруг. Моя тень пошла волнами, жадно впитывая весь спектр эмоций окружавший меня. Я почувствовал это и топнул на нее ногой, чтобы она прекратила.

За всю свою жизнь я никогда не слышал ничего подобного. Я конечно был на стадионах раньше, но там не было даже близко ничего похожего. Теперь же мы стояли над огромной городской ареной. Первое представление уже началось — публичные убийства, спонсируемые местной канцелярией. Я наблюдал, как пески орошаются кровью, а гладиаторы казнят осужденных преступников, еретиков и беглых рабов, чтобы раззадорить аппетит толпы перед будущим кровопролитием. Рев тысяч голосов, слившихся в один взлетал до небес, и падая назад, обрушивался на нас целым океаном эмоций.

По центру арены стоял один гладиатор, купаясь в этом океане. Ослепляющее пламя солнца отражалось от двух длинных заточенных мечей, которые он держал широко расставив руки. Он был одет в блестящую сталь, одну руку защищала чешуйчатая наруч, а его голени — резные поножи. Его лицо скрывалось за полированным шлемом, изготовленным в форме разъявленной волчьей пасти.

У окружавших его заключенных не было брони — лишь тряпки с кожаными вставками

и ржавые мечи в руках. Такой вид казни должен был развлечь зрителей перед серьезными поединками, но на арене стояла дюжина приговоренных мужчин и женщин, сражающихся против одного гладиатора, управители не хотели давать преступникам шанс на победу. В конце концов, их доставили сюда на смерть.

Первый приговоренный издал боевой клич и перешел в атаку, гладиатор взмахнул острой сталью отбив ржавый меч обреченного, и вторым мечом вспорол ему живот, на песок орошая кровью вывалились витки малиновых кишок. Толпа одобрительно заорала. Сбоку к гладиатору подошли еще двое, но обоих встретила свистящая стена из стали, отрезая им руки по локоть и рассекая глотки до кости.

Когда зрители закричали громче, а стены арены затряслись от топота ног, и гладиатор принялся за работу всерьез. Вскрывал трахеи и животы, отсекал ноги и руки, а для эффектного финала отрубил последнему заключенному голову, срезав ее двумя мечами, как ножницами прямо с плеч.

Арена Райлегга была гигантским эллипсом длиной в сто тридцать ярдов. Стены арены поднимались на пять ярдов над песком, по краям располагались ложи для костеродных и знатных гостей. Вокруг них, бурлил океан людей. На ее трибунах помещалось около двадцати пяти тысяч человек, тканевые навесы на длинных шестах спасали зрителей от солнечного света. Манежи и трибуны были забиты до отказа, люди преодолевали мили и мили, чтобы стать свидетелями крови, славы и смерти своих любимцев. Я видел простых горожан, торговцев, ремесленников и их жен в красивых платьях, сидящих с мужьями, детей, устроившихся на плечах у родителей, чтобы лучше видеть. Все были возбуждены и улыбались. Ничто так не сближает семью, как прекрасный день на бойне. Прозвучали фанфары, сигнализирующие об окончании казни. В ответ над их головами поднялся рев. Пески, были окрашенные багряным. Толпа, раскачивалась волнами в предвкушении, требуя продолжения.

— Жители Сезии! — раздался голос из рогов вдоль всей арены. — Уважаемые гости! Костеродные! Ваш победитель — Джованни из Аакарии!

Гладиатор взревел, поднимая окровавленные мечи. Пока он расхаживал по песку, доводя толпу до безумия, работники быстро утаскивали изувеченные трупы преступников. Лишь безымянная могила и бездна ожидали их впереди.

— Следующий будет отсев. Николас был также возбужден. Он был рад и улыбался.

Отсев был кровавым зрелищем, и управляющие всегда пытались устроить грандиозное шоу для толпы. Но зрители все равно предпочитали схватки своих героев, а не массовую резню безымянных бедолаг, независимо от того, насколько впечатляюще их убивали. Как только Отсев закончится, начнутся бои настоящих гладиаторов.

По арене прокатился голос, перекрывая воющую толпу.

— Жители Сезии! Уважаемые костеродные! Добро пожаловать на сорок пятые игры Райлегга!

— Чтобы почтить Наместника нашего с вами любимого города, Уважаемого Сальваторе де Моранте, и юную прекрасную леди — Летицию де Моранте, мы покажем вам первую часть грандиозного состязания между героическими гладиаторами из лучших коллегий королевств! Но сперва те, кто ищет славы на песках, должны доказать перед глазами Всевидащего, что они достойны! Время настало! Час пришел! Отсев начинается! За объявлением последовали оглушительные аплодисменты.

На выступающем балконе я заметил пожилого мужчину за столом, в строгом темно

сером костюме без украшений, рядом с сидящей маленькой девочкой лет семи, одетой в воздушное, небесно-голубое платье, из-за чего она была похожа на маленькое облачко, окруженных армией чиновников, мужчинами и красавицами в прекрасных нарядах, который, как я предположил, и был наместником города. Глашатай игры стоял у края стола, облаченный в кроваво-красную мантию, его талия и рукава были украшены десятками золотых украшений. Мужчина говорил в длинный загибающийся рог, его голос усиливался другими рогами, установленными по краю арены.

С одной стороны арены решетка плавно поднялась. Стражи копьями вытолкали под яркий солнечный свет из загона около сорока новобранцев, они вышли ровными рядами. Каждому из них вручили по тяжелому железному шлему с конским, выкрашенным в алый цвет гребнем. И никакой больше брони и никакого оружия. Ничего, что защитило бы их плоть, помимо клочков ткани вокруг бедер. Я окинул взглядом собравшихся несчастных, увидел людей разных оттенков кожи и комплекции, в основном мужчин, но было и несколько женщин.

Решетка в другом конце арены поднялась, и стражи вывели новый отряд участников. Они были безоружны так же, как и первая команда, но имели золотые гребни на шлемах. При виде них толпа взревела в знак одобрения и затопала ногами, сотрясая землю.

— Жители, узрите! — Свое поле боя! Состязание окончится, когда останется лишь один цвет! — крикнул глашатай — Победители получают право выступать в качестве гладиатора на песках арены! Побежденные — вечный сон после смерти! Да начнется... Отсев!

Под песком раздался грохот и глубокий скрежет, земля затряслась. Команды обреченных дрогнули, сбившись в кучи, когда клиновидная часть пола, на котором они стояли, начала подниматься. Песок каскадом посыпался вниз, открывая взору массивный механизм с гигантскими шестеренками. Запахло маслом, серой, и чем то паленым.

— И не поспоришь, они явно знают толк, в том как устроить шоу, — ошеломленно пробормотал я.

Обескураженная толпа завопила что есть мочи. Команды участников оказались где-то в четырех метрах над землей. Я посмотрел на механическое чрево арены — если кто-то из них упадет туда с края на эти крупные скрежещущие шестеренки, то превратится в кровавое месиво между маслянистыми металлическими зубьями.

— Оружие! — крикнул глашатай. Дайте им оружие!

В ответ на его призыв широкая круглая платформа в центре арены надрывно застонала, явив на свет с дюжину щитов и луков, и десятки клинков разной длины, поднимавшихся рукоятками вверх из песка. Короткие мечи, длинные, прямые, изогнутые, а также заостренные скимитары, все они были черными, но на вид острыми, как бритва, и сверкали в лучах солнца. Обсидиан!

— Участники! — взревел глашатай. — Начинайте!

Команды ринулись с противоположных краев к центру арены с разных сторон, побежав так быстро, как только могли. Кто-то быстрее, кто-то медленнее, под крики толпы. Из красных запрыгнула первой на центральную платформу небольшая девушка, из золотых самым быстроногим оказался рослый уроженец золотой марки, оливковую кожу которого было легко отличить. Его длинные ноги, пружинисто отталкивались от земли, уверенно и быстро неся его вперед. Запрыгнув, две пары рук молниеносно схватили первые рукояти четырех матовых, зловеще черных клинков. Толпа взревела, когда на обсидиане сверкнули лучи солнца. Южанин развернулся, когда девушка прыгнула на постамент, и рассек двумя

мечами воздух на уровне ее горла. Вскрикнув, девушка отпрянула в последний момент, протанцевав в сторону, поднимая песок, виляя влево, вправо и прогибая спину, когда один из выпадов прошел прямо под ее подбородком. Свалившись на спину, она перекатилась назад и села на корточки прямо у края платформы, опасно покачнувшись над волнующимся морем из крутящихся металлических шестеренок.

В этот момент на платформу запрыгнул еще один красный участник, схватив оружие и щит он ринулся с ревом, налетел на южанина со спины, его меч с хрустом врезался в меч золотого, заставив того отшатнуться и забыть о девушке. Тут же на центральную платформу запрыгнули еще двое золотых, взяв оружие и кинулись в бой. Один из них кинулся на помощь южанину, второй воткнул меч в красного, который в этот момент запрыгивал на платформу, буквально насадив его на меч и скинул вниз. Прямо на металлические шестерни, несчастный лишь успел вскрикнуть когда зубья перемололи его в окровавленное пюре. Но золотой не успел порадоваться успеху, так как его меч остался в противнике, улетевшем вниз. И девушка мгновенно подрубила ему сухожилия на ноге и его толкнула следом вниз, навстречу бездне. Золотые отпрянули, на свою часть платформы когда добежала остальные группа участников. Зрители зарокотали в ответ. Гонка закончилась, все участники вооружились. Теперь могла начаться настоящая битва.

Золотые, вооружившись, разделились и побежали к красным, основная группа прикрываясь щитами по центру и две полудюжины справа и слева стараясь зайти в тыл к противникам. Красная команда сбилась в кучу, мешкала и явно не знала с чего начинать. Но у красных был лидер который командами, расталкивал и указывал мечом, что надо делать растерявшимся. Полетели первые стрелы с обеих сторон и первые смерти в массовой резне. Юноша в красной команде поймал стрелу в шею и выпал из строя широко раскинув руки лежа на спине. В командира красных тоже стреляли, но он отмахнулся щитом, поймав стрелу раздраженно, даже не посмотрев на противника расставляя свою команду.

Красные плотно сбившись, ждали противника, лучники по указке лидера методично расстреливали сначала полудюжины которые их пытались обойти. Они быстро выбили сначала правую группу и только взялись за левую как центр противника добежал до них ударив с ревом щитами в щиты. Началась рубка в которой увязли все. Кровь летела во все стороны. Из всех кто дрался за свою жизнь похоже мало кто знал о строевом бое и дрались как попало. Кроме лидера красных который прикрывал шустрю маленькую девушку, прибежавшую первой, умудрившуюся уже схватить лук. В этот момент к ним сзади добежала левая полудюжина золотых и начала вырезать лучников.

Толпа охмелела от ярости, одобрительно заревев, внимательно следя за кровавой резней.

Девушка и несколько ее товарищей укрывшись за защитниками выпустили залп в противника. Несколько бойцов из золотого войска упали, толпа взвыла, когда второй залп поверг еще больше соперников. Но золотые быстро и методично вырезали центр красных, перемалывая противников. Командир красных стоял как волнорез на берегу. Прикрываясь щитом и убивая подходящих слишком близко. Но с таким темпом, золотые все равно возьмут вверх, они перебьют всех и потом один человек не сможет ничего сделать.

Быстроногий южанин из золотых разошелся, орудуя двумя скимитарами, его меч пронзил горло красного до самой кости и застряв в позвоночнике. Он вытащил клинок, резанул по ногам другого мужчину, метнул меч в грудь следующего. Лезвие вошло в плоть и ребра, сбивая соперника на песок в фонтане крови. И тут в него с хрустом врезался щитом

командир красных сбивая с ног и ломая ему хрупкий меч. Южанин отлетел и перекатился, вскочил на ноги откинув рукоятку с обломком меча. Взяв новый, на сей раз не скимитар, а длинный меч. Повернувшись лицом к противнику, решил продемонстрировать свои умения, вырисовывая клинками в воздухе почти гипнотические узоры.

За это время пока южанин приходил в себя и выделялся перед толпой, командир красных успел отправить в бездну еще двоих золотых. Девушка выстрелила ближайшему золотому в ногу, когда он заревев от боли склонился, выпустила последнюю стрелу ему в шею. Отбросив бесполезный лук схватила два меча и ринулась на помощь к своему командиру который уже сражался с южанином. Подбежав она хотела зайти к нему сбоку, но повернувшись, южанин пнул девушку ногой в ребра, и все зрители ахнули. Удар был громоподобным, даже мне отсюда показалось что ее ребра хрустнули. Из ее рта брызнула с остатками воздуха слюна, когда она получив удар, отлетела.

Южанин скинув свой шлем, сражался с командиром красных, наседая на него как коршун на черепаху, пытаясь вскрыть его защиту с разных сторон. Его дреды казалось жили своей жизнью, качаясь из стороны в сторону. Но, он явно рано списал со счета девушку, она отойдя от первого шока снова кинулась на помощь. Когда командир красных щитов ударил южанина отталкивая его к ней. Южанин с длинными дредами, был выше нее на пол ярда. Девушка встретила его клинки собственными, приняла один удар на шлем и, пользуясь своим ростом, вонзила меч в ногу. Его подколенное сухожилие было разрезано до кости, мужчина с воем упал на колени, и девушка хрипя от натуги схватила его за дреды. Развернула раненого врага и прикрылась им, когда командир красных метнул свой меч и попал в грудь опасного противника.

Девушка устало подняла меч. Глубокая рана на бицепсе ее правой руки сильно кровоточила, и похоже все-таки у нее сломаны ребра, потому что она прижимала руку к груди как бы пытаясь себя обнять. Поправив шлем, она, шатаясь, пошла обратно со своим командиром по окровавленным пескам, чтобы сразиться со всеми, кто остался в живых. Толпа кричала и топала ногами в такт их шагам. Но все было закончено. Последнюю женщину из золотых добили. И все поле боя превратилось в бойню, на полу лежали десятки мертвых золотых и красных. Остались только четверо, четверо из восьми десятков.

— Зрители! — крикнул глашатай. — представляем вам ваших победителей!

Толпа заорала в ответ, воздух рассекли фанфары. Испачканная кровью с головы до ног, девушка заковыляла вперед и протянула руку к своему командиру. Мужчина улыбнулся, взял ее за предплечье и заключил в объятия, глядя на окружающий их океан лиц, слушая опьяневшие от крови крики, громоподобный топот ног.

Камень под ногами задрожал, гигантский механизм под полом арены пришел в действие возвращаясь в изначальное состояние. Набежала армия рабов уводя победителей на заслуженный отдых, убирая трупы и собирая оружия.

— А теперь, представляю вам всеми любимые колесницы! — раскатился по стадиону громоподобный голос. — Мы представляем вам гонку Эсседарий на играх Райлегга!

Центр арены снова раскололся, и опять посреди нее вырос продолговатый островок. Вдоль него вместо лежащего до этого оружия выстроились в строгий ряд около сорока приговоренных преступников, крепко привязанные к столбам.

— Встречайте, от Волков Тансата — Колоссы Аркус-Холла, Альфоно и Бальдо!

Из поднятой решетки в южной части арены вышли два огромных уроженца Аакарии уже виденных нами с Ником ранее и забрались на колесницу с вытесненными оскаленными

волками. Крылья на их шлемах и светлые волосы и бороды цвета золота, блестели на солнце, когда мужчины подняли руки, чтобы поприветствовать ревушую толпу.

— От наших горячо любимых ястребов, Коллегии дона Карпато из Райлегга. Кошмар Сезии, близнецы Альда и Арриго!

Те выехали на колеснице, копыта их разгоряченных лошадей с грохотом поднимали влажный песок. Желая показать свое мастерство, девушка стояла на руках на спинах лошадей, изогнувшись в немыслимой стойке держа лук пальцами ног. Она выпустила стрелу в воздух, и та пронзила землю прямо на финишной линии дороги. Выпрямившись и улыбаясь она посылая воздушные поцелуи беснующейся толпе. Зрители протягивали руку, словно пытаясь их поймать, ободряюще кричали, когда колесница близнецов проезжала мимо них. Арриго одаривал их улыбкой победителя.

— Встречайте третьих участников нашей любимой гонки. Команда из Коллегии Вайса, кровавые красавицы. Валери и Дениз.

Колесница девушек была черно красной с изображенными мечами, они сами были облачены в черно красную броню на голове красные шлемы с крыльями. Они как все предыдущие команды ослепительно улыбались поднося руки вверх, приветствуя толпу. Девушки были красивы и стройны в облегающей броне, они определенно пользовались успехом у зрителей. Потому что как только они выехали их появление поддержала толпа, оглушительно взвывая в экстазе.

А теперь, — надеюсь все знают тигров Джакомо...титаны арены, Армандо и Могир, победители игр в Глиросе и Рифхорде.

Гладиаторы выехали на дорогу под оглушительные аплодисменты, широко улыбаясь. Они держались за руки и поднимали их к небу. На них была золотая броня, и золотые шлемы с пестрыми гребнями, плечи укрывали белые плащи. Армандо потянулся к колчану на боку и начал пускать стрелы с молниеносной скоростью, одну за одной в воздух. На радость пришедших в восторг зрителей.

— Эсседарии... — крикнул глашатай. — Начинайте!

— Начинается, — сказал Николас.

Я посмотрел на стоящего рядом друга, он стоял рядом и жевал сдобную булку купленную при входе на арену, он был весь в предвкушении переминаясь с ноги на ногу. Он был даже рад, все вокруг были рады. Как будто мы смотрели выступления в цирке и все понарошку. А не на их глазах убили за короткое время сотню человек.

Треск поводьев. Удары копыт. Храп разгоряченных лошадей. Когда гонка началась, все команды быстро набирали скорость. Когда колесницы с ревом понеслись по дороге, лучники начали выпускать одну стрелу за другой в беспомощных заключенных, пытаясь убить как можно больше, чтобы заработать очки. Зрители вопили от радости и возбуждения находясь в экстазе, приговоренные кричали от страха и беспомощности, песок окрасился алым.

Судьи стояли с подзорными трубами возле глашатая, отмечая цвет оперения стрел каждой команды и подсчитывая, кто сделал больше смертельных выстрелов. На западной и восточной сторонах трибуны стояли доски, на которых шустрые дети писали общее количество очков каждой команды, вставляя черные камни в выемки из которых состояли цифры. Первая команда сразу выбрала агрессивную стратегию, позабыв о заключенных и стреляя по врагам. Их лучник активно пускал стрелы с черным оперением во вторую команду, острия со свистом рассекали воздух. Арриго защищал сестру щитом, а та, убив одного из последних заключенных, развернулась на пятках и открыла ответный огонь,

заставляя лучника волков спрятаться в укрытии. Тем временем тигры Джакомо обменивались выстрелами с четвертой командой; трибуны заликовали, когда лучник чемпионов ловко попал в бедро лучницы из команды кровавых мечей.

— Первая кровь за чемпионами! — объявил глашатай.

Прозвучали фанфары оповещая пройденную дистанцию, осталось семь кругов.

На дорожку скинули в произвольном порядке четыре короны, серебряные венки блестели в пыли. За них давали всего одно очко, но поскольку первое и последнее места разделяла не такая уж и большая разница, каждое из них было на вес золота. Альда трижды выстрелила в лучника из второй команды заставляя его пригнуться, пока ее брат высунулся над колесницей и подбирал корону. Волки взяли вторую, тигры третью. Наездники с грохотом мчались по кругу, стрелы со свистом проносились в воздухе. Толпа подбадривала участников жажда еще больше крови.

Снова прозвучали фанфары, осталось пять кругов.

Упали новые короны, земля задрожала, когда песок разверзнулся. Вдоль дороги выросли деревянные баррикады, обитые бритвенно-острыми шипами. Будто риска столкновения было недостаточно. Возницам пришлось больше сосредоточиться на управлении колесницами и меньше на защите партнеров, и поскольку скорость замедлилась, нагнать соперников стало легче. Стрелы летели со всех сторон. Толпа возрадовалась когда Альду задела стрела, которую Арриго не успел вовремя перехватить. А затем, под вой ликующих зрителей, Кровавым Мечам удалось попасть в возницу чемпионов, стрела с красным оперением глубоко погрузилась в его голень.

— Один-один, кровавые красавицы вернули должок! Глашатай озвучивал для тех кто пропустил.

Могир пошатнулся, облокотившись на борт колесницы и опустил щит, а их колесницу лихо занесло. Лучник Волков видя возможность выстрелил, толпа взвыла, когда Армандро ранили в плечо. Все-таки они не зря были чемпионами и с помощью навыков, которые и помогли им завоевать это звание они вернули контроль над колесницей, а лучник вырвал стрелы из своей руки и ноги возницы. Но из их ран быстро сочилась кровь, и Волки воспользовались этим временем, чтобы подобрать еще три короны, что вывело их в лидеры.

Осталось четыре круга.

На дорожку посыпались очередные короны — на сей раз полудюжина. Волки занимали первое место, Ястребы и Тигры боролись за второе. Лучница ястребов вела себя словно одержимая, выпуская стрелу за стрелой по врагам. Мечи занимали последнее место, их ситуация была отчаянной. В своей спешке пытаясь подхватить короны возница Мечей слишком близко подвела колесницу к баррикаде, и их колеса подняли снопы искр, задев препятствие. Колесница подпрыгнула правым боком, не удержавши равновесие, возница упала на колени опустив щит, и лучница ястребов сделала потрясающий выстрел, ее стрела с красным оперением прошла прямо сквозь глотку погонщицы.

Женщина пыталась удержаться хватаясь за край своей колесницы, брызгая кровью, когда второй выстрел вонзился ей в грудь. Лошади задели еще одну баррикаду, полностью ломая перекладину, и тогда колесница перевернулась и врезалась в стену арены поднимая облако пыли. Народ над ними хлынул к бортику, чтобы посмотреть получше на чужую смерть, буквально переваливаясь через край.

— Первое убийство за Ястребами! — объявил глашатай.

Альда подняла кулак в знак победы, а когда Арриго подобрал еще одну корону. Толпа

буквально завопила от восторга, радуясь успехам гладиаторов их родного города. С этими пятью очками Коллегия Карпато вернулась на первое место. Победа была уже близка.

— Осталось два круга! — раздался крик.

Поскольку соперники, которые охотились на ястребов, теперь были мертвы, Арриго ударил поводьями по лошадям, чтобы ускориться и нагнать чемпионов. Армандо низко сидел за щитом Могира, оба тигра были серьезно ранены и теряли силы истекая кровью. Зрители закричали в предвкушении, гадая, убьют ли их любимых чемпионов. Но не зря Тигры были победителями, и не раз, а дикие кошки наиболее всего опасны, когда они ранены и загнаны в угол.

Колесница Волков задела баррикаду, из-за чего та закачалась и возница их команды отвлекся, выравнивая колесницу. Стрелы лучницы ястребов вонзились в щит чемпионов, загоняя их лучника за укрытие. И тут же развернувшись она выстрелила в команду волков, стрела с шепотом пролетела прямо мимо щита удивленного возницы и вонзилась в шею лучника. Толпа взревела, когда он пошатнулся кашлянув кровью и свалился на песок.

— Ястребы удваивают счет! — Поддержим их!

Армандо из Тигров увидел возможность и решил набрать очков на чужой победе, он присоединился к ястребам и выстрелил в растерявшегося на мгновение возницу Волков, стрела попала в грудь пробив нагрудник погонщику Волков. Мужчина взмахнул руками вываливаясь из колесницы. При падении его нога зацепилась за колесницу, и мужчину протащило за неуправляемой колесницей.

— Еще одна смерть на счету Тигров! — объявил глашатай, подзадоривая публику.

Толпа бесновалась, буквально опьянев от кровопролития. Арриго подобрал еще одну корону, лошади обеих команд взмокли от пота и блестели на солнце. Могирбил поводьями по своим жеребцам, пытаясь увеличить расстояние между ними и Ястребами. После украденного смертельного выстрела по Волкам Тигры нынче лидировали — все, что им требовалось, это сохранять дистанцию и поспевать подбирать венки, и тогда победа будет за ними.

— Последний круг!

Вся толпа на арене вскочила на ноги, возбуждение от эмоций буквально висело в воздухе, еще немного и его можно будет пощупать дотронувшись рукой, от шума и по коже и позвоночнику проходила дрожь. Рядом со мной Николас уже подпрыгивал на месте поддавшись эмоциям, он с частью толпы подбадривал близнецов. У лошадей уже пена шла изо рта от напряжения и гонки, но зрителям было мало, они выли, стонали, кричали на все лады требуя больше кровавого зрелища. Все вокруг наблюдали, как покрытый кровью и потом, с искаженным от отчаяния лицом Арриго рьяно бьет по лошадям, пытаясь сократить расстояние, чтобы его сестра смогла нанести смертельный удар по измученным и ослабленным противникам. Их лица исказились от напряжения и отчаяния. В воздухе чувствовался запах смерти.

Глядя на окружающую толпу, я все больше ощущал прилив тошноты. От их эйфории, жажды крови и красной пелены буквально застилавшей глаза. Столько смертей ради забавы, и сейчас на песках сражались за жизнь оставшиеся четверо людей. Но никто не видел в них мужчин и женщин со своими желаниями, надеждами, мечтами и страхами.

Команда тигров приближалась к финишной линии. Зрители открыли рты и издавали бессвязные вопли. Выйдя на прямую дорогу, Могир наклонился, чтобы подобрать еще одну корону. Ястребы заложили вираж, еле вписавшись в поворот, мчась так быстро, что во время

виража их колесница поднялась на одно колесо. Альда выпустила стрелу сквозь завесу пыли, — просто невозможно изумительный выстрел, который проскользнул мимо щита и попал в плечо ослабевшего мужчины. Возницу от инерции выстрела развернуло и он поскользнулся на своей крови, натекающей на пол колесницы и упал, потянув на себя поводья. Лошади возмущенно заржали, но подчинились и колесницу повело в сторону препятствия и под вой обезумевшей толпы она врезалась в баррикаду, ее сложило будто она была из сделана бумаги, сминая находящихся внутри гладиаторов. От удара пол колесницы треснул, одно колесо отломалось и покатилося прямо по дороге немного не докатившись до финиша.

Арриго натянул поводья, пытаясь заставить лошадей уйти влево, чтобы избежать столкновения, но они набрали слишком большую скорость. Лошади пытались остановиться и левое колесо наехало на бедное животное, и пегая кобыла с жалобным ржанием упала потянув за собой остальных. Перекладина колесницы врезалась в песок, и толпа с изумлением ахнула наблюдая как вся платформа смялась, словно сухой пергамент, взлетев высоко в воздух. Близнецов подкинуло в воздух как тряпичных кукол прямо в перегородку с шипами о которую разбились тигры. Толпа застонала, когда ястребы упали на шипы, нанизавшись как бабочки на иголки в гербарии.

Несколько секунд повисли в звенящей тишине, казалось зрители забыли, как надо дышать.

А затем, с обжигающим чувством презрения в животе и морозом по коже, я услышал, как толпа начинает кричать и свистеть негодуя. Зрители вскочили на ноги и начали кидать еду и плевать на песок. На песок, запятнанный кровью стольких людей, которые отдали свои жизни просто так, ради их развлечения. Столько народу со своими надеждами, мечтами и желаниями — и теперь все они просто трупы.

— Уважаемые зрители! — раздался голос глашатая из рогов. — Мы с сожалением объявляем... что у поединка нет победителя!

Зрители были поражены раздосадованы — никто из команд эсседариев так и не доехал до финиша. Чемпионы неподвижно лежали среди кучи обломков своей колесницы, спина молодого лучника изогнулась под ужасающим и противоестественным углом, его партнер больше напоминал скрюченную кучку окровавленного мяса чем человека. Близнецы из Ястребов висели над ними, на острых шипах орошая кровью своих противников.

Большой остров, на котором находились столбы с мертвыми приговоренными, опустился обратно в механизм под полом арены. Теперь там простирался обыкновенный светлый песок, испачканный свежей кровью. Но на сегодня игры были закончены, вторая часть игр ожидалась через неделю, включая очередные казни, бестиарий и главные бои за звание чемпиона этих игр.

При всей своей кровожадной жестокости, и ужасающем цинизме было не отнять того, что это все было очень зрелищно. И хоть я внутренне презирал, я не мог не осознавать, что люди в этом мире живут так уже давно, и все это для них было уже в порядке вещей. А значит и мне придется подстраиваться, перековывать свое мышление и отношение к смерти вокруг себя, если я хочу выжить. Самый главный вывод до меня дошел почему-то только сейчас, спустя полтора года как я тут оказался, я мог учиться, работать лекарем и сколько угодно мнить себя умнее окружающих, считая их отсталыми дикарями. Но про одно простое правило — главное правило, я почему-то забыл, совершенно выбросив его из головы. Я немного умел за себя постоять, и по привычке почему-то считал, что этого, как и в родном мире мне будет вполне достаточно, чтобы защитить себя. Но посмотрев со стороны на эту жесточайшую мясорубку “Отсева”, я не мог не признать того факта, что оказывается, я мало что умею. И все мои навыки, это были дешевые трюки уличных фокусников, которые мало чем мне помогут, если я столкнусь лицом к лицу с серьезным, обученным бойцом, я уже не говорю про мастеров боя на мечях. И тем более одаренных. Та же девушка из красной команды, порубила бы меня на кучку кровавых кусочков. И я ничего не смог бы ей противопоставить. Поэтому, как бы мне не хотелось, посещение личного рая в библиотеке подождет до лучших времен, и мне нужно срочно найти того, кто будет меня обучать бою на мечях, у меня осталось не так много золота, но думаю хоть чему то я научусь, в крайнем случае, надо будет начать самостоятельно тренироваться.

Занятый своими мыслями я не заметил, как мы вышли через боковой отнорок, и уже шли по лестнице назад. И я решил узнать у своего всезнающего гида куда лучше пойти учиться мечу.

— Слушай Ник, подскажи мне. Где тут есть хорошие школы мечников?

— Ну так в квартале мечников, в среднем городе. Он до сих пор пребывал под впечатлением. — А что, ты тоже захотел так научиться, вот бы и я так умел. Вжух, вжух. Он совсем по-ребячески сделал пару выпадов руками имитируя виденный нами бой.

— Ага, я бы так тоже хотел. Так что, ты со мной или домой.

— Не я домой, меня попросили помочь у нас сегодня. Квартал мечников кстати воон там, не потеряешься. Он махнул рукой указывая направление.

Мы попрощались, и я пошел в указанном направлении.

Квартал мечников оказался довольно ухоженной улицей, на которой разместились несколько известных и не очень школ “благородного меча” как они назывались. Несколько дверей под вывесками обозначающими, что тут обучают искусству меча были закрыты. С двух меня сразу турнули, сказав, что они уже всех набрали. В одной мне прямо заявили, что чернь не обучают. Выйдя из “высокой школы благородного меча для костеродных господ” я заметил еще одну вывеску.

Впрочем, колебался я недолго, толкнул незапертую дверь с хорошо смазанными маслом петлями. Никто не выглянул в коридор, чтобы поинтересоваться незванным гостем, и пройдя дальше осторожно заглядывал в комнаты слева и справа, но так никого и не найдя. Лестницу, ведущую на второй этаж, я проигнорировал, услышав впереди гневные окрики и звуки ударов доносившиеся из внутреннего двора.

Как и многие зажиточные дома в среднем городе, этот представлял собой квадрат, в

центре которого имелся внутренний двор, скрытый стенами от чужих глаз. Здесь не росло деревьев или цветов, хотя в Райлегге часто устраивали маленькие садики в собственных жилищах, все было вымощено широкими каменными плитами, отполированными тысячами подошв. На плитах вилял сложный рисунок мозаики из линий, состоящий из кругов, внутри которых были перекрестия.

Вокруг пахло насыщенным адреналиновым потом и резким запахом тестостерона и... вяленой рыбой.

По периметру двора стояли грубо сколоченные лавки, в правой части, там, где оказалась еще одна дверь, ведущая в жилые помещения, — был небольшой круглый каменный колодец. Во дворе было десять человек, трое мужчин и семеро подростков. Вся их одежда — объёмные короткие темные штаны с широким поясом, белые гетры и кожаные мягкие туфли. Все были оголены по пояс, двое мужчин красовались рельефными торсами, которым бы позавидовали многие культуристы нашего мира. Только это были тугие, сугубо практичные жгуты мышц, единственное предназначение которых, нести смерть. На лавках, сдвинув бутылку вина и снедь, листали книгу еле слышно переговариваясь двое мужчин — один уже пожилой, с крепкими узловатыми пальцами, опустив седую голову, с небольшим животиком, густой растительностью на груди, и второй с большим длинным носом да смешливыми лучиками редких усов. Возле них сидел подросток, на пару лет постарше меня, но высокий и жилистый, он сидел с краю и грыз рыбу, внимательно наблюдая за остальными во дворе.

Разделившись на три пары, каждая в своем круге, во дворе сражались шестеро подростков, они выполняли один и тот же метод атаки. Трое кружили, ступая по каменной мозаике из линий, старательно выплетая кружево деревянным мечом вокруг своих противников. Их напарники плели свою собственную вязь, защищаясь. Никто из подростков не смотрел под ноги, но все они безошибочно ступали точно по линиям своего круга. Вокруг них, наблюдая, ходил мужчина с густой аккуратно подстриженной черной бородой и длинной тонкой хворостиной. Наставляя учеников, и тыкая палкой, если подростки ошибались. Со стороны они были больше похожи на танцоров, так слаженно и синхронно они двигались.

Они учились танцевать со смертью.

Я помедлил потоптавшись несколько мгновений, решая, как следует поступить, и выбрал ожидание. Сел на лавку на противоположной стороне дворика, замороженно смотрел танец. Знал, что меня заметили. Пожилой мужчина на лавке поднял взгляд и снова уткнулся в книгу. А паренек с рыбой то и дело бросал на меня немного ироничные взгляды. Пусть он и был чуть старше, но держался так, словно считал себя наместником Райлегга.

Пожилой мужчина с животиком отвлекся от книги и своего напарника. Сухощавое лицо, темные мешки под карими глазами и высокий лоб. Он недовольно поводит густой бородой, но все же поманил меня пальцем, произнес уже видно заученную фразу:

— Полагаю, ты пришел сюда не случайно. Желаеть научиться мелодиям?

Я, подойдя, кивнул подтверждая, я не понимал, про какие мелодии он говорит, но перебивать его или переспрашивать я не решился. Мне действительно было необходимо научиться за себя постоять.

— Все желают. Не ты первый, не ты последний, Парень. — Мужчина взял кубок с вином и шумно глотнул, рассматривая меня. Видно подумав, он налил вино напарнику с усиками. — Ты откуда будешь сам? Местный или из беженцев? И как тебя зовут?

— Я Дарий, беженец. Раньше жили в двух неделях пути от города.

— Беженец значит. Но ты ошибся дверью Дарий. Наша школа редко принимает новых учеников.

Я демонстративно покосился на сражающихся во дворе учеников: — “Редко” не звучит как “никогда” мастер.

Мужик усмехнулся в бороду, его напарник так и вовсе рассмеялся низко и рокочуще, словно смех шел из глубокой бочки.

— Упорство — хорошее качество, а, донн Агостино?

— Джино, ты как старший мастер, должен знать, что одного упорства недостаточно. Но что насчет тебя, настойчивый Дарий. Ты меня не слушаешь, я не беру новичков.

— Я прекрасно все услышал, мастер. Но какова цена уроков?

Агостино остался непреклонен: — Нет смысла обсуждать то, что не случится. Ты ничего не знаешь о “Песнях стали”. И я не вижу в тебе фехтовальщика. Ты двигаешься не так, как мы. А это значит, для того чтобы из тебя сделать нечто сносное, потребуются годы.

— Возможно, вам стоит меня испытать? Что заставит вас отставить стакан и посмотреть, что я умею?

— Ничего. Я и так вижу, что ты ничего не умеешь, настойчивый Дарий. Но мой сын Энцо, если ты того желаешь, за одну золотую монету проверит твои возможности. — Он повел кубком в сторону подростка с рыбой. Мы известная школа и известные мастера. Наши услуги стоят дорого, даже если их оказывает юноша, пока еще не получивший звание мастера. Будет золотой и появится желание его бездарно потратить, заглядывай на огонек. Мне понравилось твое упорство Дарий.

Я вздохнул обреченно и золотая монета подлетела в воздух, и молодой мастер с усиками, по имени Джино, выбросил руку, поймав ее. С сомнением надкусил, изучил: — А беженец то не так прост. Он дождался неохотного кивка Агостино. — Твой выход, Энцо. Парень обрадованно встал ухмыляясь. Он был выше меня, чуть тяжелее и явно опытнее, но, судя по задиристому виду, испытание его ничуть не смущало. Мастер, заметив это, произнес.

— Сын. Он даже не ученик. Никаких травм, забав и развлечений. Нет никакой чести победить того, кто раньше держал тятку, а не меч. Потом бросил придиричивый взгляд на мои руки, пошуровав в ящике под лавкой, извлек стеганные перчатки добавив. — И пусть это тоже оденет, новички часто подставляют пальцы под удары.

— Да, мастер, — Уже серьезно ответил Энцо.

Затем юноша принес деревянные полуторные мечи, а острое, точнее намеки на них закрывали шарики.

Я взял тяжелый меч за рукоятку. Попробовал и взмахнул, затем сместил пальцы, чуть меня хват крутанул.

Непривычный. Неудобный. Тяжелый.

Энцо уже ждал, стоя в одном из свободных кругов. Показал клинком на полосу, круг, полукружье:

— Это стандартная техника для новичков. Подшаг, потом нога сюда, затем вот из этой стойки удар. Если сделать вот так, то можно перейти в укол. Юноша показал все что он озвучил в одном движенье. Двигался он очень легко, и все движения сливались в одно. Длинное, тягучее и в то же время быстрое и смертоносное.

Если противник знает, что ты задумал, то, если сместить ногу сюда и повернуть запястья, то после укола, можно легко уйти в парирование.

Он продемонстрировал озвученный метод защиты подняв перед своим лицом меч.

— Теперь ты, попробуй.

Я попробовал. Вышло довольно неуклюже, к тому же на последнем подшаге я сбился и неправильно сместил центр тяжести, отчего провалил защиту, и непривычно тяжелый для меня меч оказался не перед лицом, а гораздо ниже, открывая шею и голову для удара.

Стоящий ближе к нам в соседнем круге подросток, увидев мои неуклюжие потуги хохотнул, и тут же зашипел, заработав удар хворостиной по спине от бдительного наставника.

— Не отвлекайся, лучше смотри за своим противником. — Сказал чернобородый внимательно следя за учениками. На меня он даже не смотрел.

— Ничего — подбодрил меня Джино с лавочки. — Не у всех получается сразу.

Я попробовал еще несколько раз, выходило вроде как показали, но все так же не особо ловко.

— Ему копьё нужно, а не меч, вынес вердикт Джино, наблюдая за моими потугами. — С его ростом и силой копьё самый раз, меч для него слишком тяжелый.

— Давай нападай Дарий. Ударь Энцо, — предложил Агостино. — Как умеешь. И можешь его не жалеть. Бей, словно он твой враг и ты хочешь его убить.

Ну раз вы так хотите, я решил продемонстрировать все свои навыки и перешел в атаку, быстро шагая по полу и целясь Энцо в горло. Он, ухмыляясь, отступил, инстинктивно отбиваясь от бурного, но неумелого шквала ударов, и его ответный выпад просвистел мимо моей головы, я еле успел отклониться, Клинки запели, и тогда я понял про какую мелодию он говорил, свет солнца жег кожу, тяжеленный для меня меч весил как связка кирпичей. Поначалу мы вели себя настороженно; я — в знак уважения к мастерству Энцо, а он, он просто развлекался красуясь и давая мне возможность проводить атаку, показывая свое мастерство. Но довольно скоро он начал впечатляющими маневрами загонять меня к краю круга — его удары сыпались градом. Я не был медленным и кое-какой опыт у меня был, и я прекрасно понимал куда все идет, я пытался вывернуться из края круга куда он меня загонял, но Энцо чувствовал все это, действуя на опережение. Уже стоя на краю я сделал как мне только что показывали, и ударил с последнего подшага ему в грудь... В первую секунду не понял, что вообще произошло. Мой противник пропал с поля зрения отбив выпад, а его круглое окончание его меча упиралось мне в шею. Парень поменял хват на своем мече, держа свое оружие обратным хватом, перекрестив запястья и направив его под странным углом.

— Неплохо для первого раза, но этого не достаточно, для того чтобы выжить. Агостино выдал суровую реальность. Да я и сам это прекрасно понимал.

— Еще раз, — попросил я. — Давайте попробуем еще раз, точно так же. Я снял перчатки, они лишь мешали и сковывали движения. Никто даже не прокомментировал мои действия.

Агостино махнул ему рукой и Энцо снова занял свою позицию.

Я снова атаковал, молниеносно и решительно. Энцо опять сместился туда же, но на этот раз я продолжил движение, пытаясь повторить его действия в первом поединке. Отклоняя корпус чуть вправо, клинок скользнул по мечу Энцо и в развороте устремился ему в висок. Энцо, не ожидавший подобного, все же угадал движение, пригнулся, и сразу ударил в мою правую, выступающую вперед опорную ногу. Я отшагнул уходя, и клинком отводя его меч попытался сразу из нижней позиции ткнуть его своим мечом. Но...излишне медленно для

поединка с вполне хорошим фехтовальщиком. Мышцы, совершенно непривыкшие к такой работе, не понимали, чего от них хотят и как следует поступать, а позвоночник внезапно дал о себе знать болью в пояснице, стоило лишь ему резко податься вперед.

Энцо конечно понял, что будет. И отвел удар, уйдя в лево и тыкнув меня опять в шею. Парень в последний миг сдержал удар, чтобы не нанести травму.

— А вот это было интересно. Произнес Джино, перестав улыбаться. — Если бы его учили мечу может и получилось бы.

— Да, ты прав, парня пытались обучать, но как то странно, не могу понять. — кивнул старший мастер. Ты же видишь.

— Вижу, согласился Джино. — Он стопу проворачивает немного не правильно, гибкости не хватает ему в пояснице. Тянется, как будто мешок разгружает, весь напряженный, но основа сразу чувствуется, баланс у парня присутствует, и ноги устойчивы. Немного тренировок это исправят. Но главное, мозги и видение есть. Он понял, как справиться с Энцо.

— Но не справился же! — возмутился юноша одной мысли об этом.

— Потому что его не учили. — повторил Джино. Но он точно увидел это, и попытался сделать, но сноровки не хватило.

— Не забывай ты учишься с рождения, а по нему сразу видно, что он меч взял впервые, — напомнил главный мастер школы. — Если его погонять несколько лет, будет неплохой результат.

— Так вы берете меня?

— Хорошо парень, — неохотно произнес мастер после долгого молчания. Мы попробуем, а там поглядим. Но предупреждаю, если возникнут какие-то проблемы, — мы с тобой сразу расстанемся без сожалений.

— Я согласен мастер. Я слегка поклонился ему, лишним не будет.

— Ну тогда Дарий приходи ежедневно, по утрам. Золотой в месяц твоя плата. Нет денег, приходи, когда будут.

Я снова поклонился мастерам и пошел довольный к себе в комнату. День определенно удался. Только я не решился спросить, боясь показаться мелочным, про золотой который я уже отдал им. Это было за возможность показать себя, или он уже включал месячную плату. Раз они не обмолвились ничего про это, вряд ли это была случайная забывчивость с их стороны. Значит он был только за возможность сразиться с Энцо. Придя и заказав мыльню, чтобы смыть всю грязь, я подсчитал оставшиеся у меня финансы, выходило не очень, за несколько недель я потратил большую часть серебра и два золотых. И все что я мог позволить себе, это заплатить за тренировки всего за полгода. Оставшиеся, мне было необходимо, чтобы снимать комнату и на еду. Я вздохнул, мне нужна работа. Надо будет сходить к травнице, узнать у нее насчет ее таблички на двери про помощника, не просто для красоты же она висит.

С этими мыслями я и уснул.

Спалось мне отвратительно, и кроме как кошмаром я никак не могу это назвать, я мучился всю ночь метавшись по кровати, меня бросало то в жар, то в холод, было ощущение, что с меня сняли кожу и я был как один обнаженный нерв. Мне грезилась обнаженная молодая девушка, которая загораживает ярко светящееся, бьющееся сердце. Сердце висящее в непроглядной чернейшей пустоте. Из-за этого ослепительного сияния я не мог рассмотреть ее. Виден был только силуэт, темный силуэт на фоне яркого света. С одной стороны, меня

обжигал жар исходящий от ослепительного сердца, с другой стороны, вокруг была непроглядная темнота и стоял жуткий, мгновенно пробирающий до костей холод. Как будто тебя выкинули в глубокий космос, где только одна звезда — прямо перед тобой. Девушка мне что-то говорила и протягивала ко мне руку. Но я никак не мог разобрать ее слов, что именно она мне говорит, и коснуться ее я тоже не мог, как бы не силился протягивая руку навстречу. Будто была невидимая преграда которую я никак не мог преодолеть. Так я метался всю ночь, и никак не мог проснуться, находясь посередине реальности и сна. Только под утро я провалился в спасительное забытие, уже на краю сознания почувствовав осторожное касание на своем лице, легкое как дым.

Именно в этот момент, за тысячи лиг от Райлегга в землях которые теперь многие считают запретными, в старом храме некогда великого дома теней, зажглась черным пламенем одна каменная фигурка. Заставив молодого послушника выполняющего обязательный, но по его мнению совершенно бессмысленный и порядком набивший оскомину, ритуал молитвы воззвания, испуганно вскрикнув отшатнуться.

Естественно утром я был весь мокрый, измотанный, невыспавшийся и жутко уставший. Это была своеобразная изощренная пытка. Я снова заказал мыльню у помощницы тетушки Марты и попросил заменить постель извинившись. Ходить весь день воняя потом за милую, то еще удовольствие. С утра ко мне заявился радостный Николас. Только я разложил на столе блокнот мастера Хоннекера на котором выписывал рецепты из трактата “Алхимических истин” когда пропал в библиотеке, как дверь распахнулась и в комнату ввалился Ник. Не говоря ни слова, он прошествовал к моей кровати и завалился на нее лицом кверху свесив одну ногу.

— Наконец то! — воскликнул он, садясь на кровати и болтая своими короткими ножками. — Я нашел работу! Настоящую работу, теперь буду как ты! Меня взяли подмастерьем в кузницу в среднем городе, так что собирайся, мы пойдем есть, пить, гулять!

— А чего это с тобой. Он заметил мое хмурое состояние.

— Да кошмар ночью мучил. Не выспался совсем.

— Ну вот тем более, сейчас пойдем наедемся и все пройдет. Я когда поем мне всегда сразу легче.

Я немного подумал, в принципе почему бы и нет. Потом пойду отнесу оплату за обучение дону Агостино, как и планировал.

— Ну хорошо, подожди меня пока я переоденусь, соберусь и пойдем.

Так как у меня не осталось серебра, я взял все свои сбережения. Нужно будет разменять остальное, и заплачу сразу за полгода. На том и решив я переоделся, взяв кошелек вышел к ожидавшему меня на улице другу. Дорога до квартала мечников была ближе не через центральные ворота, возле которых находилась моя таверна. А ближе было через северные, возле которых Ник знал хороший недорогой трактирчик, чтобы отметить его трудоустройство. Мы шли, весело обсуждая прошедшие Игры, обойдя площадь на которой Ник обычно работал. И вышли в небольшую улочку когда я услышал странный шепот на ухо.

— ...Сзади...

Я резко обернулся на этот странный шепот, увидев, как пять мужчин выходят из подворотни, один из них раскручивал пращу кидая в меня свой снаряд и я тут же получил удар по голове. В глазах сразу все начало двоиться и меня зашатало. Сбоку ко мне подскочил один из той же пятерки и нанес короткий удар, так что голова моя дернулась назад. Тут же я получил еще два удара — по зубам и в ухо. Я попятился и, запнувшись обо что-то, почувствовал, что одна нога у меня подгибается. Падая, я видел, как Ник, замахаясь, кинулся навстречу нападавшим. Пытаясь собрать все свои силы, я вскочил на ноги и даже сумел пару раз ударить, давая сдачи. Ник упал рядом со мной, вскочил, и тут же заработал сокрушительный удар по голове, от которого у него все похоже поплыло и он, закачавшись, упал. Я хотел было подойти поближе к нему, чтобы помочь, но сзади в спину меня толкнули и я неловко рухнул на мостовую. Удары и пинки тут же посыпались на меня со всех сторон. Я прикрывался как мог лежа на земле. Трое навалились пиная безостановочно, а четвертый опытными пальцами обшарил меня. Забрав нож и сумку главарь, присвистнув, приблизился ко мне и опустил на корточки рядом. Я хотел было подняться и вновь вступить в бой, но трое остальных пресекли мои попытки и быстро прижали к земле наступив на руку и грудь. Бандит, наклонившись, заглянул мне в глаза.

— Это кто еще такой? Вы его знаете? Обратился он к своим поделщикам.

— Не, раньше не видели, да опять беженец наверно, они сейчас сотнями каждый день прибывают.

— Богатенький попался, он подбросил мой кошелек радостно оскалившись. Повезло. Бросил на Николаса взгляд, полный ненависти с презрением.

— Я же тебе что сказал сучёныш, чтобы были деньги вчера. Мне теперь самому нужно за вами ходить? Может тебе руку сломать чтобы был понятливее. Ты работаешь на нашей территории, и должен за это платить! В следующий раз легко не отделаешься. Это, — он потряс моим кошельком, в счет уплаты.

Когда бандиты скрылись за переулком, мы с Ником шевелясь и барахтаясь сучили ногами и руками, как перевернутые жуки на мостовой, встали на ноги пошатываясь и постанывая при каждом движении, держась за отбитые ребра. Что-то липкое было у меня на голове в месте удара. Я осторожно дотронулся до ушибленной головы, испачкав пальцы в чем то коричневом и вонючем. Навоз, эти умники засунули в навоз камень, я бы наверное смог оценить всю изобретательную изящность идеи, если бы меня только что этим снарядом не приложило. Оставив на голове липкий вонючий след. Если бы просто камнем попали, могли бы и убить. А так твоя цель жива, и слишком оглушенная, чтобы сопротивляться.

— Ник, ты знаешь кто это был?

Он стоял на четвереньках слегка потряхивая головой, чтобы прийти в себя.

— Нет, вижу его второй раз. Он недавно появился у нас на площади, заявив, что это теперь его территория и все кто там работает должны ему платить. Такие часто появляются, раз в месяц примерно новый. Ох, ну и крепко же меня приложили по голове, все плывет. Ты как?

— Да вроде жив.

— Я сейчас пойду к нашим, спрошу кто это был. Пойду пожалуйюсь Гибу. Он поможет.

Придя в комнату и попросив зеркало, я посмотрел на свое лицо. Урон был не таким уж большим. Под глазом расцвел синяк. Нос распух и кровоточил, но не был сломан. Губы были разбиты и тоже распухли, как и правое ухо, на щеках и подбородке красовались многочисленные ссадины и болели отбитые ребра. Но зубы и кости все были целы. Все могло обернуться несравненно хуже. В армии, да и в деревне у деда, меня и не так меня колотили деревенские мальчишки. Ничего серьезного. Но бандиты отобрали у меня почти все деньги, у меня осталось два медяка, это не хватит, чтобы заплатить за комнату на ночь. И мне совершенно негде их взять, никого из знакомых или друзей у меня не было. У меня осталась одна последняя маленькая трофейная серебряная цепочка, и все.

Собрав вещи и размышляя где ее продать я спустился по лестнице. Услышав, как помощница Марты пререкается из-за барной стойки с посыльным который доставил ему письмо и требовал ответа отправителю.

— Но я не умею читать! Как я узнаю, что тут написано?! Сказала она потрясывая письмом.

— Я не знаю, попросите кого-нибудь. Мне предельно четко сказали, чтобы вы мне передали сейчас ответ.

— Где я найду кого-нибудь сейчас, тут только матросы и рабочие в зале сидят. Подождите пока Марта вернется.

Стойка была очень высокая, даже для взрослых, мне же, чтобы видеть её приходилось вставать на цыпочки, задирая голову. Я подошел к стойке и потянулся, ложа на нее ключ

сдавая комнату, невольно слушая разговор.

— Простите, пожалуйста, но я умею читать. Если вы хотите, я могу прочитать для вас послание и помочь составить ответ.

Они удивленно уставились на мою избитую и опухшую физиономию, еле торчащую из-за стойки. Я прочитал ей послание, и помог составить ответное письмо. За это она мне вернула ключ, разрешая переночевать, и накормила. Так случайно подслушанная беседа подсказала мне, каким образом я могу заработать себе на жизнь. У меня конечно был еще рюкзак лекаря с инструментами, которые стоили весьма дорого, но продавать их я категорически не хотел. Я мог подзаработать врачом, помогая с легкими травмами и болезнями. Но на работу лекарем в городе требовалось разрешение управителя, а его у меня не было, и сомневаюсь, что подмастерью его дадут. Не то чтобы меня это сильно пугало, но для постоянного заработка нужно было место где принимать. Да и платежеспособная публика, которая не кинет малолетнего. Но как вариант, чтобы выжить, было вполне приемлемо. Сидя в номере, я взвесил свои шансы. Шансы были невелики, запас денег.. практически отсутствовал. И хотя я случайно обнаружил источник дохода в посредничестве с письмами я не был уверен, что смогу зарабатывать этим достаточно для того, чтобы проживать в таверне и вдоволь питаться. Такова была суровая правда жизни, и превратности бесприютной судьбы беженца.

Это все было конечно печально, тем не менее, проблемы надо было решать, так что я собрался идти продавать свою единственную и последнюю цепочку. Не успел я выйти из таверны и пройти десяти шагов, как меня окликнули. Обернулся, смотрю Ник прыгает среди толпы и машет мне рукой.

— Ты что тут делаешь?

— Я к тебе, а ты куда-то идешь?

— Да, у меня не осталось денег совсем и есть последняя цепочка, нужно ее продать, хотел пойти поискать где лучше. Ты что-то хотел?

Он нахмурился и проглотил комок в горле, как будто не знал, как приступить к разговору.

— Да, это же считай из-за меня у тебя забрали все деньги. Так что я хотел позвать тебя к нам, там не так плохо как многие думают. И платить никому не надо жилье, пока поживешь с нами и накопишь, чтобы снимать комнату. А там видно будет, все лучше, чем в городе на улице спать. Тут стража если поймает за бродяжничество, мало не покажется, поверь я знаю о чем, говорю.

У меня сразу всплыла картина открывшаяся когда я приехал в город в первый раз. Когда мы сидя в телеге глазели, шокированные увиденным. Убийственный запах, вопиющая нищета, многотысячный людской муравейник живущий в ужасных условиях, — на мой взгляд человека из другого мира, это был сущий ад, символ самого большого несчастья, какое может случиться с человеком. Хуже только рабство. Видно все эти мысли отобразились у меня на лице.

— Ну ты хотя бы посмотри. Говорю не все так плохо.

Выбора у меня все равно не было. Тощая цепочка не помогла бы, максимум прожил бы на нее пару дней, а дальше улица. Так что я, вздохнув, сказал.

— Нечего смотреть, погоди я вещи возьму и пойдем.

Собрав вещи и с жалостью посмотрев на ставшую за короткий срок мне родной комнатку и попросив попрощаться с тетушкой Мартой, я пошел с Николасом в сторону

городских ворот. Выйдя из города мы прошли застройку пригорода и начались трущобы. На близком расстоянии хижины представляли собой еще более жалкое зрелище. Они были сооружены из поломанных кусков старых досок или самодельных тростниковых циновок и старой парусины, натянутых на различные шесты, воткнутые в землю. Пол в хижинах служила земля. Кое-где, правда, виднелись островки каменной кладки — остатки домов, некогда стоявших на этом месте, но давным-давно снесенных. Строились они абсолютно хаотично, никаких ориентиров не было, тропинки и дороги были извилисты. Иногда приходилось пробираться между хижинами боком. На дорогах встречались бродячие собаки сбившиеся в стаю голов под двадцать, которые рыча и громко лая, выясняли между собой кто будет грызть обглоданную кость. Во всех домиках сновали их обитатели. Десятки и сотни людей жили в этом временном прибежище, ставшем постоянным. Сновали в дверях и в проходах между домами. На нас никто толком не обращал внимания. У нас на всех была одна беда, одно несчастье. Повиляв в этом лабиринте минут двадцать мы наконец подошли к очередной лачуге.

— Дарий, вот тут ты можешь жить, это старейшина сказал — объявил Николас, останавливаясь перед одной из хижин стараясь перекричать детей живших в соседней лачуге.

Лачуга была такой же, как и все окружавшие ее. Крышей служил кусок парусины, а опорными балками — кривые шесты по-видимому срубленные в ближайшем подлеске, связанные грубой бечевкой, между которыми были натянуты изготовленные вручную циновки. Земляной пол был утрамбован до гладкости ногами предыдущих жильцов. Тонкая дверь судя во всему бывшая раньше ставнем окна, висела на веревочных петлях. Потолок был низким, но я был маленьким и мне было в самый раз. В “комнате” можно было сделать три шага в длину и два в ширину. Соседями слева была семья с тремя детьми, мальчик лет семи, и двумя девочками еще совсем крохами. Похожий детский сад был и сзади моей комнатки. Там было две девочки, тоже лет семи восьми на вид. Справа от меня жили двое мужчин, их не было сейчас, они были на работе и приходили только поздно вечером. Ник познакомил меня с семьей соседей, мужчину с отсутствующей по плечо рукой, звали Найджел, а его милостивую и довольно молодую жену Иви. С мужчинами справа меня заочно познакомил, представив их, как Арчи и Эван. Я разложил свои невеликие вещи в своей пустой комнатке когда Ник позвал меня покушать.

— Дарий, пойдём. Я вроде как обещал тебя накормить. Он был смущен, как будто это он был виноват в том, что нас ограбили и побили. — Заодно познакомишься со Старейшиной. Он тебе понравится, вот увидишь.

Я немного помялся, думая, как бы деликатно у него спросить, не обидев стоящих рядом соседей. Можно ли тут оставлять свои вещи, не боясь что они пропадут. Все-таки инструментами я очень дорожил. И больше у меня ничего не было. В комнате таверны хоть был замок, на который ты мог закрыть свою комнатку. Хоть какая-то уверенность, тут же, все было нараспашку. Заходи кто хочешь, бери что хочешь. И попробуй потом, найди. Да просто соседские дети могли залезть из любопытства. А таскать повсюду свой объёмный чемодан мне отчаянно не хотелось. Но видно почувствовав, что именно я хочу спросить, он уверенно мне сказал.

— Не переживай Дарий, твои вещи никто не тронет. Хоть мы все тут бедняки, у нас в общине не принято брать чужое. В других общинах часто такое бывает. У нас нет. Если ты берешь чужое, тебя выгоняют.

Иви мило улыбнулась глядя на меня, нянча на руках дочку, завернутую в не крашеное одеяло из мягкой овечьей шерсти.

— Не переживай Дарий. Я присмотрю за твоими вещами. Никто их не тронет.

Старейшиной общины оказался уже совершенно седой мужчина, с немного родным именем Витале. Но все его называли просто Старейшина. Хоть он и был уже возрасте, двигался он на удивление плавно. Так двигаются молодые, полные сил и энергии парни. Но самое главное в нем, это были его карие глаза. Удивительно живые и яркие, в них четко читался ум и недюжий жизненный опыт. Всклобоченная седая борода свисала с его заостренного подбородка. Он устало мне улыбнулся, обнажив заметно выступающие вперед зубы. При улыбке глаза его щурились, придавая ему хитрый вид.

Общиной тут называют группу беженцев, обычно изначально это целая деревня. Снявшаяся с насиженного места в поисках спасения от того или иного бедствия прибывала в город. Потом община меняется, сливаясь с другими такими же группами беделог, или как наша в частности, впитывая в себя другие. Сколько именно общин в Райлегге, по моему не знает даже Всевидящий. Иногда между общинами вспыхивали конфликты на той или иной почве. Но в большинстве случаев всегда решали мирно. Потому что другого варианта особо нет. Никому другому беженцы были не нужны, их считай бросили на произвол судьбы, просто мирясь с их присутствием. По правам они были чуть лучше рабов. Никакая стража сюда не заходила никогда. По сути это было своеобразное гетто. И если что, всегда решали между собой. Старейшина данной общины был раньше старейшиной деревни. Уже как лет семь, они прибились спасаясь так же как и моя родная деревня от работоторговцев, только жили они раньше на побережье.

Старейшина был опытным и справедливым руководителем. Он часто выступал в спорах судьей между людьми, и его решения практически никогда не оспаривались и были справедливы. За это он пользовался безграничным доверием и уважением людей как у себя в общине, так и в других. На нем лежала большая ответственность за своих людей. По сути он работал руководителем на общественных началах. И никакой платы или привилегий за эту должность в принципе не предусматривалось. Он постоянно решал вопросы связанные с пропитанием и водой, строительными материалами. Чистая вода в трущобах была огромной редкостью и достать ее было сложно. За ней отряжались целые караваны. Именно к нему обращались люди, которые не могли сами решить тот или иной вопрос. Пожилые или одинокие женщины, которые не могли починить свое прохудившееся жилище. Или они совсем голодали. Со всеми этими мелочными на первый взгляд, но важными в повседневной жизни вещами, все шли к нему. Он отряжал свободных людей помочь нуждающимся, за это прося их помочь чем то другим. Посидеть с детьми например, пока их родители пропадали на работе, или связать одежду для тех у кого она прохудилась. Он целыми днями проводил в общине, решая вопросы то тут, то там, и я очень сильно сомневаюсь, что у него были выходные.

Да вообще, взаимопомощь, являлась той соломинкой, за которую и держались все сбившиеся в кучу беженцы, помогая друг другу именно в той небольшой и казалось бы незначительной возможности, именно которой и не хватает, чтобы выжить в суровом окружающем мире. Подобная бескорыстная помощь в немалой мере служила основой существования общины в трущобах; обыденная и порой незначительная, она способствовала общему выживанию. Когда соседские дети плакали, люди успокаивали их, как своих собственных, поправляли покосившуюся доску на крыше, проходя мимо, или затягивали

ослабший узел веревки, которая скрепляла строение. Они помогали друг другу, не ожидая, когда об этом попросят, как будто были членами одного племени или большой семьи.

В основной части это были люди работающие и порядочные. Крестьяне, лесорубы и пахари. Так что такого разгула разбоя, что был совсем рядом в Нижнем городе, тут невозможно было даже и представить. Люди просто выгоняли тех кто отказывался жить по негласным правилам. Да и позже я смог убедиться, что преступная братия все как один гедонисты и все это с их точки зрения, абсолютно бессмысленно. Они тянулись к себе подобным, отказываясь заниматься общественно полезным трудом на благо общества. Это был как индикатор, точно показывающий насколько гнилое нутро человека. Только желающие если туда уходили, ища более легкого заработка и разгульной жизни. Назад уже их не принимали. Крестьяне и рабочий люд все-таки инстинктивно не любили бандитов. Отождествляя их с теми, из-за кого они и оказались в таком положении. Это все естественно знали в магистрате. Именно поэтому, терпели и мирились с трущобами, раскинувшимися вокруг стен города, помогая им в тех или иных вопросах. И если магистрат даже просто заподозрит, что трущобы превратились в очередной рассадник преступности, полагаю, что они даже и думать не станут, просто сметут их солдатами и весь вопрос.

Естественно такой проверке подвергли и меня. Когда старейшина узнал, что я лекарь, он очень обрадовался. На все трущобы было всего пятеро человек, кто хоть как то мог помочь. Причем трое, это были бабки повитухи, которые могли принять роды и наложить мази при порезах укусах или ожогах. Один бывший солдат который немного разбирался в ранах и недоучка, бывший подмастерье лекаря, который так же как я бегал за пивом. В общем получалось что я был один, на огромное скопление людей. Так что меня покормили вкусными тушеными овощами с рыбой. И я пошел к себе в “апартаменты” готовиться к приему больных. Основными проблемами тут были укусы крыс и собак, ожоги, больные зубы, переломы, и различные травмы. Которые люди получали на тяжелой работе. Я старался помочь всем как мог, теми скромными средствами которыми располагал. А если не мог, записывал на клочках бумаги, что им требуется купить. Пустив на это дело блокнот мастера Хоннекера. Так и прошел мой первый рабочий день. И уже поздно вечером, я был совершенно без сил из-за бессонной ночи и тяжелого дня. Сидя у костра под холодным, еле пробивающимся из под набежавших облаков серебряным светом луны, занявшей центральное место на небосводе, вместе с соседями за нехитрым, но вкусным ужином, я подумал, что все сложилось гораздо лучше, чем я бы мог ожидать. Мне нравились все эти люди, их простой и бесхитростный быт. Они умудрялись оставаться людьми в полном жестокости мире.

Я уже откровенно клевал носом в свою тарелку, пытаюсь через силу доесть свой ужин, как почувствовал сзади легкое подергивание и прошедший волной озноб по телу. Сон как рукой сняло. Я судорожно начал оглядываться в поисках опасности, но все было тихо и спокойно. Я покосился вниз, и увидел в отблесках костра, вместо своей тени, силуэт обнаженный девушки из моего сна, с распущенными длинными волосами, они шевелились как будто под невидимым ветром. Той самой, которая закрывала собой опаляющее сердце в холодной пустоте. Я улыбнулся ей в ответ, когда она мне помахала ладошкой. Закидав оставшуюся в тарелке еду в один прием, я с набитым ртом буркнул всем пожелание спокойной ночи и хотел было идти спать, как Найджел меня окликнул, протянув зажжённую от костра лучину.

— Возьми Дарий, смотри какая темень. А то вдруг упадешь и сломаешь себе что-нибудь.

Я оглянулся на переулочек, по которому вдалеке шаря перед собой рукой, и второй держась за ряд лачуг, как слепой котенок, двигалась чуть ли на ощупь женщина с нашей общины. Перевел взгляд на небо, луна была полностью скрыта за плотной кучей облаков. Неожиданно небо раздвинуло насыщенные влагой облака, и на несколько мгновений наши трущобы озарились тусклым серебристым светом. Затем кучевые облака перегруппировались по всему горизонту и, наползая друг на друга, сбились плотной массой, заслонив небольшое окошко, так что небо вдалеке над заливом с серыми волнами облаков стало неотличимо от волнующегося моря. Но я определенно все прекрасно видел в темноте, все было в светло-серых тонах без цвета. Но очень четко и ясно как днем. Это было что-то новенькое. Я снова покосился вниз на девушку, но она лишь пожала плечами.

— Спасибо. Я взял лучину и пошел к себе в лачугу. Проходя, отдал ее женщине идущей в темноте. Ей это было явно нужнее. Я все и так видел прекрасно, я мог спокойно читать книгу в крошечной темноте, так четко я все видел.

Придя в комнату, я расстелил свое одеяло и сел на него смотря на девушку. Была уже полночь, все соседские дети давно спали, я слышал, как за шторкой сквозь сон Иви что-то бормочет своим детям. Вокруг стояла полная темнота, но я отчетливо видел силуэт из мрака напротив меня. Но при этом она была плоская, как бумага, и полупрозрачная, словно кто-то вырезал силуэт обнаженной молодой девушки из самой тени. Несмотря на то, что теперь она приняла форму, вместо отсутствия каких-либо очертаний, я все равно узнал её. Ту, кто помогал мне, когда никто другой в мире не был на это способен. Я протянул к ней руку, желая ее коснуться, но та прошла сквозь девушку, как через завесу из дыма. Вглядываясь в эту черноту на фоне окружавшей меня ночной мглы, я уловил уже знакомое ощущение, прямо как там в лесу — страх вытекал из тела, как яд из раны, заставляя чувствовать себя хладнокровным и бесстрашным. И я был уверен: хоть рядом нет ни сестры, ни мамы, ни отчима, никого из семьи, я все равно не был одинок.

— Спасибо, что помогала мне!

И тут я снова услышал тот еле различимый бархатный шепот.

— ...Я была рада помочь...

— Скажи, а как тебя зовут?

— ...Я, я не помню. Я вообще мало пока что помню, только холод, темноту и

одиночество. Только потом я увидела свет во тьме, и пошла к нему. И вот я тут.

— Понятно, что ничего не понятно. Но теперь мне как-то же надо тебя называть.

Она снова пожала плечами... Ожидая.

Я очень устал и невероятно хотел спать. И придумывать что-то просто не было сил. Я посмотрел на ночное небо, на луну еле пробивающуюся сквозь завесу из облаков.

— Тогда буду называть тебе Полночь.

Она прошла к выходу из лачуги стелясь как дым, тоже глянув на ночное небо.

— ...Мне нравится...

— Прости, я бы и рад с тобой поговорить. Но сейчас мои глаза пойдут спать отдельно от меня.

— ...Это ты меня прости, я не могла раньше с тобой разговаривать, я была очень слаба и набиралась сил...

Но это я уже слышал на краю сознания, уплывая в царство снов.

Спалось мне на моем новом месте в трущобах очень хорошо — настолько хорошо, что, когда вскоре после рассвета соседи собирали коз для дойки, я продолжал громко сопеть широко раскинув руки. Одна из этих любопытных коз, привлеченная, этим звуком решила исследовать его происхождение. Я разом проснулся, почувствовав, что-то влажное и шершавое у себя на лице, и, открыв глаза, увидел бородатую морду с языком, собирающуюся вторично лизнуть мое лицо. Я с перепугу откатился со своей постели как можно дальше, задев палку, которая служила моей вешалкой, и естественно это все упало на меня. Пока я с матами копошился в одежде, выпутываясь из-под своего плаща под смех соседей, сон прошел окончательно.

Умывшись из чайника и приведя себя в порядок насколько это было возможно с моей побитой физиономией, я пошел с утра в город. Мне нужна работа, и я планировал зайти к старой Велии, и к мастеру Руфусу в библиотеку. Вдруг ему помощник нужен. Ник оказывается уже убежал, на свой первый рабочий день в кузницу.

Повиляв в лабиринте ремесленных мастерских, я подошел к лавке старой травницы. Ее входная дверь была приоткрыта. Вдохнув поглубже для уверенности, я на всякий случай постучал и зашел. Как обычно, слепил фонарь и был полумрак в общем зале, но это не помешало мне увидеть ее гостя. Они сидели возле стола за бутылкой вина. Ее посетитель был мужчина. Его возраст было сложно определить, ему могло быть как и пятьдесят, так и тридцать. Все из-за того что у него был вид, как будто после беспробудной, недельной пьянки. Неопрятная, мятая рубашка на пару размеров больше, выпирающий пивной живот и недельная небритая щетина на отвислом подбородке. Длинные до плеч, слежавшиеся сальные волосы, как будто он только встал с подушки. И перегар. Такой дикий перегар, что он чувствовался через всю резкую алхимическую вонь, вечно стоящую у нее в лавке. Они о чем то разговаривали, и в разговоре она к нему обращалась по имени Клето. Тогда я даже не мог представить себе, что это был один из самых опасных людей в городе.

— А, Дарий. Подойди сюда, ты чего-то хотел.

И когда я подошел, она заметила мою физиономию, вопросительно подняв бровь спросила.

— Что произошло?

— В мыльне поскользнулся.

Клето хмыкнул, выпил вина посмотрев на меня.

— А мыльня похоже неплохо дала сдачи, вон как четко удары справа ложатся.

Я окинул его взглядом ничего не сказав. Ну да, видок у меня был тот еще. Правое ухо опухло и было как красный помидор, губа справа была разбита и тоже опухла, плюс синяк под глазом. И здоровенная шишка куда прилетел снаряд из пращи. Я кашлянул в кулак переводя взгляд на травницу.

— Я что хотел, у вас там табличка висит, вам помощник еще требуется?

Он хотел что-то сказать, но услышал мой вопрос и подавился своим вином, тут Велия слишком уж быстро, для бедной больной старушки его пнула, чтобы он заткнулся. Потом она немного сторбилась и показательно покашляла.

— Да нужен помощник, но платить я много тебе не смогу. Двадцать медяков в день.

— Актриса из вас так себе если честно. Я имел в виду ее показательную болезнь.

Клето снова закашлялся, но уже от смеха, давась вином.

— Тридцать монет. Но будешь помогать мне в изготовлении.

— Да я бы и за двадцать согласился, но раз вы настаиваете.

Тут он уже натурально заржал в голос. Велия вызверилась на него чтобы он заткнулся, и убирался. Клето подняв перед ней ладони в знак капитуляции, откинулся на стуле все еще посмеиваясь, затем, опершись обеими жилистыми руками о крышку стола, тяжело поднялся, взяв свою покупку и полуторный меч, в старых потертых ножнах, не говоря больше ни слова, направился в сторону выхода. Я наблюдал за тем, как он ловко лавирует между шкафами со склянками и стеллажами с травами пружинистой, раскачивающейся походкой опытного пьяницы. Его выцветший шерстяной кафтан был помят, штаны неряшливо обвисали.

Велия была зла из-за этих десяти монет в день, и решила на мне отыграться. Я постоянно все делал не так, или медленно или криво, и вообще я был безрукий тупой идиот. И все в таком духе. Прямо ностальгия, как будто снова в армию попал. Но она на самом деле была больна, было видно, что она быстро устает и ее постоянно мучила отдышка. Иногда она заходила в кашле с кровью. Но если она замечала, что я на нее смотрю, ярилась еще больше. Она похоже была сильным человеком, как любого сильного человека ее сильно раздражало что кто-то видит момент ее слабости, и от этого она еще сильнее злилась. Я же молча выполнял все что она говорила, на ее ворчание я не обращал внимания, я знал, что это все для вида. Она мне напоминала деда, а я по нему очень сильно скучал. Он тоже был из такой же породы, и сильно ругался, если я что-то делал не так. Так что самая лучшая стратегия, было молча делать то что велено. В самой лавке и кладовке все было сложено с заботливой педантичностью. Все баночки, мешочки, скляночки были разложены по полочкам. Все книги, и свитки с рецептами бережно хранились в сухом месте. Но в маленькой жилой комнатухе где она готовила и спала, была свалка грязного барахла. Похоже ей просто некогда или тупо лень убираться, она была одинока и никто к ней не приходил помочь. Годами не мытые тарелки высились горами, грязные вещи были скинуты в кучу, из которой она походу периодически выбирала наименее грязную и снова надевала. На полу недоеденные огрызки и целая колония, больших и жирных тараканов обосновалась в углу, за старым, кривым, разохшимся шкафом. Высокая кровать была единственным более менее чистым островком в этом крошечном мире хаоса.

В итоге провозившись, я не заметил, как пролетел весь день, она мне заплатила оговоренные монеты явно думая, что я к ней больше не приду. Ха. Утром выпросив в общине у женщин большую плетеную корзину для грязных вещей, и договорившись, что принесенные мною вещи надо будет постирать и починить. Купив ей пару свежих хрустящих булок на завтрак, я снова пришел на работу, чем сильно ее удивил. О, как она

изобретательно ругалась, когда я пошел убираться в ее комнате, это надо было слышать. А когда узнала зачем именно я припер большую корзину, вообще хотела меня прибить. Но проведя активные боевые действия, использовав тактическую хитрость, мне удалось с боев отвоевать у нее часть грязной кучи, которую она называет “это нормальная одежда”.

Но несмотря на всю неряшливость и запущенность, вызванную ее затяжным одиночеством. Знала Велия поразительно много. Она могла на вскидку, по памяти, процитировать рецепт из толстого тома “Алхимических истин” и не только из него. Лекарства и яды, мази и противоядия. На любой случай, из различных ингредиентов, а если не было нужного, она знала, что может заменить. Она была как ходячая энциклопедия, больная ворчливая энциклопедия. Я с огромным и нескрываемым удовольствием слушал ее и учился. И конечно, она это видела и чувствовала. Велия посылала меня после обеда на доставки по различным клиентам. Это были как костеродные, так и натуральные головорезы из трущоб нижнего города. Очень много людей знало и закупалось у нее. Она давала низкие цены и хорошее качество. Были конечно и конкуренты, но они все были в среднем и верхнем городе, это были чистые лавки на центральных площадях и улицах, продающие костеродным и зажиточным торговцам тоже самое, только в дорогих на вид, дутых пузырьках из стекла. В три-пять раз дороже минимум. Но у них были и вещи которых не было у нас, эликсиры и снадобья, что изготавливали маги, с различным применением, тем они и брали.

Так прошло полгода.

Это было хорошее время, лучше пожалуй время. Мирное, спокойное и размерное, без каких-либо потрясений. И дело, которым я занимался, еще больше связывало меня с окружающим миром. Я попросил Полночь меня будить как только рассветало, вставал и бегал каждый день несколько миль до залива, там тренировался делая упражнения, так-как пойти тренироваться у мастера Агостино я не мог, мне ничего не оставалось как заниматься самостоятельно. После тренировки я плавал, затем шел на работу. Я хорошо питался, тратя почти половину заработка на хорошую еду. И мой молодой организм получая нагрузки и строительный материал, начал быстро расти, наливаясь силой. Я уже приловчился носить завтрак себе и старой Велии со свежей сдобой. Она постоянно ворчала, что хватит мне всякую дрянь приносить, но всегда все неизменно съедала. Обучала она меня на совесть, и я очень многое узнал. Стал разбираться в местных травах и лекарствах. Некоторые из которых к слову были весьма странные. Да и вообще сама медицина, у нас это наука о болезнях и их лечении, а тут это наука о здоровье. Кардинальное различие. Некоторые лекарства были весьма и весьма полезны. И ничего похожего даже у нас не существовало. Особенно Велия сделала упор на ядах и противоядиях и их изготовлении. В большинстве случаев яд и противоядие одно и то же, отличается только дозировка. Заставив меня учить сотни названий и картинок с разными ядовитыми тварями и растениями. Самой смертоносной из них оказалась паучихаскрытница. Небольшой черный паук. Ее яд был очень редким и стоил баснословных денег, и назывался королевским ядом. Потому что только короли могли позволить его купить. И от него не было противоядия. Яд скрытницы, это смерть. Без вариантов.

Самым ходовым товаром у нас были противозачаточное, и мазь для заживления ран. Первое и второе я готовил ведрами. Разнося потом по различным притонам и борделям. Она также поведала мне об системе взаимоотношений в городе. Кто кем управляет, самым крутым орешком, после Наместника и его правой руки, черного барона Карло Бранкати, заведовавшим тайной службой, была донна Леона. Серый кардинал бандитского мира. На

нее же кстати и работала старая Велия. Периодически выполняя те или иные просьбы, в основном это были просьбы приготовить яд ли определенные эликсиры. Но их мы не изготавливали, для этого нужна была алхимическая печь. Большая и громоздкая штука, которую устанавливают маги. Ее у нас не было. И если Велия собиралась идти их готовить, меня с собой не брала. Так же, она иногда выполняла роль лекаря, но узнав, что я сам лекарь посылала меня, зашивать ножевые раны и вытаскивать арбалетные болты.

После работы, иногда захаживал в “Лагуну” посидеть в компании Мари ее друзей, потихоньку становившимися и моими. Когда все собирались, это были веселые, полные шуток и дружеских подколов вечера. Сама Мари оказалась грамотной, очень умной и эрудированной девушкой, с хорошим чувством юмора, но к моему величайшему сожалению, она не очень любила компании. Больше предпочитая общество книг. У нее что-то видно случилось, что заставляло ее курить сигарилы и смотреть в окно, уплывая воспоминаниями в прошлое. Она могла пропасть на пару недель и никто не знал где ее искать, после как ни в чем не бывало прийти. А вечером я окунался в роль врачевателя бедняков, которая целиком поглотила меня.

Я начал обучать Ника грамоте, потом подтянулись другие дети, а за ними и взрослые, которые надеялись найти более высокооплачиваемую работу. Так образовалась своеобразная школа. Если не было больных, я до темноты сидел с людьми над грамотой. А вечером, когда все засыпали, смотря на ночное небо я шептался со своей тенью, которая оказалась весьма своеобразной личностью, состоящей наполовину из теней, наполовину из сарказма. Его нескончаемый поток полился на меня как из рога изобилия, стоило ей только научиться говорить. Она постоянно меня подкалывала по любому поводу. Но ничего нового она мне рассказать не смогла, она ничего не помнила, ну во всяком случае именно это она и утверждала, смотря на меня своими честнейшими не-глазами.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается, и меня эта участь не обошла стороной. Все последующие события нарастали друг на друга как снежный ком, все больше и больше, хотя казалось бы уже больше некуда. В один прекрасный момент, грозя, похоронить по своим весом.

Мой обычный рабочий день подходил к концу, я выполнил все свои обязанности и вполуха слушал на заднем фоне привычное брюзжание старой Велии. Сегодня у нас доставок не было, и я уже собирался пойти домой, когда в лавку ворвался ураганом запыхавшийся Ник, принеся первые тревожные новости.

— Дарий, ты должен пойти со мной, меня Старейшина послал.

— Что случилось?

— Лилу заболела, она вся горячая, у нее понос и лихорадка... И ее постоянно рвет, — выпалил Ник задыхаясь. — Она плохо выглядит, очень плохо.

Лилу была симпатичной девушкой, стройной как тростинка, аккуратной и скромной, и она нравилась Нику. Я попрощался с травницей, и мы поспешили в трущобы.

Девушку терзали сильные боли в животе. Она скорчилась от боли, волосы ее были мокрыми от пота ее постоянно выгибало, она то сворачивалась клубком, держась за живот, то выпрямлялась, выгнув спину в конвульсиях и раскинув руки и пытаюсь схватить что-нибудь на полу, а ногами отталкивая невидимую преграду, как будто мешавшее ей одеяло сбилось в кучу и она ногами его отпихивает подальше от себя. Температура у девушки была очень высокой, она вся горела, кожа была скользкой от едкого пота. Ее губы посинели, были впалые мешки под глазами, ее также мучили рвота и понос, и в комнатухе стояла такая жуткая вонь, что ее родители и сестра старались дышать через платок. Ее родители разумеется, пытались помочь своей дочери, но были бессильны, их охватило отчаяние. Отец стоял молча, смотря как мучается его дочь, и кусал ногти от бессилия. Мать пыталась бороться за жизнь девочки так как могла, заботливо вытирая ей лицо мокрым полотенцем. Они были так подавлены и испуганы, так что соблюдение приличий отошло на второй план, и они позволили мне осмотреть девушку в тонкой ночной рубашке промокнувшей от пота, совсем не скрывавшей ее стройное юное тело от взгляда постороннего человека, рубашка съехала набок обнажая ее плечи и значительную часть небольшой груди. Ее младшая сестра в ужасе забилась в угол хижины, ее хорошенькое лицо было искажено, девушка находилась в дебрях ее темного липкого страха, Она чувствовала, что близкий ей человек страдает не от случайной болезни. Я прощупал ее живот, там отчетливо чувствовалась жидкость.

— Как давно это началось?

— Два дня назад, — ответила мать вытирая слезы. В ее глазах было отчаяние.

— Мы думали, что она что-то съела и отравилась. Но ей все хуже.

Я знал одну болезнь, точно попадающую под все симптомы, которые были у девушки, и меня это не обрадовало.

В переполненный город пришла Холера.

Как известно, люди, зараженные холерой, умирают от обезвоживания, вода быстро покидает их тело вместе со рвотой и испражнениями. Как бороться с ней я знал, и водный раствор сахара и соли что помогает больным сохранить воду в организме и справиться с болезнью, был мне известен вовремя обучения. Но я понятия не имел, смогу ли я тут его воспроизвести, мне неоткуда было взять дистиллированную воду. А времени на ее приготовление не было, нужно было делать что-то прямо сейчас. Или просто уже будет поздно. Но с другой стороны, питьевая вода тут была чистая, без примесей.

Я велел им прокипятить всю питьевую воду из глиняного кувшина в течение десяти

минут, вымыть кувшин с мылом как следует, и обдать его кипятком, прокипятить все столовые приборы, особенно те которыми пользовалась заболевшая девушка, и только после этого использовать для питья. И обязательно напоить девушку, даже если придется насильно вливать. Вместе с отцом бедной девочки мы пошли в мою хижину, где я взял лекарства, с помощью которых я надеялся сбить ей лихорадку и ослабить боль. Не успел он выйти с лекарствами, как ко мне от старейшины пришел человек, с просьбой срочно идти к нему. У старейшины ждало несколько человек, все похожими просьбами. У них кто-то заболел и они нуждались в помощи.

К вечеру обнаружилось еще десять случаев серьезного заболевания, еще у двадцати человек были симптомы болезни. Эту ночь я практически не спал. Готовил солевой раствор, добавив в него известные мне травы и корни, чтобы облегчить боль и помочь организму бороться в опасной болезни. А после бегая от одной лачуги к другой. К утру число заболевших возросло до семи десятков, а людей с симптомами — перевалило за сотню. С самого утра я побежал к своей наставнице, предупредить что не смогу выйти пару дней на работу. Буду помогать бороться с болезнью, и мне нужны были запасы трав, для лекарства, посоветовал ей закупить побольше, потому что скоро они будут на вес золота. Она поворчала для вида, как обычно, мол лезут тут всякие сопливые со своими советами, но лекарства мне дала, и стала собираться в порт к поставщикам. В городе уже бушевала целая эпидемия, почти весь нижний город страдал от лихорадки, блевал и гадил под себя. Магистрат спешно мобилизовал все силы, призвав на помощь всех врачей, отправили гонцов за помощью, вызвали магов и целителей.

В полдень нас постигла первая смерть, к вечеру трагичное число возросло до семи. И это только у нас, в нашей общине. Про остальные трущобы я даже думать боюсь. Слухи быстро поползли, и скоро все трущобы знали, что у нас есть лекарство, все пошли за советом и помощью к нашему старейшине. На следующий день, к обеду, в трущобы уже пришли от магистрата, узнать, что это за лекарство у нас, и где тот, кто его приготовил.

Естественно, меня сгребли в охапку, и повезли в магистрат с моим варевом. Меня привели в круглый зал, где проводились слушания, поставив посередине, а все значимые и надутые от собственной важности господа расселись по кругу. Там собралось с три десятка человек. Где больше половины были костеродные. Как говорится напрямиком с корабля на бал.

Практически все присутствующие, считали себя самыми важными. Но все они собрались тут, чтобы составить план действий для борьбы с болезнью. Из врачей тут был не только я, было еще восемь человек; — трое из них женщины, из которых была одна низкая полная дама, завернувшись в платя она больше напоминала луковицу. Все они стояли кучкой, смотрели на меня кто как, кто с презрением кто с заинтересованностью, а кто с ненавистью, но у всех отчетливо читалось высокомерие. Всех вызывали в центр зала, выслушивали их советы и предложения. Врачей вызывали первыми. Из всех врачей, самыми толковыми оказались дама, похожая на луковицу — донна Жизель. И самая пожилой из врачей — мастер Кастус. Последним вызвали меня, я постарался им объяснить, что холера имеет водное происхождение. Зараза попадает с водой в тонкий кишечник и вызывает лихорадку, рвоту и понос, в результате которых происходит обезвоживание организма и человек умирает. Выслушав, меня естественно подняли на смех, особенно “коллеги”. Только четверо, включая главного советника наместника и управителя, молчали внимательно слушая.

Когда началось совещания, больше похожее на пьяный спор в трактире, чего я только тут не услышал. Были и предложения; — пусть там в нижнем городе и трущобах передохнут, нам же лучше. И такие люди управляют городом! Но проспоров до хрипоты в горле несколько часов, они в итоге приняли план, намеченные мероприятия представляли собой нелегкую и трудоемкую задачу, но все собравшиеся в итоге единогласно поддержали их. В экстремальных, критических ситуациях людям свойственно проявлять свои лучшие качества, которые в спокойные и благополучные моменты обычно глубоко запряваны. Эти принятые мероприятия включали часть моих советов, решив, что хуже не будет, если примут простейшие меры массовой профилактики, в виде обеззараживания питьевой воды кипячением, и обязательным мытьем рук и еды. Но больше всего, совету в магистрате понравился тот факт, что я работал бесплатно, исцеляя бедняков и нуждающихся, и с усмешкой показывая на меня остальным лекарям, они приняли план мероприятий, что все лекари обязаны пока в городе бушует эпидемия, работать бесплатно на своих участках ответственности. Против этого и меня в частности, особенно ярился “коллега” из среднего города. Фонс из коллегии лекарей, тощий долговязый мужик с лысой, чисто выбритой головой, он сверлил меня взглядом, полным злобы и ненависти, которые придавали его худому осунувшемуся лицу с крючковатым носом сходство с горгульей.

В магистрате всех лекарей включая меня, обязали работать, пока бушевала болезнь в своеобразных госпиталях. Под которые выделили несколько палаццо, и храмы всевидящего. Мой участок был палаццо, который закреплен за магистратом в среднем городе, недалеко от ремесленного района. Наша задача была помогать по мере сил и возможностей, ожидая помощь от магов и целителей. Все городские маги кто был в городе включая наставников академии, тоже работали на износ, но принимали они только костеродных, богатых торговцев, и прочих “нуждающихся”. Но этого было категорически мало, переполненный город захлебывался в рвоте и испражнениях. Как назло еще пошел сезон дождей, размывая и разнося заразу. По городу были организованы бригады, развозившие мертвых, этим занимались рабы, находившиеся в особо опасной зоне. Их лечили неохотно постольку-поскольку.

Палаццо был переполнен, люди лежали везде, где только была возможность положить больного. Сотни людей, во всех комнатах, в коридорах, даже на кухне и подсобных помещениях. Все они проявляли симптомы холеры, и у половины из них болезнь зашла далеко. За мной закрепили несколько человек, которые помогали мне. Я не мог задерживаться у каждого больше чем на несколько минут, и все равно обход занял часов двадцать. Но все равно, я категорически не успевал. Работа была крайне неприятной. Вонь вокруг стояла ужасная, запах был сродни меткому удару в уже сломанный нос. Вдохнуть было невозможно, глаза сразу начинали слезиться. Диарея при холере отличается крайне отвратительным запахом, к которому невозможно привыкнуть. Каждый раз, когда мы подходили к больному, к горлу подступала тошнота. Иногда это приводило-таки к рвоте, после чего позывы к ней становились еще сильнее.

Ко мне неоднократно прибегали посыльные из трущоб спрашивая, что делать. Я лишь объяснял, как именно им готовить лекарство. Прибегали и бандиты посланные старой Велией. Им всем тоже было необходимо было лекарство. Я не мог разорваться, и старался как мог, все дни бегая как заведенный. То туда, то сюда. Встретил в палаццо и Джино с Энцо, которые пришли за лекарством, заболел дон Агостино. Очень удивились когда, узнали меня. Я им объяснил обязательные правила, что нужно делать, и дал лекарства, сказав, если

будет совсем плохо, пусть зовут, я приду к ним.

На пятые сутки я уже валялся с ног от усталости, когда прибежал Ник проводывая очередной раз. Немного подумав я объявил всем, что мне все равно, мне нужна мыльня и кровать. Я планировал пойти к тетушке Марте, я хотел привести себя в порядок и сидеть не менее получаса в горячей бадье, не экономя мыло. Я хотел хотя бы на время забыть о холере, смыть и стереть с себя осадок последней недели. Тетушка Марта пока грелась мыльня, усадила нас за стол на кухне и придиричиво следила за тем, чтобы мы с Николасом исправно жевали, и тыкала нас пальцем в бок или хлопала по голове при всякой нашей попытке сделать паузу и перевести дух. Вовсю работая челюстями, мы исподтишка бросали взгляды на возившихся у очага женщин, надеясь, что хотя бы следующая из вкуснейших лепешек щедро намазанных топленным маслом и медом, окажется последней.

Проспав двенадцать часов, я наконец почувствовал себя человеком. Я был чист, сыт и бодр, и был готов вступить в схватку с болезнью с новыми силами. Придя на свой участок я узнал, что прибыла долгожданная помощь, прибыли маги и целители, а так же прибыл орден Искупления. И эти ребята в черных монашеских робах сновали всюду, суя свой длинный нос. Их интересовало абсолютно все, что мы делали и как мы делали, но самое главное их интересовало, что мы обо всем этом думали. И конечно, все тут же вспомнили обо мне, спихнув все ответственность на меня. Мол это все его идея, это он во всем виноват. И главным у этой братии, был никто иной как мой старый знакомый, отец экзекутор Нестор.

Мне несмотря ни на что, импонировал этот человек, познакомившись с ним поближе, я понял, что он был фанатиком своего дела, и был предан ему душой и телом. Его целеустремленности можно было позавидовать. Если он выбрал цель и шел к ней, его было невозможно остановить, подкупить или запугать. Он сам мог запугать кого угодно. Ему даже не требовалось ничего для этого говорить. Его лицо давно превратилось в гротескную маску с застывшей и подавленной силой характера яростью, на которой горели голубые факелы глаз, бессердечного серийного убийцы. Коим он и являлся. Он просто как ядовитая змея, садился напротив человека с которым разговаривал, и смотрел не мигая ему в глаза. И они плыли, как свечной воск под огнем. Просто от одного его взгляда. Значительно позже, я ни раз видел, как костеродные посылали убийц, с угодливой улыбкой предлагали ему огромные суммы, подкладывали лучших красавиц, чтобы соблазнить его, глупцы. Все что угодно, лишь бы он изменил свое решение. А подкуп Нестор считал личным оскорблением, и чем больше была сумма, тем глубже было нанесенное ему оскорбление. Его невозможно было сбить с выбранного пути. Только переубедить, что его решение ошибочно. Несмотря на его фанатизм, у него был трезвый рассудок и холодный расчетливый разум. Он с трудом, но внимал очевидным фактам если их правильно преподнести. После, скрупулёзно их перепроверяя. И горе тому человеку который решит его обмануть. Такое чувство как жалость, у брата Нестора в принципе отсутствовало с рождения.

А костеродные привыкли кичиться перед собой, и перед всем миром. Своим богатством, своей силой, властью и безнаказанностью которой все это давало. Считая, что они стоят гораздо выше в пищевой цепочке цивилизации. Они поставили свои нравоучения в непреложные и обязательные для всех истины, возведя их чуть ли не в догматы. Что весь остальной мир был обязан перед ними пресмыкаться, просто по их праву рождения. И когда они сталкивались с отцом экзекутором, все то что они считали незыблемым, рушилось как картонный домик. И именно за это, они его ненавидели и страшно боялись. Ненавидели жгучей ненавистью, за чувство страха, что он им внушал. За то, что он мог быть честен перед

собой. В то время, когда они жили в вымышленном мире песочных замков. За то, что он показывал им это, ставя их в один ряд с остальным миром, именно от этого осознания их просто корёжило.

А если наложить все это, на то что он был очень значимой, и наделенной огромной властью фигурой, в многочисленной, богатой, и очень влиятельной организации, как орден Искупления. Имевшей огромное влияние на сердца и души миллионов людей, живших на обширной территории. Ни один король или герцог, в здравом уме и трезвом рассудке не был готов ссориться с орденом. Вырисовывается совсем уж любопытная картина, показывающая просто чрезвычайно опасного человека. Он был словно цепной пес, да чего уж там, он был цепным драконом ордена Искупления. И именно такой человек, наведенный грамотно составленным доносом, пришел сюда проверять, чего это я тут делаю, и как смею лечить людей бесплатно. В то время как многоуважаемые врачеватели с “лицензией”, терпят убытки из-за отсутствия клиентов готовых платить бешеные деньги, в то время, когда огромный город поразила эпидемия смертельно опасной болезни.

Сказать, что Нестор был удивлен, когда ему представили, “наглого недоучку, который и лечить совершенно то не умеет” и вообще пора бы уже ордену Искупления проверить выскочку. Значит ничего не сказать. Он с тремя здоровенными телохранителями ордена, которые больше были похожи на вышибал из нижнего города, с тем лишь отличием, что их глаза горели безумным огнем фанатиков. Притопал с мрачной решимостью покарать, но замешкал узнав меня, все-таки он был не рядовым исполнителем, и интуиция у него была в порядке, он мгновенно почувствовал, что здесь что-то не то. Он немного знал меня, и знал, что я соображаю в лечении. Он неустанно следовал за мной по пятам, все выспрашивая и выслушивая людей. Именно тех людей, которых я лечил бесплатно, по двадцать часов в день. В то время как остальные лекари занимались этим сугубо из-под палки, только потому что в ином случае магистрат грозился отозвать их лицензию. Каким образом, он умудрился вынюхать что я бесплатно помогал людям после пожара, для меня оставалось загадкой. Нестор не побрезговал пойти со мной в трущобы, ко мне в лачугу. Ходил, расспрашивал бедняков которых я лечил, включая детей, детей надо сказать он расспрашивал особо тщательно. Расспросил старейшину, узнал, что я устроил школу в трущобах, обучаю детей грамоте. Захотел поприсутствовать на уроке, сидел до ночи у нас в тесноте и толчее нехитрого быта беженцев. У моих соседей было много маленьких детей, и они с детской непосредственностью глазели на него, расставив свои детские рожицы по дыркам в соломенных циновках, которые служили перегородками между нашими жилищами. Сынишка Иви вообще ввалился в мою хижину, в обнимку со своей двухлетней сестренкой. Встав рядом с Нестором, он без всякого стеснения принялся разглядывать его, в то время как у некоторых взрослых, поджилки тряслись от одного его вида.

День выдался тяжелый и я попросил его принести нам чая.

Он вернулся с обломком доски, которая служила подносом, на котором было две чашки горячего сладкого чая и три круглых печенья. Он раздал нам чашке и церемонно вручил по печенке, которые пекли в трущобах, вкусное надо сказать было печенье. Я думал, что он съест сам, но он разломил печенью на две части. Приложив их друг к другу, он выбрал ту, которая оказалась чуточку больше, и отдал ее Нестору, а вторую вручил сестренке. Девочка принялась с восторгом грызть печенье, усевшись на землю рядом с отцом эскутором, обняв его правую ногу одной ручкой. Наверное именно в это мгновение, его омертвевшее сердце дрогнуло, и та маска, которую он постоянно носил, треснула на секунду, показав, что

напротив меня сидит все же живой человек.

Ушел от нас отец экзекутор уже ночью, под конец помучив меня расспросами, и больше я его не видел. На работу я вернулся, как обычно, и продолжал работать еще пару дней, как ни в чем не бывало. Потом узнал, что этот лекарь Фонс похожий на горгулью, ночью сбежал из города, бросив свой большой дом в престижном районе среднего города, он срочно захотел проведать родню в Атрийской империи, которую никогда до этого не видел.

Через два дня, когда заболевших стало гораздо меньше, меня позвали в главный храм Всевидящего где и квартировалась миссия ордена, мать настоятельница захотела зачем-то меня увидеть. В ее кабинете, кроме самой матери настоятельницы, сидела ее еще одна женщина в строгом монашеском одеянии. Она молчала, и ее не представили. Но прямой и уверенный в себе взгляд карих глаз, которые привыкли повелевать не спрячешь.

Мать настоятельница встала из-за стола, подойдя ко мне, вручила небольшой круглый медальон на шею, внутри которого иногда вспыхивал огонек, повязанный на самой простой бечевке. И плотный кожаный конверт заверенный печатью, который складывался пополам как книжка, с выбитой эмблемой ордена Искупления посередине.

Мне вручили лицензию лекаря, заверенную орденом Искупления.

— Гордись Дарий, это большая честь. Такая есть только у главы коллегии лекарей — донны Розети. И у донны Исабеллы Моретти, младшей сестры правителя Оскинского королевства.

Она отошла от меня сложив руки на животе и скупой улыбнулась. Заметив мою кислую физиономию спросила.

— Ты разве не рад?

— Чему? Этой кучке дермеца, величиной с горный кряж сагитовых гор. Я помахал конвертом.

Я прям видел, как брови матери настоятельницы взлетели до потолка. “Монашка” открывала рот, глотая воздух как рыба. Снизу захихикала Полночь.

— О чем ты говоришь?!

— Вы же сами сказали, что такой только у главы коллегии и сестры богатейшего короля. И у меня. Вы серьезно думаете, что такие люди будут мириться, что простой деревенский парень им ровня? Я про остальных лекарей молчу. Да меня закопают глубоко-глубоко, и сверху наложат кучку, что я сказал.

— Дааа уж. Брат Нестор конечно предупреждал, что ты не обычный парень, но чтобы настолько.

Я низко поклонился ей.

— Простите меня, пожалуйста, я ни в коей мере не хотел вас обидеть. Это все эмоции от усталости, после трудной недели.

— Иди уже. И знай, проблем точно не будет. Мы все-таки не зря следим, и лицензии не выдаем не потому что не хотим. А потому что не заслужили, а ты заслужил. И пусть кто-нибудь только попробует, усомнится в правильности принятого нами решения.

Мать настоятель проводила взглядом небольшого паренька ушедшего из ее кабинета, выждав с минуту спросила.

— Что думаешь сестра?

— Думаю, что у парня точно будут проблемы из-за его языка. Но он прав насчет большой кучи проблем. Сестра заметив, как мать настоятель усмехнулась, сжала губы в осуждающей гримасе. — И это совсем не похоже на брата Нестора, такие импульсивные

решения. Скорее всего, это очередная игра старого интригана, который действует руками Нестора. Парень наживка, и скоро за ним начнут охоту. Или я совсем ничего в этом мире не понимаю.

— Да, я тоже так думаю. Даже думаю, что парень и сам это понимает, он явно не дурак. Но как бы то ни было, скоро мы это узнаем, остаётся только подождать.

Если бы мать настоятель с сестрой были внимательнее, они бы смогли заметить, как небольшая тень тоненькой струйкой перетекает из угла под дверь.

Я купив сдобный рогалик на площади, поедая его стоя в тени пекарни, любуюсь архитектурой храма, когда ощутил озноб прошедший волной по коже.

— Ну, обрадуй меня.

— ...Они думают, что это игра, лицензия это наживка на крупную рыбу. И за тобой скоро начнут охоту...

— И знай, проблем точно не будет. Я спародировал мать настоятельницу, скорчив лицо. — Все они одинаковые. Я посмотрел на свою тень, отражавшуюся на стене, чуть темнее на фоне здания.

— Твои комментарии всегда приветствуются.

— ...И предоставляются добровольно...

— Ты знаешь, что ты засранка.

— ...О, целиком и полностью, кивнула она.

Велия вертела мой медальон уже минут десять, рассматривая со всех сторон. Уже раз пять раз прочитанный со всех сторон конверт из плотной кожи с печатью ордена Искупления, лежал на столе. Я сидел рядом за столом, пил сладкий чай, и думал, как мне дальше быть.

— Никогда не думала, что увижу настоящий. Она отложила медальон налив себе вина в кубок. — Но это все потом, сейчас иди отнеси в Лагуну доставку, я собрала уже сумку.

Убрав конверт и надев амулет на шею я пошел в Лагуну.

— Дарий. Окликнула она меня когда я уже взялся за ручку двери. — Ты же понимаешь, что это принесет тебе проблемы? Мне лишь осталось ей кисло кивнуть в ответ.

И идя с сумкой в знакомый трактир, я и подумать не мог, что проблемы меня сами найдут гораздо раньше.

Реджис ле Гро раздраженно сплюнул поправляя старый фамильный меч, они со своим приятелем и соратником Дирком Турнье, прибыли в Райлегг три дня назад, взяв заказ у богатенького сына Дайона Моретти, во время пьянки, он зажмурился, с удовольствием вспоминая грандиозную попойку устроенную в фамильном поместье Моретти, на золотом побережье силистии, хорошо быть богатым. Но по правде говоря, не стоило этого делать, заказ был совершенно не их уровня. Но они не смогли себе отказать в удовольствии лишний раз блеснуть своими навыками перед высшим светом. Да и сумма, которую предлагали за голову деревенского лекаря была слишком заманчивой. Простая работа, стоило сделать лишь небольшой крюк. И вот они тут, в городе полном холеры! Еще не хватало сдохнуть в подворотне выплюнув кишки. Вот смеху то будет, золотой мечник сдох в своей блевотине. Но они взяли деньги которых вечно не хватало, даже уже успели потратить. И найдя свою цель, уже три дня ходили кругом, как два матерых волка вокруг овечки. Но гребаный орден, крутился вокруг пацана постоянно, как стая сторожевых собак. И вот уже выследив его, они опоздали совсем немного. Парень ушел по работе, и остается только его ждать. Возле этой вонючей лавки. Дирк еще этот, вот надо было ему убивать эту старую уродливую травницу, скучно ему видите ли.

— Эй Реджи, смотри что я нашел. Дверь отворилась и вышел Дирк, держа в одной руке бутылку вина, в другой окровавленный кинжал. — Отличный урожай двадцатилетней выдержки, старуха знала толк в вине.

Именно в этот момент, в переулочек возле лавки травницы зашел чернявый парень. Тот самый парень за чьей головой они приехали. Дирк осклабился увидев паренька, убрав кинжал за спину и отдав бутылку вина своему напарнику.

— Эй парень, ты же Дарий. Мы от магистрата, нас послали чтобы ты пошел с нами, там требуется твоя помощь.

Парень остановился, настороженно вглядываясь, в этот момент Дирк был готов поклясться своей рапирой, что его тень изогнулась, пойдя волнами.

— Я не хочу вас оскорбить сир, но я вам не верю.

— ...Ты назвал меня лжецом, парень?

— Я никак вас не называл, сир. И буду очень благодарен, если вы перестанете называть меня “парень”, как если бы это слово было родственным тому, в чем вы испачкали подошву своих сапог.

— А ты наглец, Дирк подкинул кинжал, поймав его. — Видишь ли, Алберто Моретти передает тебе привет. Помнишь такого? Дирк понемногу подходил, перерезая путь отхода парню.

— Помню. Парень кивнул. — А можно виновато шаркнуть ножкой и извиниться?

Дирк искренне рассмеялся. Смех его был естествен и исходил из глубины груди, поистине, он смеялся от всего сердца над странным пареньком.

— А ты мне нравишься, честное слово. Дирк все еще не мог перестать смеяться, но понемногу подходил. — Ты молодец парень, честно. Лечишь людей, но, видишь ли, в нашем мире еще надо уметь держать язык за зубами. Некоторые люди крайне обидчивы, и тебе просто не повезло. Так бывает.

В этот момент из переулочка вынырнул буквально из ниоткуда толстый неопрятный

алкаш, загородил парня собой. Его волосы были грязные и слежавшиеся, Живот выпирал. Грязная куртка была накинута на еще более грязную рубашку. От него разило дешевым алкоголем на милю, небритая недельная щетина на лице. И полуторный меч в потертых ножнах.

Дирк обнажил свою рапиру, чуть более короткую, чем полуторный меч у вставшего на его на пути человека, который закрыл собой их цель. Впрочем, Дирка такое обстоятельство не смущало. Ему много раз случалось драться и против более длинного или же тяжелого оружия, и всегда он выходил победителем, не зря он носил на предплечье знак золотого меча.

— Доставай свою железяку, толстячок. — Он, улыбаясь, указал острием на меч противника. Вся эта ситуация его забавляла. Уже года три с ним никто не затевал драку. Да еще из-за деревенщины. Воистину, этот день стоил того, чтобы его запомнить. Ему хотелось крови, и смерти одной лишь старухи ему было мало.

Толстый атриец, без сожаления отбросил ножны в сторону, направил острие меча в землю, спросил с подчеркнутой любезностью.

— Это означает, что благородные господа не желают решить дело мирно?

— Благородные господа желают погонять тебя по двору, затем отрубить ноги, потом руки, чтобы ты успел увидеть, как я вырву этому цыпленку его длинный язык, а затем отрежу голову, за нее неплохо заплатят, но только за голову, ничего лишнего. Он оскалился глядя на свою цель.

Клето ничего ему не ответил. Его руки скользнули по рукояти изменив, хват меча. Правая рука опустилась к гарде, левой он уперся в навершие меча, смотрящий в землю клинок даже не шелохнулся.

“Глупец”, — именно так называли эту стойку в империи. Невзрачную на первый взгляд, но таящую в себе массу опасности. Меч Клето пришел в движение вместе с ногами костеродного, совершив полукруг, и сталь мечей со звоном сомкнулась. Дирк оценил и движение, и встречу, и силу удара. Клето сделал подшаг, продавливая защиту и метя концом своего клинка, в незащищенное горло охотника за головами. Дирк поддался на эту прямую и грубую атаку, но развернулся в самый последний момент уходя с линии атаки. Не ожидавший этого Клето, сделал лишнее движение, открывая свой левый бок.

Но костеродный не стал заканчивать слишком быстро. На его взгляд, это было скучно. Ему хотелось поиграть. Чтобы жертва почувствовала отчаяние, осмыслив свою тупость, решив ввязаться в безнадежный бой, только тогда закончит, когда увидит ужас в его глазах.

Допущенная незнакомцем ошибка была исправлена в следующую же секунду. Разворот корпуса, и кончик бастарда тускло сверкнул на солнечном свете, метя в горло.

Он бы разворотил гортань любому другому, таким быстрым был удар, но не ему. Дирк уже находился вне досягаемости.

— Неплохо для чревоугодника, — оценил он скорость неожиданного защитника.

Клето улыбнулся сделав легкий поклон, принял эту похвалу как должное. Многие считали его слабым, медлительным толстяком и пьяницей. Их всех ждал сюрприз. Последний в жизни.

Дирк напал молча, фехтуя рапирой, без труда сдерживая напор опасного клинка. Они обменивались быстрыми, сильными ударами, кружа на пустой и каменистой, немного неровной площадке. Костеродный сражался не во всю силу, развлекаясь, оценивая человека, узнавая его слабые места.

Их практически не было.

Глупец использовал классическую Атрийскую школу. Хорошая, вполне работающая техника. Серьезная для большинства противников, с массой защитных высоких стоек и редкими перехватами. Но... без нюансов, и какой-либо изюминки. Толстяк знал ее на отлично и, наверное, считал себя едва ли не воином императора. Но этого было недостаточно, не для того, чтобы противостоять одному из золотых мечей.

Дирку хватило половины минуты, чтобы понять, что больше ничего интересного он не увидит. Защитничек оказался прост, словно пресная лепешка на воде.

— Заканчиваем представление, — сообщил ему охотник за головами. — Запомни момент своей смерти.

Он уже все рассчитал. Пробить двойной финт в грудь и горло на шестом шаге, отведя дагой встречный удар отойти и тут же контратака снизу верх с уколом, незнакомец слишком высоко поднимает предплечья в защитной стойке, принимая удар, если тот нацелен в голову. Подвернуть запястья прикрываясь дагой, ударить голенью по голени выбивая его из равновесия, и пригнуться, уйдя в лево когда бастард полетит в голову, с нижней позиции, на обратном движении подрубить ему левое колено. К неприятному удивлению Дирка, его план провалился. Толстяк словно разгадал его и, когда победа уже была близка, перехватил меч обратным хватом, поменяв стойку на правостороннюю, и рапире охотника, вместо того чтобы впиться в плоть, пришлось блокировать страшный удар на обратном возврате.

Он выругался отшатнувшись, с удивлением посмотрел на своего напарника, который изумленно тарачился в ответ, и уже не скрываясь, с рычанием, Дирк атаковал в полную силу, со все возрастающим изумлением понимая, что противник не только не собирается сдаваться, но внезапно начинает сражаться с ним на равных.

С ним! Одним из лучших мечников в мире, магистром гребанного золотого меча! На равных!

Северная школа фехтования внезапно превратилась в южную. Высокие стойки в низкие, больше не казавшиеся такими открытыми. Стало больше уколов, благодаря длине проклятого клинка, они переходили в страшные нисходящие атаки. Приземистые шаги, с мягкими диагональными поворотами, столь опасными, что приходилось быть очень внимательным. Бастард перестал быть жестким из-за постоянной пляски ладоней по рукояти, а иногда и по гарде и по навершию, его меч мелькал, описывая дуги и эллипсы. Грозь в любой момент вскрыть горло, стоило только зазеваться.

Сила атак выросла вдвое, впрочем, как и скорость. И Дирк, в котором пробуждалась злость, понял, что не только он играл развлекаясь. Этот чертов, лысеющий светловолосый толстый ублюдок провел его, точно сопливого мальчишку. Перед ним по меньшей мере был мастер меча. А возможно, и человек со знаком меча.

Последняя атака незнакомца была потрясающей. Даже Дирк готов был это признать. Бастард исчез, превратившись в едва уловимую взглядом, текучую тень. Несколько последовательных ударов, от силы которых чуть не отнялись руки, чередующихся ударами мелькавшими быстрее молнии, и мощнейший финальный аккорд в прыжке, отчего его мощь увеличилась в несколько раз. Конечно же Дирк все отразил, хотя для этого потребовалось применить весь свой опыт. Чтобы отвести в сторону последний удар, он так напряг руки, переводя его в скользящий блок, что едва не порвались сухожилия. Если бы у него не получилось отвести, его бы разрубили вместе с его рапирой. Любому другому этот способ защиты выбил бы запястья. Он отскочил назад, беря секундный перерыв, и изумленно глядя

на скучающее, небритое лицо противника.

Ощутил, что нечто теплое стекает по его шее, боль в правом ухе подтвердила догадку, он понял, что кровь течет по его челюсти на шею, и грубо выругался. Отбить один из уколов полностью все же не получилось, этот сукин сын умудрился его зацепить.

— Ми дон, примите мои поздравления, я давно не видел таких, как вы. — с уважением произнес Клето, обходя противника по диагонали, и выписывая мечом полукружья.

— Засунь свои поздравления себе куда поглубже. Таких, как мы, ты никогда не видел! — сказал Реджис, перестав быть сторонним наблюдателем.

Реджис смотрел на разворачивающееся действие с изумлением. Дело казалось сделано, их цель была рядом. Стоит только взять. Но внезапно, вылезший из словно бездны толстый урод, встал у них на пути. Защищая деревенского лекаря за голову которого они уже взяли деньги, хорошие деньги, которые успели потратить, оказался поразительно искусным мечником. В другое время Реджи, несомненно хотел бы с ним хотел поговорить. Но сейчас, когда Дирк заливал кровью свой камзол, уже буквально рыча от ярости. Реджи понял, что шутки кончились, и надо заканчивать. Он мрачно выругался, сплюнув себе под ноги, и его меч с шелестом покинул ножны, и второй охотник за головами уже понимая, что его товарищу требуется помощь, вступил в поединок. Мгновенно атаковал, сократив дистанцию. Стальная волна ударила в стальной берег, рассыпалась и откатилась назад. Клето остался там, где стоял, лишь его клинок теперь грозил острием лицу нового противника, который отшатнулся, едва не пропустив первый и чуть не ставший последним, смертельный выпад.

Непонятный толстяк сражался в странных стойках, текучих, казавшихся крайне ненадежными, но все время перемещался, держа длинный клинок двумя руками, делая широкие взмахи, на первый взгляд совершенно безумные, опасные, как бы призывающие его атаковать. Но в итоге оказывалось, что эти быстрые, мощные, силовые движения, когда узкий бастард мелькал точно бабочка, непредсказуемо меняя положения, взмывая вверх, падая вертикально, наискось, горизонтально, помогали атрийцу выжить. Благодаря молниеносным движениям и инерции разворотов он внезапно оказался на равных с лучшими клинками королевств.

Мало того, он теснил охотников за головами, возникая то слева, то справа, заставляя их осторожничать, оставаться в закрытых стойках, так еще и скупые контратаки Реджи и Дирка встречали на своем пути лишь неприступную стальную полосу.

Клинки звенели без остановки, “Золотые мечи” попытались одолеть его с двух сторон.

Не вышло.

Навязать ближний бой, где длина его проклятого клинка, скорость и сила ударов играла бы меньшую роль, чем их парное оружие.

Не вышло.

Теперь мастера выискивали брешь, постоянно атакуя с разных сторон, и ожидая, когда проклятый атриец выдохнется от темпа, который они ему навязали, и его можно будет прикончить. Дирк, скрежеща зубами от бессилия и ярости, напал и сам не понял, в какой момент его атака перешла в оборону. Это было просто невероятно, но они с Реджи проигрывали черни. Вдвоем! Обыкновенному лысеющему толстому пьянице, который ни разу не выглядел опасным. Кому скажи, поднимут на смех. Два золотых меча не могут справиться с пьяницей! А виной всему ублюдочный полуторник, благодаря длине и весу, приходилось все время осторожничать. Их противник наседал несмотря на все старания золотых мечей. Сверкающий полукруг, сшибка, парирование, укол из низкой стойки, удар с

разворота снизу вверх по второму противнику, и тут же мощный вход с блокировкой клинка и толканием его хозяину прямо в лицо. И так по кругу, они не могли найти брешь в его защите.

И вновь плетение кружев из стали в воздухе на безумной скорости, и новая попытка создать прекрасный, сверкающий искрами от столкновения мечей узор, окончанием которого должна стать смерть.

Но, кто ищет тот всегда найдет. И шанс выпал. Проклятый атриец не успевал закончить блокировку на последнем подшаге. И Реджи это увидел, он попытался поймать его на развороте, “железной балкой” и сразу начиная комбинацию “куницы охотятся в высокой траве”, в надежде что Дирк поймет и поддержит. И конечно же, Дирк понял, что хотел его напарник. Ринувшись с новой силой, он пробил двойной финт на третьем подшаге, полностью отвлекая внимание противника на себя. Открывая для Реджи прекрасную возможность. И он не растерялся.

От него нельзя было увернуться. Не из той стойки и не после той атаки, которую завершил защитник отбивая финты Дирка. Но у того получилось.

Почти получилось.

Хоть толстяк и извернулся под совершенно неестественным углом, втянув свой выпирающий живот, и бросив бастард на свою защиту, но опередить опытного бретера не смог. Острое полотно шпаги врезалось ему в грудь, и Реджи, не сдержавшись, вскрикнул.

Сперва победно, а затем с разочарованием.

Ловкая тварь носила под курткой и рубашкой кольчугу! В любом другом случае его меч уже бы все закончил, но из-за проворства противника и брони нанес лишь рану. И конечно же не смертельную.

— Грязная игра, тебе не кажется?! — оскалился Реджи.

— Будем считать это небольшой страховкой. Улыбнулся Клето.

Дирк, стоя позади атрийца почему-то не закончил куплет который они вели, он внезапно сбился с темпа, в котором “работал”, и вдруг, пошел отчего-то в сторону от атрийца, по какой-то странной дуге. Его повело еще сильнее, и он, чтобы не упасть, осторожно опустился на колени, воткнув свою рапиру в землю, и оперся на нее, словно на трость, чтобы не завалиться назад. Он выронил дагу и прижал левую руку к боку, между его пальцев сочилась кровь, камзол был вспорот, но не видно было, насколько сильно тот ранен. Стеклянными глазами охотник за головами уставился в только ему видимую точку, а после выронив рапиру из ослабшей руки упал вперед лицом в грязь, да так и остался лежать не шевелясь.

Реджис ле Гро любил себя. Уважал. Ценил. Являясь потомком старого и гордого, но обнищавшего рода, в их роду давно не было одаренных, но было много известных воинов и полководцев. Он как многие из его рода, всего добился сам, своим упорным трудом и мечом. Он являлся важным человеком в этом мире. И по праву гордился своим мастерством. Оно далось ему благодаря врожденному таланту, а также тяжелому и кропотливому труду. Проникло в его сознание с потом, кровью, мозолями, травмами и ежедневной работой в фехтовальном кругу, в котором он постигал высочайшую науку для любого мужчины.

Лучшие из лучших признали его умения. Назвали мастером меча. Он отстоял свое право быть среди них, получив золотой меч на предплечье. О нем говорили, что он в тройке мастеров меча. А вскоре станет первым. И Реджис знал это, верил, что в мире есть лишь

несколько человек, что равны ему в высоком искусстве фехтования. Он участвовал в сотнях смертельных поединков и всегда выходил победителем, заканчивая их, когда сам того желал, навязывая свои правила, свой темп и свое окончательное решение — казнить или миловать. Покалечить, унижить, преподать урок или же отпустить на все четыре стороны. Именно в такие моменты он чувствовал себя превосходно — по настоящему живым. Со временем это стало его работой, он стал бретером, его нанимали чтобы он показательно унижил или убил того, или иного костеродного в дуэли. А зачастую без нее. Он брался за сложные заказы, вызывая мастеров меча. И вот теперь, когда ему подвернулся заказ от богатенького придурка, папенькиного сынка. Простенькая работа, с хорошей наградой, по пути так сказать. Убить обыкновенного крестьянина, подмастерье лекаря, который не умеет держать язык за зубами. Уже найдя парня, Реджис уже несколько минут ничего не мог сделать с проклятым атрийцем вылезшим из ниоткуда, безродной дворнягой в мире мечей, о котором не слышал никто из мастеров со знаками золотого меча. А теперь его самолюбие смешали с грязью. Плюнули ему в лицо, показав, чего стоит его талант. И кто?! Грязный нищий, небритый толстяк с диким перегаром, с немывтыми неделями слежавшимися волосами. И в то же время этот Клето, чтобы его бездна забрала, был лучше всех и не спешил к тому, чтобы его вынесли вперед ногами из уродского вонючего переуллка.

Он убил Дирка Турнье! Самого Дирка! Которого даже Реджис признавал отличным бойцом, и теперь, оставшись без напарника, понял, насколько тяжело сдерживать этого толстого ублюдка, который перестал оглядываться и сосредоточился на одном противнике. Казалось бы у него были совершенно нелепые стойки, входы, открывавшие ноги и низ выпирающего живота, когда бастард, казалось, очень неуклюже подлетал вверх, приглашая ударить по предплечьям, перерубить запястья, но в итоге его кончик каждый раз, каким-то непостижимым образом оказывался всего-то в паре дюймов от его горла.

Реджи потел и безуспешно пытался прикончить ублюдошного пьяницу, с трудом соображая, как вообще он смеет сочетать “Цаплю, следящую за облаками” с “Бабочкой взлетающей с листка” и “Железной крепостью”?! Абсолютно несовместимые техники и школы, но тем не менее враг умудрялся сплести их в четкое кружево, точно паук, расставлявший свою паутину вокруг мухи, четко и уверенно заманивая в нее свою обреченную, но все еще отчаянно цепляющуюся за жизнь жертву. И понимание того факта, что этой самой обреченной мухой являлся он, золотой мечник — Реджис ле Гро, один из лучших мечей в мире, заставляло волосы вставать дыбом. Или это было от холодного дыхания Всепожирающей, стоящей у него за плечом.

Но так или иначе, все оказалось напрасным. Столько лет изнурительных тренировок и сотни боев, все было бесполезно.

Я же, стоял в десяти ярдах и замороженно смотрел за разворачивающимся действием. Я конечно видел тот танец, что вели в школе дона Агостино, но он оказался утренником в детском саду, по сравнению с тем что происходило на моих глазах. Клето оказался просто изумительным мастером меча. Но тут сзади послышался дробный топот подкованных сапог. Видно кто-то из ремесленников позвал стражу, услышав шум сражения.

Клето уже загонял в угол оставшегося костеродного, который пришел за моей головой. Когда десяток стражи выбежал из переуллка. Сделав несколько выпадов он легонько чиркнул своего противника по плечу, распоров ему камзол и легко ранив. Но оглянулся на бегущую стражу и сморщился. Было видно, что он явно порывался закончить начатое, но не хотел связываться с десятком стражей, вооружённых алебардами.

— Именем Наместника! Всем оставаться на своих местах! Интересно, эти слова вообще кого-нибудь останавливали?

Но видно перспектива убивать десятков стражи не входила в его ближайшие планы.

— Рад был знакомству, ми дон. Клето изобразил издевательски глубокий книксен, разведя руки в сторону. Так приседают только женщины перед монархом.

— Дарий идем, подбери мои ножны. И выкини свою сумку, сомневаюсь, что она тебе теперь понадобится.

Я бережно положил свою пустую сумку в которой разносил лекарства. Скрипнув зубами посмотрел на открытую дверь, уже ставшей мне родной лавки. Той самой лавки, где лежала мертвой старая Велия.

Ну Моретти, с тебя долг крови!

Подобрав ножны и не оглядываясь на раненого костеродного, я побежал за Клето по подворотням. Повиляв окружающими путями мы вышли через южные ворота в нижний город. Он остановился, и смотря мне в глаза спросил.

— Дарий, кто эти ребята?

— Года два назад, я был недостаточно учтив с одним пьяным уродом, который плюнул на меня насилую рабыню на моих вещах. Я уже и забыл о нем, а он видно решил, что стоит проучить меня за понесенное оскорбление, вот и заплатил им за мою голову.

— И как зовут пьяного урода?

— Алберто Моретти.

Он скривился покачав головой. Похоже это имя ему было известно.

— Умеешь ты выбирать себе врагов Дарий. Решил сразу не мелочиться, да?

— Ну, в свое оправдание я скажу, что я понятия не имел кто он такой. Я видел его один раз до этого, и никто не говорил мне кто он.

— Теперь поздно что-то говорить. Дело сделано, теперь искать будут не только тебя, но и меня. А мне это совершенно не нужно.

— Клето...они убили Велию. Я сжал челюсть, и предательские слезы текли сами по себе из глаз.

Он шагнул вперед, но услышав меня запнулся.

— Ты уверен?

— Да...

Он ничего не ответил, и я не видел его лица, чтобы прочесть его эмоции. Мы пошли дальше затерявшись в плотной толпе снующих горожан. Холера все еще была сильна, и много народа болело. Но самый пик был пройден, и к тому же прибывшие маги быстро ставили людей на ноги. Так что народ выползал на улицу, жизнь налаживалась. Мы прошли нижний город насквозь, следуя в портово-складскую зону. Клето вел меня молча, он больше не обронил ни слова, следуя в известное только ему место.

Местом оказалась харчевня, больше похожая на грубо сколоченный сарай, на самом краю портовой зоны, дальше уже шли склады. Вокруг были сплошные бандитские физиономии, в их глазах так и читалось — только дай мне повод, я тебя сразу же убью. Но Клето это абсолютно не волновало, он был матерым тигром в загоне полным крыс. Когда мы подошли к харчевне, из нее выкинули за шкуру человека, с напутствием если снова появится, его прибьют.

Что-то сказав на ухо повару и заказав нам порцию еды, он сказал мне просто.

— Ждем.

Мы присоединились к группе замызганных посетителей, занимавших единственную в этом заведении узкую и длинную деревянную скамью и сосредоточенно двигавших челюстями. Компания состояла из портовых рабочих, крестьян и разного вида правонарушителей. Вид у всех был угрюмый и довольно затравленный. Говорили они редко и отрывисто в перерывах между тем как отправить ложку в рот. Дюжий “официант” занимал выжидательный пост на табуретке возле двери. Хмурясь и покачиваясь в ожидании следующего желающего поесть бесплатно, он нежно сжимал в своих руках большую деревянную дубинку.

Ждать пришлось до ночи.

Когда полностью стемнело и луна взошла на небосвод, за нами пришли. Двое хмурых мужчин, ничего не говоря просто поздоровались с Клето, совершенно не обращая на меня внимание. Мы пошли по ночным переулкам полным гуляющего и пьющего народа, в отличие от среднего города, где жизнь ночью замирала, тут она была ключом. Идти пришлось довольно долго, мы прошли всю портовую зону, зайдя в неприметное административное здание. В тускло освещенной комнате, кроме нас было четверо. По центру стоял здоровенный громила, размером наверное не уступавший Джонатану де Готье. Он высился надо мной как башня. Он стоял так близко ко мне, что меня обдавало горячим воздухом, вырывавшимся из его ноздрей с таким звуком, с каким ветер свищет в расщелинах на морском берегу. Волосы его были заплетены в мужскую косу на затылке, открывая взору огромные помятые уши. Мышцы, заведовавшие мимикой квадратного лица, были, казалось, мощнее, чем у меня на спине. Грудь шириной с двух меня, с каждым вздохом вздымалась над громадным животом и вновь опадала. Заплетённая в косу на манер нордлигов борода цвета золотой бронзы, подчеркивала его свирепость, и он таранился на меня с такой плохо скрываемой ненавистью, что я невольно взмолился про себя. Громила сложил длинные руки на груди, при этом швы его рубашки тихо жалобно затрещали.

Так же в комнате слева от нас, был уроженец золотой марки, поджарый и жилистый. Его лицо все было испещрено татуировками, а на поясе висело два скимитара. Справа стоял золотоволосый уроженец Аакарии, одетый в дорожную, вышитую золотом жилетку поверх белой рубашки. Держа руку на витой рукояти своей рапиры. Все они были готовы к бою, и похоже отлично знали на что способен Клето. Не меня же так встречают, слишком много чести. В дальнем от нас углу сидела женщина, одетая в дорогой сюртук и с искусно уложенными в завитки каштановыми волосами, недавно вошедшими в моду среди костеродных дам. Свет свечей не доходил в угол, скрывая ее в тени, но я прекрасно видел в темноте, рассматривая ее мрачное лицо, и еще более мрачные глаза. Изредка в темноте вспыхивал маленький красный огонек...она курила сигарилу вставленную в длинный мундштук.

Ее голос обдирает кожу как терка. Чтобы приобрести такой голос, надо было выкурить очень много сигарил и пыхтеть при этом самым зловонным образом.

— Ну и натворили же вы дел мальчишки. Черный барон Бранкати рвет и мечет. Он требует парня и тебя Клето. Устроить посередине его города сражение с двумя костеродными, золотыми мечами. О чем ты только думал? У нас и так проблем по горло.

— Донна Леона, по другому было невозможно. Я вообще не хотел сражаться, я пытался поговорить, но они уже достали мечи. И они убили Велию.

— Про Велию я уже знаю. Жалко, она была полезной. Так что у нас теперь проблема, теперь некому изготавливать эликсиры на продажу. Что переводит нас на второй вопрос.

— Что нам делать с тобой Дарий. Тебя очень желает получить Бранкати. Надеюсь понимаешь почему?

Мне же лишь осталось кисло кивнуть, кучка дермеца уже придавила меня.

— Молодец, люблю смысленых. Я вроде слышала ты отличный лекарь, и толковый помощник. Так что будешь пока у нас, я подумаю, как использовать твою лицензию. И не забывай, теперь на тебе должок Дарий, долг жизни вещь довольно своеобразная. И оплачивается она жизнью, или смертью.

— А ты Клето, раз спас парня, то и занимайся значит им, хватит пить, он мне нужен. Он

должен уметь постоять за себя, чтобы не сдохнуть в очередной предстоящей разборке. Пока все не уляжется, поживете несколько недель в Норе у большого Бена. Пусть его поднатаскают там. Теперь идите.

Попрощавшись с донной Леоной, мы углубились в хитросплетение улочек, кишащих лоточниками работающими круглосуточно и воришками, приезжими пьяными моряками, портовыми рабочими и прочим ночным людом. Потолкавшись в ночной прохладе, мы хотели свернуть на улицу ведущую в нижний город. Но натолкнулись на массовую драку моряков, не поделивших что-то. Команды подавляющего числа судов ночевали на борту своего корабля, пока пополняли припасы, или ждали заказов, но часто пользовались услугами города. И типичная ночь у них начиналась с трапезы в трактирах, продолжалась в объятиях портовых борделей и заканчивалась все в тех же трактирах за спиртным, песнями и регулярной дружеской поножовщиной стенка на стенку, в ходе которых зачастую страдали заведения. В общем портовая жизнь была ключом. И вот именно на такую драку мы и наткнулись. Человек тридцать, самозабвенно мутузили друг друга, и со стороны было совершенно непонятно кто там за кого, думаю, они и сами не знали этого.

Раздраженно цыкнув, Клето повел меня дальше, обходя образовавшуюся свалку. Пройдя мимо лавки с сонным торговцем, торгующим “волшебными” снадобьями и “магическими” амулетами с выбитыми на кожаном кусочке не понятными символами ограждающими от проклятия, и прочими безделушками. Свернув в коридор-проулок, в котором еле-еле могли разойтись боком два человека. Клето уверенно вел нас дальше, и наконец стены не сомкнулись аркой. За аркой крытые проходы разветвлялись, а в одном месте мы и вовсе свернули пройдя через чей то дом. Его владелец, худой, пожилой мужчина в рваной выцветшей рубашке сидел в кресле-качалке. Он поднял глаза на непрошенных гостей, чтобы посмотреть на тех кто, шел ночью через его, насколько я понимаю, гостиную. Но ничего не сказал нам. И Клето казалось его даже заметил, пройдя мимо. Повиляв еще немного мы подошли к люку ведущему в подвал чьего-то дома. Совершенно не стесняясь он откинул створку и нырнул в подвал, а мне пришлось последовать за ним. В подвале, среди нагромождения ящиков был ход еще дальше, ведущий в нору. Нора была своеобразной школой, тут постигали и постоянно оттачивали до совершенства свое искусство убийцы и воры. Именно так в криминальной среде, называли канализацию.

Так что мы с ним переехали канализацию, именно там и обитали серые — убийцы на службе ночной гильдии, одним из которых и оказался Клето. По общему признанию криминального мира Райлегга, серые были самыми эффективными убийцами, каких только можно купить за деньги, уступая в искусстве владения холодным оружием лишь очень немногим. В чем я собственно успел убедиться.

Сначала трущобы, и затем канализация. Это был просто гигантский скачок, дальше я даже не знал, куда ниже я буду падать. Так что на несколько недель нам предстояло залечь на дно, в буквальном смысле.

Канализацией оказался своеобразный целый город, который был расположен под жилыми районами. Райлегг был очень старый город, часть его была построена еще в паучьей империи. И их маги, которые строили подобные сооружения вроде Арены были просто сверхлюдьми. Огромные трубы по ярда три в диаметре, тянущиеся на много миль, пересекающиеся и сливающиеся в том или ином месте, и все это было выплавлено в камне, без единого стыка. Это был лабиринт, система туннелей, по которым можно было много куда попасть, и в которых можно легко потеряться. Это был мир отбросов общества,

преступников, воров, убийц и конечно крыс. Крысы тут были здоровенные, жирные и упитанные, размером с небольшую собаку. Сбиваясь в огромные стаи они представляли нешуточную опасность.

Жили и питались мы вместе с остальными, в одном из коллекторов, находящийся под рынком. Тут возвели даже вполне приличные постройки, притащив каким-то образом части нескольких полу разобранных судов. И приделали несколько пристроек к ним. Жизнь на дне общества была довольно бурная и жестокая. Постоянные драки, поножовщина, разборки все прочие прелести жизни.

И заведовал всем этим большой Бен, он оказался маленьким человеком с огромным эго. Не карликом — нет, он доходчиво объяснил это последнему глупцу, который посмел так его назвать, пробив ему череп кирпичом. И не лилипутом. Он дал это понять целой таверне пьяных бандитов, отрезав одному тупому ублюдку его хозяйство. И пригвоздил отрезанные причиндалы ножом к барной стойке. Большой Бен тогда поинтересовался забравшись на ту стойку, есть ли еще умники. Умников больше не нашлось, ни тогда, ни после.

Народу тут проживало достаточно, в среднем человек пятьдесят. Одни уходили, другие приходили, но в среднем примерно около пятидесяти. Самих серых тут было немного, всего пять человек включая Клето, он был у них старшим. Трое мужчин и две девушки. Каприан — высокий южанин, он приходил редко, только за заказами. И беглый раб по кличке Удавка — стройный подтянутый убийца с голубыми глазами, он говорил редко, предпочитал стоять в тених, соединив подушечки пальцев в своеобразный домик перед собой.

Женскую половину почитателей смертельного искусства, представляли собой Карлотта и Валери.

Валери — поразительная красавица и искусительница, послужной список убийств которой может сравниться только с количеством зарубок на ее кровати. Если она когда-нибудь предложит вам пропустить бокальчик золотого вина, я бы посоветовал отказаться. Ее главным оружием был яд. В знании ядоварения, Валери, по-моему, не уступала старой Велли.

А Карлотта, Карлотта была дикаркой, бешеной, смуглой, черноглазой красоткой. Она упивалась смертью и любила свою работу, бешеные сражения на грани, и женщин. К огромному неудовольствию всей много численной мужской части. За это она и заработала кличку Бешеный Брат.

И ко всем этому, Карлотта обладала необычайно развитым для дикаря умом, но этот ум был целиком направлен на удовлетворение её звериных инстинктов и это делало ее еще более страшным дикарем. Несмотря на то что она была стройная девушка и обладала небольшой комплекцией, у нее была просто великолепная мускулатура, сильное, мощное, упругое и смертоносное тело, и когда шла по делам, она шагала легко и уверенно, буквально стелясь по земле. Рапира в мире палашей. В том, как она поднимала и ставила ногу, было что-то напомиравшее хищника в джунглях. Все ее движения и походка были стремительны и бесшумны, точны и изящны, отличались кошачьей мягкостью и упругостью, и позволяли оценить ее дикую в своей жестокости красоту по достоинству. Но превыше всего в ней чувствовалась сила и жестокость. Я бы сравнил этого человека с пантерой, бесстрашной и опасной хищницей ночных джунглей. Да, она, несомненно, походила на пантеру, и в глазах у нее часто вспыхивали такие же свирепые огоньки, какие мне доводилось видеть в глазах у леопардов и других хищников, посаженных в клетку в зоопарке.

Стоит ли говорить, что в этом мире, технике сражения с холодным оружием уделяли

самое большое внимание, возведя ее в ореол высочайшего искусства. В том числе и в криминальной среде, можно сказать что именно в криминальной среде это ценилось еще сильнее. И мастера, тренировавшие молодых бойцов, были на вес золота, и являлись для последних героями, и относились к таким мастерам с не меньшим почтением, чем к членам совета ночной гильдии. Одним из таких мастеров на службе гильдии был Броган. Вечно хмурый атриец, он был рослым, что для боя на мечях и ножах является скорее помехой, чем преимуществом, с густой копной светлых волос собранных в узел на макушке. Именно он тренировал всех серых и подрастающее поколение будущих криминальных воротил. Он пользовался очень большим авторитетом и даже Клето с ним переставал дурачиться, изображать из себя неуклюжего алкоголика, кланялся ему как старшему.

После серых, самыми важными и уважаемыми людьми в криминальном мире были воры. И именно тут и была у них база. Именно тут жил и обучал подрастающее поколение мастер Тито, именуемый одиннадцать пальцев, заядлый и хронический клептоман.

И именно сюда меня привели. Я прекрасно осознал, что я был допущен в святая святых криминального мира, и только один этот факт, ставил точку в вопросе, что меня вряд ли отпустят живым.

Была поздняя ночь, но похоже тут всем было плевать на это. И спросив первого попавшегося, где большой Бен, мы пошли на его поиски. Большой Бен нашелся возле тренировочной ямы рядом с Броганом, они смотрели за учебными поединками что-то обсуждая. Яма представляла собой переоборудованный трюм корабля, тут было несколько помещений без потолка, вытянутых и узких, как коридор с одним выходом. И одно большое, квадратное шагов шесть на шесть. Все помещения были заняты, во всех шли поединки. И над ними сверху был помост, на котором и стояли Броган и большой Бен, наблюдая за поединками при свете факелов.

В помещении было жарко. Натужное кряхтенье, стоны и вскрики боли пронизывали влажный воздух, насыщенный адреналиновым потом и резким запахом тестостерона. Увидев Клето Большой Бен всплеснул руками.

— Ну надо же, какими судьбами, а мы тебя потеряли, неужто решил вспомнить про старых друзей?

Клето ему лишь улыбнулся пожимая руку ему и Брогану.

— Ты же знаешь старина, работы сейчас много. Не успеваешь одним придурками объяснить, как себя стоит вести, как вылезают еще трое. Мы к тебе кстати на несколько недель, начальство приказало.

— Мы?

— Да, мне вот подопечного определили.

— Да ты меня разыгрываешь!

— К сожалению нет.

Они все трое уставились на меня.

— Что-то он какой-то хилый. Эй парень ты драться умеешь?

— Немного. Я не знал, что мне им еще ответить, по сравнению с Клето я безрукий инвалид.

— Немного тебе не поможет выжить. А давай ка мы его проверим. Пусть покажет, что умеет.

— Так, третий номер заканчивайте! Да да, давайте перерыв сделайте. Броган дай парню противника.

— Рико, иди в яму. Гаркнул Броган — Да не прибеи парня.

Рико оказался выше меня на голову и на порядок тяжелее. Чуть смуглый, рыжеватый парень лет двадцати. Его давно сломанный приплюснутый нос и выдвинутая вперед челюсть придавали ему угрюмый и лихой вид.

Мне дали деревянную ручку от молотка заточенную с одной стороны, в итоге получился деревянный кол, который имитировал нож. Вполне кстати неплохое решение. Эти деревянные ручки по длине и весу примерно соответствовали ножам и позволяли наносить удары, не причиняя сопернику серьезных повреждений. И я спустился в один из коридоров, ширина коридора позволяла смещаться влево или вправо совсем немного. Это было сделано для того, чтобы научить бойцов драться в тесных помещениях и проулках. Заканчивался коридор тупиком — выход он же вход, был только один.

Рико встал в обычную стойку, сгруппировавшись, ноги чуть согнуты, нож держал перед собой обычным хватом, так держат меч. Из-за длины его рук я не мог вставать так же, я до него не достал бы, а он бы меня истыкал, загнав в угол. Поэтому, я встал в боксерскую стойку взяв нож обратным хватом. И собирался делать упор на захваты и контратаки, в клинче его рост и вес не имел бы такого значения. Именно так меня и учил дед.

Большой Бен увидев это рассмеялся хлопнув Клето по спине.

— Ставлю серебряную монету что он не продержится и десяти ударов сердца.

— Начали! Гаркнул Броган.

Рико ринулся резко вперед, метя мне в грудь на длинном выпаде, рассчитывая на внезапность удара и длину рук.

Я легко уклонился от этой примитивной атаки, подставил ногу и тыкнул ему в бок своим муляжом ножа, придав ему ускорение, так что он, споткнувшись, влетел в тупик коридора.

— Ха! Гони монету Бен. Клето радостно протянул ему ладонь за выигрышем.

Большой Бен хмуро проворчал что-то невнятное, но монету отдал.

— Еще раз!

Рико развернулся и пошел на меня уже более осторожно. Он атаковал, делая ложные выпады и перемежая их режущими ударами. Я уходил от таких ударов, выгибая спину и втягивая живот. В какой-то момент мы вошли в тесный клинч, и пользуясь своим ростом захватив его руку, я пнул его ногу сбоку в колено, лишая опоры, и перекинул через себя используя инерцию движения и его же вес. Он глухо ударился спиной ошеломленный, да знаю, от таких бросков в глазах все плывет.

— Ха! Давай-давай не жмись Бен, гони монету.

— Да ты его тренировал! Что ты мне тут заливаешь. Рико, увалень безмозглый, вали из ямы нахрен. Где Марко, иди сюда дубина.

Марко был уже взрослым тяжелым мужиком. С ним такие фокусы уже не пройдут, у меня просто не хватит сил его перекинуть. Уже несколько бойцов оставив свои спарринги собрались на помосте. Я снова встал в боксерскую стойку с обратным хватом.

— Начали.

Но Марко видно пропустил первый поединок. Он совершил ту же самую ошибку, что и Рико. Просто тыкнул меня ножом на длине рук. Он был выше меня и я легко поднырнул под руку, просто вырубил его, попав в основание челюсти рукоятью ножа. Марко не останавливаясь, кулем влетел в стену и стек по ней.

— Да что за день сегодня такой?! В сердцах выругался большой Бен.

— Что думаешь Бруган. Клето не обращал на ворчание Бена внимания, смотря на странного парня внизу.

— Думаю, что у парня есть потенциал. Если с ним хорошо позаниматься, будет отличный боец.

Клето и сам это видел, он встречал похожих на Дария среди ночных работников. Внешность и имена были всегда разные, а вот язык тела... точнее, потенциал у них всегда один и тот же. С убийцами, хорошими убийцами, у него всегда было много возни. Никто не хочет умирать, но эти были особенно живучи.

Большую часть своей жизни я провел в сугубо мужском обществе, сначала я проводил все свое время с дедом, потом почти десять лет в спортзалах, школах карате, борьбы, боксерских клубах. Потом была армия, мне всегда было комфортно в грубой, мужской среде. Это очень простой и понятный мне мир, и я убедился, чем ниже общество, тем понятнее его среда. Тут не получится соврать, или обмануть, что ты не тот за кого себя выдаешь. В любом случае правда вылезет наружу, и все поймут, что ты за человек. Здесь важно одно свойство, лишь один ключ — спокойная уверенность в себе. Так что я довольно органично вписался в это общество, состоящее из убийц и воров.

После той ночи, все знали, что я хоть и хилый на вид, но постоять за себя могу, и особенно мне никто не лез. Для этого у них был малыш Шур также именуемый монетой, у него была железная монета и он постоянно ее крутил, перекатывая между пальцами, и отчаянно дрался с любым кто ее хотел забрать. Он был такого же небольшого роста, на несколько лет меня старше, и вырос сиротой на улицах города, бегая мелким щенком в стае таких же безжалостных шакалят. И почти все в банде его шпыняли. Но справедливости ради, эта участь была не только его, через это проходили все кто рос на улицах.

Вообще любое криминальное общество состоит из людей наполненных жестокостью, ведь именно она и помогает им выживать. И чем больше жестокости в человеке тем выше он в криминальной иерархии. Одним из таких жестоких ублюдков тут был Зим три вопроса, высокий долговязый убийца. Когда его посылали на дело, он задавал три вопроса: — Палец, Рука или Голова. У него были неестественно длинные и жилистые руки, да и косолапая походка, так что он походил на гориллу. И он был чертовски силен, он как то повздорил с одним бойцом из банды, он просто голыми руками оторвал ему голову, а после как ни в чем не бывало пошел обедать. И после очередной изматывающей тренировки я сидел в общем зале, пытаюсь просто понять живо ли мое тело. Как из кухни вышел Шур с чайником. Прошедший мимо Зим три вопроса резко оттолкнул его своей лапищей, чтобы не мешался под ногами, и Монета отлетел от сильного толчка в угол. Поднявшись он начал припадать на правую ногу, сильно хромя, и не мог ступить на эту ногу, или так по крайней мере мне казалось. Я был уверен, что его нога сломана. Но лысый Пич заменявший тут повара уже кричал ему из дверей кухни.

— Ну и растяпа же ты! Куда ты годишься, хотел бы я знать? А? Не можешь чай донести! А я теперь изволь заваривать снова!

Парень кое-как поднялся на ноги и заковылял назад к кухне через обеденный зал. Огромный чайник все еще был у него в руке, и он отдал его повару. Но Пич уже задыхался от негодования — то ли настоящего, то ли притворного.

— Да чего ты хнычешь? — с яростью набросился он на беднягу через секунду, когда парень скривился от боли — Ножку ушиб? Ах, ты, маменькино дитячко! Пожалеть тебя?

Парень не хныкал, но лицо у него кривилось от боли. Собравшись с силами, он стиснув зубы и проковылял до кухни, взяв посуду пошел разносит ее по столам в общий зал и обратно без дальнейших злоключений.

Уже вечером зайдя в тесную комнатку в которой жило восемь человек включая меня, малыш Шур похромал к своей лежанке. Насколько я мог понять взглянув мельком на его ногу, так как его колено страшно распухло, — у него была смещена коленная чашечка. Я сидел возле его койки и рассматривал колено, все шесть бандитов находились тут же — они курили и громко разговаривали, когда прошел один из них и безразлично глянув на колено парня.

Но делать было нечего, надо было вправлять сустав на место, заставив его лечь и не мешать мне, согнул ему колено. Одной рукой поворачивал ступню и оттягивая ее чуть назад разгибая ногу, другой рукой вправил коленную чашечку рывком. Наложил ему повязку, чтобы зафиксировать сустав в правильном анатомическом положении. Вот и все; а случись это с ним в наше время, ему делали бы операцию, сшивая порванные связки, и несомненно,

прописали бы полный покой наложив лангету и выписав кучу лекарств.

Выполняя эту примитивную и не сложную работу, я невольно прислушивался к стоящему гомону в комнате. Стоял спор между бандитами. Вот один из них бывший рыбак, теперь орал, размахивая руками, и отчаянно бранился — и все только потому, что другой не соглашался с ним, что рыба которую ловили у побережья Райлегга более вкусная чем та которую ловят в море. Он утверждал, что она более жирная и вкусная чем та, которую привозят из других регионов, а другой бандит, имя, тощий атриец с хитрыми, похожими на щелочки глазами, утверждал, что лучшая и жирная рыба обитает возле побережья Атрии.

Остальные четыре бандита с большим интересом прислушивались к спору, кто лежа на койке, кто приподнявшись на локте, кто сидя за маленьким столом, и временами подавали реплики. Иногда они начинали говорить все сразу, и тогда в тесном комнатуске их низкие голоса звучали подобно раскатам грома. Они спорили о пустяках, как дети, и доводы их были крайне примитивны. Собственно, они даже не приводили никаких доводов, а ограничивались простыми утверждениями или отрицаниями. Вкусовые качества и жирность рыбы они пытались доказать просто тем, что высказывали свое мнение с воинственным видом и сопровождали их выпадами против национальности, здравого смысла, прошлого или родителей своего оппонента.

Они беспрерывно курили и курили, дешевый вонючий табак. В маленькой комнате нельзя было просто продохнуть от дыма. Все мои вещи, да и я сам уже насквозь провоняли этой адской смесью. Этот дым, и стоящий гвалт из-за пустяка, сильно бесили меня, привыкшего к более спокойной обстановке. В труппах уже ставших мне родными, были конечно; и теснота, и практически отсутствие тишины. Но все было как-то, по-семейному что ли. Я уже испытывал дурноту, хотя, быть может, причиной было переутомление из-за свалившихся на мою голову проблем.

Когда бандиты узнали, что я врачеватель, ко мне начали постоянно притаскивать раненых. В основном это были ножевые раны, или переломы полученные в ходе драк. Так как мой чемодан так и остался в труппах, а выходить мне было строго запрещено. Работал я рыбьей косточкой вместо иглы и грубыми нитками. В противоположность остальным членам банды, я ни с кем не был в ссоре, более того, отлично ладил со всеми. Головорезы относились ко мне, должно быть, со снисходительным презрением, но, во всяком случае, не враждебно. А те пострадавшие, которым я понемногу залечивал их раны и они целыми днями качались в подвесных койках из старой парусины под потолком, уверяли, что я ухаживаю за ними лучше всякой сиделки и что они не забудут меня.

Клето всерьез решил заняться моим обучением. С раннего утра я посещал уроки мастера Тито, познавая науку взлома, карманных краж и язык жестов, именуемый тут безъязыкий, после мной занимался сам Клето. Так что начался мой личный кошмар. Клето лютовал. Все, что я делал, было или совсем плохо, или недостаточно хорошо. Недостаточно высоко, недостаточно быстро, недостаточно далеко. Моя сила и скорость его совершенно не устраивала. Проведя несколько спаррингов он скорчил такую гримасу, будто проглотил лимон намазанный навозом. Вначале я пытался сражаться в той стойке которую мне показывал Энцо, но моего нового наставника она совершенно не устроила. Он так и заявил: — это дерьмо оставь для правильных придурков. Чтобы сражаться в стойках, нужно знать базу, а у тебя ее совершенно нет.

Но он очень удивился, когда узнал, что я обоерукий, так тут называли амбидекстров, он тут же вручил мне два скимитара. И мы тренировались с утра до вечера, когда я начинал уже

просто падать от усталости. А потом все начиналось снова, бег, прыжки, отжимания, потом шли спарринги. Клето казался даже не двурульным, складывалось такое ощущение, что такое понятие как усталость для него не существует. Я не жаловался, и переносил все тяготы молча. Отчетливо понимая, что все это для моего же блага. Чем и заслужил его расположение.

Я отлично чувствовал свое тело, и та скорость с которой я впитывал “песнь стали” впечатлила даже Бругана. Который был крайне скуп на какую-либо похвалу. Через неделю Клето начал уходить на работу, и я продолжал тренироваться под руководством Бругана, который был жесткий, если не сказать жестокий. И спарринги с ним были сражением на грани, если зазеваешься, легко можно получить увечье, он не церемонился вообще. Донна Леона меня к чему то готовила, это было ясно даже тупому и слепому, главный вопрос был в том, к чему именно.

Работы у серых было выше крыши, и ублюдков которых надо отправить на тот свет, было больше чем клиентов в портовом борделе, со скидкой двое по цене одного. По негласному договору с наместником, тот кто контролирует порт, платит в казну определенную сумму положенного налога, и присматривает за порядком. За это Наместник закрывает глаза на творящееся в нижнем городе, и не лезет в бухгалтерию, проходящую через порт на самом деле. Руководствуясь принципом; — плати налог и не бунтуй, да и хрен с тобой, живи как знаешь. А кто там именно будет контролировать все это, его не интересовало. Но если постоянно дергать тигра за усы, он рано или поздно покажет зубы, и зальет все огнем, захлопнув кормушку.

В данный момент у руля в криминальном мире Райлегга, стояла донна Леона. Но Райлегг был слишком большим и населенным городом, чтобы один человек все смог держать. Слишком жирный кусок был на кону, и желающих занять теплое место под солнцем было слишком много. Назревал очередной передел, это чувствовали все. Молодые уличные банды сбивались в огромные толпы, готовясь переписать правила написанные кровью куда более крутых бандитов, готовились все, мы, конкуренты, и конечно черный барон Бранкати, начальник тайной стражи наместника. Нижний город бурлил как котел на костре, и я оказался в центре этого кипящего варева.

Постоянные стычки и разборки были привычным делом. Прошло уже два месяца как я сидел безвылазно в норе тренируясь, меня до сих пор разыскивали, и выходить из убежища мне было запрещено. Когда случилась первая неприятность, коснувшиеся непосредственно нас. Убили Каприана, одна из конкурирующих банд сделала заказ сама на себя, устроив ловушку. И в эту же ночь просто жутко злющая Карлотта, которая с вывихнутыми пальцами левой руки и арбалетным болтом в ягодице, притащила на себе раненого Удавку. Я мучил отмычкой замок, когда услышал крик.

— Дарий где ты, ты срочно нужен у большого Бена.

Я поспешил в капитанскую рубку, в которой и жил большой Бен, подойдя к Бену, Бругану и Пьетро, склонившихся над Удавкой. Я их бесцеремонно растолкал, требуя, чтобы не мешали, в другое время мне такая наглость дорого бы обошлась. Но сейчас всем было не до мелочей. Удавка тяжело с присвистом дышал. На его одежде расплылось большое пятно крови и оно начало засыхать превратившись липкую корку. Я аккуратно срезал ее по кусочкам, и, когда добрался до рваных кровавых ран на теле, он открыл глаза и посмотрел на нас.

— Я ранен, — сказал он своим тихим голосом.

— Да, дружище, — ответил я. Он не был мне другом, но это было то небольшое, что я могу для него сделать. И встретив его взгляд пронзительно синих глаз, попытался улыбнуться ему, но губы словно застыли, улыбка съехала в бок выйдя кривой и вряд ли ему помогла.

Ран обнаружилось не меньше трех, впрочем, сказать наверняка было трудно. Через живот шла ужасная открытая глубокая рана, по-видимому, от изогнутого ножа в виде когтя. Скорее всего, острый кусок металла располосовал ему все кишки, потому что от живота сильно пахло мочой и испражнениями, и была черная кровь. Раны зияли также в груди и на бедре. Трудно было оценить тяжесть повреждений, нанесенных его внутренним органам. Просто чудо, что он еще не умер, но ему оставалось жить считанные часы, а то и минуты, и я был абсолютно бессилен.

— Дела очень плохи? Большой Бен и сам это видел, но решил уточнить.

— Да, я кивнул ему. — Я ничем не смогу помочь ему.

Но я не учел, до какой степени привязывала Удавку к жизни надежда, что его спасут. А услышав мои слова, он словно провалился в черный колодец. Он резко побледнел, кожа, упругость которой поддерживало лишь сила воли и надежда, обвисла.

Его глаза прояснились, как будто он сморгнул пелену, застилавшую их, и он обвел взглядом деревянные стены, словно видел их в первый раз. Броган стоял молча, хмурясь еще больше, его рот напоминал перевернутую подкову. Удавка посмотрел на нас, его глаза вылезали из орбит от страха — то был беспредельный ужас человека, осознавшего, что смерть была уже внутри, затапливая его тело. Это выражение лица я хорошо запомнил, в последующие недели и годы я часто его наблюдал, слишком часто... Но тогда, в тот день, это было для меня впервые, и все что я мог для него сделать, это шепотом попросить Полночь забрать его страх. Когда она перетекла в его тень, набухнув, я почувствовал, как в желудке появляется склизкий комок давно забытого чувства, и кожу черепа стягивает страх сродни тому, что испытывал он.

— Я убью этого толстого урода, клянусь.

Я только сейчас заметил, что в комнате сбоку на кровати разместились Карлотта, и она тоже была ранена. Вывернутые наизнанку пальцы левой руки, кровоточащая рана на плече и арбалетный болт торчащий из ее задницы, красноречиво об этом напоминали. Я перевел взгляд на большого Бена, молча спрашивая, что мне делать. Помочь Удавке я был не в силах, а покидать умирающего человека я не решался.

Он понял меня без слов, и махнул головой в ее сторону, решив, что мне будет лучше будет помочь Карлотте.

Я хотел осмотреть ее рану на боку, но она лишь отмахнулась от меня, заявив, что там царапина и чтобы я лучше вытащил арбалетный болт и вправил пальцы. Но видно страх сжавший мне череп через чур сильно сдавил, или я просто уже привык к вечно саркастичному поведению Полночи, и сам не заметил, как одной и самых опасных и непредсказуемых убийц заявил.

— Ну ладно красавица, давай раздевайся и нагибайся, я буду с тобой нежный.

Шоковое молчание повисло в комнате. Один лишь Удавка закашлял, давясь смехом.

— Дарий, — Карлотта склонила голову набок. Ее голос был холодным и острым как лезвие. — Я бы встала и сломала тебе руку, но арбалетный болт в моей заднице против. Да и Клето потом мне всю плешь проест.

— Прошу прощения, пробормотал я ей. Но серьезно, мне нужно чтобы ты повернулась и

нагнулась.

Дрожащей от боли рукой, она глубоко затянулась сигарилой и сделала как я прошу, выставив передо мной свой голый зад. При помощи ножа я быстро вытащил ей болт, и наложил несколько стежков на рану, наложив чистую повязку, смазанную лекарством, которая тут же пропиталась кровью. В этот момент я ощутил волну озноба по коже, я понял, что Полночь вернулась, а это означает что Удавка умер. Большой Бен взорвался бурным потоком ругани, подтверждая мою догадку. И это не были обычные ругательства или непристойности. В каждом слове было богохульство, а слова так и сыпались. Они гремели и трещали, словно электрические разряды. Я в жизни не слышал, да и не мог бы вообразить себе ничего подобного. Вынужденно проживая на дне общества, среди убийц и воров. Я многое слышал за последнее время, но ничего подобного даже рядом не было.

Обернув ее пятую точку полотенцем я взял ее пострадавшую руку.

— Больно не будет, — с честными глазами пообещал я ей смотря в лицо.

— Ну лааааааааааАААДНО! — взвыла Карлотта, когда я быстро, как только возможно, вставил ее палец на место. Девушка вскочила с кровати и согнулась пополам, прижимая к себе руку.

— Это было БОЛЬНО! — крикнула она.

Мне лишь осталось пожать плечами.

— Да.

— А ты обещал, что не будет!

— И ты мне поверила, — улыбка была сладкой, как сахарная вата. И снова показал на кровать. — Садись.

Карлотта сморгнула горячие слезы схватив пострадавшую руку здоровой. Но, глядя на свой мизинец, она видела, что я все сделал правильно и вернул его в сустав так аккуратно, как только было возможно. Сделав глубокий вдох, она села обратно и снова протянула мне руку.

Я взял ее за безымянный палец и посмотрел на ее большие темные глаза.

— Я посчитаю до трех.

— ХорошоооооОООО ТВОЮ МАТЬ! — взревела Карлотта, когда я вставил на место е второй палец. Она поднялась и начала то ли танцевать, то ли прыгать по комнате, сжимая травмированную руку между ног. — и очень изобретательно материлась, повторяя речитатив большого Бена.

— Ты очень много ругаешься, — нахмурился я, так нельзя ты же девушка.

— Ты сказал, что посчитаешь до трех!

Я снова улыбнулся ей кивая, и молча постучал по кровати рядом с собой.

— Осталось совсем немного.

— Я тебя точно прибью Дарий.

Вздыхнув, Карлотта села обратно, ее рука тряслась от боли, полотенце съехало, открывая темные лобковые волосы.

— А вот сейчас будет по-настоящему больно. Я пообещал ей.

Она зажмурилась приготовившись.

— Ай? — пискнула она, когда ее палец вернули в сустав.

— Готово, — улыбнулся я ей еще раз.

— Но это же было почти не больно, — возразила Карлотта.

— Я знаю. Я стал накладывать ей шину на пальцы, крепко обвязывая, чтобы ограничить

в движениях.

— Теперь надо защитить твое плечо, я поправил ей полотенце прикрывая ее. — Давай снимай рубашку.

— Да ты меня раздеть хочешь. В первый раз съязвила она.

Я посмотрел на съехавшее полотенце, совершенно не прикрывающее ее.

— Ты уже раздета. Мне нужно почистить и защитить рану на плече, она может загноиться и будет лихорадка. Так что давай, снимай рубашку.

Она рванула край рубашки открывая плечо и аккуратную левую грудь. Судя по ране ей вонзили туда мечом, я немного знал Карлотту, сражалась она превосходно, совсем немного уступая Клето в искусстве песен. Так что тот факт, что ее ранили, говорил, что там была очень серьезная рубка, и противников было очень много, но не смотря ни на что, она выбралась и вытащила раненая на себе своего напарника. Осмотрев рану, я вылил немного золотого вина на ее сочащееся кровью плечо. Она скривилась от боли и затынулась сигариллой, держа ее дрожащей рукой. Я зашил ее так аккуратно как только мог, накладывая мазь на повязку как в этот момент в дверь влетел Клето.

— Я уже все знаю. Увидев погибшего соратника он грязно выругался.

— А ты зачем разделась? Парня соблазняешь? Он увидел почти голую Карлотту, и не смог не подколоть.

— Зарежу. Мрачно пообещала она. — Ночью приду и зарежу, ты меня знаешь.

Меня выпроводили из кубрика где жил большой Бен, сказав, чтобы шел тренироваться. Там явно обсуждали ответные шаги, и лишние уши им были не нужны. Да и мне собственно было неинтересно.

Я шел в тренировочный зал, когда снизу услышал смешок.

— ...А она кажется... милой...

Полночь возникла, и я улыбнулся.

— “Милая” — немного не то слово.

— ...У меня в запасе есть и менее лестные, но думаю у нас с ней возникнет кровопролитие на этой почве...

— Карлотта не то о чем сейчас стоит беспокоиться.

— ...Но надеюсь, ты заметил, как я вежливо воздержалась от замечаний по поводу нагибайся и нежен...

Я покосился на свою тень, расположившуюся на полу подо мной.

— Твоя сдержанность заслуживает восхищения.

— ...На самом деле я просто не придумала ничего более остроумного...

— И почему я не удивлен.

Пока препирались, мы дошли до тренировочной площадки, и я усиленной яростью начал избивать манекен, стараясь выкинуть из головы лицо Удавки, когда он осознал, что сейчас умрет. Но я не знал, что судьба в ту ночь уже начала писать для всех нас новую главу — звездной россыпью на страницах из тьмы.

Мое утро началось так же как последние два месяца, проживая восьмером в маленькой каморке, сложно не проснуться, когда остальные здоровые мужики у которых напрочь отсутствует чувство такта, встают после сна. Они топают, гремят, пердят, толкаются и от этого еще громче ругаются. Все это меня уже жутко бесило, и я уже считал дни до того момента, как мне разрешат отсюда выйти.

Пьетро, который исполнял роль помощника и телохранителя большого Бена, с раннего утра позвал меня к своему боссу. Мне надо было идти Клето, нас ждала донна Леона. Клето не часто ночевал в норе, предпочитая дома с видом на залив, вот и сейчас, мне надо было идти в одну из его многочисленных ночлежек. Радостный от осознания того факта, что я наконец выбрался из этого сырого подземелья, которое мне порядком опостылело на свежий воздух и солнце. Я шел по портовому рынку, кожей впитывая суету стоящую вокруг, в этом коммерческом коловращении участвовали все, кто обслуживал как городских торговцев и ремесленников, так и уличных торговцев, — люди, таскавшие мешки и бочки на корабли стоящие на причале, различные лоточки громко рекламирующие свой товар, набивальщики матрасов, чистильщики ушей, ножные массажисты, крысоловы, разносчики воды, чая и еды, цветочницы, прачки, продавцы дурмана и многие другие, люди пытались выжить в огромном городе так как могли, предлагая различные услуги. В толпе этих торговцев, ремесленников и приезжих сновали также цирковые работники, танцовщики, певцы, акробаты, музыканты, гадалки, храмовые прислужники всевидящего, дрессировщики зверей, змей и медведей, нищие, и целая каста разнообразных воришек и прочие умельцы, которые целыми днями крутились на улицах, а на ночь возвращались в свои трущобы, или занимали проулки в нижнем городе, которые стали им домом. Все они в той или иной степени нарушали закон.

Ночлежка Клето находилась прямо за рынком, в пристройке на крыше одного из двухэтажных домов плотно прижавшихся к друг другу, у края рынка. Ловко забравшись по ящикам и настилу на соседний дом я перепрыгнул на крышу здания, где и ночевал Клето, постучав в дверь.

Но первое, что я увидел когда дверь открылась, это блеснувшее на солнце остриё арбалетного болта, потом голую грудь обнаженной Валери, она стояла сверкая идеальной фигурой, с небольшим ручным арбалетом, который используют всадники. Уткнув острие болта мне в основание подбородка.

— А, Дарий Как жизнь.

— Аэээм. Ну... Совершенно сбивающее с толка зрелище, скажу я вам по секрету.

— Что такое, ты что-то хотел? Спросила она своей чарующей ироничной полуулыбкой, совершенно не стесняясь, и продолжая держать меня на прицеле.

— Это, меня большой Бен послал. Нас с Клето ждет донна Леона.

— Аааа, ну проходи.

Клето обнаружился сидящий на кровати с мечом в руках и обнаженный по пояс, он похоже в отличии от Валери успел натянуть штаны, увидев меня он успокоился и отложил свой клинок. Протянув руку, чтобы схватить за задницу, проходившую мимо опасную красавицу. Но ребро ладони Валери стремительно ударило по его гортани, и Клето, зашипев от боли, откинулся назад, пытаясь вдохнуть.

Женщина, усмехаясь, глядя на то, как ее партнер пытается восстановить дыхание, и ударила его подъемом стопы в губы. Не так сильно, чтобы выбить зубы или сломать шейные позвонки, но достаточно для того, чтобы разбить его губы в кровь и получить от этого действия удовольствие.

— Достаточно с тебя?

Он сплюнул кровь, улыбнулся так, что стали видны покрасневшие от крови зубы.

— Вернись, я все прощу.

— Перетерпишь.

— Тварь! — сказал без злобы, с удовольствием и облизал разбитые губы, наблюдая за тем, как она ищет разбросанную по полу одежду.

— Тебе чего? Спросил он у меня. — Ты должен сидеть у Большого Бена.

— Уже нет. Теперь мы должны явиться пред светлые очи начальства.

Валери усмехнулась смотря на меня, натягивая одежду: — А мне нравится твой парень.

— Ты для него уже старовата.

— Но-но-но. Она помахала пальчиком, не стоит оскорблять девушку, а вдруг я обижусь.

— Садись, он похлопал рядом с собой по кровати, больше не обращая на нее внимания.

Скорчив ехидную рожу смотря на меня.

Когда я сел, он положил мне руку на плечо, нависнув сверху, приблизив свою хитрую физиономию, улыбаясь от уха до уха спросил, обдав перегаром.

— Мне вчера сказали, что ты нашей бешеной кошечке сказал, чтобы она нагнулась и разделась, а ты будешь с ней нежным. Это правда?

— Да. Только я имел в виду что мне надо зашить ей раны. А не то что ты подумал.

— Серьезно? Валери села с другой стороны, все так же полностью обнаженная, держа в руках свою одежду.

Я лишь кивнул, изо всех сил стараясь не смотреть в ее сторону.

Она громко и звонко рассмеялась как колокольчик, мелодичным смехом.

— А парень то бесстрашный. Даже ты Клето, не сможешь ей такое сказать, чтобы потом не сражаться за свою жизнь.

— Сходи пока, возьми чего-нибудь пожрать. Клето подкинул мне свой кошель, все еще усмехаясь, — А то голодными останемся.

Пока я ходил на рынок купить нам перекусить, Валери уже ушла, а он ждал меня на лавочке возле дома, куря сигарилы. Я ходил недолго, и вряд ли он ждал больше десяти минут, однако на мостовой возле лавочки где он сидел, валялось не меньше десятка раздавленных окурков. Он всегда остервенело давил окурки ногами, словно разделялся с врагами, которых ненавидел. А ненавидел он многих, слишком многих. Он как то признался мне однажды, что мозг его так переполнен картинками насилия, что ему самому тошно. Гнев пропитал его насквозь, отзываясь болью в костях. Ненависть заставляла его стискивать зубы, давя ими свою ярость. Ее вкус, ощущавшийся им и днем и ночью, был горек, как вороненая сталь ножа, который он сжимал в зубах, когда крался на свое первое убийство.

— Это доконает тебя, Клето.

— Ну да, я слишком много курю и пью. Ну и что? Мне что надо жить вечно?

— Я говорю не о куреве, а о том, что грызет тебя, заставляя курить одну сигарилу за другой. О том, что с тобой делает ненависть ко всему миру. Однажды я слышал, как умный человек сказал как-то, что если ты превратил свое сердце в клинок, то в конце концов оно обернется против тебя самого. Выдал я ему мудрость из нашего мира.

— Тоже мне проповедник Всевидящего. Фыркнул он, беря у меня жареную рыбку и сдобный рогалик.

— Как ты думаешь, зачем нас позвала донна Леона.

— Не знаю, но думаю нам дадут очередную работу. Сейчас у нее не хватает людей. Так что ты настраивайся, скорее всего ты пойдешь на дело.

— Расскажи мне про нее.

Он тяжело вздохнул вертя в руке жареную рыбку, и смотря на лазурные волны залива сказал.

— Я вот что тебе скажу: Леона — очень хороший друг, но как враг она просто несравненна. Когда пытаешься оценить силу человека, нужно понять, что он собой представляет, как друг и как враг. Так вот. Во всем этом городе, он обвел рукой город, нет никого, кто был бы более сильным и опасным врагом чем донна Леона. За исключением наместника и его цепного пса, черного барона конечно. Все эти напыщенные костеродные, разодетые в разноцветные тряпки больше похожи на петухов, которые изображают что они властители мира. Он помахал неопределенно рукой. Если бы она хотела, она бы перерезала большую часть этихгавнюков. Помни об этом когда будешь с ней разговаривать.

— И вот еще что, ты парень конечно не промах. И уже вполне неплохо освоил песни за эти два месяца, но запомни вот еще что. Мечи это не всегда самое важное. Старайся никому не показывать какой ты крутой, запомни, ты маленький человек. Ты должен внушать окружающим, что ты безобидный, тихий, простой, ты дешевка, на тебя не стоит тратить свое время. Вот что должны люди видеть когда ты рядом. Пусть думают, что они крутые и сильные, что они умнее и лучше, люди это любят. Твое же дело быть серой незаметной мышкой, с зубами дракона. Думаешь я так выгляжу потому что хочу? Нет, я так выгляжу потому что это удобно. Никто не видит в мне угрозу, пока они не заметят нож в моей руке, но тогда будет уже поздно.

Я осмотрел его уже по-новому, я никогда не задумывался над его внешностью. Неряшливость была повсюду кругом. Но Клето мастерски применял свое правило сливаясь с толпой. Неопрятная одежда, спутанные грязные волосы, даже его пристрастие к алкоголю, намеренно преувеличенное с целью создать видимость неизлечимой привычки, — все это были грани того образа, который он изображал, разработав до мелочей, как актер из бесчисленных уличных театров свою роль. Он внушал окружающим, что он беспомощен и безвреден, потому что это было прямой противоположностью правде. Именно с него, я взял привычку изображать, запуганного жизнью и абсолютно безобидного деревенского паренька. Лишь спустя время, познакомившись с ним ближе, я понял все глубину того факта, что он прожил в Райлегге несколько лет в самой гуще всех страстей и преступлений, а на первый взгляд он казался мне безнадежным пьяницей, хоть и умным человеком. В эту ошибку было нетрудно впасть, тем более что он сам всячески способствовал этому.

Особняк донны Леоны казался пустым. Сотни людей проходили мимо ежечасно, но дом был слишком хорошо известен, и они старались не проявлять откровенного любопытства ни к нему, ни к странной парочке, стучавшейся по одной из окованных металлом створок, чтобы сообщить о своем приходе. На стук выглянул хмурый детина уже виденный мной в ту первую ночь, и с оттенком враждебности в голосе велел нам сменить свою обувь на домашние кожаные тапки. После этого он повел нас по длинному коридору с высоким арочным потолком в направлении известному только ему. Миновав несколько закрытых дверей и сделав два поворота, мы вышли во внутренний дворик.

В середине его сквозь большое овальное отверстие было видно голубое небо. Дворик был вымощен крупными квадратными плитами знаменитого атрийского мрамора и окружен по углам колоннами. В нем был разбит сад с несколькими молодыми, но пышными деревьями, цветущими кустарниками и другими растениями, а также с фонтаном. Это было круглое мраморное сооружение в метр высотой и около трех метров в диаметре, в центре его статуя рыбы вырезанная из глыбы белого мрамора. Вода била, казалось, из самой сердцевины этой диковинной рыбины. Поднимаясь на небольшую высоту, струи изгибались, воспроизводя форму лилии, и, мягко падая на гладкую поверхность камня, стекали в бассейн. Рядом с фонтаном в роскошном плетеном кресле сидела донна Леона она читала книгу уперев локоть на стол и указывала в небо двумя пальцами зажатой в них дымящей сигариллой. При нашем появлении она отложила книгу на крышку небольшого столика.

— Клето, будь добр подожди пока в холе, я хочу поговорить с Дарием. — Сказала она в своей без эмоциональной манере.

Клето сверкнул глазами, молча напоминая о чем мы с ним говорили.

— Здравствуйте донна Леона. — ответил я поклонившись.

— Проходи Дарий. Под полуденным солнцем по городу бегают разве что бешеные собаки, я же предпочитаю прохладу своего скромного садика.

— Не такого уж и скромного, донна Леона.

Последняя затяжка, долгая и щедрая, словно она вытягивала саму жизнь из этой сигарилы.

— Ты считаешь, что он слишком нескромный? Она прищурилась от попадавшего дыма в глаза.

— Нет-нет, — возразил я поспешно, кляня себя за тупость, потому что именно так и думал. — Это самое красивое место в Райлегге из всех, что я видел. Находясь на улице, трудно представить, что здесь такая красота.

Она молча разглядывала меня несколько секунд, словно оценивая ширину и глубину моего вранья, затем указала мне на маленький табурет — единственное имевшееся здесь сиденье, помимо ее кресла. Я сел как примерный мальчуган, сложив руки у себя на коленях стараясь не смотреть ей в глаза.

— Я хочу попросить тебя об небольшом одолжении Дарий. Ты же сможешь мне помочь?

— Смотря в чем донна Леона.

Она снова глубоко затянулась, внимательно разглядывая меня.

— Смышленный. Большинство людей что тут сидели, горячо уверяли, что сделают все что их попросят, даже не зная о чем речь. Тем ценнее для меня твой ответ.

Я лишь пожал плечами

Я не собирался с головой кидаться в любые авантюры, из-за того что мне спасли жизнь.

— Скажи ты знаешь о предстоящем переделе.

Мне лишь осталось ей кивнуть.

— Хорошо, так вот в связи с этими событиями у меня сильно ограничены возможности. Мне не хватает людей, тех кто действительно нужен. Мои...скажем так конкуренты. Привезли в город большую партию чернил. Они планируют продать их, а на вырученные деньги нанять наемников для борьбы с нами.

— Я прошу тебя пойти с моими людьми и найти там документы о поставке. Они там есть, но проблема в том что документы там на атрийском, а у меня людей кто умеет читать

на языке империи, можно пересчитать по пальцам. Ты пойдешь не один, с тобой пойдут мои люди, но твоя задача, это найти эти документы. Справишься?

— У меня все равно же нет выбора.

— Как я и говорила, я люблю смысленых. Иди в Лагуну, там тебя найдут мои люди. Вот кольцо, оно будет опознавательный знак. Добро пожаловать в семью, мы никогда своих не бросаем. Она подкинула мне серебряную печатку с выбитыми на нем символами гильдии.

Я поднялся и собрался уже уходить.

— Донна Леона, скажите, мне обязательно постоянно находится в норе? Можно мне жить где-нибудь в другом месте.

— Ты уже взрослый парень Дарий. Можешь поступать как знаешь, но помни. Мои люди недавно поймали приезжую группу охотников, пять человек из столицы, они искали тебя. А так же тебя очень хочет видеть черный барон, и если его люди тебя поймают, уверяю тебя, ты очень захочешь обратно в нору. Просто помни об этом. И не вынуждай меня тоже тебя разыскивать.

— Благодарю донна Леона. Я поклонился ей и пошел в уже знакомый трактир. Внутренне надеясь увидеть Мари. Я не видел ее уже несколько месяцев, и она мне уже снилась.

Зайдя в трактир по которому уже соскучился, я окинул его взглядом. Вечная суета стоящая вокруг все так же кипела жизнью. Казалось бы вроде прошло всего ничего времени, но столько событий свалились на мою голову подряд. Что казалось прошло несколько лет как я был тут последний раз. Я посмотрел в угол и увидел, что Калев сидел вместе с Маркосом на нашем обычном месте, откуда было видно и публику в зале, и прохожих на улице. Он разговаривал с Аннет, сидевшей спиной ко входу. Я направился к ним. Калев поднял голову и увидел меня.

— Дарий! Дружище, а мы думали, гадали куда ты пропал. Столько времени не появлялся.

Он, встав, облапил меня по-дружески. Возвращаться к друзьям всегда приятно, а они можно сказать уже были моими друзьями. Других у меня не было, за исключением Николаса. Я поздоровался за руку с Маркосом и подымавшаяся Аннет потискала меня в объятиях.

— Здравствуй, Дарий! — сказала Аннет, отодвигая Калеба и обнимая меня.

Нет ничего более приятного чем объятия красивой девушки, а Аннет была очень красивой девушкой, страшно наивной и немного глупой, но очень красивой. И когда девушка тебя тискает по-дружески, переходя эту небольшую личную границу, она показывает, что она тебе доверяет и ты для нее не посторонний человек.

— Ну садись же, садись! — сказал Калев, жестом подзывая подавальщицу. — мы слышали, что ты пропал, говорили, что ты погиб, но я не верил этому! Ты не представляешь, как я рад тебя видеть! После этой ужасной болезни столько народу погибло, просто жуть. Расскажи нам куда ты пропал?

— Да, небольшие проблемы у меня, повздорил с костеродным. Вот и отсиживался. У вас как дела, я очень рад вас видеть.

— Да у нас все как обычно. Он отмахнулся.

Прибыла наша выпивка, и мы болтали ни о чем. Я просто наслаждался компанией, вспоминая веселые и беззаботные вечера за этим же столиком. К нам подошел Лукас поздороваться, но потом отошел к управляющему, он судя по всему кого то ждал, постоянно

высматривая людей в зале.

Увлечшись разговором я не заметил, как к нам подошла Мари.

— А мы тебя потеряли, — она помедлила, по-змеиному раскачиваясь, и подняла бровь, глядя на меня, ты же не против если я тут присяду? Она показала на соседний со мной стул.

— Конечно нет, я даже встал, выдвинул ей стул и немного поклонился приглашая ее присесть. Кaleb с Маркосом весело рассмеялись над моими попытками поухаживать.

Мари села на стул сверкнув своими серыми огромными глазами, улыбнувшись мне своей чарующей полуулыбкой с ямочками на щеках, именно этой улыбки мне так и хватало.

В этот момент к Маркосу подошли и они с Аннет стали собираться.

— Я покидаю вас, — сказала Аннет, поцеловав Мари в щеку. — Мне надо возвращаться на работу. Дарий не пропадай больше, а то Мари переживает. За что заработала быстрый шлепок по попе, и подарив нам свой звонкий смех вышла, виляя стройной, но легонько пострадавшей попой.

Но я ее уже не слушал, я услышал главное, что Мари обо мне переживает, и от этого факта мое сердце подпрыгнуло, он был для меня очень важен. Я глянул на нее, но она смутившись, спрятала взгляд в своем серебряном портсигаре.

Кaleb тоже отошел к знакомому человеку в дверях, и мы с ней остались вдвоем за столиком. Я не зная, как начать разговор, потянулся к ее портсигару, взяв в руки, осматривая.

— Честь превыше жизни. — Мари зажгла сигарилу и затянулась отстраненно глядя в окно. — Семейный девиз. Чушь несусветная, теперь я точно это знаю.

— Это фамильная вещица? — Я обвел герб пальцем. — Я-то думал, что ты ее украла.

— Что, не похожа я на костеродную да? Связвила она.

— Я не знаю, на кого ты похожа. Но на какую-то сопливую девчонку, сидящую на шее у родителей? Вот уж точно нет.

— Вам нужно поработать над комплиментами дон Дарий. Продолжила она издеваться.

Я хотел было что-нибудь ей ответить. Но тут за столик неуклюже завалился Лукас, слегка задев Мари и облокотившись о столик так, что пена расплескалась из наших бокалов. Разрушив всю хрупкую алхимию момента.

— Да где носит этого гребаного придурка, он должен быть уже тут.

Я заметил на его пальце медное колечко. Точно такое же, только серебряное было у меня. И похоже именно меня Лукас ждал от донны Леоны. Уже заученным приемом у мастера Тито, будто кольцо появлялось из ниоткуда я одел на безымянный палец кольцо символ гильдии.

— Похоже, что гребаный придурок уже тут Лукас. Я положил на стол руку с печаткой.

Он моргнул удивленно, увидев кольцо. И рассмеялся. — Прости, я не хотел тебя обидеть, но бездна тебя побери Дарий, это было неожиданно. Вот оказывается где ты был, хорошо, так даже намного лучше. Мы выходим как стемнеет. Он встал все еще не веря, покачивая головой.

— Поздравляю, Мари на меня смотрела удивленно неприязненно. — Наверное ты горд?

— Чему?

Она кивнула на кольцо. Смотря на него как будто оно было проклято.

— Карты в этой партии сдавал не я Мари. Я был горд когда я жил в трущобах и лечил людей, я был свободен и горд собой, той работой что я делал, тем что я помогаю людям, и тем как они со мной разговаривали. А теперь, мне придется делать то, что мне скажут,

независимо от того нравится мне это или нет, так скажи мне, чему тут гордиться? Мне теперь стыдно будет смотреть в глаза честным людям Мари. Я немного рассердился на нее, потому что напомнила мне, и на себя, что был недальновиден и слишком уверен в себе.

— Прости. Ее взгляд смягчился. Просто все кто получает такое кольцо, страшно горды собой, ты первый кто... Она не стала заканчивать, но и так было легко понять, что она имела в виду.

— Тебе не за что извиняться.

— Расскажешь, что случилось?

— Не смог удержаться, высказал одному костеродномуублюдку, что о нем думал. Он нанял убийц, и когда они пришли за мной, убили Велию, а меня спасли люди гильдии, и теперь за мной должок.

Теперь уже я отстраненно смотрел в окно, с грустью вспоминая ворчливую травницу.

К счастью, или нам на беду, ночью собирался дождь. Тучи ползли по всему горизонту широким фронтом. И ночью начал собираться, стелясь по земле туман, клубясь и собираясь в призрачные кучи. Лукас сказал, что это нам на руку, и сложно представить более идеальные условия для кражи.

Место, где хранили документы которые нам были нужны, оказался гарнизон стражи чуть за городом на холме, перекрывающий дорогу ведущую в замок наместника. Вышли мы как только стемнело, основательно подготовившись и все обсудив между собой. Нас было четверо; — я, Лукас, Калев и Мари, в задачу которой входило открыть замок сейфа в кабинете костеродного, где и лежали документы. Но меня смущало лишь одна маленькая и совершенно незначительная деталь, в гарнизоне было почти пять десятков вооруженной и обученной стражи. Да, большая часть будет спать, но там как минимум с десятков караула. И если нас заметят, думаю до тюрьмы мы не доедем, нас прямо там и повесят. Когда узнал куда именно мы идем я потребовал, чтобы мне дали определенные травы, хоть отвлеку стражу если что. И вот, мы, как четыре сгорбленные тени, крадемся при слабом свете еле пробивающейся сквозь тучи луны, скользя между камней к каменной громаде гарнизонной башни, виднеющейся на фоне замка наместника.

Мы пропустили мимо десятков патрулирующей стражи, которые громко топали, сопели и шумно переговаривались под скупым светом чадающих факелов, пройдя мимо нас даже не посмотрев в сторону нагромождения камней, за которыми мы и притаились. Пропустив мимо патруль, мы двинулись дальше скользя вдоль дороги, как сзади раздалось цоканье копыт. Кто-то ехал, и дробный перестук подкованных копыт, которые не смог приглушить даже туман, расплзающийся мутно-серыми рваными клочьями, раздавался над каменной мостовой.

Цоканье между тем раздавалось все громче и громче. Сзади по дороге приближались двое костеродных, высокие, хорошо, можно сказать богато одетые, на хороших ухоженных лошадях, левая рука уверенно держит поводья, правая рука на мече на рукоятях приличных мечей, лица напряжены и полны решимости. Они ехали по дороге куда пять минут назад свернула городская стража. Мы замерли и снова постарались слиться с тенью и камнями.

Тучи напоздали по небу широким фронтом, сгруппировываясь со всех сторон, в попытке закрыть луну и загородив своими пышными свинцовыми телами выступившую звездную россыпь, раскинувшуюся бисером на черном небосводе, и к полной тьме добавилась тьма кромешная. Но я прекрасно видел в темноте, и мог разглядеть лица спешащих людей, по дороге на краю которой сидели мы. Из ноздрей их лошадей валил пар; когда они проходили мимо меня, одно из животных всхрапнуло, но всадник дернул поводья, и костеродные двинулась дальше по дороге. Проезжая мимо нас они даже не заметили тихо сгорбившиеся тени, на фоне таких же теней от каменных глыб. Если бы я захотел и протянул руку, то легко снял бы у ближайшего костеродного с пояса пузатый кошелек. Но я не мелкий карманник, и не собираюсь пока падать так низко.

Опасность миновала, и можно продолжать путь. Мы отделились от нагромождения камней и, стараясь держаться наиболее темных участков дороги, двинулись дальше. Улица была молчаливой и пустынной до самой громады гарнизонной башни, стоявшей уродливой черной кучей на фоне окружающей темноты. Из всех четверых, Лукас был самым шумным и

неуклюжим. Он постоянно оступался, запинаясь и от этого еле слышно ругался, постоянно сопя как спящий медведь, шаря перед собой руками.

К счастью, луны не было, свинцовые тучи вновь напоззли и спрятали нас в сгустившейся темноте, поэтому теней было сколько угодно, это было мое время. Быстрым шагом, не издавая мягкими сапогами ни единого звука, я перемещался от камня к камню, из тени в тень. Дорога осталась позади, и мы свернули в сторону гигантского и нелепого каменного здания, высившегося слева на холме. Здесь над заливом, туман был еще гуще, он обволакивал нас мягкими объятиями, глушил шаги, скрывал от глаз бдительной стражи. Нам осталось шагов двадцать до стены гарнизона, как впереди нас в тумане я разглядел шевеление.

Я шел вторым, впереди меня крался Калев, сзади меня Мари и Лукас замыкал нашу цепочку.

— Стой Калев. Я схватил его за плечо. Впереди двое.

В этот момент стражник выругался и начал чиркать огнивом, пытаясь зажечь факел.

— Как во имя бездны ты их видишь, не видно же ничего, хоть глаз выколи.

— Просто поверь мне, следуйте за мной только тихо.

Тень в тени сложно увидеть неопытному глазу, а если все это скрыто туманом. Мы по дуге обошли патруль и гуськом прокрались за хозяйственные постройки, нагроможденные возле гарнизонной башни. Сбоку в конюшне взволнованная лошадь встревоженно всхрапнула, почувствовав чужаков. Но никто даже не подумал идти проверять. Все было тихо и спокойно, лишь в темном углу соседнего здания тихо пискнула крыса, за ней другая, в небе над нами, охотясь за ночными мотыльками, пролетела летучая мышь.

— Так, и где комната капитана, где наши документы?

— Она всегда сверху. Лукас ответил за всех.

И мы дружно подняли головы, посмотрев на горящий свет в окошке.

— И как вы себе это представляете? Мне просто зайти в комнату к костеродному и попросить у него документы? Надеюсь, что он не выкинет меня по частям в окошко.

— Можно и так, а можно подождать. Мы с Калевом отвлечем внимание, подождем что-нибудь. У вас будет около десяти минут, когда поднимется суматоха, и этого времени должно хватить на то, чтобы забрать то что нам нужно.

— Стой Лукас, мы так не договаривались. Моя задача открыть замок, а не бегать от стражи. Мари явно не устраивал план, и я ее прекрасно понимал. Шанс выбраться живым был крайне мал.

— Ну тогда предложи свой план. Лукас бы явно не намерен спорить с ней.

— У меня есть план. Предложил я им свой. — Во первых мы ждем до утра, когда гарнизон будет подниматься. Я взял травы, этого хватит, чтоб отравить их завтрак, они не умрут, просто будут страдать от кишечного расстройства. И гнаться за нами им будет не по силам, заодно вы что-нибудь там подожжете что хотели. А просто лезть в башню полную вооруженной стражи, это тупость.

Он задумался поглядывая на окошко капитана гарнизона.

— Твой звучит лучше, но у меня тогда вопрос. Кто пойдет внутрь, чтобы отравить завтрак?

— Я сам и пойду, а вы ждите меня тут.

— Стой. Окликнула меня Мари. Возьми отмычки, вдруг дверь закрыта.

Взяв у нее связку отмычек и пригнувшись, я побежал вдоль стены гарнизона, она плавно

переходила в две высокие круглые башни со срезанными вершинами. Между башнями располагались ворота с тяжелыми деревянными створками, обитыми листовым железом, в которые спокойно могли бы в ряд въехать четыре всадника. Туда-то мне и надо было. Забежав за сторожку, я пропустил мимо парочку патрульных прошедших мимо, тихо позвав.

— Полночь.

Она поняла меня без слов, темной струйкой протекая в ворота внутрь гарнизона. Волна озноба ознаменовала возвращение моей тени.

— ... Внутри двое на стене, оба сонные, смотрят на залив...

— Веди.

На цыпочках я пошел вдоль стены, стараясь не попадать в круг света их факелов. Отойдя от них немного, бегом, стараясь все время держаться стены здания, я устремился к задней двери пристройки гарнизона следуя за сгустком темноты скользящим впереди. Внутренний двор гарнизона был тих, темен и пустынен. Окна горели только на третьем этаже, и наверху в комнате капитана. Бесшумно шагая по выложенному камнем двору я подбежал к задней двери. Лишь сверчки своим треском разрезали ночную прохладу и во внутреннем дворике висела сонная тишина. Дрожащее и робкое пламя масляного фонаря, еле разгоняющее темноту возле входа. Потушив на всякий случай фонарь, я мягко повернул бронзовую дверную ручку, и дверь отворилась. Они тут совсем с ума посходили, если не запирают двери в гарнизоне на ночь! Совсем черный барон не следит за стражей. Уверен, что после сегодняшней ночи и последующего за ней нагоняя, они будут более расторопны. За дверью был полутемный коридор с факелом в конце. Тень есть, если что, спрячусь у стены или на худой конец нырну за ящик. Я аккуратно ступая по разохшимся половицам пошел по коридору. За дверью справа раздавался громогласный храп спящего человека. Точно, стражник, только они способны так громко храпеть на службе! Посмеиваясь, я двинулся дальше. Как можно медленнее и тише. Спешка тут совершенно не нужна.

Проскочив складские помещения я вышел на кухню. Возле очага висел здоровенный котел наполненный водой. Я осматривал кухню как снизу раздался бархатный шепот.

— ...Слышал поговорку, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок?...

— Всегда меня удивляла, — Я продолжал осматривать продукты лежавшие на стеллаже. — Мне кажется, через грудную клетку намного быстрее.

— ...Ты прав. Но как бы там ни было, о животных можно многое узнать, наблюдая за тем, как они едят...

— Не уверен, что стоит смотреть как будут есть конкретно эти животные.

— ... *Я думаю они немного рассердятся из-за приправ. Она хихикнула...*

Подсыпав отравы в приготовленные продукты, я стянул коляску колбасы и кусок хлеба, не забыв гроздь винограда и несколько кусочков сахара для Мари, я бесшумно побежал назад. Меня не было минут пятнадцать не больше, но они явно уж извелись и сидели как на иголках. Лукас напряженно всматривался в ночной туман сидя за пристройкой. И чуть не подпрыгнул от испуга когда я вынырнул сзади него.

— Бездна тебя подери Дарий. Все сделал?

— Да, теперь остается только ждать. Я прилег на землю рядом с Мари, оперившись на локоть. — Ми донна, не желаете откусать вкуснейшего винограда?

Она улыбнулась мне и взяла кисточку, и закинув в рот спелую ягоду спросила.

— А как мы узнаем, что все подействовало?

— О, поверь, мы узнаем, “курьез” что я им подсыпал, обладает просто взрывным

эффектом.

Мы поделив все поровну, съели украденные продукты и стали ждать утра, я вообще завалился спать прямо на землю, сказав, что раз я бегал подсыпать отраву, то они будут сторожить по очереди. И велел, чтобы меня разбудили как только небо будет светлеть. На утро растолкав меня, мы разделились, в задачу Лукаса и Калеба будет отвлечение внимания. Наша же задача быстро открыть замок и стянуть нужные нам документы.

Под утро мы с Мари пробрались в складское помещение, ожидая, начала представления. Уже давно рассвело и мы откровенно нервничали, когда мы с Мари услышали, как внутри гарнизонной башни раздался чей-то вой, молитвы к Всевидящему и вспышка столь красочной брани, что ее можно было подкинуть в воздух и назвать радугой. Даже сквозь перекрытия явно чувствовался такой едкий смрад, что у неё заслезились глаза. Следом раздался хлопок на улице, и солдат поднимали по тревоге. Послышался топот и проклятия, перемешанные звуками блюющих людей.

— Что, бездна побери, происходит в этой гребаной башне? Серые опалы глаз Мари испуганно мерцали в полумраке.

— Небольшой курьез.

— Что?..

— Три сушеных бутона мелассы, треть чашки экстракта оразии, и щепотка сушеного корня хлыстовика.

Я пожал плечами. — Курьез. Меня старая Велия научила, вот и пригодилось. Я посмотрел на нее улыбнувшись, это не смертельно. Они просто немного страдают от... кишечного расстройства.

— Немного? — девушка бросила испуганный взгляд на потолок башни, представляя все стоны и размазанные ужасы, спрятанные внутри. — Слушай, только не обижайся, но боюсь есть твою стряпню.

— Вообще-то я хорошо готовлю. Немного обиженно пробурчал я. — Но это все потом, думаю, нам тоже пора действовать.

Побежав впереди нее, я следовал за кляксой из теней, скользящей впереди в нескольких шагах. Поднявшись по лестничному пролету на третьем этаже, мы натолкнулись на трех стражников. Бедолагам было не позавидовать. Глаза ближайшего расширились, когда он увидел нас, и упав на колени, он вновь облевал весь пол. Его приятель продолжал лежать на месте, едва выдавив из себя стон, когда рвота забрызгала его одежду. Третий еле откатился от лужи, его собственные щеки раздулись.

— Сто...буээээ...йте, — просипел он.

Из его рта вырвалась очередная струя рвоты, на сей раз попав по первому бедняге, который, в свою очередь, тоже плюхнулся на колени и снова сблевал на проход между нами с Мари. Вонь накатывала на нас густыми теплыми волнами, пока мы стояли на цыпочках в проходе, прижимая руки к лицу, закрывая нос и стараясь дышать ртом. Подойдя к комнате на пороге которой страдали бедные стражники, я закрыл дверь перед их носом, но они не в силах были нам помешать. Мы бежали по лестнице наверх, натолкнувшись на еще одного стражника. Он шлепнулся о стену, когда из его рта хлынул фонтан рвоты. Мы отскочили в отращении. Мари выудила душистый платок из кармана и прижала его к лицу, а стражник прохрипел неразборчивые требования оставаться на местах и тут же громко наложил себе в портки, сидя у стены.

Дверь комнаты капитана была закрыта. И Мари упала перед ней на колени ковыряясь в

замочной скважине.

— Ради портков Всевидящего поторопись.

— ...Ты серьезно только что выругался, упомянув портки Всевидящего?

— Забудь об этом, просто открой уже его!

— Я предупреждала, что мне нужно время, это не простой замок! И сальные шуточки никак нам не помогут. Скорее, это приведет к тому, что тебя повесят извращенец.

— Меня, без сомнений, ждут долгие годы заключения в каком-нибудь обоссанном отстойнике местной тюрьмы, чтобы покаяться в грехах.

— Попридержи исподнее, — прошептала она высунув язык от усердия. — Отстойник будет занят какое-то время. Замок тихо шелкнул, и она с чувством превосходства выдала мне лучшую улыбку из своего арсенала. — Готово, идем.

Никакого сейфа в комнате не обнаружилось, бумаги лежали просто в шкафу. Порывшись, я схватил те в которых упоминается доставка товара из империи. Никаких других похожих по смыслу не было, и мы поспешили вниз, перепрыгивая через ступеньки и лежащих в собственных испражнениях стражников. Не знаю, что там сделали Лукас с Калемом, но стражников они отвлекли на совесть, остались только те, кто совершенно был не в состоянии двигаться.

Подбежав к конюшне мы забежали в ближайшее занятое стойло.

Согласно табличке над стойлом, жеребца звали Воин, но я довольно быстро выяснил, что на самом деле он просто скотина. Я никогда не питал любви к лошадям, за всю свою жизнь я никогда с ними не сталкивался и ничего не знаю о них, ни как ухаживать ни как кормить, я знал лишь что уздечка надевается не на задницу, все мои знания начинались, и оканчивались на фильмах и книгах, где изредка они мелькали. Стоит ли говорить, что я редко нуждался в этих животных, да и путешествовать на них, честно говоря, не самое большое удовольствие, что бы там ни говорили. Запах пота немых лошадей просто убийственный, филейные части всадника часто бывали отмечены волдырями, а не просто синяками, не говоря уже о том, что копыта ненамного быстрее ног. И все эти минусы усугубляются, если у коня есть чувство собственной важности.

К сожалению, именно у этого “Воина” оно имелось...навверное больше чем у настоящего костеродного. Жеребец принадлежал гарнизонному капитану, костеродному по имени Альберий Баротто. Породистый, лоснящийся чернотой. Получая лучший уход да и еду наверно, чем большинство людей Баротто, он не терпел никого, кроме своего хозяина. Посему, столкнувшись со странным парнем в своем стойле, он раздраженно фыркнул и попытался меня укусить. Я быстро засунул жеребцу в пасть удила, чтобы заткнуть его, и чудом успел запрыгнуть на калитку, спасшую меня от участи быть раздавленным в лепешку. Эта черная бестия стала опорожнять свой мочевого пузырь, стараясь обрызгать максимально возможное количество квадратных метров вокруг. Однако, прожив в портовых трущобах, и не такое стерпишь. С горем пополам, с помощью нескольких кубиков сахара, нам удалось запрячь эту черную бестию, которая отчаянно не желала быть украденной. Бросив взгляд на замок стоящий на горе, отсалютовав гарнизонной башне я ударил пятками коня по бокам.

Увы, вместо того чтобы лихо помчаться навстречу горизонту, я подлетел в воздух, и совершив короткий кульбит и чуть не сломав шею, закончил свой полет приземлением прямо в лужу на обочине дороги. Перекатившись в грязи, и окинув ржущего жеребца уничижительным взглядом.

— Вот скотина! — прошипел я, потирая зад.

Затем посмотрев на ржущую Мари, стоящую рядом.

— Ни. Одного. Гребаного. Слова.

— Молчу-молчу, она прикрыла рот ладошкой, продолжая хихикать.

В ответ на громкое лошадиное ржание дверь гарнизонной башни распахнулась от резкого удара. На улицу, пошатываясь, вышел оскверненный и жутко злой капитан.

— Воры! Простонал он, — именем наместника, стойте!

Одной рукой держа меч, другой придерживая спадающие штаны и постоянно путаясь в них, сверкая голым задом, он с сомнительным достоинством поплелся на нас. Перекошенное от праведного гнева лицо капитана подействовало, я взлетел на коня прямо с земли. Схватив поводья и в отместку за падение, хорошенько саданул животное плеткой по крупу, подняв его на дыбы. И подал руку Мари, чтобы помочь сесть сзади меня, мы поскакали прочь от греха подальше.

Дело было сделано.

Набежавшие за ночь тучи никуда не собирались уходить, продолжая висеть над нашими головами тяжелым темным покрывалом. С ночи моросил мелкий противный дождь, размывая дороги до состояния мерзкой хлюпающей каши. Мы с Мари проехали за поворот и спрыгнули с этой своенравной лоснящейся скотины, которую по странному недоразумению называют конем. Въезжать в пригород который уже был виден вдальке на этом жеребце, было самоубийством, у двух подростков оборванцев никак не могло быть такой дорогой скотины. Это было равнозначно тому, если бы мы орала в голос, что мы конокрады. Наше путешествие закончилось бы на первом же патруле. Которых на дороге ведущей в замок хозяина города, было более чем предостаточно. Эта скотина, прежде как только мы спустились на землю, попыталась меня укусить, причем на Мари он вроде как не обращал внимания совсем. Уничжительно заржав напоследок, он потрусил назад к своему хозяину. Мы решили на всякий случай не возвращаться через ближайшие ворота, через которые мы и выходили. Благо разумно решив, что лучше сделать крюк и вернуться через южные, лучше пройдемся через нижний город.

Возле самой стены раскинулся Пригород. Сотни маленьких домиков из дерева и камня, с этой стороны не было трущоб, тут был замок наместника, и ему не хотелось лишний раз смотреть на нищету. Смешавшись с толпой и надвинув капюшоны, мы пошли по одиночке, она чуть впереди, я иду сзади на расстоянии, держа ее в пределах видимости. В такую погоду на улице были только рабочий люд, беженцы и рабы, у которых выбора не было в принципе. Но это не помогло утренней промозглой погоде остановить вечную городскую суету, заставляя жителей города пошевеливаться. Люди спешили, стараясь закончить дела до наступления ночи, невзирая на погоду. Поэтому в узеньких тесных кварталах и извилистых улочках припортового района, жители сновали нескончаемым потоком.

Вот суетливо пробежали несколько женщин, крепко прижимая к себе корзинки полные снедью и прикрывая головы от дождя грубыми тряпками, вот с гиканьем и свистом, взметая грязь, пронеслась пара молодых и в стельку пьяных костеродных на горячих конях, заставляя прохожих вжиматься в стены и гневно грозить всадникам кулаком в спину. Вот толстый лавочник отвешивает подзатыльник своему подмастерью, чтобы он порасторопнее открывал ставни лавки, а не глазел мечтая на городских стражников, печатающих шаг и разбрызгивая лужи по грубой каменной мостовой, давая понять жителям, какие они храбрые защитники.

Один из стражников, проходящих мимо, бросил на меня хмурый взгляд из-под своего шлема. Я радостно ему улыбнулся, стараясь показать: смотри, мол, какой я вежливый и мирный человек. Стражник буркнул себе под нос что-то нелицеприятное на мой счет, покрепче сжал в руке алебарду и поспешил догонять товарищей. Я ухмыльнулся. Это всего лишь стража портового района, она на все закрывает глаза. Обрати на меня внимание стража среднего города, и я бы улыбочкой не отделался.

Без каких-либо проблем мы проскочили южные ворота по одиночке, Мари дожидалась меня с той стороны стоя прямо у ворот. Осталось только проскочить кварталы полные головорезов и воров. Но видно сегодня удача была на нашей стороне, и утром все работники ножа и топора уже спали после трудовой ночи. Мы беспрепятственно дошли до Лагуны. Там нас уже ждали завтрак и приплясывающий на месте Лукас.

— Ну вы блин даете! Ты что там подмешал Дарий. Стража гарнизона обосралась в

буквальном смысле, пока бежала за нами. Все получилось ведь так?

— Так. Я отдал ему бумаги, которые держал под курткой. — Вот бумаги, других там не было.

— Отлично. Приходи сюда вечером, получишь оплату за работу.

— Вы не против если я пойду домой, я жутко устала и хочу спать. Мари еле подавила зевок, и не дожидаясь ответа вышла.

Попрощавшись с Лукасом я побежал догонять Мари.

— Мари постой, ты не против если я тебя провожу.

Она, остановившись, окинула меня долгим задумчивым взглядом.

— Пошли если хочешь.

Мы шли не спеша. Я то и дело поднимал голову к небу, так плотно набитому серыми тучами, что из-за серой мглы не было видно солнца, казалось, что небо вот-вот лопнет, не в силах удержать эту массу воды.

— Расскажи о себе Мари, попросил я ее. — Я ведь совсем ничего о тебе не знаю.

— Зачем тебе это. Отозвалась она устало из-под капюшона.

— Просто ты мне нравишься. Ну вот, я сказал ей это. — Это правда, что ты там сказала, что ты из костеродных? Как так получилось, что ты оказалась тут.

Она повернулась и посмотрела на меня, сердито нахмурившись, но затем рассмеялась.

— Ты выбрал неудачный момент Дарий. Я правда очень устала. Уже несколько ночей не высыпаюсь, и да, родилась я далеко отсюда, в герцогстве Фодрингтон, но все что я могу сказать тебе, это то — что худший враг оказывается всегда ближе, чем ты можешь себе представить.

Она повернулась и двинулась дальше, сторбившись еще больше.

— Прости, я не хотел тебя обидеть.

— Ничего, но эта тема для меня болезненная. И я не хотела бы к ней возвращаться.

Свернув в пару переулков мы подошли к речке впадающей в залив протекающий через город.

— О! Привет, киска! Ты откуда взялся?

Худой облезлый серый кот, возле стены дома на мостовой, доедал остатки еды брошенной кем то. Он испуганно припал к земле и оскалился, рыча и жалобно подвывая одновременно, почему-то глядя на меня, а не на Мари. Тем не менее он не убежал, когда Мари погладила его, и он вернулся к прерванной трапезе. Это было истощенное и ободранное животное. Одно ухо было кем-то сжевано и даже на вид было ужасным, на боках и спине виднелись проплешины с незажившими болячками. Я был удивлен тем, что это дикое потрепанное создание позволило Мари погладить себя, и еще больше тем, что у нее вообще в принципе возникло такое желание.

— Ты только посмотри на него! — ворковала Мари присев на корточки и заправляя непослушную прядь волос за ухо. — Какой красавец!

— Ну не знаю...

— Но разве тебя не восхищает его храбрость, стремление выжить во что бы то ни стало?

— Боюсь, я не очень люблю животных.

— Ты просто обязан любить животных, они гораздо лучше людей! Когда все люди будут такими как они, мир станет лучше.

Я улыбался смотря как она сидела и гладила это облезлое животное, кот пытался рычать проглатывая пищу и давясь от этого.

— Тебе не говорили, что ты неисправимый романтик?

Она улыбнулась и сморщила нос — не то с удовольствием, не то с досадой. Потом рассмеялась, громким счастливым смехом, и импульсивно схватив меня за руку, потянула вперед по тротуару. Я подчинился, отдавшись во власть ее мелодичного смеха и тихого бормотания волн, и густого запаха ее волос, в котором смешались ароматы неба и запах моря. Проводив ее до дому, и попрощавшись с ней, счастливо улыбаясь и тихонько напевая, я пошел в нору, сквозь промозглую серость улиц, когда отозвалась моя тень.

— ...У меня нет лица, но поверь, я испепеляю тебя таким осуждающим взглядом, что ты останешься в чем мать родила...

Я закатил глаза шумно вздыхая.

— ...Хотя с другой стороны, похоже остаться в чем мать родила и есть твоя цель, так что я лучше остановлюсь...

— Да-а-а-а, Мааааауль...

— ... Не смейте разговаривать со мной таким тоном молодой человек...

Дурачась и ухмыляясь наступил на нее, пройдя ее насквозь и вместе мы пошли в нашу переполненную комнатушку, шутливо переругиваясь и намереваясь погрузиться в полный сновидений сон.

Сквозь стены просачивались обрывки разговоров завтракающих бандитов, и я услышал, как один из них пожаловался на вкус приготовленного Пичем рагу. Он, в свою очередь, под улюлюканье и свист остальных присутствующих, громко проинформировал его, куда ему следует засунуть это рагу, если оно не по вкусу.

— Поздравляю с первым делом. Как все прошло. Сзади раздался голос моего наставника. Клето тоже только что вернулся и собирался присоединиться к трапезе.

— Без осложнений. Пришли, забрали что нужно и ушли. Ну, правда еще заставили обоссаться несколько десятков стражи, гарнизон неделю будут отмывать. Я улыбнулся вспомнив искаженные лица, полные страдания, унижения и боли.

— Молодец, он хлопнул меня по плечу, и в этот момент справа сверху открылась дверь в капитанский кубрик, в котором проживало наше местное начальство, Большой Бен высунулся наполовину из двери заметив нас крикнул.

— А Дарий, ты вовремя, иди сюда, нужна твоя помощь. Позвала меня верхняя половина Большого Бена.

Я обреченно вздохнул глядя на кухню. Похоже мой завтра накрылся.

— Иди, Клето подтолкнул меня к лестнице. Обещаю оставить тебе немного того мерзкого варева, что готовит Пич.

Большому Бену требовалась помощь с бумагами, он читал плохо, по слогам. И жутко бесился, когда ему предлагали подтянуть его в грамоте. Считал, что этого ему вполне достаточно, иногда он просил меня составить тот или иной документ. Не успели мы разложить документы как из зала, что служил столовой послышались крики боли, изумленная ругань, кашель и отхаркивание.

— Я точно прибью кого-нибудь сегодня, проворчал он.

— Помогите! — взревели снизу. — Помогите!

— Вот дерьмо... Большой Бен пинком раскрыл дверь, собираясь, наорать на подчиненных. Но его крик застыл на устах.

Я выглянул в открытую дверь, из нее вывалился Рико, он упал на четвереньки и из его рта полил фонтан рвоты перемешанной с кровью.

Наш завтрак был отравлен.

Я одним прыжком спустился от Большого Бена, кинулся к Рико стоявшему в проходе из обеденного зала. Я потащил его к выходу на свободное пространство и увидел почти всю банду, что обитала в Норе, на коленях или на спинах, с испачканными в крови руками и ртами. По столу и полу растекалось рагу. Рико застонал и выплюнул сгусток крови мне на грудь. Ошарашенный Пич смотрел на эту кровавую картину из дверей кухни, рядом стояло несколько не менее пораженных бойцов, которым выпала счастливая доля быть в карауле.

— Да не стойте вы, мать вашу, помогите мне! — рявкнул я на них.

Пич увидел меня с Рико на руках и заковылял к нам на подмогу. Где-то прозвучала тревога. Я с Пичем занесли Рико обратно в зал и положили его на стол, смахнув стоящую на столе отравленную снедь на пол. Недалеко лежал на полу Клето, из его рта текла кровь. Я окинул взглядом помещение, и мозг активно работал. Присев у ближайшей миски, я окунул палец в рагу, попробовал его на вкус и сплюнул. Явно чувствовался горький металлический привкус. Мозг кипел, вспоминая все, чему меня обучала Велия, снова и снова повторяя про себя четыре основных принципа ядоварения.

Судя во всему это была “Ночная Злоба”, только она дает такой быстрый эффект, пережевывая внутренности до состояния каши за несколько минут.

В дверь мячиком влетел Большой Бен, он был не менее остальных ошарашен развернувшимся зрелищем.

— Что...во имя Всевидящего тут происходит?

— Яд, — ответил я. — “Ночная злоба”, подсыпали в еду. Времени мало.

У тебя есть коровье молоко на кухне? Или сливки? Вскипяти их срочно. Я обратился к Пичу который стоял белее снега рядом.

— ...Есть козье молоко для чая Бена.

— Вскипяти его. Все, что есть. Сейчас же. Рявкнул Большой Бен.

Повар побрел на кухню, а я кинулся к комнатухе, где хранили лекарства, благословляя Большого Бена за то что он послушал меня и закупил трав и кореньев для разных случаев. Я начал лихорадочно перебирать баночки и пузырьки. “Ночная злоба” — смертельный яд, и его довольно трудно приготовить, но как готовить противоядия я знал. Теперь все решало лишь время, которого мне катастрофически не хватало.

Яркоцвет, Сальский лист, Молочный корень...и, и серебро, где гребанное серебро.

— Бен, не могу найти гребаный нитрат серебра...Мне нужно зеркало! Я прибежал в зал с пузырьками.

На кухне Пич стоял над большой кастрюлей и перемешивал кипящее молоко. Я оттолкнул его и начал добавлять ингредиенты, осторожно отмеривая дозы, несмотря на спешку. Терять нельзя было ни секунды — каждый миг приближал всех, кто боролся за жизнь сейчас в зале к смерти. Но как бы я не спешил, я прекрасно помнилнаставлениеВелии: плохо смешанное противоядие хуже, чем никакого противоядия.

— Это подойдет?

Я выхватил зеркало которое мне притащили, взяв кухонный нож и сорвал раму с зеркала. Поднеся лезвие к задней стороне зеркала, начал яростно соскребать серебристое покрытие, сверкающие хлопья металла сыпались на кухонную скамью. Собрав стружку нитрата и растерев ее в порошок с помощью ступки и пестика. Вновь оттолкнув Пича, я сыпанул порошок в кипящую смесь на плите, в воздухе почувствовался запах горящего металла.

— Ну же, давай. Давай. Я повторял как заклинание одно и то же.

Клето сильно побледнел и стонал, его снова стошнило кровью.

Но моя смесь была готова, я набрал полную глиняную чашку и бросился к своему наставнику.

— Отнесите всем кто отравился, сперва тем, кто без сознания. Если понадобится вливайте насилу, они должны сделать не менее трех глотков. Я не оглядываясь на суесящихся над товарищами бойцов, вливал противоядие в Клето. Он был еще в сознании и вцепился в глиняную кружку как утопающий в обломок доски после кораблекрушения. Я не стал забирать у него кружку, а побежал на кухню за еще одной, зачерпнув я побежал к Брогану который был неподалеку, он тоже был еще в сознании, но кровь бежала у него изо рта по подбородку и шее, его зрачки были расширены как у человека осознающего, что он полон сил и энергии, но все равно умирает, напоив нашего наставника по оружию я осмотрел зал, картина была неутешительная. Это было побоище, везде стонали и умирали люди, и всем я просто не в состоянии помочь, как бы не старался. Тут я услышал хрип и глухой кашель за опрокинутым столом, возле которого я сидел на полу помогая Брогану.

Рядом умирала Карлотта, она судорожно забила каблуками по деревянному полу, как бы ногами пытаясь отогнать смерть, которая уже была у нее внутри, но вот ее стройные ноги вытянулись, спина выгнулась, застыв в последнем страшном напряжении, в то время как голова еще продолжала метаться из стороны в сторону. Но вот мышцы ослабли, голова перестала двигаться, и она выдохнула, с глубоким облегчением, в последний раз. Челюсть у нее отвисла, верхняя губа приподнялась, и обнажились два ряда белых зубов. Казалось, ее черты застыли в дьявольской усмешке. Я кинулся к ней на помощь с чашкой, на силу влив в нее смесь.

Она стала бледной, как труп, и неподвижной, как водная гладь. Оказавшись на дне глубокого черного колодца, ее красивое лицо застыло гипсовой маской, как пятичасовое небо в самый темный зимний день. Я уложил ее как следует на полу, откинув мешавшую мне лавку и сунул ей под голову мою свернутую куртку.

— Перестань Дарий, она умерла. Мрачно сказал Большой Бен стоявший рядом.

Ну уж нет!

Не обращая на него внимания. Я стал нажимать ей на сердце, заставляя его начать работу, и наполнял ее легкие своим воздухом, вдыхая и вдавливая жизнь в полумертвое тело. Так я трудился минут десять, и наконец глубоко в груди у нее что-то булькнуло, она закашлялась подавившись своей рвотой. Стоя рядом на коленях, я смотрел, хватит ли ей сил дышать самостоятельно. Дыхание было медленным, затем стало еще медленнее, она издала пустой бессильный вздох. Звук был однотонный и безжизненный, как шипение воздуха в машинном отделении. Я опять принялся за реанимацию. Это была изнурительная работа — вытаскивать руками и легкими бесчувственное тело из черного колодца. Я вытаскивал Бешеного Брата минут двадцать, но никто не мне больше не мешал, после того как она закашлялась и вдохнула первый раз. Я уже весь взмок, но прекрасно чувствовал, что я могу это сделать. Я вытащу ее! Это трудно объяснить, это было как шестое чувство как интуиция. Но наконец она закашлялась и задышала самостоятельно. Медленно, но сама. Ее взгляд сфокусировался и наконец она пошевелилась.

Я устало вздохнул и встал с пола покачнувшись, оперившись о стол чтобы не упасть. Я сделал все что мог, даже больше. Мне после тяжелой ночи и еще более тяжелого утра срочно нужно было помыться и поспать. Сказав, что дальше справятся без меня, уставший и

морально выжатый, я поплелся в сторону нашей коморки, и упав лицом на свою койку я не заметил, как уснул.

Уже вечером, когда меня растолкали я узнал, что мы потеряли семнадцать человек, включая мастера Тито, наставника по воровскому делу, эксцентричного, но безобидного человека. Это была очень большая потеря, и сильный удар. Большой Бен рвал и метал, узнав кто все это устроил, нас предала Валери, это она накачала лук в кладовой отравой, а после сбежала. Чтобы ей не двигало, но она заработала серьезных врагов, которые будут ее искать повсюду, и не успокоятся пока не найдут. Когда донна Леона узнала о происшествии, она послала своих людей в лавку в среднем городе, купив с десятков эликсиров, что делают маги — светло зеленых мерцающих пузырьков с зельем восстановления. Они стоили баснословных денег, пятьдесят золотых каждый и далеко не у каждого костеродного была такая сумма.

Но, тем не менее, выжили еще порядка тридцати пяти человек, включая Клето, Брогана и Карлотту. Бешеного Брата я вытащил буквально с того света. Их всех спасло мое противоядие, сваренное по рецепту старой Велии и я был горд собой по праву, с грустью вспоминая вечно ворчливую травницу. Я пока еще с трудом соображал, и сонно сидел за столом с кружкой травяного отвара заменявшего мне чай, в тупой прострации, которая бывает у человека который встал, но еще не проснулся. Когда за мой стол напротив сел Броган, внимательно смотря мне в глаза.

— Скажу тебе честно парень, я не люблю такое говорить. Но я у тебя в долгу, мы все у тебя в долгу. А долг жизни вещь довольно принципиальная.

— Перестаньте мастер. Я сделал то, что должен был, независимо от того будет кто-то должен или нет. Это моя работа, такая же как ваша обучать, вам же никто не говорит, что за ним долг жизни, после того как ваши уроки помогают им выжить после тяжелой схватки.

— И все равно за мной должок. Упрямо повторил он. Я вообще заметил, что Броган был принципиальным человеком, и совсем не походил на окружавших нас людей. Он бы больше подошёл школе меча для костеродных, с его четкими принципами и правилами. Он был честен и не врал никогда, если что-то думал, то говорил это прямо тебе в глаза. Так что совершенно непонятно как он оказался тут, хотя, думаю у него судьба так же как у меня, его связали долгом, обязательствами и принципами, которыми он руководствуется.

— Тогда у меня к вам предложение мастер. Обучите меня, чтобы я мог постоять за себя, и когда это спасет мне жизнь, мы будем в расчете.

— Договорились. Серьезно кивнул он. Я думал, что все продолжится как было до этого, он периодически занимался со мной, когда Клето был на заказе или просто отлынивал, пытаюсь протрезветь в очередной берлоге. И меня это все более чем устраивало, он был жесткий и жестокий, а так же был отличным мастером меча и прекрасно умел объяснять. Но я даже предположить не мог, что он оказывается меня толком не обучал, он просто терпеть не мог если кто-то занимался ерундой вместо тренировок. То с какой рьяной фанатичностью он возьмется вдалбливать в меня искусство песен стали, чтобы избавиться от долга, который он сам же придумал и на себя повесил. Я бы двадцать раз подумал, прежде чем такое ему предложить. Помнится я хотел найти наставника кто меня будет обучать, я нашел. Как говорится бойтесь своих желаний, они могут исполниться. Но я немного забежал вперед.

Как только Броган встал на его место тут же упал Клето с кружкой вина, обдав меня

сшибающим с ног, чесночным амбре. Мимо постоянно кто-то проходил хлопая меня по плечу и высказывая благодарность.

— Спасибо Дарий. Я тоже у тебя в долгу.

— И ты туда же? Тогда мы в расчете, ты спас мою жизнь, я спас твою.

Клето скривился, как будто съел целый лимон.

— Видишь ли. Леона узнала, что ты получил лицензию, и она знала, что ты работаешь на старую Велию. Так как я знал и тебя и старую каргу, мне было поручено привести тебя в семью, но я не знал, что за тобой идет охота. В итоге вышло то, что вышло, так что за мной должок.

— Довольно быстро она узнала, я же только его получил прямо в этот день.

Клето лишь пожал плечами.

— Кто владеет информацией, тот владеет миром, да Клето?

— Как ты сказал? Кто владеет информацией, тот владеет миром? Отличная фраза.

— Но как бы там не было, я тебе скажу тоже что и Бругану. Я не считаю тебя должником, но если тебе так хочется, научи меня сражаться чтобы не сдохнуть в подворотне и мы в расчете.

Он ничего не успел мне ответить, потому что именно в это мгновение в дверь обеденного зала вошла Карлотта. Оглядев зал, она увидела нас с Клето и своей виляющей походкой от бедра направилась прямо к нам. Клето оглянулся через плечо и ухмыльнулся, такие улыбочки у него всегда были скользкие и мерзкие, а на заросшем недельной щетиной двойном подбородке это смотрелось еще хуже. Она остановилась напротив меня рядом с Клето, но не стала садиться, а встала одним коленом на табурет, уперев руки в стол в полунаклоне. Открывая шикарный вид на глубокий вырез в рубашке.

— Мне тут уже все подробно рассказали. Не то чтобы я была против, но что за странный, — заправив длинную волнистую прядь черных волос за ухо, она пощёлкала пальцами. — Метод спасения умирающего, лапать за грудь и целовать.

Я улыбнулся ей. Красивая все-таки зараза, фигура в виде песочных часов, идеальная кожа цвета чая с молоком, длинные волнистые волосы, большие, черные чуть раскосые глаза с пушистыми ресницами и пухлые губки бантиком. После зелья восстановления от ее ран остались лишь небольшие шрамы, и она просто пышет здоровьем и красотой. Если бы не одно, но. Эта самая роковая красотка обычно развлекалась тем, что вырезала сердца у еще живых людей, с той же самой милой улыбочкой, что сейчас смотрит на меня. Если Клето шел убивать, он рассматривал это сугубо как грязную, но работу. Бешеный Брат же делала это с огромным удовольствием, упиваясь болью и страданием своих жертв.

— Не целовать и лапать за грудь, а делать базовую сердечно-легочную реанимацию. У тебя сердце остановилось и ты не дышала. Мне пришлось дышать вместо тебя и давить на грудную клетку запуская твое сердце. Я кстати не был уверен, что у меня получится, но решил попытаться и я рад, что ты все еще с нами.

— А я как рада. Она улыбнулась мне, пронзив улыбкой так, что я даже затылком почувствовал ее. — Я вот даже не знаю, что мне теперь делать, трахнуть тебя или убить. Она потянулась ко мне через стол, взяв за грудки и выдернула на себя, я совершенно не ожидавший подобного, вылетел из своего места как морковь из грядки. Я было открыл рот, чтобы запротестовать, но она впиалась губами и мой протест заглох в зародыше, я лишь вяло сучил руками в воздухе. Тут же половина нашего трактира начала свистеть и улюлюкать видя небывалое зрелище.

Наконец оторвавшись, она одарила меня долгим взглядом.

— Не будь ты мелким засранцем, тебе бы точно что-нибудь перепало, но вот в чем загвоздка. Мне неинтересно спать с детьми, так что довольствуйся этим.

Тут дверь распахнулась от резкого пинка и в помещение вкатился Большой Бен, пытаюсь перевести дыхание.

— Собирайтесь! На нашу точку напали, толстяк Го решил больше не прятаться по подворотням. Накроем уродов разом, они нам за все ответят.

Карлотта все еще держала меня за грудки повернув голову в сторону Бена. Она закрыла глаза и глубоко вдохнула опустив голову, затем она подняла голову глядя на меня, и это был совершенно другой человек. Она была готова рвать глотки голыми руками. В ее глазах сверкали такая сверкающая ненависть и яростная решимость убивать, которую она до сих пор сдерживала в себе. Столь разительное превращение из красивой и аппетитной девушки, которая тебя только что целовала и заигрывала, в безжалостное существо, жаждущее только крови и страданий, не может не пугать. Полночь набухла в моей тени, пожирая страх щедро изливавшийся при виде жуткого, сардонического оскала в который превратилось красивое лицо Бешеного Брата. Она резко отпустила шиворот моей одежды и я шлепнулся, сначала на стол, потом ей под ноги, не удержавшись. Она широко шагая пошла на выход, расталкивая попадавших под ноги бойцов. У нее даже походка изменилась.

Сомневаюсь, что все цепочки событий были случайны, ложные заказы, отравление нашей еды и последующая атака явно отдавали четким планом. Но как бы там не было, у них ничего не получилось, нам нанесли удар и рана наша кровоточит. Но это лишь разозлило всех, и нам нужен был любой повод для драки, чтобы отвести душу и отомстить. Это было большой ошибкой со стороны того, кто это все задумал, кем бы не был этот толстяк Го, но его план не удался, мы не только не повержены, а рвемся в бой. Жажда крови и мести! А отдельных личностей, чтобы остановить, вообще нужен полк солдат с арбалетами и копьями. Так что собирались мы недолго, вооружившись мы пошли мстить. Народ разбежался в стороны при виде вооруженной и злой толпы, все отчетливо понимали кто мы такие и что мы идем убивать.

Точка которую у нас захватили, было здание начальника порта, так что наглости толстому Го было не занимать. Это был показательный удар, рассчитанный и выверенный. Показывающий наместнику и черному барону, что власть донны Леоны слаба, и она не может удержать поводья. А власть и репутация в криминальном мире все.

Заходили мы разделившись на две группы, основная ударная сила в двадцать человек ведомая Бешеным Братом, вошли через центр и небольшая группа в семь человек которых вел Клето зашли через черный ход, меня естественно отрядили к наставнику, вручив арбалет и сказав, чтобы не высовывался. Было так же три тройки на улице. Они должны были или предупредить, если подойдет подкрепление или встречать выбегающих.

У нас на семь человек было три круглых щита и три арбалета, выбив заднюю дверь мы гуськом ввалились в складское помещение. Тут было пусто, никто нас не встречал, потому что в здании через стены со всех сторон неслись крики, стоны и звуки сражения. Карлотта не стала ждать и церемониться, а пошла в лоб, убивая всех кого видит.

— Упрямая дура. Выругался Клето, — Сейчас половину наших бойцов положит, лишь бы найти этого толстого урода.

Из склада вело три двери, он решил разделиться. Разбив на две двойки и тройку. В каждую двойку вошел боец с щитом и гладиусом. Страшное оружие ближнего боя кстати,

позволяющее рубить и колоть в замкнутых пространствах. Для боя внутри трюма кораблей и зданий, лучше не придумай. И боец с арбалетом в пару к щиту. У нас в тройке остался здоровенный дуболом с щитом, я арбалетом и двумя скимитарами и сам Клето, который стоил два десятка. В следующей комнате заставленной ящиками и бочками было темно и тусклый свет одинокого фонаря на входе, совершенно не разгонял полумрак стоящий в складском помещении. Видимо на стоящий в комнате полумрак, заставленное пространство, а также внезапность и рассчитывали те кто тут укрылся за стопками ящиков, мы только зашли, как я увидел шевеление слева.

— Слева!

Они поняли, что были замечены и дружно ринулись в бой, подбадривая себя слитным криком. Я заходил в помещение последним, после Клето и сонной тетери с щитом. Он вздрогнул, но хоть щитом прикрылся, когда ближайший противник нему подбегал. В него то я и разрядил арбалет. Бандит занес тесак и уже был рядом с нашим щитоносцем, собираясь развалить ему его тупую башку как переспелую тыкву, в то время как наш тупо пялился на приближающегося противника. Но получив арбалетный болт в ребра, странно подпрыгнул вбок откинув правую ногу параллельно пола, с поднятой рукой это смотрелось как будто он внезапно захотел исполнить танцевальное па. Этого самого мгновения и хватило нашему сонному болвану, чтоб собраться и вступить в бой. Я откинул бесполезный арбалет и едва успел выхватить свое оружие как на нас налетели противники. Их было больше и замкнутое пространство сыграло конечно свое дело, схватка была короткой, и ожесточенной. Нас было десять человек в тесном помещении, и кидаться было некуда, кроме как на противника. На нашего щитоносца напало двое и они гремя ящиками отлетели в сторону. В Клето влетело трое, одному он сразу умудрился разворотить уколom гортань, и тут на него навалились остальные дружки. Ты можешь хоть как отлично фехтовать, но в клинче всем наплевать на твое мастерство, все решает ярость и физическая сила. Мне тоже досталось двое, один из них был ненамного старше меня, второй же, был взрослым здоровым мужиком, дезертиром, если судить по старой, уже порядком поношенной с кучей заплаток казенной одежде и тяжелому солдатскому мечу, и та кипучая ярость, что исказила его физиономию, отчетливо говорила мне, что вступать в клинч сразу с двумя, смерти подобно.

Большинство смертельных схваток заканчивается в течение короткого времени, пара минут не больше, дорогие друзья. Это малоизвестный факт — особенно для тех из вас, кто предпочитает читать о них, а не участвовать. Но на самом деле требуется лишь одна ошибка, чтобы обречь себя на смерть, когда кто-то замахивается на вас большим и острым куском металла.

Искаженное в крике лицо подростка мелькнуло передо мной, я едва успел выхватить свои мечи. Он пытался меня запугать, но не знал, что я не чувствую страха. Вернее я не чувствую своего страха, а вот от него отчетливо тянуло липким и сковывающим словно вязкий клей, который наливает тяжестью твои руки и ноги, мешает думать. Он боялся, и пытался криком заглушить это чувство. Наши мечи, издав жалобный стон, слились в мимолетном поцелуе. Слили лишь для того, чтобы ровно через секунду вновь отскочить друг от друга. Я протанцевал назад, чуть не запнувшись об ящик. Затем отбил его удар и нанес свой.

Парирование. Удар. Блок. Выпад. — все как меня учили последние два месяца. Мечи со свистом выводили в воздухе почти гипнотические узоры. Места было мало и я встал на линию, чтобы закрыться первым противником от второго, чтобы они мешали друг другу,

отступая в проход между ящиками.

Громила с длинным тяжелым солдатским мечом хотел вступить в бой, но с одной стороны ему мешали ящики, с другой у него на дороге мелькал его младший напарник, мешая ему. Он, разозлившись, крикнул на него и оттолкнул в сторону, именно этого я и ждал. Парень просто физически не мог отойти в сторону, а отбить двойной выпад, ему не хватало мастерства, это я уже понял по тем немногим ударам, что мы обменялись. Я ринулся на них, отгоняя громилу взмахом и закрывая подростка в углу. Я прям прочувствовал, как мой скимитар вспорол ему брюхо от края до края.

Малиновые витки внутренностей парня вывалились наружу. Его глаза широко распахнулись, меч выпал из ослабевшей руки, и придерживая свои рваные кишки он пытался засунуть их обратно. Он попытался заговорить. Попытался вдохнуть. Но во всем потерпел неудачу. И, забулькав алым, парень сполз по ящикам на пол. Он был вне игры, его оглушенный болью и скованный холодным ужасом подступающей смерти разум, шептал ему, что ему надо вести бой за выживание, пытаясь засунуть свои поврежденные внутренности назад.

Что может быть это ему поможет.

Мой маневр удался, и я избавился от первого противника. Но оказался слишком близко ко второму. Просто удивительно, как мало надо чужой крови, чтобы впрыснуть в тебя адреналин, мгновенно придающий силы и убивающий боль. Буквально дрожа от ярости, я обернулся и увидел, как он отшатнувшись от моего обманного выпада замахивается своим тяжелым мечом в страшном нисходящем ударе. Его искаженное лицо с оскаленными зубами и дико вытаращенными глазами — ни дать ни взять разъяренная собака, которая обзавелась к тому же сверкающим стальным клинком.

В ту самую секунду, когда, казалось, его тяжелый солдатский меч раздробит мне ребра. Я встретил падающий клинок, вкладывая в собственный меч всю свою быстроту и всю свою жажду жизни, заодно отступая назад. Но как бы там не было, я был всего лишь четырнадцатилетний подросток, роста и сил у меня было соответственно. Я встретил его удар левым мечом, и сила и ярость которую он вложил в удар отозвались глухой болью, через всю руку в плечо. Мой блок не помог, и его удар провалился вниз выбивая мой меч, чуть не развалив мне грудную клетку. Я отклонился назад, насколько позволял позвоночник, и вспышка обжигающей боли в груди дала знать, что он все-таки меня задел.

Но он допустил ошибку. Во-первых, набросившись на меня и вспоров мне двумя перекрестными ударами грудь и предплечье, он сделал шаг назад и выставил меч, описывая им в воздухе фигуры, вместо того чтобы продолжать кромсать меня и разом завершить начатое, а потом пойти помогать друзьям. Должно быть, он был так уверен в своей победе, что решил продлить удовольствие, поиграв со мной. Но какова бы ни была причина, он уступил мне преимущество, сделав этот шаг назад, приговорил себя. Он дал мне время встать в стойку, достать кинжал отчима вместо утерянного скимитара, как следует ухватить его и ринуться в бой. Я заметил удивление в его глазах, и это был сигнал для контратаки. Но самое главное было то, что Полночь материализовалась рядом с ним. Я отчетливо видел весь тот спектр эмоций; удивление, страх, и замешательство скрутившиеся в гремучую смесь у него в глазах. Он инстинктивно взмахнул мечом, пытаясь разрубить непонятный силуэт из теней и дыма рядом с собой.

Этой доли секунды мне хватило, чтобы кинуть в него скимитар отвлекая, и преодолеть те пару шагов, что нас разделяло. От броска моего меча он увернулся, изогнувшись словно

скользкий угорь. Но тут я врезался в него, входя в клинч, делая его длинный тяжелый меч бесполезным. К тому же он был правой, а я заходил как раз с правой руки, лишая его маневра. Он попытался меня ударить кулаком левой руки, но я уже был рядом и тычок получился смазанный. Я схватил его левое запястье правой рукой, идя на сближение с ним и воткнул кинжал ему в грудь. Я метил в сердце или в легкое, но из-за его удара попал в мягкие ткани под ключицей. Кинжал вошел по самую рукоятку. Он вскрикнул от боли, когда я завел за его правую ногу свою, закрывая на замок, держа его левую руку своей. В то время как его правая рука держала уже бесполезный меч между нами. Я успел еще раз вонзить в него кинжал, как он сбросил свой меч и схватил меня за руку с кинжалом.

После второго удара он предпринял отчаянную попытку выбраться из западни, и в результате мы оба оказались на полу и я выронил нож при падении. Он пытался оторвать меня от себя, но я цеплялся за него руками и ногами как вьюн за жерди. На его стороне были ярость и физическая сила, в то время как мне помогали чистая свирепость и годы обучения борьбе. Но если вы думаете, что можно побороть противника который вдвое тебя больше и втрое тяжелее, вы друзья, никогда и не боролись. Я извивался и крутился как только мог. Мы как животные молотили друг друга, кусая и ломая как только могли, катаясь по полу, сплетаясь в рычащий клубок. Перевернувшись, я укусил его в лицо за щеку, но он стал так быстро мотать головой из стороны в сторону, что я невольно выдрал зубами кусок с его лица, выплюнув, я решил вместо этого бить его по лицу головой. Он схватил меня своими ручищами за горло и начал стискивать его в стальных тисках. Я колотил его по физиономии как только мог, но я понял, что следующий глоток воздуха смогу сделать только в том случае, если прикончу громилу. С отчаянным усилием я ткнул правой рукой ему в лицо, намереваясь попасть большим пальцем в центр глаза. Но он дернул головой, и удар пришелся в край глаза, у самой височной кости. Я давил изо всех сил, пока глаз не выскочил из глазницы и не повис на своем канатике. Я хотел оторвать глаз, но его владелец сумел так далеко убрать голову, что я не мог дотянуться до него и лишь продолжал мутузить противника по лицу. Наконец он вскрикнув, оторвал руку от моего горла и откинул мой кулак, чтобы я перестал стараться оторвать ему глаз. Именно это мне и нужно было я оттолкнулся от него ногами по полу в сторону своего ножа, делая судорожный вдох.

Но он вцепился в мои ноги и потащил меня назад, как черепаху, запутавшуюся в сетях. Когда он подтащил меня к себе, я занес нож, и пырнул его снова. Он вскрикнул от боли отпихнув меня, и теперь уже он пытался отползти от меня. Моя голова была на уровне его ног. Схватив его одной рукой за ремень и используя его как рычаг, подтянувшись, я нанес ему несколько ударов в бедро. Когда нож попадал в кость, я всей рукой чувствовал, как он царапает ее и отклоняется в сторону. И я попал в бедренную артерию. Щедро полившаяся толчками кровь из раны явно об это говорила. Жить ему осталось пара минут, до того как его убьет собственное сердце. Он пока об этом не знал, упорно пытаясь ползти от меня по лужи крови, что натекла от его товарища. Уползая он оглянулся, его окровавленное и обезображенное лицо было искажено, через вырванный кусок были видны его зубы, один глаз висел, болтаясь на нервных окончаниях, а целый был расширен от страха, и в нем я увидел, как в зеркале судьбы, то уродливое, оскаленное в кровавой улыбке и полное ненависти существо, в которое я превратился во время драки.

Ужас отпечатавшийся в глазах убийцы, в страхе уползающего при виде меня, подействовал как ушат ледяной воды, сдернув пелену кровавой ярости и вернув способность соображать. Он полз в сторону выхода как раз возле моего разряженного арбалета. Он меня больше не интересовал, он был уже покойник. У него с десятков колотых ран, одна из которых повредила бедренную артерию. Я даже если бы захотел, не смог бы ему ничем помочь, ни ему, ни бедному парню, который умирал рядом, пытаюсь руками засунуть поврежденные внутренности назад. Он быстро слабел и от него сильно пахло кровью, мочой и дерьмом. Моя рука машинально ощупала тело, на предмет ранений, два глубоких пореза через грудь и на предплечье сильно кровоточили, но были не критичны.

Мой бой длился не больше минуты, может чуть больше, однако мой мозг воспринимал как будто мы сражались в десять раз больше. В бою твой организм впрыскивает ударную дозу химического коктейля и кажется, что время замедляется. Но это самообман, единственное что верно, это то, что сил уходит в десять раз больше. Но отдыхать еще не время, нужно помочь наставнику, судя по возне, рычанию и глухим ударам, он еще сражается за свою жизнь. Я пошел за уползающим дезертиром, размазывающим свою кровь щедрым мазком, используя вместо кисти свое тело. Я не мог позволить ему первым покинуть место схватки, наступив ему на спину. Не сильно, но показывая, чтобы он остановился. Подняв брошенный арбалет и зарядив его я вышел из своего закутка в общий зал. И подняв голову, увидел, как Клето захватил голову последнего противника. Голова человека была запрокинута на его колене, вот челюсть выскочила из суставов, а шея разломилась пополам, треснула как сухая щепка. Лишь короткий вскрик ознаменовал окончания короткой, но ожесточенной схватки. Бандитской резни без правил, чести и достоинства.

Клето подняв взгляд вздрогнул, увидев в полутьме фигуру с арбалетом. Но приглядевшись, узнал меня, именно в этот момент на заднем фоне проползал мой противник, и одобрительный оскал на лице наставника, был красноречивее любой похвалы. Тут в дверь влетела наша двойка, которая услышала шум драки и поспешила на помощь. Оглядывая залитое кровью побоище с разинутыми ртами. Наш щитonosец был мертв как двое его противников. Он свернул обоим шеи, но последний в то время как его душили тыкал ему в живот кинжалом, буквально выпотрошив нашего дуболома, они, так и лежали в обнимку. Клето тоже был ранен в живот и держался за кровоточащий бок.

Тут дверь ведущая дальше в помещения, открылась от резкого пинка, который чуть не сорвал ее с петель. И в комнату влетел безумный окровавленный кошмар, с черными глазами, свирепой улыбкой и алыми-алыми руками, оглашающий высоким рыком здание, зовущий толстого Го. Демоном оказалась Карлотта. Она вся была покрыта чужой кровью, ее волосы липли, как черные длинные сорняки, на лице монстра. Застывшей в маске запекшейся крови и выразительными на ее фоне глазищами. Губы с потрескавшейся коркой крови растянулись в безумном оскале. Увидев нас и трупы лежавшие вокруг она недовольно сморщилась.

Я даже боюсь представить, что надо делать чтобы буквально искупаться в чужой крови. Но тем не менее факт был на лицо. Карлотта завалила кучу народа и чуть не искупалась в чужой крови. Толстяка Го тут не было, оказалось, что это были вообще залетные ребята, он

нанял их недавно и притащил в город, навешав лапши им на уши и хорошо заплатил, чтобы они напали на нашу точку. Они ничего не знали, и прибыли недавно. Проведя два дня в нижнем городе в каком-то притоне, купаясь в реках алкоголя и чернил. Карлотта рвала и метала. Но сделать ничего не могла. В это резне мы потеряли десять человек, плюс куча раненых. Толстяк медленно, но верно сокращал число своих врагов, даже не вступая в схватку.

Он был на два шага впереди.

Назад мы возвращались злые и немного подавленные. Мне предстояла долгая работа по обработке ран большей половины бойцов включая себя. И мне нужны были для этого мои инструменты которые остались в трущобах. Что они в порядке я был уверен абсолютно, скорее всего их просто перенесли к старейшине, освободив лачугу для новых жильцов. Но просто так, кому попало их просто не отдали бы. Нужно было посылать человека к Лукасу, чтобы он попросил Мари чтобы она сходила к Нику. Иначе он заартачился бы, сказав, что ничего не знает. Упрямства ему было не занимать, он был честный человек и веры людям из гильдии, у него было ни на йоту. А как то вредить своему другу я не хотел, тем более я не видел его два месяца.

Отправив малыша Шура я стал готовить себе место для работы. Промыв и осмотрев раны, я решил не ждать пока принесут мой чемодан. Мои раны сильно кровоточили, и нужно было что-то делать. Взяв у парней сигарилы я сжег их в чашке до белого пепла и выпросив у Большого Бена Золотое вино, я сделал несколько крупных глотков. И подождав пока алкоголь ударит в голову растер горячий пепел на раны.

Было очень больно! У меня прям белые круги поплыли перед глазами, и я мгновенно протрезвел. Но кровь остановить это помогло. Я махом налил еще одну стопку чтобы хоть как то заглушить боль, как увидел в проходе стоящую Карлотту. Она скрестив руки подпирая плечом косяк двери и с интересом наблюдала за моими манипуляциями. Она уже отмылась и переоделась, перестав напоминать демона из бездны.

— Я уже говорила, что у тебя очень необычные методы лечить людей, но чтобы настолько. А еще мне говорят, что я безумна.

— Это самый быстрый и самый простой способ остановить кровь. Сомневаюсь, что кто-то мне купит зелье восстановления. Я залпом выпил Золотое вино. И поджег себе сигарилу, засунув ее в зубы, налил ей порцию обезболивающего.

— Держи, тебе тоже не помешает.

— Знаешь, мне все больше и больше нравится твой стиль. Освятив комнату улыбкой она взяла пойло.

— Пьете? Без меня?! Шумно вдохнув воздух и держась за продырявленный бок, Клетс ввалился следом. — Еще ученик называется, кстати, тебя Броган искал и я ему сказал где ты.

— Зачем? Я не понял сначала, и даже не представлял в страшном сне, что этот маньяк решил дотошно исполнять свою часть договора.

— Затем чтобы ты шел на тренировку. Броган стоял в проходе скорчив презрительную гримасу, он терпеть не мог алкоголь в любых проявлениях. — Стоять можешь? Значит и заниматься можешь, чтобы в следующий раз не быть раненным.

— Еще наставник называется. Проворчал я недовольно, под мелодичный смех Бешеного Брата.

Всучив мне два тяжелых учебных меча, он отправил меня отрабатывать на манекене первый и второй куплеты нижней стойки Монтойи, — женской как говорили в народе.

Агрессивная стойка для нападения, она подразумевала в себе большое количество уколов и обманных маневров. Исключая жесткие блоки, так как я был небольшого роста и сил у меня было соответственно, а значит входить в высокие силовые блоки, мне было противопоказано. Именно в этой стойке в основном сражалась Карлотта. После тяжелой схватки и ранения, сил у меня совершенно не было, прижжённые, но необработанные раны безумно болели и щипали. Но Броган был неумолим, я кривился от боли, но добросовестно выполнял всю работу.

Ведь я сам попросил об этом.

Броган выдал мне задание, пошел следить за спаррингами в яму. Я долбил манекен в одиночестве, и порядком устал за пару часов, и решил немного схитрить. Отправив Полночь посмотреть окрестности, чтобы никто не увидел, как я отлыниваю. Присел за угол, чтобы меня не было видно с прохода, и достав кинжал отчима ковырялся в деревянном тренировочном мече, обтачивая его и отдыхая. Когда вернулась с разведки Полночь, подтвердив, что поблизости никого нет, клякса из теней материализовалась рядом.

— *...Я все проверила, никого нет. Увидев, что ковыряюсь своим кинжалом, добавила. — Может уже дашь ему имя...?*

— Наверное стоит, но я не вижу в этом никакого смысла, но на худой конец...

— *...Конец вот здесь, обычно именно им убивают людей...* — она коснулась кончика лезвия.

— О, браво. Смотри не порежься о свой сарказм.

— С кем это ты разговариваешь? В тренировочную комнату вошла Карлотта.

— Ни с кем, я сам с собой разговариваю, пока отдыхаю. Я внутренне выругался, вот стоило только мне присесть как ее принесло, да еще этот “разведчик”, проворонила самого неподходящего человека, с ее параноидальной мнительностью Карлотта не успокоится, пока не выяснит что к чему.

— Нее, я точно слышала два голоса. Она сузив глаза и достав кинжал, осматривала тренировочную площадку. — Познакомишь нас? Она, осторожно заглянула за угол, даже за манекеном проверила. — Ну, я жду. А я не люблю ждать, терпение не моя сильная черта.

— Скажи привет Карлотта.

— *...Привет, Карлотта...*

Карлотта отшатнулась не ожидая, инстинктивно метнула свой кинжал в заговорившую тень.

— *...О, я ранена. Я умираю, спасите помогите! Эта язва театрально схватилась за кинжал торчащий из доски на уровне ее груди. — Дарий, ты обязан мне помочь, я тоже хочу лечение в виде поцелуя и лапанья за грудь.*

— Сначала мне придется ее найти...

— *...Грудь — как хорошее вино, Дарий. Лучше мало, чем слишком много...*

— Красавица и философ! У меня сейчас сердце выскочит из груди от избытка чувств.

— Какого Хрена тут происходит?! Почему твоя тень разговаривает?! Раскосые глаза Карлотты стали круглые как серебряные пятаки.

Я лишь улыбнулся ей и пожал плечами: — Ну ты же сама просила вас познакомить.

— А тебе отдельное спасибо за “я все проверила и никого нету”.

— *...Ну я же не могу быть идеальной во всем...* Полночь раскинула руки в стороны, стала изображать что ходит по узкому бревну, высоко поднимая ноги и вытягивая носочки.

— Этот ходячий склад сарказма зовут Полночь, я указал на девушку из теней. — Мы с

ней где-то года два уже как вместе. У нас получился отличный симбиоз.

— Симби. кто? Карлотта все переводила взгляд с меня на Полночь.

— Симбиоз. Взаимовыгодное сообщество абсолютно разных живых организмов. О ней кстати больше никто не знает и я очень хочу, чтобы так и оставалось. Договорились?

— Ну не знаю... А, что еще она умеет?

— Она питается страхом, моим страхом. Не так чтобы я потерял голову, но достаточно, чтобы в решающие моменты перестать сомневаться. И благодаря ей, я отлично вижу в темноте. Ну и еще ее можно попросить попасть куда тебе нужно, если хочешь подслушать или посмотреть не прячется ли кто. На тень, особенно в темной комнате, никто не обращает внимания. Вот в принципе и все.

— В принципе и все. Фыркнула Карлотта. — Теперь я тоже хочу такую тень.

— Ну, тебе всего лишь нужно найти полубезумного колдуна, чтобы он тебя похитил и провел запрещенный ритуал с жертвоприношением, хрен пойми где, на развалинах древнего замка. Если ты чудом выживешь, то у тебя будет такой же склад сарказма.

— ...Неправда, *такого больше ни у кого не будет, я одна единственная и неповторимая...*

Я лишь молча улыбаясь и смотря на Карлотту указал руками на Полночь. “Мол теперь ты видишь”

— Теперь я уже не хочу такую тень. Карлотта улыбнулась в ответ, но все еще настороженно посматривала на Полночь.

— Но я предупреждаю. Если ты расскажешь кому-нибудь, я буду все отрицать. И я буду с тобой сражаться. Я встал в боксерскую стойку, поднял оба кулака и сделал несколько выпадов в ее голову. Карлотта легко отмахнулась от них и пнула меня под зад в сторону выхода.

— Иди давай, боец. Там твой чемодан притащили.

— Злые вы, уйду я от вас. Проворчал я в шутку, потирая незаслуженно пострадавшую пятую точку.

Мальш Шур действительно притащил мой чемодан, со всеми инструментами и лекарствами которые были у меня когда я его оставил в последний раз, как я и говорил, никто даже не притронулся к нему. Все-таки хорошие люди живут в общине в трущобах. Такое даже представить невозможно в том месте и обществе в котором я вынужденно оказался сейчас, все растащили в первый же день, стоило бы мне пропасть. Я заботливо перебирал все инструменты, выкладывая их на стол и вспоминая добрым словом старейшину и Николаса. Все баночки с лекарствами и мазями были не тронуты, хотя я уверен, что в трущобах многим они были очень нужны. Но никто не тронул чужие вещи, они оставили все как есть, в надежде, что я в порядке и скоро появлюсь.

Сделав зарубку на память что нужно будет сходить в трущобы прикупив им что-нибудь вкусного, поблагодарить старейшину и Ника. Я разложил на стол и снова перебрал инструменты, которые со стороны для человека никогда не сталкивавшегося с ними до этого, выглядели как набор для пыток. В первую очередь протерев себя влажной тряпкой я обработал свои прижжённые наспех раны мазью, аккуратно втерев ее. И придирчиво оглядев себя в зеркало, большой и глубокий порез тянулся наискось через всю грудную клетку, и даже на вид был ужасным, точно останется большой и уродливый шрам на память о той схватке во мраке складского помещения. Просто чудо, что я не остался среди кучи трупов лежащих там. Ему не хватило буквально дюйма, чтобы отправить меня на ту сторону, еще

чуть-чуть и он точно бы разрубил мне все ребра.

Взяв в коморке у Большого Бена где хранились все лекарства и тряпки для перевязки и несколько свечей, а так же попросив кипятка у Пича, чтобы стерилизовать иглы и нитки, я стал по одному приглашать раненых, обрабатывая и зашивая им раны полученные в ходе разборок. Они заходили и настороженно косились на стол с разложенными инструментами, некоторые уверяли, подключив всю свою убедительность, что ничего совершенно не болит и так нормально заживет. Я лишь усмехался глядя на то, как здоровые и суровые мужики, прожжённые бандиты, для которых было абсолютно нормально получить рану в бок заточкой в разборке, начинают невнятно мямлить при виде иголки, представляя, как я буду их ей протыкать. Но стоящий неподалеку Бен пару раз рыкнул, и раздав пару пинков быстро навел порядок, он с интересом наблюдал как я штопаю порезы и ножевые ранения, а после накладывая пропитанные лекарствами и мазями повязки и чистые бинты. Честно, я очень соскучился и получал удовольствие от своей работы. Так я работал несколько часов обработав всем раны и порезы, если честно то специально затянул, ибо я знал, что в ином случае я отправлюсь в тренировочный зал избивать манекен, Броган уже несколько раз мелькал в проходе внимательно наблюдая за мной. Я был не то что против, но не после выматывающей схватки и ранения из-за которого мне и двигаться было больно. Так что я старательно делал вид, что занят чрезвычайно важным и неотложным делом, но дражайший и горячо любимый наставник меня сдал с потрохами, так и сказав, что я специально отлыниваю.

Так что получив мотивирующую затрещину, я быстренько собрал инструменты и побежал на тренировочную площадку, обливаясь потом и избивать грубо сколоченный манекен до кровавых мозолей, и мне разрешили пойти отдыхать когда я уже буквально с ног валился от изнеможения. И подняв меня с раннего утра этот маньяк меча снова отправил в зал до самой ночи, прерываясь лишь на то, чтобы в спешке закинуть в рот обед. И так было на следующий день и следом за ним еще один и еще и еще, я проводил все время в тренировочном зале, слушая новости в редкие моменты отдыха.

Нижний город буквально закипел, донна Леона близко к сердцу восприняла нападения на здание начальника порта, и показала зубы, огромную оскаленную пасть. Она задействовала целую армию осведомителей и доносчиков. Подняла всех людей разыскивая Толстого Го. Она без жалости и раздумий сжигала притоны, таверны или бордели, где он хотя бы раз появлялся. Все дома и лежки, где он теоретически мог быть, она была зубастым драком в мутном пруду, и укусы большой, но все же щуки для нее были оскорбительны. Она последовательно и дотошно перетряхивала весь нижний город, давая наводки Карлотте, которая без жалости вырезала всех, кого находила. Для Карлотты это было личным делом, она мстила за Удавку. А донна Леона показывала всем, кто мог хотя бы на миг подумать, что она слаба и больше не в состоянии управлять этим оскаленным и постоянно брыкающимся стадом, решив не дожидаться очередного передела, она вырезала всех конкурентов.

Но толстяк просто чудом ускользал в последний момент, он все же решился и несколько раз устраивал схватки, наводя своих людей. Но силы были несопоставимы, на донну Леону работало слишком много людей, и ресурсы которые были у нее были слишком впечатляющие. Она притащила несколько сотен наемников, из-за которых случился переполох, как только об этом узнал черный барон. Притащила даже магов. Но ее не интересовали бунты, она устраивала чистки, вырезая расплодившиеся банды. Все торговцы, все владельцы трактиров, борделей и ночлежек, тряслись за свое дело и жизнь. Если хоть

немного падала тень сомнения, что ты помогаешь другим бандам, тебя или убивали, или сжигали твоё дело. Но так или иначе, поймать его не смогли, он сбежал из города, решив, что дело слишком хлопотное и опасное. Все это я узнал слушая разговоры в комнатухе перед сном.

Так, совершенно незаметно для меня и пролетели два года, я просто не успел замечать как пролетает время, сутками пропадая на тренировочной площадке или на заказах.

Броган был маниакально исполнительен, подозреваю что именно из-за этого он и оказался тут среди убийц и воров. Его все это жутко бесило и напрягало. Для него это было его личное заключение. И это заключение ему отбывать еще три года. Но он продолжал добросовестно и честно исполнять свою часть уговора, обучая песням стали молодых головорезов. Он никогда не ходил ни на одну разборку или дело. По условиям уговора, его задача была обучать и он ей заслуженно гордился. Отдаваясь своей задаче полностью без остатка, но так же требуя этого от других.

Так что я попал. Я десять раз уже пожалел, что заключил с ним это соглашение. Он дотошно и последовательно начал вдавливать и впаивать в меня все что знал, по двенадцать — четырнадцать часов в сутки. Что я хочу или не хочу никого не интересовало, меня поставили перед фактом, что ученик не имеет право голоса. Начал он именно с Монтойи, так как это была моя база. Мне эти куплеты уже снились и я неоднократно сражался во сне, как мне потом говорили. Сначала изучение и повторение, а потом была практика. Мы звенели мечами по восемь часов, практикуясь и оттачивая мастерство. Сначала с Броганом, потом с Клето, и вся шутка была в том что они то отдыхали, а я нет. И первый месяц я был как выжатый лимон. Но человеческое тело странная штука, она довольно быстро ко всему привыкает, к противоестественным нагрузкам, в том числе. Вбив в меня Монтойион начал мне объяснять все остальные многочисленные стойки и школы меча, я уже по паре движений, мог различить ту или иную школу меча, и понять, что из себя представляет противник. Я разбирался во всем этом многочисленном зоопарке вроде; “Цапля охотиться в стоячей воде” и “Куницы играют в высокой траве”, “Аист парит высоко в небе” а так же “железных и стальных балках и крепостях”, выучив на зубок весь этот высокопарный бред. Те кто это сочинял, им надо было писать стихи и поэмы, а не изучать “высокое искусство благородного меча”, хотя все может быть, может и что-нибудь они писали.

Как только я выучил большую часть этих стоек, они с Клето начали напару со мной заниматься. Как будто мне было мало одного. Я был обязан выдерживать натиск обоих мастеров, мастеров входящих в десятку лучших в мире. Это был просто взрыв мозга и разрыв всех моих сухожилий, я чуть ли не из кожи выпрыгивал стараясь уцелеть, и не получить увечья. С учетом того, что мы тренировались то не учебными мечами, а настоящим оружием. “Это тебе мотивация” как потом заявил Броган, — “меньше будешь пропускать удары”. Но меньше не очень то и получалось. И я был постоянно покрыт десятками шрамов, порезов и глубоких ран. Которые сам же себе и зашивал и обрабатывал после тренировки. А с утра все начиналось по новой, и никто даже слушать не хотел, что я ранен и физически не могу сражаться.

— Ты думаешь, что враг будет тебя жалеть и подождет? Был лаконичный ответ на мои слабые потуги хоть как то ослабить тот натиск в который я попал по собственной недалекости.

В итоге шрамы просто не успевали заживать как рядом появлялись новые, а иногда прямо там же повторно. Я был весь ими покрыт, ноги руки туловище, даже на лице и там получил. Хотя был негласный уговор среди нас, что в голову не метить. Это Бешеный Брат

постаралась, она вообще если заводилась, то, чтобы остановить ее, нужен был или Клето или Броган. Она узнав, что мы тренируемся втроем, недолго думая прибежала к нам, заявив, что тоже хочет участвовать, Карлотта была вообще помешана на драках и сражениях. Так что мы постоянно сражались втроем, и кто-то один был обязан выдерживать натиск остальных, и угадайте, кто больше всего оставался пострадавшей стороной. Когда я более менее начал выдерживать безумный натиск, Броган придумал новое развлечение, вручив мне шпагу с дагой. Именно этим оружием сражались в основном костеродные, и меня он начал приучать именно к этому.

Копполла — именно так называлась эта школа. Школа благородного меча. Именно в ней он был мастер.

И чтобы понять все слабые места своего противника, нужно прочувствовать их самому, понять, как они атакуют и как защищаются, как двигаются и как думают. В первую очередь как они думают. И все пошло по новой, снова десять — двенадцать часов сражений в день. Мы звенели мечами обливаясь потом и кровью, слушая песни стали. Изучая куплеты и наслаждаясь музыкой. Да и положив руку на сердце, понравилось мне искусство фехтования неожиданно для меня самого. От занятий я не отлынивал и выкладывался на них по полной. Как потом я узнал, он за два года умудрился сделать так, что я усвоил десятилетнюю программу. Что говорило о нем как о непревзойденном мастере. Под постоянными и бешеными нагрузками мое тело заметно преобразилось, став напоминать взведенную пружину. Дарий не отличался высоким ростом и статью, но он был поразительно гибкий, жилистый и крепкий. А в искусстве фехтования, именно небольшая комплекция и гибкость ценились превыше всего.

Донна Леона или не хотела пока, или не смогла придумать как использовать мою лицензию. Но про меня как бы забыли. Я был почти рядовой боец, мне все так же поручали иногда те или иные задания. Сначала все так же что-либо украсть или забрать. После пары месяцев занятий, меня начали ставить в пару или Клето или Карлоттой. Наводить порядок и образумить зарвавшихся головорезов с той или иной банды, в основном до смерти. Так я и сам не заметил, как стал серым на службе ночной гильдии, заработав свою татуировку на плече, свою черную метку наемного убийцы. Моим оружием стал небольшой двух зарядный арбалет и скимитары, все это дело я обмазывал ядом. Платили кстати за это очень хорошо, но мне деньги были не важны. Жилье и еду нам предоставлял Большой Бен. И тратить было просто особо некуда, так что я просто откладывал, сделав заготовку. Я прислушался к совету Клето, и перенял манеру держаться на людях с него, одеваясь в потертую и поношенную одежду на пару размеров больше, отрастив густую косму волос и сторбившись, изображая из себя зашуганного жизнью, неграмотного деревенского парня. Так было реально проще во всем, меня просто не видели, я был человек невидимка у всех на виду. Через год у нас было пополнение, донна Леона откуда-то притащила к нам пару новых убийц. Рори и Бетта, муж с женой работавшие всегда в паре. Он был лучник, причем довольно опытный и меткий, он мог легко попасть с трехсот ярдов в цель из своего составного лука. А Бетта была одаренная, слабая, но одаренная, причем она также разбиралась в алхимии и ядоварении, и мы с ней на этой почве быстро нашли общий язык. Но они были замкнутая парочка, и частенько вели обособленный образ жизни, приходя только за заказами.

Иногда нам попадалась заказы, где мы играли роль хороших парней и спасали обычных людей попавших в беду. И когда вместо убить всех подряд кого найдем, нам нужно было спасти тех или иных заложников, которых похитили для выкупа или шантажа, а иногда и

просто так, если понравилась девушка ее похищали просто среди бела дня, и отчаявшийся жених заказывал жизнь своей возлюбленной. Такие заказы мне нравились больше всего, в них была там невидимая, но четко ощущаемая романтика, показывающая что все-таки есть та любовь что двигает этим утонувшим в жестокости миром. Вот в одном из таких заказов, нам попала банда, что грабила и шантажировала слишком много народа, пожадничава, она показала зубы не тем людям и послали нас с Карлоттой, чтобы мы выбили эти самые зубы. Найдя убежище у блудков, предварительно сократив их поголовье и вытащив из беды девушку, дочку одного лояльного гильдии торговца. В которую был влюблен один несчастный парень, что отчаялся сам ее спасти.

Мы уже собиралась уходить, как я заметил в свалке из краденых предметов, что устроила у себя в убежище банды, словно они были бандой хомяков, и эти хомяки украли лютию, всю покрытую засохшей кровью. Судя по всему кровь принадлежала предыдущему владельцу музыкального инструмента. Вот именно эту лютию я и приватизировал, раз она больше никому не нужна, привычно отмахнувшись от хохотнувшей при виде меня с инструментом Карлотты и поддержавшей ее Полночью. Эти две заразы быстро спелись, частенько заваливая меня едкими замечаниями и шутками. Я начал учиться играть, когда выпадали редкие моменты отдыха, и у меня не было дел. Музыка стала для меня той отдушиной, той соломинкой, что позволяла держаться на плаву и помогала не сойти с ума и остаться человеком, в этом океане состоящим из крови и жестокости, я и сам не заметил, как оказался в центре этого бушующего океана.

За мной все так же велась охота, этот настырный и упрямый урод Моретти назначил хорошую цену, надеясь получить которую периодически приезжали “коллеги” по мою голову, но сильно удивлялись, когда вместо робкого деревенского лекаря, видели расчетливого убийцу с ледяными глазами и острыми мечами. Плюс меня все так же очень хотел увидеть черный барон Бранкати. А после того как я стал серым, его желание познакомиться, стало еще сильнее. И вход в средний город мне был заказан, если я хотел жить.

С Ником я почти перестал общаться, потеряв все связи, что были между нами. Он целый год после холеры ухаживал за Лилу. Той стройной девушкой из трущоб, и получив благословение от ее родителей и взаимность от нее, женился на ней, сняв напару с ней лачугу рядом с ее родителями, все так же работая до поздна в кузнеце. Он быстро понял, кем именно я стал и под предлогом работы и семейной жизни, почти перестал со мной общаться. Я хотел было сделать ему подарок на свадьбу деньгами, чтобы они купили себе дом. Но он наотрез отказался принимать от меня деньги, он не стал озвучивать это в счет нашей бывшей дружбы, но мы оба поняли без слов, почему он не взял у меня деньги, я не мог его за это винить, он был честный человек и все было правильно с его стороны.

С Мари все было получше, я был настойчив и добился от нее взаимности. Мари была старше Дария на два года, но с невеселой судьбой, которой не позавидуешь. Она правда оказалась чистокровной потомственной костеродной, целой герцогиней — Мариэль дель Рау. Ее родной дядя обманом заманив ее родителей в ловушку, убил их, она была десятилетней девочкой когда это случилось. И на правах ближайшего родственника приехал в замок, став Регентом — опекуном начал управлять герцогством, быстро заменив на своих людей все ключевые должности. И через месяц он “внезапно и очень сильно влюбился в свою племянницу”. Решив сыграть свадьбу, чтобы узаконить свои права, он даже не пытался как-то скрыть, что она ему живой не нужна. Открыто это обсуждая за столом, жить ей

оставалось до того момента как пройдет свадьба, и подпишут его права на владения. И как может еще наивный ребенок, который жил окруженный заботой и любовью, противиться всемогущей воле, злой и горькой как яд, расчетливой ненависти взрослого “родственника”, ведь некому было за нее заступиться кроме слуг. А что могут слуги против слова господина, ведь они всего лишь мебель, вещь которую можно легко заменить. Герцогства жили обособленно, по своим законам, и чтобы не упускать из рода свои владения, там часто случались кровосмесительные браки. Так что на все это безобразие соседи закрыли глаза, а скорее всего они были и замешаны в этом. Но ее выкрала няня, которая ее и воспитывала, набравшись храбрости и уличив момент, они успели сбежать за пару дней собственно до свадьбы. Как именно бедная женщина с ребенком пробиралась через пол континента, можно написать целую книгу. Но в итоге чудом добравшись до Райлегга, она сильно заболела и умерла, оставив Мари один на один с целым миром, так и получилось, что борясь за свою жизнь, одинокая маленькая девочка, которая никому больше не нужна, связалась с компанией Лукаса, став воровкой.

И добившись от нее близости физической, я ни на дюйм не смог приблизиться к ее душе. Между нами была пропасть. Она хочет вернуться туда, откуда начала свой путь. Общество задает тон и формирует личность. Пообщавшись с теми, кто нравственно выше, лучше и умнее тебя, приблизившись к ним и став таким, как они, ты добровольно не захочешь снова опуститься. Это не я придумал, такова сущность человеческая. Вынужденно — запросто, но вот принять это внутренне и по доброй воле... Она все ждала и надеялась, что найдется тот, кто сможет помочь ей, кто вернет ей родной дом, покарав злодея. Она ждала принца на белом коне, зачитывая до дыр наивные романы про любовь и справедливость, которые крала по ночам, взламывая книжные лавки. И именно это и являлось основной проблемой, она была из другого общества, из другого теста, а все что ее сейчас окружало включая меня, было совершенно из другого к которому она привыкла, но самое обидное я ее отлично понимал, как никто другой в этом мире, но я не мог ей ничего рассказать. Я слышал, как она беззвучно плачет по ночам, — такие детали начинаешь чувствовать даже спиной, когда достаточно хорошо узнаешь человека, который тебе дорог. Мне же лишь оставалось делать вид, что крепко сплю, потому что я абсолютно ничем не мог ей помочь, а утром надевать маску и “счастливо” улыбаться ей как ни в чем не бывало.

Как ни странно, но у меня вышло довольно хорошо сдружиться с Бешеным Братом. Она оказалась довольно принципиальной особой, четко распределяя всех на своих и чужих. Если ты преодолел рубеж доверия и дружбы, она будет за тебя стоять горой. И число людей перешедших за этот рубеж, можно было посчитать по пальцам одной руки. Удавка, который скончался там на столе, был ее близким другом, с которым они многое пережили, именно поэтому она так рьяно искала толстого Го. Для нее это было личное. И она не успокоится пока не найдет его. Узнав ее поближе, мне стали понятны вся ее кровожадная жестокость и тот озлобленный оскал, который она демонстрирует окружающему миру. Карлотта оказалась наполовину костеродной, но кто ее мама и из какого она Рода, она не знала, как и не знала свое имя. Просто взяв случайно услышанное в порту. Корабль ее матери взяли на абордаж пираты, убив почти весь экипаж. Оставив в живых только ее мать для выкупа. И пока ждали выкупа, они развлекались с ней несколько месяцев.

Так и родилась Карлотта. Получив выкуп, они отпустили свою заложницу, но ради издевательства над бедной женщиной оставили ребенка себе. Но никому из этих нелюдей не была нужна маленькая девочка. Они со смехом закрывали ее в клетках рядом с дикими

зверьями, которых возили для продажи. Кидая ей объедки и кости. И будучи одним из тех ублюдков с омертвевшими сердцами, кто зарабатывает себе на жизнь торгуя чужими, капитан не терпел слез и слабости, даже если это были детские слезы. И беспощадно бил ее, если видел их. А Карлотта умная девочка, ей пришлось быстро учиться и приспособливаться, она быстро поняла, что вслед за слезами и плачем следовала боль. Так что она стиснув зубы, терпела и кидалась на прутья клетки, рыча словно дикий зверь, которые сидели в соседних клетках. Ей даже имя не дали. Все что она знает и помнит, это то что у капитана деревянный протез вместо правой ноги и он цыкает при разговоре. А как его зовут и где его искать, понятия не имеет. Ее продали как животное в ошейнике и клетке с партией рабов, как только она подросла и в клетке ее стало держать уже неудобно. Ее неоднократно насиловали в детстве, именно поэтому она не воспринимает мужчин. Так она и выросла на улице, зубами и ногтями выгрызая себе место под солнцем. Пока не попала в поле зрения людей гильдии десять лет назад. Обо всем этом, она безразлично рассказывала, будто описывала поход в продуктовую лавку. Став полностью хладнокровной и к себе и к другим. Она переставала напоминать драка с ледяной кровью и мертвыми глазами, что обитали в изобилии в заливе неподалеку, лишь когда у нее было хорошее настроение. Видя, как я начинаю дурачиться и смешить ее препираясь с Полночью, или слушая мою неказистую музыку глядя на ночное небо. А мне было это не в тягость, я старался развлекать ее как только выпадала возможность. Несмотря ни на что она оказалась хорошим другом и просто очень красивой девушкой.

И на Карлотту можно было положиться в любом вопросе, она не будет задавать тебе вопросов, что да почему, если тебе нужна помощь, то она незамедлительно придет на помощь, независимо от того, что ты сделал или собираешься сделать, без всяких колебаний и оговорок, а это очень многого стоит. Да и вообще, именно это чувство плеча рядом, по моему, и есть тот стержень, который держит криминальный мир. Это самое чувство, это негласное братство, семья. Все мы были повязаны кровью, зачастую собственной, и нерушимыми обязательствами друг перед другом. Чувство, что тебе помогут и ты не один, независимо от того чем ты занимаешься. Так что все мы, включая Клето, меня, Карлотту и Мари, были заложники обстоятельств. Нас всех по разному, но все же побил жизнь, отколов куски тяжелым молотом судьбы, оставив бритвенно-острые края. И этими острыми краями мы пытались притереться к друг другу, поддерживая друг друга как могли. Еще в своем мире, занимаясь мотоциклом и общаясь с мотоциклистами я неоднократно слышал выражение “гнать на красный”, что означает езду на такой скорости, что стрелка спидометра все время зашкаливает, не покидая закрашенной красным цветом зоны. Мы все жили точно так же. Гнали по полной, по извилистой дороге своей жизни, держа стрелку в опасной зоне, и стараясь взять от жизни все. Четко осознавая, что любой из крутых поворотов может стать последним. Но я и не подозревал, что один из поворотов моей жизни уже настал, и будет ли там прямая дорога или гранитная скала еще предстоит узнать.

— Я ни за что это не надену!

— Ну кто-то же должен? Ты же сама слышала, этот хрен, голова которого нам нужна очень любит сиськи.

— А мне все равно, мы просто так зайдем и всех порубим, а изображать из себя шлюху я не буду!

— Карлотта, ну что ты как маленькая?

— Еще одно слово, и сам пойдешь в этом наряде шлюхи.

— Да я бы и пошел, но есть маленький нюанс, грудь то у тебя, а не у меня.

— Да что нам мешает просто всех убить? А не выдумывать всякую херню.

— Дай подумаю, наверно куча головорезов с арбалетами, что ждут в узком коридоре. Так что давай не упрямясь и надевай. Ты пройдешь через заднюю дверь с остальными девочками, а я пока отвлеку стражу, и присоединюсь к тебе через пару минут. Со всей толпой мы можем не справиться в закрытом помещении.

— Ни. За. Что!

Я ощутил озноб, как поцелуй холодного ветра. Полночь возникла из тьмы у стены и потянулась, заложив руки за голову, совсем как живая девушка.

— Какие новости? — полюбопытствовал я у нее, держа в зубах сигарилу, поглядывая из окошка на здание напротив, где засела наша цель. Мы третий день его сторожим, а он все не высовывает из своей берлоги.

— *...Он на верхнем этаже, угловой кабинет. Всю ночь раздавал приказы, пил, жрал, курил и неоднократно занимался сексом, он просто какой-то половой гигант, девушка кстати там же...*

— Ну вот, а наша красавица не хочет идти к такому мужчине.

— Еще одно слово, и я тебя прибью Дарий.

— Молчу, молчу. Не говорю не слова, но смотрю на этот шикарный наряд, который тебе очень идет.

Я со смехом отскочил от разъярённой фурии пытавшейся меня пнуть.

— *...Не злись Братик, но Дарий прав, это самый простой способ попасть в здание, там повар кстати уже почти закончил готовить ужин, и вам стоит поторопиться...*

На ней была юбка с широким разрезом демонстрирующая стройные длинные ноги, сапоги длиной по колено, корсет поверх шелковой белой рубашки с широкими рукавами. Она расстегнула рубашку почти до корсета, подчеркивая вид на вырез полных грудей, между которых покоилось кроваво-алое ожерелье из крупных стеклянных бусин.

— Если нас там убьют, по крайней мере, один из нас будет стильно выглядящим трупом. Я не мог не отдать ей комплимент.

Она показала мне костяшки и одарила ненавидящим взглядом, многозначительно поправила корсет подчеркивающий ее и так безупречную фигуру. Наконец она скрестила руки и вздохнула: — Ладно, пойдет, все равно уже на то что бы придумать что-то получше нет времени, но предупреждаю. Если меня там хоть кто-то будет лапать, я убью всех, а потом тебя!

— Если тебя там кто-то будет лапать, я сам там всех убью.

Я дождался пока Карлотта выйдет, смотря в окошко как она огибает здание, идя к

группе вызванных проституток. Как рядом отозвалась Полночь.

— ...Ты правда считаешь, что ее примут за одну из этих девочек?...

— Не, сомневаюсь, несмотря на ее наряд все прекрасно видно по ее лицу, но во всяком случае она сможет зайти в здание, а там как пойдет. Но врываться через парадный вход вдвоем, действительно глупость. Ладно, пошли, нам тоже следует поторопиться. Я взял корзину полную снеди, перехваченную у перепуганного и связанного подростка, которого послали принести продукты с рынка. Сгорбившись и изобразив дебильное выражение испуга и покорности на лице, потопал следом, но уже ко входу в кухню этого вонючего трактира.

Был уже вечер, и взмыленный повар в грязнучем переднике, бегал по кухне пытаясь все успеть. Когда увидел меня с корзиной продуктов,

— Ну наконец то! Почему так долго?!

— Ппппростите господин. Как ттттолько мне оттадали, я ссразу посспешил ккк вам.

Тут из двери ведущей в общий зал, где слышался хор грубых мужских голосов и взрывов хохота, вынырнул хмурый громила, и прикрикнул на повара.

— Ну! Долго мы ждать будем жратву? Если не будет через несколько минут тебя самого зажарят жирный урод.

— Да господин, простите! Сейчас все будет, только продукты доставили. Все будет буквально через пару минут.

Громила сплюнул прямо на пол кухни, смотря на перепуганного повара, и вышел назад к своим дружкам. На огне печи булькал подвешенный на цепь котел с каким-то варевом, и отдав повару корзинку с продуктами, я уличил момент пока он отвернулся, высыпал в котел ударную дозу снотворного. Этой дозы хватит, чтобы уложить спать сотню человек, в то время как тут было не больше двадцати. В этот момент снова вошел громила с явным намерением набить морду нерасторопному повару. И увидевший это повар судорожно начал накладывать черпаком свое варево по мисками, что стояли в изобилии на столе. Заодно прикрикнув на меня, чтобы я проваливал и не мешался под ногами.

Я вышел за угол и закурил сигарилу облокотившись спиной о стену, ожидая начала представления. Отрава, что я изготовил, действует очень быстро. И если честно, она немного опасна для человека, но и я сейчас не лекарем работаю. Почти выкурив сигарилу, я достал предварительно спрятанные скимитары и снова зашел обратно.

Повара не было на кухне, он пошел разносить свои кулинарные изыски. Которые только для таких вот отбросов и годятся. Подбросив пару поленьев в костер, так чтобы они лежали рядом с ним, но загорелись. Мне нужен был пожар и много дыма. В этот момент раздались девчачьи голоса и веселое хихиканье. Девочки прибыли, и судя по отсутствию звуков сражения, ни один из бандитов еще не напоролся на Бешеного Брата.

В зале лишь был слышен перестук ложками по тарелкам и редкие разговоры. Минута, максимум две и представление начнется. Повар зашел держась за подбитый глаз и увидел, что я раскладываю поленья.

— Я же тебе сказал, чтобы ты проваливал паршивец. А ну про...

Он заткнулся почувствовав острое отточенного меча у себя на шее.

— Догадываешься кто я такой?

Несмотря на дерьмовую работу, дураком он не был. Острые мечи, черная одежда и черные ледяные глаза сами за себя говорили. Он лишь судорожно сглотнул и кивнул.

— Молодец, будешь себя хорошо вести, и выйдешь живым, обещаю.

— Вы их убьете? Новый судорожный глоток.

— Несомненно. Это разве проблема для тебя?

— Нет, он отстранился и помотал головой из стороны в сторону. — Я буду даже рад. Они все забрали у меня, но прошу, не поджигайте трактир, у меня больше ничего не осталось.

— Без проблем. Но тогда мне нужно будет чтобы ты устроил переполох. Можешь просто орать про пожар, а кто не уснул сами прибегут.

— Уснул? Он нахмурился.

Я лишь осклабился показав одним мечом на котел: — Я немного добавил специй. Убрав меч от обильно потеющего повара, добавил. — Ты мне не нужен, но если выкинешь лишнее, обещаю, мы придем уже за тобой целенаправленно.

В общем зале послышался шум, крики и проклятья. Но это были одиночные возгласы.

— Давай, зови на помощь. Ори что угодно. Я пнул уже загоревшееся полено обратно в печку. И встал возле угла, чтобы меня не было видно с общего зала. И пока он орал про пожар и звал на помощь, я прислушался к слитному девичьему визгу, звукам сражения и борьбы. Видно кто-то не удержавшись, схватил Карлотту за задницу, и теперь познает всю глубину своей ошибки. Но на крики повара никто не прибежал, все было тихо, все кто отведал ужин спали. Во всяком случае в обеденной зале. Схватив заряженный арбалет стоящий у одного из столов, я побежал помогать своей напарнице, иначе она точно меня может прибить.

Ворвавшись в комнату где была драка, я застал двух трупов лежавших в своей крови. На мой молчаливый вопрос, она лишь сдула со лба челку.

— Что? Он назвал меня шлюхой. Она пнула тело у своих ног. А раз маскировка провалилась, идем как обычно.

— ...И почему я не удивлена...

Но как обычно не получилось, обычных постояльцев тут не было, а прожорливая банда дружно пускала сопли, и спала вповалку. Даже голый главарь дрых на кровати, выронив чашку с недоеденным рагу. Лишь обнаженная избитая девушка забилась в угол и поскуливала от страха.

Она собственно нам и была нужна, у нас был заказ вернуть ее живой ее отцу. Он хотел видеть ее и голову этого любителя сисек. И пока я пытался безуспешно успокоить девушку, которая с перекошенным от ужаса лицом смотрела как Карлотта добывала вторую часть уговора. Я укрыл ее одеялом и с огромным трудом уговорил выйти из комнаты, пытаюсь объяснить, что мы пришли от ее отца, этот кошмар закончился и она скоро пойдет домой. Потом выслушивал сопли, всхлипы и рыдания. Не найдя ее одежду, я отдал ей вещи взятые у повара. Он вызвал стражу и ждал их, пока мы заканчивали свои дела, клятвенно пообещав, что он наш должник и мы будем желанными гостями в любое время. Мы отвели бедную девушку на место встречи, там, где ожидал ее отец. Он оказался бывшим солдатом, здоровым, седым и хмурым бугаем с одной ногой.

Но разговаривать с клиентами было не наше дело. Так что выполнив свою часть работы, мы с чистым сердцем пошли по своим делам, Карлотта пошла в Нору. А меня попросили сходить забрать бумаги, и передав ей свои скимитары, я пошел не спеша по краю запруженной народом улице.

Уже был поздний вечер и народу было много, все спешили закончить свои дела. Я наслаждался теплой погодой идя по улице, когда с одной стороны дорогу перегородила телега груженная пожитками, запряженная даже на вид очень старой клячей, с

медлительностью взрослой черепахи разворачиваясь на перекрестке. С другой выехала черная карета стражи, запряженная двойкой лошадей. И с каждой стороны как из-под земли, высыпали по десятку стражи, с широкими щитами, алебардами и арбалетами. Все в кольчугах и стальных шлемах. Они с мрачной решимостью стискивали древки алебард наставив на меня стальные наконечники. И нацелив свои арбалеты. Окружающий люд в панике отхлынул от меня как от прокаженного, а я остался на месте. Я уже понял, что это по мою душу пришли, и затеряться в толпе у меня не выйдет.

— В чем дело? — спросил я их. — Что вам надо?

— Заткнись и залезай в карету! — прорычал их командир.

— Слушайте, я не знаю в чем дело, мы можем... — начал я, но десятник прервал меня с резким смешком.

— Мы знаем кто ты, мелкий ублюдок. — Остальные стражники засмеялись. — Мы все прекрасно знаем. Забирайся, твою мать, в карету, или сдохнешь прямо тут, ну, какой вариант тебе больше нравится?

Сердце мое бешено билось, несмотря на старания Полночи. Это были враги, и я оказался в их власти. При таком раскладе меня уже сейчас можно было причислить к мертвецам.

— А от чего зависят эти варианты?

— От того, будешь ты делать, что тебе скажут, или нет.

— Я не люблю, когда мной командуют.

— Никто этого не любит, — удивительно спокойно сказал он. — Но арбалетный болт в упор, вполне убедительный довод. Так что лезь в гребанную карету, — сказал он, позволив себе легкий смешок.

— Ну уж нет, так я заберу еще пару с собой на ту сторону, а если полезу в карету, просто сдохну. Простая арифметика. К тому же, вместе подышать веселее.

— Пусть так, но ты все же понимаешь, что твоя позиция нерациональна. Мы ничего не потеряем, прикончив тебя здесь. А вот ты можешь кое-что приобрести, оставаясь в живых, как минимум еще какое-то время, хотя бы узнаешь, чего от тебя хочет черный барон, может вы договоритесь и выйдешь счастливый и радостный.

— Да и хрен с ним! — выплюнул тощий стражник с усами ниточками. — Давайте прибьем ублюдка прямо здесь, и дело с концом.

Десятник задумался. И думал он довольно долго. Я не снимал руку с кинжала за поясом, судорожно перебирая варианты действий. Их практически не было, я был один почти без оружия, а против меня десяток хорошо подготовленных людей, явно знающих с кем имеют дело.

— Ты же ведь не дурак парень, и умеешь мыслить логически, — наконец сказал он — Последнее предложение, залезай в карету. Ты же видишь, сколько лишней возни нам потребовалось только для того, чтобы завязать этот разговор. Если бы я хотел тебя убить, то просто приказал бы утыкать болтами на месте, а не сопли жевать.

Как бы я не хотел признавать. Но он был прав, в своем здравом рассуждении, и ничего другого мне не оставалось. Так что я убрал руку из-за спины, подчинившись. Они взяли меня в оборот, защелкнув тяжелые кандалы на руки заведя их за спину и на ноги, и чуть ли не пинком закинули через заднюю дверцу, заставили сесть на пол. В карете было тесно, там было еще двое стражников. Они дружно вцепились в меня железной хваткой, и ближайший улыбнулся в ничего хорошего не предвещающей ухмылке, это было сродни тюрьме, здесь, я

ничего не мог изменить.

Как там мне говорил Николас, — или канава или черный замок, итог всегда один.

“Придет ли кто-нибудь ко мне на помощь?” — подумал я, отстраненно слушая как окованные колеса кареты стучат по мостовой. Никто из наших ведь не видел, как меня забирали, никто не знает, где я нахожусь. Тюрьмы — это черные дыры, в которых люди исчезают, не оставляя следа. Оттуда не проникает наружу никаких лучей света, никаких вестей. В результате этого таинственного ареста я провалился в такую черную дыру и пропал также бесследно, как если бы вдруг уехал искать родню в Глирос. Голова у меня кружилась, в ней метались, не находя выхода, вопросы. Надо было срочно переслать на волю весть о себе. Кто мог вызволить меня отсюда? Донна Леона, госпожа Леона. У нее были связи во всем городе, и она в любом случае узнает, что кого-то забрали стражники, слишком много народу видело это представление. В нижнем городе у нее много людей и ей ничего не стоит выяснить, где я нахожусь. Пройдет немного времени, и она узнает. А до тех пор мне следовало сидеть тихо и постараться как-то передать ей знать, что я попал в беду.

Мы проехали несколько кварталов до гарнизона стражи внутреннего города. Дежуривший стражник в гарнизоне был приземистым и грузным. Подобно многим своим коллегам, он еле втиснул свое туловище в казенную форму, которая была явно с чужого плеча и мала ему по меньшей мере на два размера. Он постоянно поправлял кольчугу под своим сюрко. Возможно, именно из-за этого его лицо было чрезвычайно злобным, впрочем, и лица остальных десяти стражников, окружавших меня, были ненамного приветливее. Они молча уставились на меня с таким мрачным выражением, что мне из чувства противоречия хотелось рассмеяться. Но при следующих словах вошедшего уже знакомого десятника, это желание у меня сразу пропало.

— Заберите этого мелкого ублюдка и отделайте его как следует, — деловито распорядился он. Он говорил со своими подчиненными так, будто меня тут не было. — Костей по возможности не ломайте, мне сказали, что он еще будет нужен, но постарайтесь, но чтоб он запомнил это на всю жизнь.

Я попытался сопротивляться, но я был один и закованный в кандалы по рукам и ногам, в помещении с шестью взрослыми мужиками, обученными и готовыми ко всему, они вшестером избивали меня минут десять. А после, они подвесили меня за ноги вниз головой и избивание продолжилось снова, получилось я как груша висел посередине комнаты. Для них это было развлечение, кто красивее и сильнее ударит. Я же старался извиваться как мог, пытаясь подставить под удар наименее пострадавшие части тела, удары сыпались везде; — руки, ноги, голова, туловище. В конце концов когда избивание закончилось, я был одним большим окровавленным синяком, с трудом соображающим, что вообще происходит. И я провалился в спасительное забытие.

Тяжелая оплеуха на краю сознания.

Вода в лицо.

Булькающий вдох.

— Давай просыпайся, мелкий засранец.

Я открыл глаза и тут же пожалел об этом. Затылок пронзила ослепляющая боль, доходившая до самой макушки черепа, из-за которой у меня в глазах плыли круги. Воспоминания были кусками, как фрагменты мозаики. Группа стражи в застенках. Дубинки. Многократные удары. Ругательства. Кровь во рту.

Скривившись, я осмотрелся. Глухие каменные стены освещаемые факелом возле

металлической двери с зарешеченным окошком. Меня усадили на тяжелый железный стул. Под которым было старое темное пятно. Руки скованные за спинкой стула.

Здоровенный мужик рядом, широкий как мост, целая гора мышц, они бугрились под его серой накидкой, из-за этого он был похож на мешок с грецкими орехами, здоровенный мешок с грецкими орехами. С неправильным прикусом, из-за чего его челюсть была выдвинута вперед, придавая ему особо злобный вид. И давно расплюснутым носом. На его лице шрамов было больше, чем неповрежденной кожи. Позади него стоял еще один мужчина, чистенький и тощий, на нем одежда висела как на вешалке. С безжизненными, пустыми глазами.

Не успел я оглядеть помещение как получил еще одну затрещину по лицу, от которой голова мотнулась в сторону. Сальные мокрые волосы прилипли к коже, нависая на глаза. Попытался дернуть ногами, но обнаружил, что их тоже приковали к стулу.

— С добрым утром солнышко, выпался?

Мужчина со шрамами медленно обошел комнату и встал передо мной, открывая вид на длинный стол, устланный разнообразными инструментами. Щипцы. Свернутый хлыст с металлическими концами. Ножницы для резки металла. Тиски для пыток. Жаровня, полная раскаленного угля. Как минимум пять разных видов молотков. Изо всех сил стараясь не смотреть в ту сторону, я вместо этого сфокусировал внимание на тощем.

Бугай примерился и врезал мне по лицу, что моя и так избитая физиономия резко дернулась в сторону. На его среднем пальце был медный перстень, который глубоко впечатался в мою щеку. Этот парень знал свое дело. Он умел делать очень больно, при этом не ломая костей. Чуть погодя он сменил тактику и стал наносить удары по голове слева и справа открытыми ладонями. Если долго бить человека кулаками, ты или разобьешь собственные костяшки, или забьешь этого человека насмерть, или то и другое вместе. Но есть иной вариант: расквасить ему физиономию кулаками до такой степени, что каждый крепкий шлепок по ней будет отдаваться сильнейшей болью; и после того ты сможешь хоть весь день напролет жестоко истязать его банальными оплеухами. Так и случилось со мной, стража хорошо избивала меня. Почти не оставив живого места, и теперь этот мешок с грецкими орехами лупил по вопящим от боли ранам оплеухами.

Пытки. Долгое, тяжелое, оупляющее действие. С каждой минутой оно как бы уплотняется, стягиваясь к эпицентру боли, и эта мощная тяга не позволяет даже лучику надежды вырваться из беспросветного мрака.

— Итак, — сказал тощий через пару минут, показавшихся мне длиной в целый месяц. — Начнем?

Бугай отошел в сторону, и взял с краю стола полотенце и вытер свою потную рожу.

— Расскажи мне о Норе, — потребовал тощий, раскуривая сигарилу.

Я уставился на него непонимающим взглядом. Одну вещь я знал четко: когда тебя избивают, надо держать рот на замке. Ничего не говори ни в коем случае. Держи рот на замке до самого конца. Постарайся также обойтись без воплей и стонов, насколько хватит терпения.

Подождав ответа пару минут и не дождавшись, он недовольно поводит сигарилкой. И снова кивнул мешку с орехами.

Я зашипел от боли, когда он дернул ее за волосы, резко отклоняя мою голову назад. Почувствовал, как его губы коснулись уха, услышал сильный запах пота и перебродившего вина и табака в его дыхании.

— Когда тебя спрашивают нужно отвечать. Расскажи нам о Норе.

— Нора, там вроде обитают разные грызуны, что портят посеы крестьян — сообщил я. Тощий посмотрел на кончик своей сигарилы, а затем перевел взгляд на бугая.

И все пошло по новому кругу. Казалось, я мучительно шагаю по вязкой глубокой грязи и каждый шаг — каждый хлесткий удар по лицу — приближает меня к стене густого тумана впереди. Когда я уже уплывал спасительно забытье, на меня вылили черпак вонючей воды, вернув в суровую реальность.

Бугай отвесил мне новую затрещину.

И внезапно для себя я громко захохотал, что порой случается с людьми во время пыток.

Бугай непонимающе уставился на напарника. А тощий взмахнул рукой.

Внезапная тишина, наступившая после этого жеста, была настолько пронзительной, что мне показалось, будто весь мир на какое-то мгновение застыл в неподвижности.

Тощий что-то говорил, судя по движению губ. Но я его не слышал. Постепенно я понял, что тишина звенит только в моих ушах, не распространяясь на окружающих. Бугай взирал на меня с каким-то озадаченным выражением, словно наткнулся на бродячую собаку и теперь не мог решить, то ли погладить ее, то ли дать ей пинка. И тощий снова взмахнул рукой пошевелив губами. Я будто со стороны взирал на то как бугай потащил мой стул к бадье с водой. Слух начал возвращаться и в ушах вместо тишины зазвенел отвратительный скрежет железа по камню. В углу комнаты я увидел бочку, наполненную темной водой. Грубые руки схватили за волосы, окунули голову в бочку и принялись удерживать. Я брыкался, дергался, но оковы не давали встать, а руки держали ее все так же крепко. Я взревел, пузырьки из рта всплыли на поверхность теплой солоноватой воды. Воды с гавани, пришла догадка. Наверное, ее набрали прямо из залива. Кровь, потроха и прочее дерьмо.

“И меня в этом утопят”.

Снова под воду. Боль и тьма. Полночь беспомощно и отчаянно извивалась у ног, пытаюсь помочь, забрать страх.

Перед глазами снова поплыли круги. Легкие запылали. Грубые руки бугая выдернула меня за волосы из воды, и я успел сделать отчаянный, хриплый глоток воздуха.

Снова вниз. И вверх. Вопрос повторялся из раза в раз. Я кричал. Пытался ругаться. Пытался плакать. Умолять. Все напрасно. Каждая мольба, каждая слеза, каждое ругательство встречались тем же вопросом.

— Расскажи нам о Норе.

Когда легкие чуть не взорвались, меня снова вытащили на воздух. Грудь вздымалась и опускалась. Ноги дрожали. Кашель. Жадные вдохи. Страх начал вырываться на свободу, Полночь просто не успевала выпить все. Они обрабатывали меня часами, пока голос не сломался, легкие не засвистели, а каждый вдох не начал обжигать огнем. Утопление и избиение. Плевки и затрещины. Шли часы.

Я уже ничего не соображал. И даже если бы захотел не смог бы ничего им рассказать.

Но в итоге они остановились. Бросили обмякшее прикованное тело прямо на стуле. Избитый и Кровотокащий. Почти утонувший. Отросшие волосы воняли тухлой водой из залива и висели перед глазами.

— Если вода не развяжет тебе язык, — добавил мешок с орехами, — у нас есть другие способы. Так что ты настраивайся, у нас впереди вся ночь.

А меня лишь пробрал смех и я снова стал смеяться. Я был беспомощен и скован, избит и сипло дышал, но я не мог сдержать смех. Бугай лишь удивленно нахмурился. Недоумение

дегенерата, написанное на его изуродованной физиономии, рассмешило меня еще больше.

Он взглянул на тощего и получив от него кивок. Отстегнул меня от стула подвесив за крюк на потолке. Взяв хлыст со стола.

— Расскажи нам о Норе. — Снова потребовал тощий.

— Сурки, — просипел я. — В норах обычно обитают сурки.

И началась экзекуция. Бугай довел себя до полного изнеможения, яростно трудясь надо мной. Когда он был уже не в силах поднять хлыст и остановился, задыхаясь, на его место заступил тощий. Минут двадцать они дубасили меня, затем сделали перекур. Я был с голым торсом и кончики их хлыста рассекли мою кожу, содрали и разорвали ее на спине, превратив ее в месиво.

После перекура они вновь принялись за работу.

Спустя какое-то время я расслышал, что прибыла новая команда надзирателей. Они взялись за меня со свежими силами. Когда и они выдохлись, к делу приступила третья группа, затем четвертая, которую опять сменила отдохнувшая первая команда. И так продолжалось несколько часов подряд, показавшимися мне вечностью. Я замкнулся. Во мраке собственного сознания. Отстраненно наблюдая за своими пытками. Я уже давно не чувствовал боли, находясь на границе уплывавшего сознания как услышал.

— Открой рот!

— Что?

— Открой рот! — повторил голос.

Я не мог поднять веки, потому что глаза опухли и слиплись от засохшей крови. И Голос, звучавший где-то за моей головой, был настойчив, но вежлив.

— Надо принять лекарство, ну же парень, открой рот!

Я почувствовал ртом горлышко стеклянной бутылки. Вода потекла по моему лицу. Руки у меня были по-прежнему прикованы и пошевелить ими я не мог. Я разжал губы, и горькое лекарство полилось мне в горло. Я начал быстро глотать его, захлебываясь. Чьи-то руки приподняли мою голову, придерживая и давая напиться. Затем мне опять поднесли бутылку, я стал пить, закашлялся, и вода вытекла через нос.

— Это снотворное, — сказал голос. — Теперь ты уснешь.

Я лежал на животе, на какой-то деревянной лавке испытывая боль во всем теле. Локализовать ее было невозможно, потому что живого места на мне не осталось. Глаза были запечатаны наглухо. Во рту чувствовался вкус крови, смешанной с лекарством. Оглушенный побоями и сонным, я уплывал в целительный сон по озеру липкого кайфа. В голове у меня звучал целый хор криков боли, которые я крепко запер там, и ничто не могло заставить меня выпустить их наружу.

На рассвете меня разбудили, окатив ведром воды. Вместе со мной проснулась тысяча вопящих ран на моем теле. Какой-то пожилой мужчина с рабским ошейником промыл мне лицо мокрым полотенцем, и я смог открыть глаза. Когда я разлепил веки, меня отцепили от лавки, подняли за неподвижные, онемевшие руки, надев казенную, на пару размеров больше черную шерстяную робу. Вытащили из камеры и поволокли через пустые коридоры. Притащив к кабинету возле которого стояла пара стражников в пластинчатых доспехах. Кабинет принадлежал человеку, имя которого наводило страх на всех головорезов нижнего города, черному барону — Карло Бранкати. Сам он оказался совсем небольшой и хрупкий человек пятидесяти с чем-то лет, с тонкими, почти женственными, чертами лица и коротко подстриженными седыми волосами и аккуратной бородкой. Хромающий на правую ногу, из-за этого постоянно ходящий с резной тростью.

На нем был надет черный строгий колет с серебряными пуговицами, поверх белой рубашки, без каких-либо украшений, которыми так любят кичиться костеродные, обвешивая себя словно новогодние елки. Бранкати восседал за массивным столом из красного дерева на котором стоял кубок вина, пачка пергаментов и шахматы. Сам Бранкати сидел держа свою трость обеими руками в резном кресле с высокой спинкой. Сзади него стояло еще двое охранников, причем они тоже не были похожи на простых дуболомов. Таких ребят я уже могу сразу отличить.

Когда мешок с грецкими орехами поставил меня посередине кабинета, Бранкати взглянув на котлету в которую я превратился за ночь. Недовольно поджал губы и вопросительно посмотрел на тощего, стоящего сзади меня.

— Я вам кретинам, что говорил? Чтобы вы его немного помяли, я разве говорил, чтобы вы сделали из него отбивную? Посмотрите, у него живого места нет, он даже стоять сам не может.

Это была правда, я не мог стоять сам, опираясь на мешок с орехами, который меня поддерживал одной рукой.

— Посадите его на стул. И прочь с глаз моих, два тупых идиота.

Дождавшись пока меня усадили и мои мучители вышли, он выпил вина из кубка рассматривая партию шахмат, что стояла у него на столе.

— Не успел я немного тебя перехватить тогда. Эта манда и там успела влезть вперед. — Он щёлкнул по королю белых, опрокидывая его. — Я послал за тобой людей, но они немного не успели. Клето уже забрал тебя из-под моего носа. И сбежал, надрыв зад залетным костеродным, там возле лавки. Он говорил это, продолжая, рассматривать партию в шахматах.

Я молчал и слушал его вполуха, пытаюсь абстрагироваться от сотен вопящих от боли ран под колючей шерстью робы, сосредоточив внимание на шахматах. Это были дорогие и красивые фигурки, вырезанные из кости. Похоже Бранкати с кем то играл, его были черные фигуры и он вел в этой партии.

Вздыхнув, и с сожалением посмотрев на не доигранную партию. Бранкати перевел взгляд в потолок.

— Расскажи мне Дарий, как так получилось, что умный, начитанный и честный лекарь, спасавший жизни во время эпидемии холеры, бесплатно прошу заметить. Которого признал

сам орден Искупления, что само по себе невероятно. Вдруг стал головорезом, наемным убийцей на службе у банды воров и бандитов. Я ведь много людей расспросил, все как один говорили, что ты хороший человек.

— Конь на С три.

Он нахмурился переведя на меня взгляд. Не понимая о чем я говорю, потом до него дошло и он моргнул удивленно, снова на меня посмотрел, как будто вместо меня стул заговорил.

— Ты умеешь играть? Он искренне был удивлен. — Но это же игра для костеродных. Довольно редкие навыки для твоего возраста.

— Навыки от возраста не зависят, тут важны лишь усердие и талант. И только идиоты считают, что если ты старше, то тебе больше позволено. И я не про вас сейчас говорю.

— А что насчет вашего вопроса. То могу сказать, что жизнь показала, что честность и начитанность не помогает выжить. Всем плевать на твой ум и честность. Чтобы вы знали, за два года, только я сам вырезал семь групп наемных убийц, что пришли по мою голову. Как вы думаете, честный лекарь смог бы выжить? А что насчет тогда — ваши люди опоздали, и если бы не пришел Клето. Я бы уже как два года был бы мертв. К тому же, моя работа последние два года была на благо города. Грязная и кровавая, но необходимая. У меня не было ни одного заказа, где моей целью был бы честный торговец или простой горожанин. Нас всегда посылали вычищать грязь и щелей в которые они забились. Сплошные убийцы, работоторговцы, зарвавшиеся молодые банды считающие, что им никто не указ, контрабандисты и прочий мусор. Но вы и так об этом знаете. Так что я полезный и честный человек, прошу меня отпустить.

Аплодисменты и смех. Искренний и глубокий, исходящий из глубины его груди. Бранкати сейчас громко смеялся от чистого сердца, хлопая в ладоши. Даже охранники стояли улыбаясь, смотря на наглую окровавленную кучку, еле сидящую на стуле.

— Каков наглец, а! Вы только посмотрите. Он перестал хлопать в ладоши, но все еще смеялся. — Честный и полезный человек. А кто гарнизон отравил, там неделю стены от дерьма отмывали. Капитан кстати, дальний, но мой родственник.

— Сами виноваты, спят на службе, открыв все двери. И родственник ваш, притащил в город партию чернил, запрещенных вами кстати. От которых люди в овощи превращаются. Да и нормально там все было, ну посидели чуток в очереди всем гарнизоном возле отхожего места, живы же.

Он, отсмеявшись, выпил вина из кубка, и как выключателем щелкнули. Все его веселье разом испарилось, передо мной наконец показался настоящий черный барон. Тот самый, который держит в страхе сотни тысяч человек. Беспощадно карая тех, кто не угоден ему или Наместнику.

Он пробарабанил пальцами правой руки волну несколько раз по столу, отбивая ритм и задумчиво на меня поглядывая.

— Пойдешь на меня работать? Мне нужны такие люди, ты молодой и образованный, голова прекрасно работает. Можешь за себя постоять и через несколько лет многого добьешься. Никто тебя не тронет. А что до гильдии, семье, как вы любите говорить, ты больше не нужен. Продала тебя Леона, — Он покатал белого короля по шахматной доске. — Я променял тебя у нее на пару уступок и выпустив ее человека. Именно так тебя и взяли, нам просто сказали где ты будешь один и без оружия.

Сердце у меня пропустило удар. Желудок прилип к позвоночнику и в нем несмотря на

старания Полночи, образовался склизкий комок страха.

— Прошу прощения, сир, но я вам не верю. С него станется мне соврать, лишь бы я согласился. А там уже дороги не будет назад.

— Подумай хорошо, выбора у тебя все равно нет. Или ты будешь работать на меня, или сгниешь в подвалах замка, как и тысячи упрямец до тебя. Я об этом позабочусь. Выпущу я тебя лишь в одном случае, как только ты дашь клятву на крови. Будешь служить наместнику и мне разумеется. Или жизнь — свободная жизнь, обеспеченная прошу заметить. Или путевка на ту сторону. Третьего не дано.

Я молчал, упрямо смотря на лежавшего белого короля.

— Вижу тебе нужно время для размышлений, оно у тебя будет пока я не вернусь назад в город, возникли срочные дела и к сожалению, мне нужно уехать, так что немного времени у тебя будет на размышления, пока сидишь наслаждайся моим гостеприимством. Он позвонил в небольшой колокольчик лежавший на столе. И когда вошли охранники с коридора, кивнул на меня. — Молодой человек хочет познакомиться с друзьями. Пусть посидит подумает. — И переводя взгляд на меня он добавил. — Но учти, потом, когда ты сам приползешь на коленях ко мне, условия будут другие. Уведите его с глаз моих.

Вошедший охранник в доспехе молча подхватил меня за руку и потащил за собой особой не церемонясь. Мне же понадобились все силы, чтобы успеть за ним и не упасть, гремя цепями на ногах я старался изо всех сил перебирать ногами, длины цепей не хватало. И при ходьбе ноги выворачивались из суставов, если я пытался сделать широкий шаг. Так что мне пришлось мелкими, но частыми шажками в полу припрыжку шевелить совершенно неслушающимися конечностями. Естественно я не успевал и периодически падал. Но меня бесцеремонно поднимали рывками. Мы дошли до дежурного на этаже возле решетки. И пока охранник объяснял дежурному куда меня надо направить. Я оперевшись на решетку приходил в себя как отозвалась Полночь.

— ...Дарий, Бранкати одаренный, причем довольно сильный...

— А ты откуда знаешь?

— ...Когда он засмеялся, у него в груди мигнул как яркий огонек, прямо возле сердца. Да и вся комната покрыта странными линиями и кругами, мы сидели в центре самого большого, все они ведут к нему...

— С каких пор ты видишь “странные линии”?

— ...Уже пару месяцев, но я как то не обращала внимание, когда я их встречала, это были единицы, и я просто не знала, что это, тут же их очень много, и когда он мигнул, они тоже мигнули вслед за ним. Что будем делать? Не думаю, что он отпустит тебя...

— Сейчас, набраться сил и попытаться не умереть.

— Что там шепчешь. Дежурный получив инструкции захлопнул решетку и схватил меня вместо охранника Бранкати.

— Молитву Всевиद्याщему повторял, это же не запрещено.

— Лучше проси милости у Всепожиряющей, солнечного света ты все равно больше не увидишь. (Наммир и Налира — Всевидающий и Всепожиряющая, Муж и Жена, Свет и Тьма Жизнь и Смерть, Солнце и Луна, Тот кто освятит мир и Та кто пожрет мир. Ей обычно возносят молитвы провожая в последний путь, и прося быть милостивой к усопшему. А так же Всепожиряющая, это богиня покровительница для поводырей мертвых — некромантов. Именно ей поклонялись в Аа-ша-ках, а когда империя развалилась, после великого упадка и века смуты, орден Искупления ввел запрет на поклонение Всепожиряющей, сжигая ее

последователей. Так что когда упоминают Всепожирающую для живого человека, это пожелание сдохнуть, желательно в муках.)

В итоге этот хренов умник решил сам меня не тащить в камеру, а сдал своим тупым коллегам на следующем посту. Заодно наплел им с три короба, что я чрезвычайно опасный убийца, чуть ли не младенцев живьем ел на завтрак и за мной следить как следует, не то возьму, да убью одним взглядом. А он просто храбрый и опытный, поэтому вел меня в одиночку, и удалился гордый собой.

Эти четыре дебила, поверив ему на слово, оставили свой пост, решив, что им дал чрезвычайно важное поручение сам черный барон и наставив на меня алебарды, повели в подвалы, где располагалась камера для опасных заключенных. А я стоять то не могу нормально, и соображаю с трудом после ночи избиения и пыток. И вся абсурдность ситуации меня ввела в гомерический хохот, когда мы пришли к камере, где содержались заключенные. Они в красках расписывали своим коллегам чтобы те были поосторожнее со мной, пока звеня массивными ключами открывали решетку. Я натурально заржал, и тут же пожалел, один из тупой четверки чуть не заколол меня своей алебардой, испугавшись внезапного громкого смеха, избитого до состояния котлеты и закованного в кандалы по рукам и ногам худощавого подростка, годящегося ему в сыновья. Так мой почетный эскорт и затолкал меня в переполненную камеру, куда ни разу не проникал солнечный свет, наставив алебарды всей гурьбой, под аккомпанемент моего безумного смеха.

Наверно именно это и стало той невидимой плотиной, что сразу разделила меня и остальной народ, населяющий переполненную каменную утробу, что называют камерой содержания заключенных. Мой безумный смех и то как меня затолкала стража, явно опасаясь закованного в кандалы по рукам и ногам, плюс черная роба, в которую одевали особо опасных головорезов. А так же мое измочаленное состояние говорило, что меня долго и упорно пытали. Все это никак у них не вязалось с моими небольшими размерами и совсем юным возрастом, и заставляло людей хорошо призадуматься.

Но я был слишком избит и мало что соображал и примостившись в ближайшем уголку моей камеры, уснул, провалившись в целительный сон. Проснувшись после первой ночи за решеткой, я выяснил, что здесь содержится сто восемьдесят человек. Это был улей, муравейник, кишачая масса плотно притиснутых друг к другу людей. В округе стоял постоянный гул из разговоров, шепотов, стонов, жалоб и криков.

Помещение в подвале для заключенных — она же Яма. Был один из отстойников преисподней, предназначена для содержания опасных заключенных. Тут содержались самые отъявленные отбросы общества. Опасные как для себя, так и для окружающих. Именно таких, находить и убивать была моя работа последние два года. Грабители, убийцы, предатели, насильники и прочие прекрасные люди с высокой моралью оказывались именно тут. Каземат был довольно большой, двадцать пять шагов в длину и десять в ширину. В середине был коридор по которому периодически ходили надзиратели. Камеры для самих заключенных были по бокам, по девять с каждой стороны. Они были разделены решетками, и от коридора их отделяли три арочных каменных зарешеченных прохода, два глухих, и один в центре с дверью, и в каждой содержалось по десять человек. Крысы, кровососущие насекомые, вши и прочие гады присутствовали в больших количествах, обитая в комфортной среде слежавшейся гнилой соломы. В изобилии раскиданной по каземату, и служившей постелями и мебелью для заключенных. Потому что другой мебели не было, только холодный камень стен и пола или гнилая солома. Все это дело освещалось тремя тусклыми

шарами, артефактами освящения, которые с трудом освещали пару ярдов вокруг себя. Но все равно это было в разы лучше, чем чадающие факелы, которые сжигали кислород которого сильно не хватало.

Естественно в этих казематах надзирателям было плевать на самочувствие заключённых и они предоставляли им самим заботиться о себе. Заболел? Значит тебя Всевидящий наказывает за твои грехи. В камерах всегда была толчея, духота и дикая вонь от сотен тел, годами не видевших мыльню, постоянно блюющих на пол, гадающих мимо ведра, которое заменяло отхожее место в каждой камере. И спертый воздух, который в подвале в принципе не проветривался. Дышать было просто нечем.

Проснулся я от того что мне чем-то пронзили спину. С трудом сев на полу я обнаружил трех присосавшихся ко мне клещей. Это были жирные темно-серые твари, раздувшиеся до того, что почти превратились в шар. Я прихлопнул их кулаком, и во все стороны брызнула кровь, моя кровь. Эта твари всласть полакомилась мной, пока я спал, клещи были бичом Ямы. Первое, потому что они оставляли ранки которые не заживали и начинали гноиться, второе они были разносчиками болезней. Я посмотрел в глаза окружающих. У одних взгляд был мертвый, у других безумный, у третьих возмущенный, у четвертых испуганный.

Но самое большое впечатление, было то что это был парад уродов. Как моральных, так и физических. Из-за откровенной дряни, что тут раз в день подавали вместо еды. Это просто было гнилье, самое натуральное гнилье. Почти все заключенные болели, чем дольше ты тут находишься, тем сильнее болеешь. Из-за этого гнилья многие страдали желудком и только у троих в моей камере была прогрессирующая нома. Отваливавшиеся куски челюстей, носов и дырки в щеках с выпадающими зубами. С учетом что никто тебе тут не поможет, нома это приговор, мучительная и растянутая смерть. Двое были покрыты пятнами, у них была горячка и откровенный бред. Клещевой Тиф во всей красе был обычным явлением. Один явно был не в себе, нормальный и здоровый человек не будет головой биться в решетку, бубня что-то себе под нос.

Осмотревшись я услышал где-то внутри нарастающий барабанный бой, это стучало мое сердце. Я почувствовал, что все мое тело сжимается, как кулак, и сердце мое сковало холодом. Помниться, когда я первый раз попал в канализацию, я думал, что ниже уже некуда падать, как оказалось есть. И надо что-то срочно менять, ибо следующая ступенька будет уже на той стороне.

— ...Проснулся?...

— Да, что нового расскажешь.

— ... Не хочу тебя расстраивать, я тут побродила немного пока ты спал, и наше с тобой положение не самое лучшее, я не представляю, как отсюда выбраться...

— Подозреваю, что ты права, но нам самим отсюда и не надо выбираться. Тебе придется сходить погулять немного. Помнишь когда первый раз ты появилась, ты украла кинжал отчима, еще раз сможешь также повторить?

— ...Не думаю, что кинжал тебе сейчас поможет...

— А мне кинжал и не нужен, стащи листочек бумаги. Надо будет передать записку донне Леоне, заодно узнаем, соврал ли нам Бранкати.

— ...Уверенна, это не станет проблемой, но как же ты?..

— Думаю, я смогу продержаться до того как ты вернешься.

— ...А если это действительно так?..

— Если это действительно так, найди и предупреди Карлотту. Она сама всем расскажет,

что Леона продает своих, но скажи ей, пусть даже не вздумает сюда лезть. С нее станется. В крайнем случае мы примем предложение Бранкати и сами выйдем, а пока ты ходишь, я подумаю еще, может что в голову придёт.

Клякса из теней, чуть темнее чем мрак стоящий в каземате выскользнула из клетки больше ничего не говоря. Оставив меня наедине со своими мыслями, и страхом. Который после ухода Полночи начал ползать по венам, оставляя склизкие комки неуверенности. Я встал и ковыляя из-за кандалов поплелся к бадье с водой. Расположенной возле каждой камеры с другой стороны от ведра с испражнениями. Напротив которого я оказывается и уснул. Я протолкался среди арестованных, которые внимательно следили за мной. Обойдя безумца, что долбился головой в клетку я подошел к корыту с водой, намертво прикрепленному железными скобами к клетке. Зачерпнув двумя руками воды я хотел попить, но поднеся к лицу вдохнул и меня передернуло. Будто из болота воды зачерпнул, стоячая затхлая вода.

— Что не нравится, да малыш? Раздался хриплый голос сзади меня.

Вылив воду на пол, я не спеша обернулся.

Говоривший оказался мужик сидевший в углу. Здоровый, но отощавший и осунувшийся, с несколькими шрамами от меча, из-за чего его лицо было перекошено, и совершенно безразличными — мертвыми глазами. В такой же черной робе, как и у меня, в черной робе в нашей камере было трое; я, этот мужик и безумец долбившийся головой в клетку. У него был уже рассечен лоб и капала кровь, но его похоже это совершенно не смущало.

— А мне нравится, скорчил гримасу его сосед, засовывая в рот гнилую солому. У которого нома уже разъела щеку и половину челюсти. Из-за чего его улыбка приобретала ужасный вид. Он весь был покрыт сыпью и в отросших спутанных волосах копошились сотни мелких белых жучков. Меня снова передернуло, но уже от его вида.

— Да я смотрю тебе все нравится. Ты уже гниешь заживо и у тебя Тиф. И хрен пойми, что еще. Тебе жить осталось пару месяцев в лучшем случае.

— А ты что, типа лекарь? Давай лечи тогда меня...Малыш.

Я поудобнее ухватил свою цепь на кандалах, вполне себе неплохое оружие. И выдал тот сардонический оскал, который постоянно видел у Карлотты. Прикидывая как бы его прибить. Если бы я не был так избит и не было бы кандалов на ногах, я бы без раздумий кинулся на него. Он, увидев мою оскаленную физиономию тут же вскочил на ноги и напряг плечи. Приготовившись к драке, безжалостной тюремной бойне между животными, коими мы оба являлись.

Но тут загрохотали ключами надзиратели. Открывая решетку, что вела в каменную утробу, где содержались заключенные. Он кинув взгляд на них, сел обратно и ухмыльнулся, одарив меня многообещающим взглядом. Мне же лишь оставалось ответить ему тем же. Все было понятно без слов, драка была лишь вопросом времени. Я поковылял в свой уголок, ногами сгребая в коридор солому. Лучше на холодном камне, чем тот набор с клещами и вшами, что обитали в соломе.

Пока надзиратели катили большую бадью и черпая из нее ведром, разливали отходы, что назывались едой. Старший встал посередине и считалочкой выбирал камеру. Он выбрал камеру напротив нас. Набежавшие надзиратели наставив арбалеты и острые концы алебард, встали полукругом возле камеры и начали ее открывать, схватив ближайшего они выволокли его под пронзительные крики обреченного, и захлопнули клетку. Со смехом нацепив колодки как у меня и ошейник на отчаянно сопротивляющегося человека, и вытащили из

каземата.

Но всем было плевать, во всяком случае никто даже не посмотрел на то как вытаскивают человека, все бросились толкаясь и ругаясь на друг друга жрать руками эти помои. Я смотрел в глаза людям, видел безумие вызванное голодом, как они глядят на других, давящихся горячей едой в спешке. Я наблюдал за ними, видел, как они смотрели на других, боясь, что они не успеют получить свою порцию из-за наглых ублюдков которым всегда всего мало. Их глаза демонстрировали истинную человеческую природу, которую можно познать только во время жестокого и отчаянного голода. Я познал эту истину там в заключении, эта истина отражалась во взгляде стоит только посмотреть в глаза. И конечно самым наглым ублюдком в нашей камере, оказался тот, кто называл меня малышом. Он сожрав больше половины того, что предназначалось для десятерых, вытер тыльной стороной руки остатки еды, со злобной ухмылкой одарил меня еще одним взглядом.

Я же даже не пытался встать со своего места. Хотя понимал, что мне следовало тоже через силу проглотить это мерзкое варево, сил у меня не было и восполнить их неоткуда. Я лишь устроился поудобнее, перебирал в голове варианты дальнейших действий. И похоже самым оптимальным, если вообще не единственным, было принять предложение Бранкати. Месяц пребывания тут, я просто могу не пережить.

Я размышлял над вариантами смотря как за остатки еды чуть ли не дерутся остальные. Естественно половине не хватило. И они понурые с безумным голодом в глазах побрели на свои места, похоже это не первый день как они не могут добраться до еды. Как с другой стороны решетки что отделяла камеры обреченно вздохнув, сел такой же бедолага, которому не хватило помоев что называется едой, у них в камере был такой же ублюдок, только побольше нашего, это был гориллоподобный детина, у него шеи не было, голова росла сразу из плеч. Что на фоне волос растущих в дюйме от бровей, смотрелось будто он точно был обезьяной.

Это был истощенный мужчина, будто узник контрактного лагеря. Все кости можно было пересчитать взглядом. Естественно он ничего не мог противопоставить здоровенному бугаю. Он сел и обреченно сгреб рукой гнилую солому засунув ее в рот.

— Не советую это есть.

Он удивленно посмотрел на меня.

— А мне больше нечего есть, еще пара дней, и я встать не смогу.

Я кивнул ему на человека с дыркой в щеке от номы, что сидел неподалеку от него.

— Видишь его, это называется Нома. Она появляется от гнилой дряни, что он сует в рот. Хочешь сдохнуть в мучениях как он, ешь эту солому.

Он посмотрел на своего соседа, на некроз, что расплзался по его лицу, и обреченно выплюнул гнилую солому.

— А ты откуда знаешь?

— Моя работа была спасать и лечить людей, до того как ее сменила работа калечить и убивать. Слушай, а куда это надзиратели уволокли кричащее тело с камеры напротив.

— В Пандемониум. Каждую неделю забирают по одному. Прошлый раз забрали из твоей, и тебя вместо него притащили.

— Что за Пандемониум?

— Яма для собачьих боев. Где вместо собак дерутся заключенные и всегда насмерть. Но говорят там хоть кормят, правда никто ни разу не вернулся чтобы это подтвердить.

Я ничего не ответив отвернулся от него, показывая, что разговор окончен и прикрыл

глаза поджав колени, обняв их насколько хватало цепей от кандалов. Меня мучила слабость и сильные боли в разодранной до мяса спине, все тело болело как один большой синяк. И сил мне это не прибавляло, и похоже у меня начиналась лихорадка. Я стараясь не думать о вопящих и кровоточащих ранах, и провалился в забытье уснув. Как внезапно ощутил волну озноба по коже, ознаменовавшую, что Полночь вернулась.

— ...Смотри что я нашла, думаю, что начальник надзирателей немного расстроится...

Опустив руку я нащупал небольшой круглый предмет. Взглянув вниз, я с удивлением уставился на мерцающее зеленым зелье восстановления. То самое зелье, что покупала за безумную цену донна Леона, когда основная часть ее бойцов чуть не померли от яда.

— Скажи, я говорил, что я тебя люблю? Маленькая ты засранка.

— ...Нет, не говорил, хотя я и так это знаю, но лишний раз побаловать девушку никогда не будет лишним...

— Это было очень неосмотрительно с моей стороны, так что я тебя люблю Полночь! Кстати, ты нашла бумагу?

— ...Да, но я могу переносить лишь один предмет, и я подумала, что сейчас это тебе нужнее. Так что сейчас вернусь...

— Постой, присмотри еще что-нибудь поесть. Эти отвратительные помои я есть не могу, да и не достались мне они. И все-таки мне нужно что-то острое, вроде гвоздя. Нужно будет открыть кандалы, и острый предмет не помешает, у меня кажется завелся бесплатный заказ, один клиент очень хочет путевку на тот свет.

— ...Кого нам нужно убить?..

— Вон в углу видишь, здоровый детина в черной робе. Думаю, уже этой ночью нам с ним придется поговорить по душам. И мне необходимо быть без кандалов и желательно с чем-нибудь острым.

— ...Хорошо, но обещай не убивать его без меня, я тоже хочу поучаствовать...

— Кстати, у меня тут появилась идея. Как ты вернешься, нужно будет проверить одно симпатичное местечко, уверен, тебе там понравится.

— ...Вот умеешь ты заинтриговать девушку, хорошо, что тебе в первую очередь принести?..

— Думаю, лучше сначала гвоздь.

— ...Хорошо, я быстро...

Клякса из теней выскользнула из клетки, а я оглянулся вокруг, чтобы никто не увидел, что за сокровище у меня вдруг оказалось. Но всем было плевать, все были увлечены собственными проблемами. “Сосед” за решеткой уткнулся взглядом в пол, а в моей камере ближайший был безумец, все долбивший головой в решетку. Очень аккуратно, дрожащими руками я вытащил пробку ногтем и прикрываясь рукой, залпом опрокинул зелье в рот. На вкус оно оказалось кисло-сладким и маслянистым. Будто оливкового масла выпил в которое добавили лимон и подсластили. Но, тем не менее, его нельзя было назвать противным. А главное эффект, в желудке сразу образовалось тепло, щедро разливавшееся по телу. Будто залпом выпил кружку горячего чая, вернувшись с мороза. У меня аж дыхание перехватило, я сидел в блаженстве, ощущая, как все раны до этого вопящие от боли начинают чесаться. Зуд в спине и в правой ноге, особенно пострадавших во время пыток был очень сильным, я натурально схватил свою одежду руками, чтобы побороть желание встать и потереться спиной о стену. Уткнувшись лицом в колени, я услышал щелчок, это сломанное ребро встало на место. А пожар внутри все продолжал нарастать, и теперь вместо желудка он сместился к

сердцу. Меня натурально уже начало трясти, и в отсутствии Полночи страх начал нарастать вместе с мыслью что, что-то пошло не так. Не должно так сильно жечь сердце. Я попытался успокоиться, делая дыхательную гимнастику, размеренный вдох и выдох, вдох и выдох. И наконец выдохнув, я глубоко вдохнул спертый, пропитанный вонью сотен немых тел закрытых в замкнутом пространстве, испражнениями и гнилой соломой воздух, раньше я не мог этого сделать из-за сломанного ребра, мне просто было больно это сделать и я дышал мелкими урывками.

И после глубокого вдоха я выдохнул.

Будто пузырь лопнул, окружающий мир внезапно сгустился и я оказался на глубине. Я был как эхолокатор на глубине, я отчетливо услышал шум и массу невнятных голосов, я смог прочувствовать все помещение и даже дальше. Я внезапно прочувствовал те линии которые говорила Полночь, они опоясывали входную дверь в каземат. Это было как трехмерная камера со свободным перемещением, оставаясь на месте я точно знал, что происходит за стенами, раздвинув пузырь еще сильнее я увидел Полночь скользящую вдоль стены. Она внезапно остановилась, и уставилась с удивлением назад. Вдруг я услышал будто лопнула струна, это был тихий, но в то же время звонкий звук, я не знал, что это такое, но я внутренне точно почувствовал, что это оборвалась нить чьей то жизни. Это звук вернул меня рывком в свое тело. И я смог наконец вдохнуть, шумно и глубоко, будто ты нырнул глубоко под воду и тебя резко выкинуло назад, жадно вдыхая спасительный воздух. А сердце продолжало жечь.

И я потерял сознание.

Бархатный шепот, ставший уже таким родным на краю сознания.

— ...Дарий, Дарий, очнись уже. Ну же Дарий, давай просыпайся...

— И я тебя тоже рад видеть.

Полночь тихо взвизгнув от радости, начала носиться вокруг меня, нарезая круги.

— ...Я знала, я знала, я верила, что ты сможешь, теперь и у тебя огонек в груди! Я услышала и почувствовала тебя, и поспешила назад...

— Долго я был без сознания?

— ...Несколько часов. Уже была смена у надзирателей, значит уже стемнело. Как ты себя чувствуешь?...

Я прислушался к себе, больше ничего не болело и я был полон энергии, мне хотелось встать и что-то делать. Но жар в сердце все еще стоял, не такой сильный, но все равно ощущаемый.

— Уже гораздо лучше, сердце немного печет, а так все прекрасно, есть только сильно хочу.

— ...Да, сейчас принесу, я нашла заточку, длинную и острую. Она лежит сзади тебя, я мигом...

Эта егоза пулей вылетела из клетки, даже особо не скрываясь пятно из мрака скользило по центру коридора в сторону выхода. Протянув руку назад, я действительно нащупал железку с ладонь взрослого человека длиной, тонкую и острую. То, что надо. Засунув ее за пояс и затянув штаны, чтобы она не выпала, я огляделся. Многие уже спали, но громила в моей камере сидел бодрствуя. И увидев, что я зашевелился, оскалился. Ох, его ждет большой сюрприз, лицо у меня было все грязное в потеках и крови, но все синяки и побои сошли на нет, и разобрать в полутемной камере, что я уже не измочаленная котлета, было решительно невозможно. Боковым зрением поглядывая за ним, я вытащил заточку и начал ковыряться в замке кандалов, вспоминая добрым словом всегда веселого мастера Тито и его уроки по взлому всевозможных замков. У нас в Норе были такие же кандалы, и я их неоднократно открывал, я бы мог с закрытыми глазами их открыть, даже если бы меня разбудили среди ночи. И тихий щелчок на правой ноге ознаменовал, что уроки не прошли даром. Затем я начал ковыряться в кандалах на руках. Снимать полностью я их не намеревался, отличное оружие получится, самое что ни на есть цепное гасило, а в другой руке заточка. Пусть только попробует сунуться. Наклонив голову и делая вид, что снова уснул, стал ждать, таких ребят я достаточно видел за последние два года, он по любому придет, скорее всего с прихлебателями. Ему необходимо показать, что он главный, а все остальные должны его уважать, и поскольку такие ублюдки не отличаются умом, то часто путают уважение со страхом.

Но все пока было тихо, он чего-то ждал, может ждал пока смена надзирателей уснет. Я изображая спящего ждал его, а он неизвестно чего ждал. Но первым я дождался наглуую кляксу из теней, которая совершенно не скрываясь, скользила назад прямо по центру коридора.

— ...Вот, я сыр стащила на кухне...

— Ты хотя бы из приличия по центру не бегай, не забывай, что Бранкати наверняка поставил человека сюда, чтобы следил за нами. А тут ты рассекаешь по центру коридора,

сама сказала, что он одаренный и довольно сильный.

— ...Да все равно никто не смотрит, но хорошо, если ты хочешь, я буду аккуратней...

Я нащупал здоровый кусок мягкого овечьего сыра размером с два моих кулака. И улыбнулся теньям подо мной.

— Я тебя люблю засранка, что бы я без тебя делал.

— ... Полагаю, истекал кровью и питался помоями, что тут подают...

— Заноза ты.

— ...Кхм-м...

— Пф-ф.

— ...Р-р-р...

— Заткнись.

— ...Повзрослей...

Я тихо рассмеялся, и тени улыбнулись в ответ.

Привычно препираясь с Полночью я совершенно забыл, что буквально в одном футе от меня за решеткой сидит человек, которому я советовал не есть солому, чтобы заглушить голод мучивший его. Он услышал мой тихий смех и поднял голову взглянув на меня, и конечно он увидел здоровенный кусок свежего сыра у меня в руках.

Его глаза чуть не вылезли из орбит от удивления, он перевел ошалевший взор на меня. И поэтому, совершенно безумному от голода взгляду, я точно прочитал, что мне придется с ним поделиться, иначе он начнет орать на весь каземат и просовывать руки через решетку. Пытаясь отобрать у меня еду, а на эти крики и шум, сбежится вся наша камера, и мне придется драться за еду с девятью взрослыми мужиками в замкнутом пространстве, для которых убить, проще чем сказать спасибо. А отнять жизнь у отчаявшегося человека только за то, что он умирает с голода, я не до такой степени скатился в своем моральном падении.

Так что подмигнув ему и улыбнувшись, я поднес к губам палец, призывая его к молчанию. Мне пришлось отломить ему щедрый кусок ароматного сыра, который мне и самому был жизненно необходим, под недовольное брюзжание Полночи, "...мол я тут всяких подкармливать не собираюсь...". И протягивая ему кусок, я схватил его за шкуру притягивая его к себе, так что он ударился лицом о решетку, и приставил к его горлу заточку, выдав тот жуткий сардонический оскал что позаимствовал у Карлотты, снова показывая, чтобы он молчал. Он лишь закивал головой как болванчик, так что я подумал, что она сейчас отвалиться на его исхудавшей шее. И засунув целиком в рот свой кусок, он начал спешно жевать драгоценную еду, опасаясь что у него ее заберут. Я от него не отставал, мы как два хомьяка, давились и спешили съесть все побыстрее. Потому что свежий сыр был очень ароматный и не учуять пряный запах свежей еды в спертom и застоявшемся воздухе, было сложно.

Что собственно и произошло, его сосед с дыркой в щеке от номы поднял голову втянув носом воздух, принюхиваясь.

— Сыром пахнет.

Увидев, что его сосед прикрываясь руками, старательно жует с набитыми щеками. Он кинулся к нему с криками: — У него сыр. И начал чуть ли рот лезть, пытаясь отобрать еду. Все это услышал гориллоподобный детина и тоже с криками кинулся расталкивая попадавших на пути людей отбирать еду. Естественно это все услышали у нас в камере, и пошли проверять что за шум. Ближайший кто подбежал, был тифозный прихлебатель нашего "короля", он увидел меня с набитым ртом и было кинулся. Но он заметил еду, но совершенно

не заметил тускло блеснувшую заточку. И тут же забыл о еде, булькая кровью и хватаясь за вспоротое горло.

Каким бы я не был мелким и хилым на вид пацаном, я был бойцом большой и грозной семьи, убийцей на службе гильдии, и только один этот статус требовал к себе уважения. Так что я перестал скрываться, встал с набитым ртом и показательно смахнув крошки с груди, скинул с руки расстегнутые кандалы, поудобнее перехватил их, взяв в другую руку заточку обратным хватом и с кровожадной улыбкой посмотрел на громилу уже прошедшего половину камеры. Он увидев это остановился в нерешительности, захлёбывающийся в своей крови у моих ног его прихлебатель, отчетливо давал понять, что черная роба на мне не просто так надета и шутить я не намерен. Но с другой стороны, если он сдаст назад. Даже не попытавшись наказать непокорного, того, кто убил его человека. Это была ловушка, ловушка для нас обоих. Никто не мог сдать назад, показать слабость. Репутация в криминальном мире все, и запачкавшись один раз, ты уже не отмоешься, тем более в тюрьме. Так что мы оказались заперты в тесной клетке размером три шага на полтора. И сдать назад, показав слабость, означало смерть, для любого из нас, мы оба это поняли без слов, просто взглянув в глаза друг друга. Мои ледяные, против его мертвых, два оскаленных зверя связанные обстоятельствами. Казалось время застыло на секунду. И в этой тишине перед бурей, я отчетливо услышал лопнувшую струну жизни, прямо у моих ног.

Именно это и послужило спусковым крючком, я ринулся вперед, замахиваясь своим цепным гасилом в лицо первого встречного на моем пути, и тут же вспарывая ему бедренную артерию возле паха. Еще минус один, пусть он об этом не знает. Громила инстинктивно схватив ближайшего и толкнул его в меня. Это был его сосед со сгнившей челюстью, любитель протухшей воды и гнилой соломы. Он получив тяжелыми кандалами по лицу так, что его голова дернулась в сторону, вслед за вылетающими из дырки в челюсти зубами, вместе с кровью и слюной, врезался в безумца долбившего головой в решетку, держась за продырявленный бок. Безумец, очнувшись от своей кровавой медитации, схватил его за голову и просто одним движением свернул ее на сто восемьдесят градусов, так что его жертва стала похожа на сову, повернувшую голову за спину. Его совершенно пустой взгляд, залитый кровью из разбитого лба под бессвязное бормотание, говорил сам за себя. Но на мое счастье, безумец был ближе к громиле и двум его друзьям, чем ко мне. Что собственно и решило дело, он повернувшись, пробормотал что-то невнятное и подняв руки кинулся на ближайшего. И похоже ему совершенно плевать на боль, он не замечал посыпавшиеся на него удары, пока душил железной хваткой, продолжая бормотать бессвязный бред.

Все оставшиеся, кто был рядом, горохом раскатились по углам клетки, освобождая нам пространство. В клетках напротив увидели схватку насмерть, и начали подбадривающие выкрикивать, стуча по решеткам. Что и слышали сонные надзиратели. Я же пока громила с напарником были заняты безумцем, который уже смял горло своей жертвы и вцепился в ногу громилы, подбежал размахиваясь своим цепом, в страшном нисходящем ударе. Ему просто некуда было отойти, в его ногу мертвой хваткой вцепился безумец, которому было плевать на боль. Он попытался прикрыться одной рукой, это ему конечно частично помогло. Оковы кандалов через руку впечатались ему в голову громилы, разбивая в кровь. И я успел два раза воткнуть в его бок свою заточку. Как прибежали охранники, крича и наставив арбалеты принялись нас растаскивать. Мне же лишь осталось подчиниться и отойти в свой угол. А безумцу не объяснишь, что все закончилось, так что крикнув еще пару раз они разрядили в него арбалеты. Но даже утыканный болтами, он продолжал тянуться к своей жертве, пока не

получил болт в упор в голову.

Как и в большинстве тюремных драк, началось все банально, а закончилось слишком круто. Шесть трупов меньше чем за минуту. Я же сев в обратный угол и сбросив заточку за себя, которую тут же подобрала Полночь, быстро одел назад кандалы. И пытался изобразить за шуганного паренька, которому тут совершенно не место. Мол я тут совершенно ни при чем, это все они виноваты.

Что-что, а безопасность была налажена у Бранкати что надо, как только ворвались в каземат первые надзиратели. Как через пару минут к ним прибыло подкрепление, человек двадцать с щитами арбалетами и пиками. Он явно знал, как надо обращаться с опасными заключенными, которых содержали в Яме. И вся дружная толпа, оцетинившись оружием встала напротив нашей клетки и клетки соседей. Хмуро глаза на побоище, что мы тут устроили, оказалось, в соседней камере тоже было два трупа. Прибили мужика которому я дал кусок сыра, он не пожелал делиться с гориллой, и кто-то под шумок свел счеты с еще одним заключенным.

Тут притопал заспанный и хмурый капитан, он был зол, что во-первых; это случилось в его смену, во вторых его оторвали от мягкой подушки. И он решил сорвать злость на ком-нибудь другом, любом кто подвернется под руку. Хмуро оглядев залитую кровью и трупами камеру и побоище, что мы устроили. Он поводит недовольно усами.

— Ну, и кто это у нас устроил. Он снова оглядел камеру, заметив меня забившегося в угол с невинной физиономией.

— А ребенок тут откуда? Вы что идиоты, перепутали камеры?

— Этот “Ребенок” наемный убийца, один из серых. Его сюда перевели по прямому указанию дона Карло, и это его работа, ну практически вся.

Капитан удивленно моргнул, снова оглядев побоище. Тут один из тех кто мне попался под руку, ослабев от потери крови из-за разодранной бедренной артерии. Перестал дрыгаться, и издав последний шумный вдох, ушел на ту сторону. Я лишь пожал плечами, улыбаясь Капитану.

— Мда. Забирайте тогда его, если он не может спокойно сидеть. Пусть идет в Пандемониум, там как раз приехали гости, устроим им развлечение. Он огляделся, увидев еще два тела в соседней камере. — Да что за день сегодня такой. Вам что, идиотам непонятно сказано? Кто будет буяннить, тот окажется на собачьих боях. Кто это сделал?

Лишь угрюмое молчание было ему ответом.

— Хорошо, тогда я сам выберу. Оглядев камеру он выбрал как раз гориллоподобного детину.

— Вон того тоже забирайте, самого здорового, может он подольше продержится. А то этот слишком хилый, в первом же бою сдохнет. К соседней камере подошли надзиратели с арбалетами и копьями. Детина начал орать что он не причем, что он не виноват и он никуда не пойдет, забившись в дальний угол. В то время как я улыбаясь, сам подошел к двери. И вытянув перед собой руки в кандалах, являл собой само спокойствие.

— ...Дай угадаю, то самое симпатичное место, про которое ты говорил, и есть этот Пандемониум, да?...

— Ага.

— ...И этот человек говорил мне чтобы я была осторожней...

— Тут вероятность сдохнуть такая же, плюс сама ты говорила, что отсюда не сбежать, а Пандемониум находится сверху, туда приезжают гости, а значит и шанс сбежать в разы

больше, а что до боев, я не боюсь. Мы два года, только и делали, что бились и тренировались.

Тут стражники все-таки накинув петли, выволокли из камеры отчаянно сопротивляющегося детину. Заломив ему руки за спину так, что он заорал от боли, и надели кандалы как у меня, заодно хорошенько пройдясь по нему окованными дубинками. С учетом места куда мы сейчас попадем, это может стать смертельным. Его наконец подняли и нас повели по темным, узким коридорам, но тут хотя бы была возможность вдохнуть. Минут двадцать мы петляли по лабиринту черного замка. Проходя многочисленные посты охраны и зарешеченные проходы. Пока наконец не поднялись наверх, выйдя в одно из зданий внутреннего двора, вольер, в котором вместо зверей содержали людей. Но во всяком случае, я был на свежем воздухе, и мельком взглянув на моих потенциальных соперников, я не увидел ни одного бойца, да здоровые, да мрачные и страшные на вид. Но такие же неуклюжие мешки с мясом, что стоял рядом со мной поскуливая. Открыв очередные ворота, мы подошли к мрачному седому мужику одетому в серый камзол, с короткой стрижкой и неопрятной встопорщенной бородой. Он что-то записывал на восковую табличку и даже по виду был зол.

— Криус, принимай новое мясо.

Этот Криус одарил исподлобья мрачным взглядом капитана. Окинул “мясо” взглядом, и сморщился при виде меня и сказал: — Ты мне еще проституток притащи, чтобы потом все гости смеялись. Эти ублюдки один бой не могут простоять. Сколько раз я говорил, купите еще гладиаторов, но нет, тащат мне этих животных.

— Не переживай Криус, есть кое-что гораздо лучше, на этот раз настоящий серый. Гребаный убийца с улиц нижнего города, напрямиком от самого Бранкати. Только что в клетке положил шесть трупов меньше чем за минуту.

— Да? Ну-ка посмотрим. Он подошел нахмурившись, разглядывая детину рядом со мной. — Да здоровый, может и проживет пару боев. Но услышав смех капитана, обернулся и вопросительно поднял бровь.

— Не он Криус, убийца, это мелкий засранец.

Криус нахмурился еще больше, и перевел на меня взгляд из-под своих кустистых седых бровей. Обошел кругом рассматривая, и нахмурился еще больше.

— Что-то он какой-то хилый, ты уверен, что он серый?

— Шесть трупов Криус, меньше чем за минуту. Надзиратели даже дверь в Яму открыть не успели. А этого здорового прихватили в соседней клетке, он тоже там прибил кого-то. Вот и поставь их на разогрев вместе, посмотрим чего стоят эти серые на самом деле.

Криус махнул стоящим в сторонке рабам: — Разденьте их, помойте и приготовьте. Гости уже приехали как закончится ужин, начнем. А вы, кто выживет того покормят, и не тем дерьмом которое вам подают внизу, а нормальной едой. Под присмотром надзирателей, рабы сняли с нас одежду. И увидев меня без робы капитан присвистнул, даже Криус хмыкнул. Усиленно тренируясь по двенадцать часов в день и хорошо питаюсь, я за последние два года порядком набрал мускулатуры, это были стальные жгуты, предназначенные только для одного, нести смерть. Плюс то, что я был весь покрыт рубцами от ран, полученных как во время тренировок так заказах, а также метка убийцы на плече. Просто все это под объемной робой не было видно, создавая ложное впечатление зашуганного ребенка, невесть как сюда попавшего.

— Вот теперь верю. Криус хмыкнул глядя на мою татуировку. — Может быть

действительно продержится.

По сравнению со здоровым, но рыхлым и жутко волосатым детиной рядом со мной, я смотрелся на порядок опаснее даже для неопытного глаза, хоть и был гораздо младше и меньше. В итоге смыл с меня тряпками грязь и засохшую кровь, несколько молчаливых рабов надели серую мешковатую накидку. И отвели в отдельную небольшую клетку. Детины закрыли рядом, через Полночь я отчетливо ощущал, как него нестерпимо несет страхом, он боялся и не скрывал этого, сидя в клетке он мелко дрожал, хотя он и сам был убийцей и головорезом, он видно привык иметь дело с лишь с теми, кто был слабее его и был морально подавлен. И пока мы ждали пока гости поедят и опьянеют до определенной кондиции. Я тупо лег на деревянный пол, закинув ноги на клетку и скрестив руки безмятежно уснул, когда надо будет, сами разбудят.

Меня разбудили через час, охреневший от моей наглости Криус вернулся с отрядом вооруженной стражи за нами, и пнул по клетке, поднимая меня: — Нет, вы только посмотрите, этот хренов сукин сын спит.

Я лишь улыбнулся ему и рывком с пола встал на ноги.

— Выкинешь фокусы парень, сильно пожалеешь.

— Без проблем, если покормите, я буду вести себя спокойно, а если хорошо покормите, устрою зрелище гостям.

— Выживи сначала, там посмотрим.

Как оказалось моего соседа уже увели и он ждал начало представления возле бойцовской ямы. С четырьмя хмурыми стражниками мы прошествовали в Пандемониум. Это была Арена в миниатюре, это оказалось круглое помещение, переоборудованное в самой громаде черного замка, для этого использовали два этажа. Пробив дырку в одном для удобства приезжающих гостей, чтобы они могли после обильного ужина сделать ставки и развлечься боями. Там было выстроено ограждение, чтобы случайно бойцы из ямы самовольно не вздумали попасть к гостям. Сама арена, была шагов десять на десять. С четырьмя выходами, два для бойцов и два для стражи, если возникнет такая необходимость. Так что все оказалось довольно просто, выпускали по участнику с каждой стороны, и покинуть Пандемониум живым может только один. Все это происходило после того как зрители сделают ставки, и под азартный вой и крики пьяной толпы сверху.

Пока распорядитель раззадоривал публику, косоглазый юноша намалевав мне на робе белой краской цифру девять, снял с меня оковы и вручил весь исцарапанный и покрытый зазубринами гладиус, но тем не менее у оружия был отличный баланс. И без лишних разговоров вытолкнул в яму для боев, как раз в этот момент, из двери напротив вытолкнули уже знакомого мне гориллоподобного детину.

Сверху посыпались насмешки и оскорбления, при виде столь несуразных противников.

— Это что, шутка? — крикнул кто-то, под свист и смех соседей.

В яму полетели плевки, брань и объедки. В основном конечно в меня, в детину полетели от тех, кто до меня просто не мог докинуть.

Регистратор лишь безуспешно пытался успокоить публику, потом видно понял всю тщетность своих попыток, объявив начало боя.

Детина видно настроился драться до конца, его свирепая заросшая физиономия, вытаращенные глаза и выдвинутая вперед в воинственном оскале челюсть, ясно об этом говорили. Он пошел на меня широкими шагами, сжимая здоровенным кулачищем такой же исцарапанный и покрытый зазубринами гладиус. Последние пару шагов он пробежал, замахнувшись с криком в широком косом ударе, грозившем разрубить меня на две части. Если бы попал.

Я сделав шаг вперед, лишь ждал его, не двигаясь с места пока здоровяк приближался и безразлично слушая насмешки и оскорбления сыпавшиеся сверху. Но как только он поднял меч, чтобы разрубить меня от черепа до позвоночника. Обманым маневром сместился сначала вправо и потом влево пропуская над собой просвистевший меч, и перерубая ему незащищенное горло. Он так дальше и прошел пару шагов мимо меня по инерции, выронив меч и схватившись разрубленную гортань, щедро поливая песок кровью.

По толпе разодетых в шелка и сытых, избалованных уродов, которые пришли ради развлечения посмотреть на чужую смерть, прошла волна растерянного бормотания. Они никак не ожидали, что небольшой худосочный паренек, в один точно выверенный удар положит здорового бугая.

Мне же, пришлось запихнуть глубоко-глубоко все свое презрение к ним. И улыбнувшись поклониться, подключив все свои хорошие манеры и весь свой шарм. Ожидая следующее представление, и следующего обреченного. На арену выбежали двое рабов и подхватив труп гориллоподобного, они уволокли в темный зев коридора, его ожидала лишь общая безымянная могила и объятия Всепожирающей. Мне лишь осталось шепотом попросить у нее быть милостивой к несчастному и простить меня. Пока распорядитель развлекал гостей и принимали ставки на арену вывели нового участника. Это был здоровый и хмурый мужик, со старым шрамом через все лицо, из-за чего его правый глаз казался чуть ниже левого. Он затравленно огляделся на костеродную публику, и перевел взгляд на меня, стоящего в другом конце арены, усмехнувшись. Да дружок, я не выгляжу опасным, продолжай так считать дальше. Мне же лишь осталось сгорбившись, изобразить дебильное выражение испуга с замешательством на лице.

И снова крики и стоны и смех перемешанные бранью, но хоть объедками не кидались.

И снова удар в гонг ознаменовавший начало пира Всепожирающей.

И снова та же ошибка, он точно так же подбежал замахнувшись, но этот хоть знал, как бить мечом, удар был поставлен, что надо. Но все равно недостаточно быстро, недостаточно, чтобы убить того, кто последнее время жил сражениями.

И снова тело на песке захлебывается в своей крови, под крики и брань тех кто поставил на него. Их совершенно не интересовала его жизнь, что вытекала вместе с его кровью на песок, их интересовало лишь то, что они лишились денег сделав неправильную ставку.

И снова лучший поклон из моего арсенала, украшенный ослепительной улыбкой.

Какая-то раскрасневшаяся от алкоголя и жары толстуха завернутая в несколько слоев шелка, притащила со стола кусок запеченной ноги молодого барашка и радостно хихикая, скинула его мне чуть ли не на голову. Мне же лишь осталось его поймать, испачкавшись в обильном жире. Откусив щедрый кусок, и снова ей поклонившись.

— Благодарю ми донна, вы выглядите просто несравненно. Прошу, заказывайте, что вы хотите увидеть следующим?

— Сердце, хочу увидеть удар в сердце, ведь это так романтично.

— Желание прекрасной дамы закон для меня. Я снова поклонился, чтобы скрыть то, что меня передернуло от отвращения, романтично ей, спустись сюда сама, прочувствуй всю романтику.

Клетка напротив загрохотала, выплюнув из своей утробы новую жертву. На этот раз это был южанин, стройный и подтянутый уроженец золотой марки. Весь покрытый татуировками моряков, скорее всего неудачливый пират-работорговец, попавшийся во время рейда, обычно именно они так себя разукрашивают. Ему вручили кулачный щит и скимитар, их привычное оружие. Я откусив новый кусок ожидал его в центре арены. Он нахмурился озадаченно, увидев странного, совершенно неопасного на вид подростка, жующего кусок запечённого мяса среди брызг крови. Он не мог не знать, что только пару мгновений назад, сюда же выходил его предшественник, а теперь выпихивают его.

Я перехватил свой гладиус в левую руку обратным хватом, и под удар гонга сорвался вперед. Он встал приготовившись, выставив свой Баклер и отведя скимитар назад. Очень

трудно друзья, побороть свои инстинкты, в большинстве случаев они спасают нам жизнь, но иногда служат ее концом. Именно это и случилось с неудачливым пиратом, он закрылся щитом от летящего в лицо прожаренного и хорошо приготовленного куска мяса. На секунду потеряв меня из виду, и открывая свой левый бок, мне же лишь осталось опередить наверх ладонь правой руки, вонзить ему свой меч прямо в сердце, и снова схватить еще не успевшее упасть мясо с щита, откусив новый щедрый кусок и поклониться полной даме сделавшей заказ.

— Ваша воля выполнена, о прекрасная незнакомка.

Она стояла на месте хлопая в ладоши, пытаясь подпрыгнуть, но она слишком много весила для этого, тупая и счастливая. Она была центре внимания, все на нее посмотрели, судя по ее горящему взгляду, она считает, что это целиком ее заслуга.

В ту ночь, я выполнил еще семь заказов, семь жизней потрачено безвозвратно, еще семь записей в моем списке. Отвешивая поклоны и раздавая льстивую похвалу разодетым в шелка уродам. Но, как и все жестокие и циничные ублюдки, они слишком любили лести и внимание, они были счастливы, выиграв на ставках золото, наевшись от пуза и смотря как “скот” режет друг друга, превознося их величие. И выйдя из забрызганной кровью арены, уступив возможность другим обреченным сражаться за свою жизнь, идя по своему проходу, я наткнулся на Криуса стоящего возле клетки.

— Неплохое представление парень, но я ни капли не поверил.

Подумав секунду, я подошел к нему вплотную, заглянув в глаза. Стража тут же вытащила с шелестом мечи, наставив их на меня.

— А я и не для тебя выступал. Так что я жду обещанный ужин Криус, нормальную еду с хорошим вином. Развернувшись, не дожидаясь ответа, я пошел в свой “загон”.

В клетке смердело мочой и застоявшимися страданиями. Солома была такая же гнилая и заплесневелая, как и казематах снизу, ведро в углу покрылось коркой из засохших испражнений и мух. Но сейчас я хотя бы мог дышать. Я был зол и чувствовал себя мерзко.

— Чувствую себя дерьмово, — вздохнул я, озвучивая свои мысли.

— ...Пахнешь ты примерно так же...

— Я не это имел в виду.

— ...Перестань Дарий, ты не можешь сейчас жалеть их. Или мы или они. Думаешь, было бы лучше если тебя утащили волоча по песку вперед ногами, думаешь кто-нибудь из них стал бы тебя жалеть, или хотя бы вспомнил?...

— Да ты права, но это не отменяет того, как я себя чувствую. Моя работа была спасти людей, а сейчас я их убиваю, ради развлечения всяких уродов.

В коридоре раздались шаги, и Полночь испарился, как дым на ветру. Криус сдержал обещание, рабы из числа обслуги принесли обед прямо с барского стола костеродных гостей. Ну вернее то, что они не доели. Но тем не менее, это была отличная еда, вкусная и сытная. Хорошо приготовленного жирного мяса я не ел давно.

Как только обслуга удалилась, оставив мне поднос полный снеди. Полночь вновь соткалась из мрака и теней.

— ...Так какие наши дальнейшие планы? ...

— Они не изменились, мне нужен кусочек бумажки, чтобы передать весть донне Леоне, сомневаюсь, что сегодня меня снова поведут на арену. Скорее всего это будет следующей ночью. Так что думаю ты успеешь вернуться, на обратной дороге захвати из Норы набор отмычек, а заточку наверное придется спрятать неподалеку. Тут гораздо проще будет

сбежать, а значит, чтобы отвлечь внимание, я буду играть роль послушного песика, кусающего по команде и виляющего хвостиком, пока не выберем подходящий момент для побега. Нам нужно успеть сбежать до возвращения Бранкати, иначе момент может не наступить никогда. Мне не понравились его слова о клятве на крови.

— ...Хорошо, *сейчас принесу, заодно разведу что тут есть интересного...*

Еще было темно, но луна уже клонилась к горизонту, а значит скоро будет светать и гости разъедутся. Я поев, и ощущая приятную тяжесть в животе, свернулся клубочком в ожидании Полночи. И сам не заметил, как после тяжелой ночи провалился в сон. Провалившись в сон я снова оказался в глубине окружающего мира, я чувствовал этот сгустившийся воздух, что колыхался вокруг, я снова видел все переливающиеся всеми цветами линии, что опоясывали помещение в котором меня содержали. Я чувствовал все линии на стенах и воротах, кристаллы замурованные в стенах но...их не было только возле недостроенной башни. За которой было большое кладбище, я почувствовал каждое тело, что лежали друг на друге в несколько слоев. уже разложившиеся поверх совсем оголенных костяков. Их крики, их гнев и сильнейшее желание отомстить. Я оказался среди сонма погибших душ, каждый из них кричал о своем. Этот хор буквально сводил с ума, я пытался закрыть руками уши, но это совершенно не помогало, я все равно их прекрасно слышал. Но я почувствовал руку, что вытащила меня из глубины на поверхность. Оставив позади весь этот кошмар.

— ...Дарий *ты как? Вот на мгновенье тебя оставила...*

— Я их слышал. Всех разом.

— ...Кого *их?*...

— Мертвых. Там за разобранной башней большое кладбище, они все кричат.

— ...*Я ничего не слышу...*

Я сел встряхнув головой, пытаюсь прогнать остатки липкого кошмара. — Кстати, я видел все линии, весь замок по периметру окружен ими. Но их нет возле строящейся башни.

— ...Да? *Надо будет посмотреть, кстати, вот ты просил,* — у меня под рукой появился скомканный клочок бумаги исписанный с одной стороны. — ...*А чем писать будешь?* ...

— Кровью Полночь, кровью. Я укусил себя за указательный палец, несильно, но достаточно, чтобы выступила багряная капля. И разгладив бумажку на коленке, начал писать послание, кровь была моими чернилами — палец был моей кистью, и внутренне продолжая лелеять надежду, что все о чем говорил Бранкати, было ложью.

“Донна Леона, это Дарий, мне нужна помощь! Меня забрали в черный замок.”

С трудом выведя прерывающиеся каракули пальцем, я еще раз аккуратно разгладил кусочек моей надежды. Подождав пока кровь подсохнет, иначе будет решительно невозможно прочитать что там написано, я бережно ее свернул и положил на пол, записка утонула в тени, пройдя сквозь пол, будто он был водой.

— Поспеши Полночь, и не забудь набор отмычек на обратном пути.

— ...*Я быстро, постарайся не умереть, и не слушай больше, кого ты там услышал...*

Клякса из теней растворилась во мраке раннего утра, быстро скользя по углам в сторону выхода. Унося мою надежду на освобождение, если меня кто и может отсюда вытащить, то это донна Леона. Я же сидел обхватив колени руками, и боясь опять уснуть, боясь услышать снова те голоса. Но время как будто специально еле тянулось, и от безделья меня начало клонить в сон, после тяжелой ночи и сытного ужина. И чтобы хоть чем то себя занять, мне

пришлось делать зарядку, разгоняя кровь и пытаясь прогнать сон. За этим занятием меня и застал Криус, придя вместе с охраной за мной.

— Чем это ты занимаешься?

— Тренируюсь, разве не видно, не хочу сдохнуть на следующем представлении.

Он недовольно поводит своей всклокоченной бородой, наблюдая из-под кустистых бровей.

— Сейчас пойдешь с нами, нужно поставить метку, и тебя переведут в камеру, тут места для тех кто сидит на замене. И без лишних фокусов парень.

Я встал у двери протянув руки, чтобы мне нацепили кандалы: — Я готов заключить с тобой соглашение Криус. Я буду послушным щеночком, и проблем не будет, я буду выступать и развлекать публику как могу. Зубы буду показывать только по команде фас, только тем на кого ты укажешь. Взамен прошу немного, лишь нормального отношения и нормальной еды, и место где я смогу тренироваться, любая закрытая комната подойдет. Я все равно тут до того как вернется дон Карло Бранкати, он сделал мне предложение и я склонен его принять. Так что мы с тобой в некотором роде скоро будем коллегами.

Он нахмурился еще больше, старый и опытный, прожженный хрыч, явно давно ведущий дела с публикой подобной мне. Он ни капли мне не доверял, но он знал, что меня привели от Бранкати. А был ли у меня с ним договор, можно узнать только у самого черного барона. В конце концов я не просил много, и гостям явно понравились мои кривляния и лесть.

— Посмотрим, в любом случае нужно поставить метку. Так что пойдешь сейчас с нами, но если будешь вести себя смирно и дальше развлекать гостей, я посмотрю что можно сделать.

— Я о больше и не прошу Криус.

И послушно следуя за ними в кандалах под охраной из четырех вооруженных надзирателей, я и предположить не мог, что это хитрый старый хрыч, решил подстраховаться и поставить мне клеймо. Клеймо смертника. Такие ставят только самым опасным ублюдкам, тем кого уже никогда не выпустят из застенков, и если такое случайно увидит добропорядочный человек, или абсолютно любой стражник в любом городе, любой страны. Будет точно знать, что перед ним сбежавший заключенный — особо опасный головорез, готовый вырвать и сожрать твою печенку, а значит обращаться с ним надо соответственно. Таких обычно убивали сразу на месте без разговоров, а если поймают живым, то публичная казнь через повешенье или костер, для развлечения порядочной публики, и тем, кто хотя бы укажет на такого, ждет награда от местной власти. А если кто убьет, а тем более поймает живым такого субъекта, светит ОЧЕНЬ хорошая награда, ради которой стоит рискнуть. И существует целая каста охотников за головами, живущих охотой на таких опасных “животных”, причем живущих хорошо, но недолго. Ибо объявив охоту на тигра, будь готов к тому, что тебя могут съесть на завтрак, и не подавятся. И что самое противное, эту пакость чрезвычайно сложно удалить, даже если ты срежешь себе кусок кожи с мясом, она снова вылезет на рубце.

Я заподозрил неладное уже слишком поздно, когда меня завели в комнату с уже знакомым массивным стулом прикрепленным к полу. Рядом краснел раскаленный железный прут в жаровне. А возле стола смешивая в чашке ингредиенты и наблюдая за алхимическими колбами, в которых шипела пузырясь и брызгая черными каплями смесь для заливки в рану, стоял блестящий от пота мужик в фартуке на голый торс. Я было попытался дернуться, но я был закован порукам и ногам, а надзиратели были готовы и тут же вцепились мертвой

хваткой в меня, насилу усадив и защелкнув захваты. Так что я даже пошевелиться не мог.

— В чем дело Криус? Мы же договорились.

— Договорились? Я никогда со животными не договариваюсь. Так что щеночек, будешь гавкать, я тебе язык вырежу, ты и без него вполне сдохнуть сможешь на арене.

— Начинайте. Он кивнул мужику в фартуке.

Тот недолго думая взял раскаленный докрасна прут и кивнул надзирателям, они разорвали у меня на груди накидку которую мне недавно выдали. И он одной рукой схватив меня за лоб, зафиксировав голову прислонил раскаленное клеймо мне на левой стороне груди, чуть повыше сердца.

БоооООЛЬ. Жуткая боль пронзившая все тело с макушки до пяток, все мое тело орало от боли. Потянуло паленой плотью, моей плотью и пошел легкий дымок. Я забился в конвульсиях натужно крича. Это не длилось долго, пару секунд. Но мне это показалось вечностью, а он поставив клеймо взял чашку с черной шипящей гадостью и вылил мне на вопящую от боли рану, и будто этого было мало, меня тут же пронзила сотня маленьких червей прогрызающих себе дорогу внутрь. Это все что я запомнил, потому что свет потух, и я наконец отключился, сбегав в спасительное забытье.

Теплое, летнее и солнечное утро в Райлегге было особенно прекрасно, мягкий климат все-таки многое что значит. Именно такую погоду и любила Леона, не слишком жарко, и не слишком холодно. Из-за жары у нее постоянно болела голова, а холод плохо влиял на старые раны, которые начинали противно ныть при малейшем похолодании. А это утро было особенно прекрасно, она наконец получила то, что и хотела, выторговав у своего извечного противника, черного маразматика Бранкати уступки, которые мало что для нее значили, они были лишь фоном. Служившим для того, чтобы скрыть истинную причину той сделки, которую они заключили пару дней назад. Он и не догадывался, как это было для нее важно, что тот человек, на которого она выменяла одного из своих цепных псов — серых, наемных убийц. Молодого, но очень перспективного чернявого парня с лицензией врача. Она променяла своего сына на Дария, никто и не догадывался, что у нее есть ребенок, единственный ребенок, которого держали в застенках.

Она отпила ароматный кофе поглядывая на стопку писем и донесений, что принесли за вчерашний день, кофе было отличным, это был отборный урожай прямиком с плантациями Золотой марки, родины ее мужа, единственной и главной любви всей жизни. Но его убили, заказав его жизнь, все, чтобы надавить на нее. Она потратила целое состояние, чтобы найти ублюдков, и кара которую они получили, восхитила бы даже великих магов ушедшей империи. И все что у нее осталось, это был ее сын, немного наивный, но он был так похож на своего отца, и который попался из-за юношеской недалёковидности, ей было откровенно жаль отдавать Дария. Смешанный парень, которому можно поручить любое дело и оно будет выполнено, отличный боец, в которого было вложено слишком много трудов, превосходный лекар с драгоценной лицензией, позволявшей провозить запрещенные ингредиенты с империи, через многочисленные кордоны ордена, и варить потом из них дорогостоящие эликсиры. Это было золотое дно, позволявшее грести золото обеими руками. Но золото не имеет значения, если на чаше весов стоит родная кровь и смысл жизни, единственное, что важно для нее в этом мире. Она тяжело вздохнула, посмотрев в угол, на не доигранную партию шахмат, ее фигуры были всегда белыми, они отправляли друг другу посыльных с записями следующего хода, и она почти всегда проигрывала. Но шутка заключается в том, что Бранкати гораздо лучше играл в шахматы, чем в увлекательную игру под названием жизнь, а ей было несложно поддаваться.

Она снова отпила ароматный напиток, с закрытыми глазами наслаждаясь насыщенным послевкусием. И обреченно вздохнув, начала разбирать письма, что ей принесла целая армия посыльных и доносчиков. После третьего письма, она натолкнулась взглядом на мятый, исписанный обрывок бумаги, пропитанный кровью. Леона нахмурилась, она не любила неаккуратность, и строго требовала от своих подчиненных, чтобы в бумагах всегда был порядок. Но тем не менее, исписанный клочок бумаги с кровью, лежит у нее среди писем, почти на самом верху. Озадаченно взяв его в руки, она прочитала его, но было совершенно непонятно, что там написано, это был вырванный клочок бумаги с донесенья, смысл которого терялся так как не хватало остальной части. И перевернув его, она нахмурилась еще больше. Прочитав то послание, которое было ей предназначено, написанное кровью, смазанное и неаккуратное. Но смысл был ясен, как солнце в безоблачный день.

“Донна Леона, это Дарий, мне нужна помощь! Меня забрали в черный замок.”

Сжав бумажку в руке, она окликнула своего старого слугу и телохранителя, он не отличался умом, но был жесток и исполнительен, а самое главное был верным.

— Хейн.

Вошедший громила с бородой цвета золотой бронзы заплетенной в косу на манер нордлигов остановился в дверях, ожидая.

— Звали донна Леона?

— Это кто передал? Она показала скомканный клочок бумаги с кровавым посланием.

Хейн озадаченно почесал голову: — Не знаю донна Леона, я в первый раз это вижу, вы же знаете, я всегда проверяю все. Она смотрела на него несколько мгновений прищурившись, размышляя врет ли ее слуга или нет. Но она знала Хейна уже давно, она спасла его жизнь и жизнь его родных, взамен получив его верность. И он не умел врать, его полностью озадаченный вид об этом отчетливо говорил. Но тем не менее, факт она держала у себя в руках.

— А кто-нибудь сюда заходил кроме тебя?

— Нет донна Леона, вы же знаете, я никого в дом не пускаю.

— Хорошо, можешь идти.

Подкурив неизменную сигарилу от свечи и отхлебнув ароматного кофе, она сожгла послание, взявшись разбирать почту дальше. Совершенно не обращая на тень, вытекавшую струйкой из ее двери.

— Вот где он может быть, скажи мне?

— А я откуда знаю, может по девкам пошел.

— Это ты по девкам только можешь ходить, упившись в стельку. Третий день его нет, все его вещи тут лежат, а он чуть ли не трясётся за свой чемодан и лютню. К тому же Дарий не из тех, кто молча пропадает, он бы предупредил. Он даже деньги у Бена не забирал, я спрашивала. Может Леона его куда послала? Сходи, спроси у нее, у меня не хватает терпения с ней разговаривать. Карлотта ходила туда-сюда по комнате, — А если он действительно пошел по девкам никого не предупредив, я ему руку сломаю, мелкий сукин сын.

— Да придет, куда он денется, протрезвеет и появиться. Клето выпил вина и сморщившись посмотрел на кубок. — Вот что за дрянь Бен сюда тащит, мог бы хоть выпивку нормальную заказать, а не эту разбавленную кислятину.

— Да тебе лишь бы пить, сколько уже можно лакать это дерьмо? И между прочим это твой ученик пропал, а не мой. А тебе плевать, тебя волнует разбавленная кислятина.

— И что, мне тоже метаться из угла в угол? А даже если бы Леона его куда-нибудь послала, мне она не докладывает, ты сама знаешь, если она не хочет говорить, из нее клещами ничего не вытащишь. И хватит уже метаться, ты действуешь на... Драть меня в зад. Клето отшатнулся от двери, уронив стул и выхватив меч. Увидев силуэт из теней и дыма стоящий в проходе. — Скажи, ты тоже ее видишь?

Карлотта тоже инстинктивно схватилась за мечи, и нахмурившись обернулась, посмотрев, от чего ее напарник выхватил оружие.

— Ну надо же. Явились, где этот мелкий сукин сын, я ему сейчас что-нибудь сломаю.

— ...Привет, Братик. Я с плохими новостями, Дарий в черном замке, его забрали в Пандемониум для развлечений костеродных...

— О чем ты говоришь?! Когда это случилось?

— ...Три дня назад, Леона продала его Бранкати. Поменяв на своего человека и пару уступок, его пытали всю ночь Карлотта...

— Но этого просто не может быть!

— ...Увы это так, они хотели знать про Нору, он ничего им не сказал...

— Как мы можем помочь?!

— ...Никак, *даже не вздумай туда лезть, мы попытаемся сбежать, в крайнем случае придется принять предложение* Бранкати, он хочет, чтобы Дарий работал на него...

— Что за херня?! Что это за демон?

— Она не демон, а тень Дария. Она всегда была с ним, ты бы и сам мог заметить, если бы вместо кубка с вином хоть раз присмотрелся вниз.

Полночь помахала ему ладошкой: — ...Привет, наставник, насчет зада конечно щедрое предложение, но я пожалуй откажусь, а то меня потом кошмары целый год мучить будут...

— Что? Клето переводил ошеломленный взгляд с силуэта из теней на нахмуренную Карлотту.

— Ты уверена насчет Леоны? Это очень серьезное заявление.

— ... Абсолютно, я сегодня передала ей записку от Дария, с просьбой помочь, но она ее прочитала и сожгла, и продолжила дальше пить кофе как ни в чем не бывало, она продает своих Братик...

— Вот предательская тварь! Карлотта в сердцах ударила в стену кулаком. Я ее убью.

— Поосторожнее с такими заявлениями. Это тебе не уличная шпана, это донна Леона, и кому как не тебе знать на что она способна. Клето все еще настороженно посматривал на живую тень, но только что услышанное было через чур серьезно. Если это окажется правдой, то никто не захочет работать с ней.

— И что она сделает? Убьет меня или продаст?

— ...Я вас покину, я зашла лишь предупредить, и теперь возвращаюсь к Дарию, ему нужна моя помощь, если нам повезет мы обязательно еще увидимся, если нет, то увидимся уже на той стороне...

И девушка из теней растворилась без следа, оставив напарников обдумывать новости.

— Что это было Карлотта?! Клето убрал меч в ножны, и был полностью серьезен. Он всегда опасался того, что не понимал, а это было самое непонятное из того, что он видел. Он видел много магов, их магию, видел умертвия, алчущих свежей крови, но ожившие разумные тени никогда, а все что непонятно — опасно по определению.

— Полночь, ее зовут Полночь. Несколько лет назад Дария похитил колдун для ритуала, он чудом выжил. Что-то такое, он тебе сам расскажет если захочет, если выживет. Пошли, нужно рассказать Бену.

— Стой. Не спеши. Клето взял Карлотту за локоть, придерживая.

— Убери свои грязные лапы от меня. Буквально прорычала Бешеный Брат, она терпеть не могла когда к ней прикасались без разрешения.

Клето убрал руку, поднимая ладонь и показывая, что собирался лишь остановить: — Не спеши Карлотта, мы обязательно поговорим с Беном, но не при всех. И все непременно узнаем, но не спеши, или может плохо закончиться.

Боль была последним, что я запомнил, она же была первым, что встретило меня по возвращении в сознание. Очнулся я лежащим в небольшой каменной камере, лицом

уткнувшись в холодный камень и вездесущее проклятое сено. Я был не единственным обитателем этих шикарных апартаментов, в углу сидел парень лет двадцати пяти на вид, с короткой стрижкой, и открытым лицом выражавшим простодушное удивление. Совершенно неподходящее выражение лица для того мрачного места, в котором мы оказались. Он сидел подтянув колени и положив на них руки, глядя на то, как я ворочаюсь, приходя в себя. Я пошевелился, и тут же пожалел об этом, левая сторона груди нестерпимо болела. А если ты как-то пошевелишься, двинешь рукой или лопаткой, от боли слезы брызгали фонтаном. Я, постанывая, приподнялся и дополз на одной руке до стены, стараясь вообще не беспокоить лишней раз место куда поставили печать.

Отогнув край разорванной накидки, я посмотрел на рану, вокруг обугленной плоти все опухло и покраснело. Эти мудаки даже и не подумали, как то обработать рану, просто прижгли раскаленным железом клеймо и вылили сверху ту мерзкую шипящую черную гадость. Парень увидев клеймо смертника выпучил глаза ничего не говоря, лишь подобрался еще больше. А мне было плевать на его опасения, я кроме разрывающей меня боли, ни о чем думать не мог. Судя по маленькому узкому окошку шириной с ладонь, больше похожему на бойницу расположенному возле потолка, содержали нас в самом замке. Чтобы далеко не ходить за мясом во время выступлений. Был еще день, но небо уже начинало краснеть, приближаясь к закату. Полночь еще не вернулась и я продолжал надеяться, что все получится, и меня не бросят одного бороться за свою жизнь, сражаясь на арене ради увеселительной программы. Я даже думать не хотел о том, как я смогу выступать на арене с такой раной, мне доползти до стены было трудно, а про поднять меч левой рукой и речи не могло быть. Так что шипя сквозь зубы от боли, я пристроил по удобнее руку в том положении, в котором я меньше всего ее беспокоил, и тоже подобрав под себя колени, я сел у стены и стал ждать.

Время тянулось как назло слишком медленно, давая мне насладиться всем спектром боли. Уснуть в таком состоянии было решительно невозможно без снотворного, что вырубило бы меня сразу. Но никто не дал бы мне лекарство. Заранее списанному мясу не дают лекарство. Уже стемнело, сменились надзиратели, и во дворе слышно было цоканье подкованных лошадей запряженных в дорогие кареты, приветливые и радостные возгласы и смех прибывающих гостей на очередное развлечение. Спустя несколько часов, загрохотали ключами надзиратели, уводя по одному смертников, что содержались в камерах по соседству. Пришли и в нашу камеру, забрав парня и больше я его не видел, вот и все, я даже не знал, как его зовут и как звучал его голос. Но главное, что меня пока не тронули, я так и продолжал сидеть кучкой в углу, подобрав под себя ноги, кормить меня никто и не подумал. Единственное, что было мне доступно, это ведро с застоявшейся водой. Уже под утро, мне в камеру привели вместо парня крепко сбитого лысого мужика с широкой квадратной челюстью, и принесли ему поднос полный еды и кувшин вина. Видно это был победитель сегодняшней ночи. Он взглянув на небольшого паренька забившегося в угол, усмехнулся в мерзкой улыбке превосходства, чавкая жрал свою еду и выпив вина уснул посередине камеры. Он лежал на спине и храпел, как умирающий бык, прерываясь лишь для того, чтобы напердеть так громко, что пол под ним вибрировал.

— Гребаная свинья, — выругался я, зажимая нос. — Мне нужна собственная клетка.

— ...Я редко жалею, что не нуждаюсь в воздухе, а в данный момент и подавно...

Из мрака в другом конце клетки появился силуэт девушки сотканной из теней.

— Полночь! Наконец то, где ты была?

— ...Крикнул он достаточно громко, чтобы разбудить мертвых...

— Храп этого громалы все заглушает, если никто не проснулся от него, то их уже ничто не разбудит. Я волновался, зараза ты!

— ...Прости...

Так где ты была?

— ...О, да так, прогулялась до театра, немного побаловала себя вином и мальчиками, все как обычно...

— погоди, тебе запрещается язвить! Тебя не было почти сутки! Умоляю, скажи, что все получилось.

— ...Прости Дарий, но боюсь что все сказанное Бранкати правда. Донна Леона сожгла твою записку и продолжила пить кофе, перебирая почту, но я рассказала это Карлотте, и с ней был Клето, он тоже меня видел, у меня не было времени ее сторожить в одиночестве, к тому же ему тоже будет полезно знать...

Я ничего не ответил, прислонившись затылком к прохладному камню стен, судорожно обдумывая варианты действий. Их практически не было, всего два варианта, которые исключали смерть. Или принять предложение черного барона, и служить ему до конца дней связанный клятвой на крови. Или попытаться бежать, второй вариант был предпочтительней, но гораздо труднее осуществим, ибо я не знал когда вернется Бранкати, а значит время поджимало. С учетом того, что мне просто надо было умудриться выжить на арене, а с новым украшением это было проблематично.

— ...О чем думаешь? ...

— О том как выжить.

— ...Не переживай, мы всех убьем и обязательно сбежим, я тут побродила немного пока тебя искала, через строящуюся башню вполне возможно сбежать...

— Ты конечно права, но тут появился неучтенный фактор. Криус наградил меня новым украшением, и теперь я не знаю, как смогу сражаться на арене. Я отогнул край туники, показывая уродливое выжженное клеймо под ключицей. — Я пошевелиться не могу нормально, про то, чтобы нормально сражаться не может быть и речи. И сомневаюсь, что мне дадут время на то чтобы все зажило.

Полночь присела рядом на корточки, пытаюсь дотронуться пальцем до обугленной раны. Ее прикосновение было словно холодный ветерок на истерзанную плоть.

— ... Не переживай Дарий, мы обязательно выберемся, вот увидишь и отомстим этому старому ублюдку, что тебя искалечил, может тебе что-нибудь принести? ...

— Поищи у надзирателей, у них должно быть какое-нибудь лекарство для обработки ран. Может что-нибудь найдешь.

— ...Хорошо, я сейчас, я мигом... Полночь растворилась, превратившись в кляксу из теней, что на фоне стоящего мрака в помещении, было совершенно не заметно, и выскользнула из клетки.

Вернулась она достаточно быстро, принесла с собой небольшой глиняный горшочек, на дне которого были остатки уже подсыхающей мази. Но все равно это было спасение от мучившей меня боли, обильно намазав клеймо жирной мазью, я наконец почувствовал облегчение. Приятный холодок глушил основную часть боли, и я смог задремать, провалившись под утро в беспокойный сон на краю сознания.

Проснулся я от того, что надзиратели совершали обход заключенных. Они вместе с рабами ходили по камерам, проверяя, все ли на месте и все ли живы. А рабы меняли отхожие

ведра, и убирались в камерах, которые освободились от постояльцев за ночь. Полночи рядом не было, ее где-то носило, скорее всего разведывает окрестности. Надзиратели никого особо не будили, им было плевать на всех заключенных. Тут редко кто задерживался надолго. Тут не кормили в принципе, хочешь есть, заработай еду на арене. Я так и сидел забившись в уголок, пока не проснулся мой сосед. Он сел на пол, почесавшись и взглянув безразличным взглядом, и пошел помочиться в ведро, прямо перед надзирателями. Естественно он половину нассал мимо, а скорее всего это было сделано специально, под грозные крики и проклятья стражников. Но смертникам плевать на угрозы, что может тебя напугать больше чем осознание того факта, что следующая ночь станет для тебя последней. Но главное он не трогал меня и ладно. Полночь вернулась почти в обед, завалив ворохом новостей. Это егоза облазила почти все помещения и недостроенную башню, успела стянуть ключи от некоторых решеток, и спрятать их. Я лишь сидел молча, стараясь меньше тревожить искалеченную грудь. После мази было значительно полегче, начала спадать краснота, но все равно все сильно болело, но я хотя бы мог пошевелиться.

Так и прошел день, и видно Криус решил, что я достаточно отдохнул и после того как ночью забрали из камеры моего соседа, через час пришли за мной. Меня посадили уже в уже знакомую клетку, я слушал через перегородки крики и брань пьяной толпы, требовавшей крови. Когда пришел этот урод Криус, усмехнувшись при виде моего мрачного лица.

— Что такое щеночек, не хочешь больше заключать соглашение?

Я лишь молчал, даже несмотря на него. Смысла разговоров не было, я в лучшем случае лишь услышу новые издевательства и насмешки, в худшем, он снова устроит какую-нибудь пакость. Он потоптавшись возле клетки и поняв, что ответа не получит, снова усмехнулся и ушел в подсобные помещения. Меня вытолкали минут через двадцать, четвертым по счету на арену. До этого мы все лишь смотрели, как рабы назад затаскивают вперед ногами трупы, что выходили сами пару минут назад, полные жизни и надежд, со своими мечтами и страхами.

И выйдя на забрызганный кровью песок арены Пандемониума, сжимая такой же убитый и поцарапанный гладиус, как и в первый раз, я уставился на расхаживающего по своему краю и раззадоривающему алчущую крови и пьяную в стельку публику, моего соседа по камере. А он лишь хмыкнул, увидев угрюмого, сторбившегося подростка, держащего меч. Того самого, который сидел тихой мышкой, забившись в угол его камеры. И пока распорядитель раззадоривал уже порядком набравшихся гостей, которые увидев бойцов начали кричать, стонать и орать бессвязный бред от неспособности уже соображать из-за алкоголя. Мужик видно уже заслуженно принимал все эти крики на свой счет, расхаживал взад-вперед, поднимая руки и подбадривая гостей, он явно умел вести дела с публикой. А у меня не было настроения разыгрывать лживые выступления. Я лишь молча смотрел на него исподлобья, ожидая начала боя. И когда все ставки были сделаны, и прозвучал гонг, ознаменовавший начало боя. Он не спеша пошел на меня, сказав.

— Не дергайся парень, все будет быстро и почти не больно.

Я и делал как он велел, стоял на месте молча ожидая пока он подойдет. И придя в движение лишь когда он подошел и замахнулся мечом. Бить он явно умел, было сразу видно, что его обучали, это был не простой зарвавшийся бандит с темных переулков нижнего города. Таких ребят я уже могу сразу отличить, лишь взглянув один раз на человека. Но он видел перед собой лишь подростка, небольшого угрюмого подростка, который сутки сидел с ним в камере даже не пикнув, забившись в угол и обхватив свои колени. И когда я пропустил

его меч пригнувшись в сторону, пнув его в колено, лишь тошнотворный хруст был мне наградой, затем замахнулся в ответном выпаде. Я метил в шею, стараясь закончить все быстро, но вскрикнув от боли от вывернутого в обратную сторону колена, он сумел перебороть себя, через боль сумел извернуться и отразить выпад. Так что я лишь чиркнул его возле ключицы. Он так и упал на песок арены уходя от атаки, сжал зубы от боли, с огромным удивлением смотря на меня. Он судорожно пополз назад, стараясь не выронить меч и одной рукой как то вправить сломанный сустав.

Но это уже был приговор, с такими увечьями не выживают в собачьих боях, только не в Пандемониуме, где пьяная от крови и алкоголя публика не знает жалости. Они хотят лишь выиграть ставки, жизнь искалеченного человека в бойцовой яме, для них стоит меньше медяка. Отсюда может выйти только один, а он не может даже нормально стоять. Тут же послышались насмешки и оскорбления, это кричали те же самые люди, что пару мгновений его подбадривали. Но больше всего насмешек полетело в стоящего среди гостей немного полного мужчину, скорчившего презрительную гримасу. Оказалось, это был один из самых известных ланиста Райлегга, дон Карпато. Именно его эсседарии выступали на Играх — близнецы Альда и Арриго, погибшие в попытке выиграть гонку. А мужик напротив меня со сломанным коленом был одним из гладиаторов, которых он привел для выступлений. И тот взгляд, которым он одарил своего бойца, ничего хорошего ему не обещал. Но для меня это было абсолютно без разницы, мне нужно было заканчивать и я просто швырнул меч в лежачего противника, он вошел ему в грудь наполовину длины. Это не честные сражения, это бои без правил, кровавые и жестокие. А подходить к нему было слишком рискованно, загнанный и раненый зверь способен на все, мне ли этого не знать. И подождав пару мгновений пока он затихнет. Я забрал свой меч и поднял его вторым оружием. В этот вечер я отправил в объятия Всепожирающей еще восьмерых, кровожадные ублюдки на балконе не знали жалости, требуя смертей и крови. Среди бойцов был еще один воспитанник школы гладиаторов, но он был заметно слабее моего бывшего соседа. Да, их тоже обучали сражаться, но сражаться эффектно, на потеху публике, а меня обучали убивать, эффективно и быстро.

Чтобы сразу и наповал.

Так продолжилось на следующий день, и на следующий, прошло уже три недели. Я кривлялся и кланялся развлекая гостей. Исполняя заказы, раздавая комплименты дамам, и восхваляя их кавалеров. А приходя в свою камеру от ярости колотил стену, разбивая в кровь кулаки, проклиная их же. Полночь уже все разведала, украла целую кучу всяких предметов, начиная от ключей заканчивая оружием, все что могло теоретически пригодиться, пряча их по всем углам. Потом проверяя, не нашел ли кто ее заначки, зачастую забывая где именно она спрятала то или иное. Но это был как замкнутый круг, проклятый круг наполненный кровью, смертью и страданиями. Я откровенно уже нервничал, время неумолимо шло, и когда именно вернется черный барон было неизвестно. А меня неизменно каждую ночь выводили на арену. У меня появились даже почитатели, выигрывавшие кучу денег на ставках, и откровенных недоброжелателей из числа тех, кто проигрался в пух и прах. Но я не мог сбежать, днем было просто не реально, а ночью я выступал. И уже отчаявшись, я решил немного изменить правила игры, ну и заодно немного поднасрать Криусу.

Дождавшись выходных, когда полный аншлаг и набивается просто куча народу. Я со скучающей и виноватой физиономией вышел на арену. Выслушав пьяные возгласы, я вместо постоянных забав и заказов, извинился перед всеми поклонившись.

— Дорогая и горячо любимая, самая благодарная публика, я несравненно рад вас всех лицезреть снова. Но я вынужден вас огорчить. Мне запретили выполнять заказы, наш распорядитель в отсутствие хозяина, возомнил себя самым важным человеком, и решил, что дорогая публика слишком много жрет и слишком мало тратит денег. Он так и сказал, так что прошу прощения за вынужденные неудобства, искренне ваш неизменный слуга. И снова поклон до земли.

Шоковое молчание мне было ответом, под тихое хихиканье из тени.

Я прям видел, как Криус икнул вылупившись на меня из решетки напротив. Его круглые глаза и встопорщенная борода, из-за открывшегося от столь наглой лжи рта. Но проблема в том, что хозяина замка действительно не было, а он всего лишь слуга, да, старый и верный, да, наделенный властью, но слуга. Но в этом мире слуги это всего лишь мебель, а мебель не имеет права оскорблять господ. А сварливый и резкий характер Криуса был всем слишком хорошо известен, его поэтому и не ставили общаться с гостями. Тем более это не было ложью, он частенько ходил бурча себе под нос, что эти жирные и жадные ублюдки слишком мало тратят, и слишком много жрут. Но одно дело сказать это себе под нос, другое во всеуслышание, пьяной в стельку и пришедшей за кровью костеродной публикой, которая сама по себе слишком высокого мнения о себе. А успокоить разбушевавшихся гостей в отсутствие хозяина было крайне сложно.

Рисковал ли я, несомненно, меня могла просто расстрелять из арбалетов стража. Но я последние недели только и делал, что втирался в доверие к гостям, раздавая льстивые комплименты и поклоны, исполняя их желания. Да и многим нравилось, как небольшой с виду паренек кромсает здоровенных головорезов на части. Что тут началось, крики, ругань и проклятья посыпались бурным потоком. Половина требовала притащить наглого слугу в яму, половина достав шпаги пошла сама искать старого распорядителя, даже не разобравшись. Мне лишь нужно было чтобы про меня забыли на несколько часов, что собственно и произошло. Меня быстренько затолкали дубинками обратно в камеру, пообещав с мрачным видом, что я обязательно отвечу за то что сделал. Стража захлопнула камеру и побежала успокаивать разбушевавшихся гостей. А у меня все давно было готово, Полночь даже одежду сперла. Ключи от камеры и от двери в комнату надзирателей, отмычки, оружие, веревка, все было наготове. Не было лишь времени и возможности.

Разгоряченные гости решили помахать мечами, и пока поднимали стражу, и тех кто сможет их успокоить, поднялся нешуточный гвалт. По всему замку кто-то бегал, я выждав пару минут пока уйдет стража, сразу же открыл отмычками камеру. И выскользнув из своей камеры, я побежал за Полночью к следующей двери, где она спрятала оружие и одежду обслуги. Переодевшись в пыльном пяточке, который иногда использовали как склад в светло-серую одежду слуг и напялив дебильную шапочку, чтобы спрятать отросшую косму грязных волос. Я взял помойное ведро и швабру, и смотря под ноги, постоянно извиняясь и пропуская бегающих людей, я не спеша прошел пару этажей.

Я уже был на втором этаже, проходя как раз возле поворота в помещение где мне

поставили это проклятое клеймо. Как за приоткрытой дверью услышал обильный поток ругани, проклятий и обещаний, посылаемых на мою бедную голову. Не узнать голос долбанного Криуса я не мог, этот старый урод спрятался от разбушевавшихся гостей. Он был там не один, а с мужиком в фартуке, что ставил мне клеймо, он судя по всему готовил инструменты и уже разжег угли положив на них прут. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, для кого именно готовят пыточные инструменты. Сзади послышались слитный топот тяжелых сапог стражи, я склонив голову, и взяв перед собой вонючее ведро с отходами встал у стеночки, пропуская выбегающих надзирателей. Они сморщились и оттолкнули меня еще дальше, сказав, что избыют если буду мешаться под ногами. По-хорошему мне нужно было спокойно идти дальше вниз, но так сложились звезды. Криус был рядом, и так же рядом было раскаленное клеймо, что мне поставили. И не зайти в гости чтобы попроситься, было попросту невежливо. Так что сгорбившись еще больше, достав из ведра кинжал и натянув чуть ли на глаза шапочку, что носили слуги. Я зашел в пыточную, и прикрыл за собой дверь.

— Ппппростите господин, меня ппппослали чттобы уббббратть ггрязь.

Мужик в фартуке даже не обернулся, занимаясь своим делом. А старый хрыч решил сорвать злость на первом попавшемся. Он схватив хлыст со стола уже было замахнулся как увидел мое лицо. Его физиономия вытянулась от узнавания источника всех его проблем.

— Тыыыыыы!

Я не стал ждать, а подскочил к нему от души врезав в основание челюсти, так что его худая голова резко мотнулась в сторону и он осел мешком на пол. На звук удара обернулся пыточных дел мастер недоуменно посмотрев, и захрипел схватившись за распоротое горло. Он меня не интересовал, но оставлять его в живых было очень неразумно. Закрыв на ключ дверь, я усадил Криуса на стул, зафиксировав его зажимами и затолкал ему в рот грязную вонючую тряпку из моего ведра с испражнениями, чтобы он не орал на весь замок. Я плеснул ему в лицо воды, приводя в чувство.

— Ну что Криус? Новое соглашение? Ах, да, я совершенно забыл, ты же не заключаешь соглашения с животными. Я ведь тебе старой сволочи предлагал по-хорошему, но ты падла поставил мне эту гадость. Так что не жалуйся, зуб за зуб.

— Мфгггмлфггг!

— Да, ты прав. Теперь и у тебя будет такое же украшение. Но только чтобы его все видели. Он забился на стуле сверкая глазищами и мыча в тряпку. А я лишь взял раскаленный прут и схватив его за голову, поставил ему на щеку такое же клеймо. Потянуло паленым мясом и волосами с его бороды. Он начал брыкаться так, что еще чуть-чуть и сломает себе конечности о зажимы.

— Ну-ну, еще не все Криус, только половина. Осталось та мерзкая черная дрянь, уверен тебе понравится, ощущение будто сотни червей прогрызают тебя насквозь. Схватив чашку с черной мерзостью я вылил все ему на щеку. Он мычал на одной тональности и брыкался, натурально выламывая себе руку. Но в конце концов и его тоже покинуло сознание, он повис безвольной куклой на прикованном стуле.

Счастливо оставаться, старый мудака.

Выждав пока пройдет караул возвращающийся со двора, я прикрыл дверь и закрыл ее на ключ, пусть посидит пока, подумает над новыми перспективами. Я спустился вниз по лестнице и застал картину, как надзиратели вежливо насколько это было возможно, но настойчиво запихивают в карету перепившего костеродного, в разодранном колете, который

отчаянно бранился и грозился что перевешивает всех. Что он родственник Бранкати и им обязательно не поздоровиться, половина двора делала вид, что занята делами, наблюдая невиданную картину, когда раздался тревожный перезвон колокола. Видно нашли мою пустую камеру. Но тут до сих пор успокаивали костеродных, которых по очередности запикивали назад в кареты, так что все подумали, что опять один из разбушевавшихся гостей буянит. И у меня есть еще немного времени, пока не выяснят что сбежал опасный убийца, отсчет пошел на секунды. Мне на счастье по стеночке шли рабы неся инструмент, исподтишка боковым зрением глаза на бесплатное представление, при чем шли они как раз в сторону недостроенной башни. К ним то я и пристроился сзади, стража стоявшая на выходе, пропустила даже не посмотрев на прошедших гуськом четверых людей. Рабы с инструментом прошли дальше, а я нырнул в черный зев строящегося здания.

Тут уже сигнальный колокол начал трезвонить и на воротах, их спешно перекрывали, оставив маленькую калитку, в черном замке поднимали гарнизон. Всех ставили в копье и стража начала бегать с факелами как ужаленная туда-сюда, пока еще плохо понимая кого именно им нужно ловить, и пьяные возгласы возмущения костеродных потонули в тревожных перезвонах колоколов. А значит и мне нужно поторапливаться, потому что если я попадусь, та первая ночь пыток покажется мне курортом.

Я бежал по лестнице наверх прося помощи у Всепожирающей. Именно к ней я обращался ежедневно последние недели в своих мольбах, а также прося быть милостивой с несчастными, которых я к ней отправил. Ее супруг был глух к моим просьбам, а во тьме душных казематов ни разу не видевших солнечного света и залитых кровью песках арены, именно Налира властвовала безраздельно.

Ступени лестницы из голого необработанного дерева были засыпаны известковой пылью, осколками кладки и различным строительным мусором, который в изобилии валялся на этажах. Я буквально взлетел на четвертый этаж следуя за скользящим впереди пятном из теней. Полночь все уже облазила вдоль и поперек и уверенно вела меня к люку ведущему на крышу. Но вот в чем проблема, он был на высоте в три ярда. И мне пришлось срочно искать на что я мог встать, через две комнаты я нашел стол, который использовали как приставку. И запинаясь о камни и мусор, стараясь шуметь как можно меньше, я поволок его к люку. Выбив палкой люк, я привязал к ведру с инструментами кусок веревки спрятанной неподалеку, и обмотав второй конец веревки вокруг пояса я подпрыгнул и зацепился за край люка. Подтянувшись и втянув нужные мне инструменты, я закрыл люк и заблокировал его как мог. Надо мной нависал изогнутый купол крыши, и все что меня сейчас отделяло от вожденной свободы, это были балки перекрытия крыши. Они не были сплошные, но тем не менее тот просвет, что был между ними, не позволял протиснуться. Нужно было расширить, так что схватив пилу из ведра, я начал судорожно пилить. Это не заняло много времени, но для меня это время тянулось вечность, я постоянно прислушивался к любым звукам. Но именно тут все было пока тихо, и похоже мои мольбы были услышаны. Ибо через просвет было прекрасно видно ночное небо.

Налира судя по всему решила помочь мне как могла, прикрыв свое око, заливавшее землю серебряным светом. Кучевые облака объединившись единым фронтом напозлали по горизонту на луну, сокрыв ее взор от нас, подарив мне спасительную обволакивающую мглу. Наконец пропилив последний кусок стропила, я высунул голову наружу и убедился, что отверстие находится на дне конусообразного желоба. Лежа в этом желобе, я не буду видеть дозорных на башнях, а значит и они не увидят меня. Я обмотал конец веревки за основание

балки и скинув вниз второй конец, словно змея я попытался протиснуться в небольшое отверстие в крыше, со стороны внешней стены. Но я зацепился робой за край пропиленной доски и немного застрял, дернувшись пару раз, я разорвал робу и неплохо ободрал плечо. Но я совершенно не чувствовал боли, у меня был дикий всплеск адреналина, который глушил все. И наконец выбравшись из дырки, я оказался в небольшом желобе, служившем водостоком для дождевой воды. Я был между двумя обзорными вышками, что справа, что слева. Стража пыталась рассмотреть в ночной мгле хоть что-нибудь, перекрикиваясь с отрядами на земле. Но они все смотрели куда угодно, только не на уровне их глаз, только не за стену. Да и, честно говоря, в сплошной ночной тьме, при свете факела, сложно увидеть вжавшуюся в крышу фигуру, едва выступающую из водостока.

Извиваясь как червяк, я прополз по желобу до зубчатой тюремной стены, встав на колени, посмотрел вниз. Часовые на вышке вполне могли увидеть меня сейчас, но они не глядели в эту сторону. Человеческая психология превращала этот участок в слепое пятно. Дозорные не обращали на него никакого внимания, потому что и представить себе не могли, что кто-нибудь из заключенных настолько обнаглел, чтобы перелезть через переднюю стену, судя по всему они все смотрели во внутренний двор, считая, что я попытаюсь покинуть замковую стену с одним из костеродных. И судя по возмущенным крикам одного пьяного представителя высшего сословия, надзиратели сейчас досматривали его карету. Я перебрался через парапет и ухватился за веревку. Упираясь ногами в стену, я посмотрел на дозорную вышку слева от меня. Дозорный переругивался с кем-то снизу, в одной руке держа факел и жестикулируя свободной рукой. На плече у него висел арбалет. Посмотрев направо, увидел ту же картину. Дозорный с арбалетом кому-то кричит во дворе. Если бы хоть один из этих болванов сейчас взглянул на стену, он бы точно увидел меня, но я был человеком-невидимкой. Я стоял прямо на стене самой большой, грозной и мрачной тюрьмы в этом королевстве и был невидим. И оттолкнувшись ногами, я начал спускаться. Но из-за бешеного адреналина мои руки были потными, веревка выскользнула из рук и я начал падать, Стена была очень высокой, и, приземлившись, я, скорее всего, разбился бы насмерть. А если бы и выжил, точно переломал себе бы все кости, и уже никуда не смог бы уйти.

Я сделал отчаянную попытку ухватиться за веревку, и это мне удалось. Я проскользил вниз, и руки буквально огнем обожгло, кожу с ладоней сорвало начисто, но меня это не волновало совершенно. Спуск мой стал медленнее, и наконец я ступил ногами на землю. Я был на свободе.

Я не могу передать словами, то чувство, тот пьянящий воздух, свежий морской запах свободы, который принес озорной ветерок с залива. Я вдохнул полной грудью с закрытыми глазами этот пьянящий аромат. Стоя на влажной земле за крепостной стеной, я чувствовал, что прямо подо мной было большое и старое кладбище, это была братская могила безымянных бедолаг, большой ров, куда скидывали трупы погибших в черном замке. Под сердцем снова заворочался тот огонек, что чуть не спалил его в казематах в первый раз. Даже теперь, не погружаясь, я слышал их слитный шепот, сводящий с ума. Чей-то совсем тихий и неразборчивый, а чей-то отчетливо различимый. Их гнев и ярость. Или у мертвых не остается больше ничего кроме гнева, или я просто не могу разобрать. Но этот яростный шепот буквально сводит с ума.

— А теперь ты их слышишь?

— ...Теперь да, но у нас нет на это времени, если не поторопишься, то мы скоро с ними познакомимся гораздо ближе чем хотелось бы, а я еще слишком молода и красива, чтобы так

бесславно погибать, тем более после дерзкого побега из тюрьмы...

— Ты как всегда права, о моя молодая и саркастичная красотка.

После душных камер казематов и пыльных клеток с застоялым запахом страданий и прелого проклятого сена, у меня натурально закружилась голова от свежего бриза дувшего с залива. Или это было от внезапно открывшихся перспектив и возможностей. Но так или иначе Полночь была абсолютно права, и я оглянувшись на ближайшие сторожевые башни выпирающие из крепостной стены, убедившись, что меня никто не видит. Побежал так быстро, как только мог, стараясь больше не смотреть на проклятый черный замок, поставивший мне уродливое клеймо как на тело, так и на душу. Я перепрыгивал через валуны и ямы, стараясь, скрыться как можно дальше, и вознося молитву благодарности Всепожирательной. Она надежно скрыла меня от зорких глаз дозорных, в уютной и обволакивающей ночной тьме.

Я видел каждый камешек, каждую кочку и яму, что были в изобилии раскиданы по склону холма, на котором и возвышался над городом мрачной и чудовищной громадой черный замок. Внизу по дороге были раскиданы гарнизонные башни, и мне пришлось давать крюк в сторону залива, стараясь обогнуть их всех, чтобы ненароком не встретиться с отрядами патрулирующими дороги. Я буквально летел над землей на крыльях надежды, наперегонки с ветром, он казалось смеялся, сопровождая маленького и слабого человечка, подталкивал в спину играя в волосах и подбадривая, именно так взрослые подбадривают маленьких детей, делающих первые и неуклюжие шаги. А я был рад и улыбался от уха до уха, слушая этот игривый свист ветра в ушах. Я бежал так быстро, как только мог, пытаюсь сохранить дыхание. Рассекая ночную прохладу грудью, пытаюсь как можно дальше уйти по дуге вдоль пригорода. Мне сейчас нельзя было встречаться с людьми, тем более с людьми Бранкати, роба тюремного слуги и выжженное клеймо особо опасного субъекта, просто орали в голос, что я беглый заключенный. Мне нужна была одежда, и сменить ее было проще всего в нижнем городе или портовой зоне. С этой стороны трущоб не было, тут раскинулся пригород, ведь Наместник не любил смотреть на сборище нищих бедолаг. А значит и стражи тут в десятки раз больше. Я планировал выйти вдоль побережья в портовую зону, там, во всяком случае были рыбацкие хижины. И на крайний случай я стащу себе какую-нибудь хламиду там, все лучше, чем в тюремной робе, слишком опасно было попадаться на глаза в таком виде. Я летел над землей, размышляя как бы незаметнее пробраться в город, когда снизу отозвались тени.

— ...Так куда мы теперь? ...

— В нижний город.

— ... Ненавижу нижний город...

— Твои возражения приняты к сведенью, но нам нужно закончить неотложные дела, нужно поговорить по душам с главой семьи, частью которой мы больше не являемся. Мне кажется, теперь уже она нам кое-что задолжала.

— ...Она никогда мне не нравилась, слишком самоуверенная...

— Тогда у нас есть лишний повод зайти к ней в гости.

Тени улыбнулись и я оскалился в улыбке, я был зол и решительно настроен. Предателей нигде не любят, а в криминальном мире особенно. Я бежал еще пару часов сначала до побережья, потом крался через сонные развалюхи рыбаков, которые уже начинали просыпаться, они всегда вставали до рассвета и с первыми лучами солнца они уже уплывали на своих утлых суденышках на тяжелую и изнурительную работу, за которую получали сущие

копейки. Я стянул возле одного из кривых сарайчиков, где жили рыбаки, старую и грубую, уже не раз штопанную объёмную хламиду с капюшоном, которую вывесили для просушки. Натянув ее на голое тело, спрятав рубашку тюремной робы под каким-то камнем чуть дальше рыбацкого поселка. Еще было темно, но скоро небо уже начнёт светлеть окрашивая небо алым, когда я проскользнул в портовую зону, как остро отточенный нож сквозь ребра, натянув объёмный капюшон на голову и смешавшись с толпой нищих бедолаг, живших на улице. Ночь на удивление была тихой, теплой и прозрачной. Кучевые облака неспешно отползали, открывая бесконечную звездную россыпь, которая складывалась в строки из множества мокрых и дрожащих звезд над заливом, начиная новую страницу моей жизни, казалось она начиналась прямо из морских волн на предрассветном горизонте; серебристо-желтый свет горбатой луны накрывал кольшущееся море покрывалом мишурных блесток.

Ведь все только начиналось.

Больше книг на сайте - Knigoed.net